БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики

СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
(Чебоксары, 26 августа 2026 г.)

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 08
ББК 94.3
С83

Рекомендовано к публикации на основании приказа Чувашского государственного института культуры и искусств Минкультуры Чувашии №01-01-05/130 от 11.08.2026

Рецензенты: **Васильев Федор Петрович**, д-р юрид. наук, доцент ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», член Российской академии юридических наук
Радина Оксана Ивановна, д-р экон. наук, профессор филиала ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске

Редакционная коллегия: **Фомин Эдуард Валентинович**, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии

С83 **Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты** : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 авг. 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – 474 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908172-26-4

В сборнике представлены статьи участников II Всероссийской научно-практической конференции. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области.

Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы.

Статьи представлены в авторской редакции.

Минимальные системные требования:

PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 08
ББК 94.3

© БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, 2026
© Издательский дом «Среда», оформление, 2026

ISBN 978-5-908172-26-4
DOI 10.31483/a-10921

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии представляет сборник материалов по итогам II Всероссийской научно-практической конференции **«Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты»**.

В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Современные тенденции развития мирового сообщества.
2. Общие вопросы экономических наук.
3. Социально-экономические процессы в обществе.
4. Вопросы социально-экономической эффективности предприятий.
5. Проблемы социализации и профессионального становления личности.
6. Актуальные вопросы юриспруденции.
7. Правовые проблемы развития российской государственности.

Авторский коллектив сборника представлен широкой географией: городами России (Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Владивосток, Владимир, Вологда, Екатеринбург, Ессентуки, Казань, Калининград, Карачаевск, Краснодар, Красноярск, Магадан, Нижний Новгород, Новочебоксарск, Оренбург, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Симферополь, Смоленск, Сочи, Ставрополь, Тула, Хабаровск, Чебоксары, Ярославль).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, Академия труда и социальных отношений, Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного Министерства обороны Российской Федерации, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), университеты и институты России (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Ессентукский институт управления, бизнеса и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Карачаево-

Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, МИРЭА – Российский технологический университет, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский инновационный университет, Московский педагогический государственный университет, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижневартовский государственный университет, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко, Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российский государственный социальный университет, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростовский юридический институт МВД России, Самарский юридический институт ФСИН России, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Северо-Восточный государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Смоленский государственный университет, Тихоокеанский государственный университет, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Университет прокуратуры Российской Федерации, Уральский государственный университет путей сообщения, Уральский государственный экономический университет, Уральский федеральный университет им. первого Президента

России Б.Н. Ельцина, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели, аспиранты, магистры и магистранты, студенты.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, участие во II Всероссийской научно-практической конференции **«Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный институт
культуры и искусств» Минкультуры Чувашии
Э.В. Фомин

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Волков Г.Ю. Стратегический нефтяной резерв США как индикатор глобальной энергетической нестабильности: факторы, риски и прогнозы 12

Махов М.В. Инвестиционные риски на фондовом рынке в условиях санкционного давления: проблемы оценки и управления 17

Печнина Н.В., Воюш Л.Р. Культура безопасности труда как социальный феномен: влияние цифровизации рабочих мест на поведение человека и профилактику производственного травматизма 21

Серебряная С.М. Эволюция манипулятивного дизайна: от бумажных каталогов к правовому регулированию цифровых темных паттернов 27

Сметанкина Л.В. Духовная безопасность современного российского общества: факторы влияния 37

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Григорян А.Т. Оценка эффективности бюджетных расходов на здравоохранение в субъектах РФ: методы и показатели 46

Егиазарян М.В. Влияние санкций на экономическую безопасность РФ: анализ последствий и стратегии адаптации 50

Ермоленко В.Н. Продовольственная безопасность России: вызовы и пути укрепления в условиях импортозамещения 54

Кулажников В.В. Становление финансового контроля в России 59

Махов М.В. Оценка экономических рисков как инструмент обеспечения экономической безопасности 64

Папава М.О. Нейросети в прогнозировании макроэкономических показателей: точность, ограничения и этические аспекты 68

Стоян А.А. Адаптация режима партнерского финансирования к условиям российской финансовой системы 72

Церцеил Ю.С. Устойчивое и динамичное развитие малых и средних предприятий России: тенденции, перспективы 76

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Авакян А.А. Влияние цифровой экономики на рынок труда и трансформацию профессий: анализ трендов 81

Булатов И.Ш. Цифровые торговые платформы и пространственная доступность товаров: методический подход к оценке 85

Гапонова Н.С., Гапонова О.С. Конструируя будущее: эволюция проектного мышления и предпринимательства стиля жизни в современной социальной практике 98

Гогоберидзе З.М., Гогоберидзе Ф.Ю. Туризм и рекреация как фактор устойчивого социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики 106

Гутова С.Г., Ольховский А.В. Социокультурные практики молодежи как поиск идентичности 110

Калайджян М.А. Инвестиционная привлекательность регионов РФ: анализ факторов и методов оценки 118

Камасева Н.Н., Иванова Е.К. Краеведческая деятельность сельской библиотеки как фактор устойчивого развития межкультурного пространства региона 124

Мамонтова Ю.П., Радченко С.С., Каменская А.С. Цифровые технологии в системе инструментарных средств достижения национальных приоритетов в сфере культуры 130

Мкоян Г.О. О негативных социальных последствиях использования искусственного интеллекта 134

Панфилов И.А., Сметанин А.Э. Прогнозирование временных рядов для кадрового рынка 139

Первушина У.А. Инструменты мотивации персонала в контексте теории поколений 142

Плотников А.А. Современные социально-экономические процессы в России: проблемы, тенденции и направления развития 149

Похилько А.Д., Куприянова В.В., Силютина А.В. Оптимальное сочетание социокультурных традиций и мягких инноваций как условие устойчивого развития общества 154

Троянская М.А., Аяшева Е.В. Факторы развития муниципальных реформ в России 159

Черняева П.Д., Панченко В.Ю., Ступина А.А. Синтетические данные и доменная адаптация как фактор трансформации социально-экономических процессов в цифровом обществе 165

Широкова Е.А. Роль органов власти в формировании человеческого потенциала региона с позиции работы с молодежью 169

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Айрих Г.Е., Базарова Ф.А. Гиг-экономика и микрошеринг кадров как механизм преодоления дефицита линейного персонала в ресторанном бизнесе 174

Алескеров С.И. IPO как стресс-тест корпоративного управления, а не награда за прошлые успехи 185

Ерина Т.В., Нагуманова Р.В. Отражение цифровой валюты в отчетности российских хозяйствующих субъектов 195

Келеменян А.Г. Инновационная экономика: оценка эффективности государственной поддержки технологических стартапов в России 199

Кукарцева С.В., Соловьева Т.В., Прудкий А.С. Структурно-функциональное проектирование интеллектуальных IIoT-систем как фактор устойчивого развития цифровой экономики 203

Махов М.В. Риск-менеджмент в малом и среднем предпринимательстве в условиях экономической неопределённости 207

Милая А.В., Кузнецова А.К. Лидерство, способствующее инклюзии, и его влияние на командный результат 211

Олейникова О.О., Ступина А.А., Потапов Б.В. Графовые модели структурных зависимостей в цифровых двойниках как инструмент повышения социально-экономической эффективности предприятий 217

Олейникова О.О., Ткаченко Д.А., Кораблева Г.В., Прудкий А.С. Адаптивный энергоменеджмент на базе моделей онлайн-обучения как фактор социально-экономической эффективности предприятий 221

Слюняев Е.С., Орлов Е.В. Обеспечение вовлеченности человеческого капитала в инновационное развитие и решение задачи удержания персонала на примере ПАО «СИБУР Холдинг» 225

Ши Х. Методологические ограничения в стратегическом планировании устойчивого развития арктических газовых проектов и способы их преодоления 229

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Вершкова С.П. Музыкальная память как фактор профессионального становления музыканта 239

Гришина А.В., Тихоненко С.В., Гришина А.В. Мировоззрение Майи Плисецкой: влияние социальных аспектов жизни и творчества 246

Громов О.С. Проблемы и перспективы эффективной социализации молодежи в вузе 251

Дедов С.В. Развитие предпринимательской идентичности студента на основе ретроспективного анализа деловой активности 256

Ешкина Н.И. Специфика подготовки студентов к работе с детскими общественными объединениями, движениями и организациями 259

Кононенко Е.И. Насмотренность как инструмент развития художественного мышления в академическом рисунке 263

Кудинова Т.В. Интеграция очно-дистанционных форматов в инженерном образовании: теоретические и практические аспекты 267

Лазукова Э.К., Бородина В.Н. О проблеме тревожности у студенческой молодежи 271

Мухин П.Д. Формирование коммуникативных навыков у школьников в условиях цифровизации образовательного процесса 276

Мушкардин А.Э., Илларионова Л.В. Игровые методики как инструмент социализации подростков и продвижения чтения в современной библиотеке 282

Неронова Е.Ю., Новокшанова А.Л. Профессиональная социализация и становление инженера-технолога в интегрированной практико-ориентированной образовательной среде 290

Новикова Д.И., Рось А.Ю. Трансформация профессиональной мотивации и кризис удержания кадров в системе регионального образования: социокультурный и психоэмоциональный анализ (на примере Новгородской области) 297

Писарев В.А. Оценка готовности к трудовой деятельности учащихся старших классов: анализ результатов опроса 307

Рось А.Ю. Педагогические условия формирования гражданской идентичности у студентов педагогических направлений подготовки средствами физкультурно-спортивной деятельности 315

Симдянкина Ю.С. Трансформация ролевых позиций участников буллинга на этапе профессионального становления 319

Чернякова Н.С. Формирование общекультурной парадигмы как одна из задач системы образования 326

Яковлева Т.А., Илларионова Л.В. Формирование информационной культуры школьников в условиях цифровой образовательной среды 330

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Алескеров С.И., Андреева М.Д. Дело VK против Apple: санкционный комплаенс, юрисдикционные границы и проблема исполнимости судебных решений в отношении глобальных цифровых платформ 338

Викулова О.С. Актуальные вопросы проведения судебных экспертиз по цифровым аватарам, используемым в преступных целях 347

Гусейнов Р.Н. Сравнительно-правовой анализ регулирования цифровых ценных бумаг в России и зарубежных правопорядках 351

Кравцов В.В. Организация контроля и надзора в сфере обеспечения государственной тайны 356

Курманбаев М.М. Автор и ИИ: модель взаимодействия и границы авторской субъектности 362

Курманбаев М.М. Реформа системы жилищного надзора и контроля: проблемы и перспективы 368

Ланских В.В. Нормативно-правовое обеспечение изучения пассажиропотоков на городском общественном пассажирском транспорте КНР 374

Оголь В.Л., Муравьева А.И. Надлежащее извещение лиц, участвующих в деле, как гарантия реализации принципа состязательности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве 379

Оголь В.Л., Пеленицына М.В. Форма или содержание: недопустимость отмены правильного по существу решения суда по формальным основаниям 385

Олейникова О.О., Алмазова Е.С., Потапов Б.В., Кораблева Г.В. Правовые аспекты управления промышленными потоками данных в распределённых IIoT-архитектурах 390

Половцев И.Н. О правовом режиме капитального ремонта на объектах культурного наследия 393

Саркисян В.Г., Кочарьян С.К. Проблемы собирания и представления электронных доказательств в суд в гражданском процессе 399

Халимов Д.И. Основные направления повышения эффективности политики противодействия терроризму 404

Черняева П.Д., Панченко В.Ю., Кораблева Г.В. Правовые аспекты применения систем предиктивного видеомониторинга на базе компьютерного зрения 408

Шишкин А.Е. Федеральная миграционная служба: ретроспективный анализ деятельности 412

Шлянкина П.Г. Проблемы выявления латентных преступлений в УИС 417

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Абрамян С.К., Безверхова С.В. Проблемы применения института малозначительности в российском административном праве и перспективы его реформирования 421

Аведян А.А. Концепция сервисного государства в условиях цифровизации публичной власти 427

Дегтярев Д.Д. Перспективы развития цифрового правосудия в России 431

Елистратова К.А. Суверенитет языка и право: актуальные проблемы правового регулирования государственной языковой политики в Российской Федерации 438

Ивенский А.И. Проблемы правового регулирования получения вербальной информации в особом порядке, регламентированном главой 40 УПК РФ 446

Лаврентьев М.В., Хасин В.В. Елецкая земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних правонарушителей в конце XIX – начале XX века 450

Леканова Е.Е. Развитие вексельного права в России 454

Леканова Е.Е. Юридические символы как объекты уголовно-правовой охраны 458

Паевская С.Л. Механизм реализации и защиты избирательных прав граждан в России: проблемы и перспективы 462

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Волков Геннадий Юрьевич
кандидат экономических наук, канд. экон. наук, доцент
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НЕФТЯНОЙ РЕЗЕРВ США КАК ИНДИКАТОР ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ФАКТОРЫ, РИСКИ И ПРОГНОЗЫ

Аннотация: *в статье анализируется состояние и динамика стратегического нефтяного резерва США (SPR) в условиях глобальной нестабильности, военных конфликтов и трансформации энергетических рынков. Показано, что, несмотря на пропаганду «зелёной энергетики», западная экономика сохраняет определяющую зависимость от традиционных углеводородов. Выявлена тенденция к накоплению реальных запасов нефти американскими компаниями вместо заключения «бумажных» фьючерсных контрактов, что указывает на подготовку к серьёзным кризисным явлениям. Рассматривается связь между нефтяным кризисом и состоянием американского госдолга, а также роль Японии как крупнейшего держателя казначейских бумаг США. Делается вывод о невозможности восстановления докризисных показателей в долгосрочной перспективе и о необходимости нормализации отношений с Ираном и деэскалации конфликтов в ключевых регионах как условии минимизации негативных последствий.*

Ключевые слова: *стратегический нефтяной резерв США, SPR, глобальный энергетический рынок, нефтяной кризис, геополитические риски, логистическая безопасность, коммерческие запасы нефти, фьючерсные контракты, санкционное противостояние, мировая архитектура безопасности.*

Несмотря на активно поддерживаемую пропагандистскую компанию по структурированию модели зеленой энергетики, западный производственный комплекс сохраняет определяющую зависимость от традиционных сырьевых ресурсов – нефти и газа.

Учитывая тот факт, что данный вид сырья относится к невозобновляемым источникам энергии, правительства большинства стран, и, прежде всего США, рассматривают объем национальных сырьевых запасов в качестве важнейшей составляющей сохранения конкурентоспособности и занимаемых позиций в мировой архитектуре.

Регулярно публикуемые данные американского Стратегического нефтяного резерва (Strategic Petroleum Reserve, сокращенно SPR), созданного в 1975 г. по решению Конгресса США, после нефтяного кризиса 1973 г., позволяют оценивать перспективы минимизации топливно-энергетического кризиса и просчитывать варианты готовности к устранению его последствий. Важная деталь: ключевые объекты инфраструктуры проекта были рассчитаны на 25 лет, т.е. на сегодняшний день им исполнилось уже больше 40.

Согласно экспертным оценкам, при снижении значения показателя SPR, американские нефтяные компании начинают активно наращивать объемы стратегических запасов. В частности, по итогам летнего периода, было зафиксировано сокращение физического стратегического нефтяного резерва до 298,7 млн баррелей, что позволило аналитикам говорить о преодолении психологически важной отметки в 300 млн баррелей, и констатировать рекордно низкое значение показателя с 1983 г. Необходимо отметить тот факт, что заявленная номинальная вместимость американских хранилищ составляет примерно 714 млн баррелей, и согласно Акту об энергетической политике и энергосбережении (EPCA) резерв не может быть ниже 252,4 млн баррелей. Но в критической ситуации президент США имеет возможность издать отдельный исполнительный указ, отменяющий данное ограничение.

Особую обеспокоенность американской администрации вызывает сложившаяся ситуация, когда темпы ремонтных работ значительно отстают от намеченного графика, а поставки необходимого оборудования систематически задерживаются. Результат: согласно представленным данным, нефти в SPR хватит, чтобы провести лишь одно изъятие для нужд реального сектора. Еще одним важным моментом является то факт, что SPR помимо протекционистской играет еще и стабилизирующую роль в модели американской экономики, поскольку показатель величины накопленных объемов позволяет рыночным игрокам оценить реальную возможность системы адекватно реагировать на возникающие риски и кризисные ситуации.

Ярким примером может считаться поведение игроков в рамках современного кризиса на начальном этапе американо-израильской военной операции, когда для стабилизации цен группа нефтедобывающих государств договорилась о дополнительной «интервенции» ресурсов в 400 млн баррелей, 170 из которых пришлось на SPR. Аналитики сразу обратили внимание на данные, которые были опубликованы в данный период Управлением энергетической информации Министерства энергетики США, согласно которым коммерческие запасы нефти в США выросли на 17,4 млн баррелей, поднявшись до отметки в 424,4 млн. В то же время, показатели объемов американского импорта резко выросли (+7,3 млн баррелей в сутки) на фоне резкого падения объемов экспортных показателей, достигнув в итоге минимальных значений с ноября 2025 г.

В итоге, в силу ряда факторов, прежде всего из-за дефицита предложения, высокой загрузки переработки (до 96%), совокупности рисков и резкого роста сопутствующих расходов (прежде всего логистика, страховка), цена реальной нефти превысила стоимость «бумажной». Фактически, поставляемая в рамках сегодняшних поставок нефть, стоит значительно дороже будущих поставок. В конечном итоге можно говорить о том, что в условиях поступательного рискованного сокращения объемов государственных стратегических резервов, отмечается поступательный устойчивый рост объемов запасов американских нефтяных компаний. Вывод достаточно однозначен: накопление реальных запасов, а не упор на заключение «бумажных» фьючерсных контрактов крупными игроками однозначно указывает на подготовку к серьезным кризисным явлениям.

Рост международной напряженности и риск дальнейшей эскалации военных действий в Восточном регионе объективно требует пересмотра традиционных маршрутов глобальной транспортно-логистической системы, что негативно сказывается на стоимости морской перевозки. Увеличение тарифной ставки и стоимости страховки значительно повышает конечную стоимость транспортируемой продукции, что снижает объемы прибыли большинства игроков мирового сырьевого рынка. Если не минимизировать негативные риски прохода коммерческих судов в Баб-Эль-Мандебском и Ормузском проливах, то уже в краткосрочной перспективе стабилизировать рынок будет объективно невозможно в силу отсутствия необходимых объемов нефти. При этом любые бумажные гарантии

будущих поставок практически полностью обесценятся, что в свою очередь окажет негативное давление на рынок.

Ситуация напоминает тактику подготовки к будущим кризисам рядом Центробанков, которые в рамках превентивных антикризисных стратегий осуществляют активную скупку драгоценных металлов на протяжении нескольких прошедших лет. В частности, в рамках предложенной стратегии, американская администрация перешла к активной скупке венесуэльской нефти и украинских, гренландских, австралийских и армянских редкоземельных металлов. Интересный факт: по итогам июня 2026г, золото, впервые в истории, обошло казначейские бумаги США, заняв первую позицию в списке резервных активов.

Еще одним решающим фактором давления на американский рынок можно считать политику правительства Японии, Центробанк которой совместно с Минфином США прилагает максимум усилий для исключения риска обвала йены, а следовательно, и рынка американских облигаций, поскольку Япония выступает в качестве крупнейшего держателя. В ситуации, когда цена на нефть будет расти, давление на систему будет постоянно увеличиваться.

Согласно представленным компьютерно-аналитическим моделям, восстановить ситуацию до уровня докризисных показателей не представляется возможным даже в долгосрочной перспективе. Главной причиной аналитики называют конец «эпохи дешевых денег», что объективно спровоцирует ряд серьезных проблем для стран, с максимальными проблемами в сфере госдолга: Япония, Франция и Испания. Одновременно показатель доходности долговых бумаг Англии, США и Германии также приближается к рекордным значениям, без возможности затормозить данный процесс.

В итоге, как образно прогнозируют аналитики, перспектива представляет собой реальный вывод между «плохо» и «очень плохо»: или спасение финансовой системы ценой падения экономики или наращивание ликвидности и резкий рост инфляции как результат. При этом нефтяной кризис однозначно рассматривается в качестве разновекторного ускорителя данного процесса: удорожание логистики, снижение спроса в реальном секторе в силу роста цен, сокращение объемов производства и рост числа безработных, падение покупательской способности и т. д. Реальной возможностью минимизации обозначенных проблем могла бы стать нормализация отношений с Ираном и обстановки в Ормузском проливе и

снижение рисков морской перевозки, что позитивным образом сказалось бы на состоянии стратегического нефтяного резерва США, и величине американского госдолга. Кроме того, необходимо максимально исключить возможность эскалации в регионе Аденского залива и ряде других потенциально опасных с точки зрения военного противостояния регионов.

Однако реалии современной геополитики, прогнозные оценки развития военных конфликтов, стремление государств решить свои кризисные проблемы в условиях сохранения санкционного противостояния и т. д. постоянно отодвигают возможность реализации позитивных сценариев развития на все более отдаленную перспективу.

Список литературы

1. Коновалова М.Е. Развитие мирового рынка нефтепродуктов в условиях геополитической нестабильности / М.Е. Коновалова, С.А. Жиронкин // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2026. – №1(255). – С. 39–51. DOI 10.46554/1993-0453-2026-1-255-39-51. EDN GUDGIX

2. Онуфриева О.А. Мировая энергетика в эпоху фрагментации / О.А. Онуфриева // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2026. – №3(255). – С. 55–62. EDN FSXOYD

3. Соломонов А.П. Влияние новых факторов на потенциал и перспективы развития глобальной нефтепереработки / А.П. Соломонов // Экономика строительства. – 2026. – №2. – С. 49–51. EDN KVTJXL

4. Соломонов А.П. Геоэкономические и геополитические вызовы развития современной глобальной энергетики и международной торговли нефтью / А.П. Соломонов // Экономика и предпринимательство. – 2026. – №1(186). – С. 407–413. DOI 10.34925/EIP.2026.186.1.066. EDN FUUWDW

Махов Михаил Викторович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РИСКИ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности оценки инвестиционных рисков на фондовом рынке в условиях санкционного давления. Актуальность темы обусловлена ростом числа частных инвесторов, изменением инфраструктуры российского финансового рынка, валютными ограничениями и повышенной чувствительностью ценных бумаг к внешнеэкономическим факторам. Обосновывается, что инвестиционный риск в современных условиях не может сводиться только к изменению рыночной цены актива, поскольку на результат инвестирования влияют санкционные, инфраструктурные, валютные, процентные и информационные факторы. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к оценке инвестиционных решений.*

Ключевые слова: *фондовый рынок, инвестиционные риски, санкционное давление, частные инвесторы, ценные бумаги, финансовая безопасность, риск-менеджмент, инвестиционная стратегия.*

Фондовый рынок позволяет компаниям привлекать финансовые ресурсы, государству размещать долговые инструменты, а инвесторам вкладывать свободные денежные средства в акции, облигации и иные финансовые инструменты. Однако он всегда связан с неопределённостью, поскольку стоимость активов зависит от большого числа факторов и не может быть гарантирована заранее.

В условиях санкционного давления инвестиционная деятельность становится более сложной. Если в стабильной экономической среде инвестор обычно оценивает доходность, финансовое состояние эмитента и общую рыночную конъюнктуру, то в современных условиях этого недостаточно.

По данным Московской биржи, количество частных инвесторов, имеющих брокерские счета, за 2024 год достигло 35,1 млн человек,

а количество брокерских счетов превысило 64,3 млн [5]. Сделки на фондовом рынке Московской биржи в 2024 году совершали 10,2 млн человек [5]. Это повышает социально-экономическую значимость инвестиционной безопасности, поскольку ошибки в оценке рисков затрагивают не только профессиональных участников рынка, но и широкие группы населения.

Инвестиционный риск можно рассматривать как возможность отклонения фактического результата вложений от ожидаемого. Такое отклонение может проявляться не только в снижении цены актива, но и в ухудшении ликвидности, изменении условий обращения инструмента, ограничении доступа к отдельным операциям или ухудшении финансового положения эмитента. В ГОСТ Р ИСО 31073–2024 подчёркивается значение единого понятийного аппарата в сфере менеджмента риска [1, с. 4]. Для фондового рынка это важно, поскольку слишком узкое понимание риска приводит к недооценке возможных потерь.

Санкционное давление меняет содержание инвестиционного риска. Оно воздействует не только на отдельные компании, но и на рыночную среду в целом. В «Обзоре финансовой стабильности» Банка России за II-III кварталы 2024 года отмечается, что новые санкционные ограничения были направлены на снижение экспорта и импорта продукции, а также на сдерживание технологического развития России в реальном и финансовом секторе [3, с. 16]. Для инвесторов это означает необходимость оценивать не только текущие показатели эмитента, но и его способность работать в изменившихся внешнеэкономических условиях.

Существенным проявлением санкционного давления стала трансформация рыночной инфраструктуры. В 2024 году после введения санкций в отношении Группы «Московская Биржа» были приостановлены биржевые торги поставочными инструментами в долларах США, евро и гонконгских долларах. Банк России указывал, что официальный курс доллара США и евро стал рассчитываться на основе данных банковской отчётности по внебиржевым операциям [3, с. 23].

Валютный фактор сохраняет высокую значимость. Даже при вложениях в российские ценные бумаги изменение валютных условий может влиять на деятельность компаний, связанных с экспортом, импортом, закупкой оборудования или расчётами с иностранными контрагентами. В условиях санкций валютный риск включает не только колебание курса, но и доступность расчётов,

ликвидность валютных инструментов и изменение механизмов формирования рыночных ориентиров.

Изменение денежно-кредитных условий влияет на стоимость капитала, поведение инвесторов и оценку компаний. При росте ставок облигации с фиксированным купоном могут снижаться в цене, а акции компаний с высокой долговой нагрузкой становятся более чувствительными к изменению стоимости заёмных ресурсов.

Возможность продать актив по справедливой цене является элементом инвестиционной безопасности. При ухудшении рыночных настроений или появлении негативных новостей инвестор может столкнуться с тем, что быстрая продажа ценной бумаги возможна только с дисконтом. Для частных инвесторов это особенно чувствительно, поскольку многие воспринимают брокерский счёт как доступный финансовый резерв.

Информационная среда также влияет на инвестиционные решения. Массовый характер фондового рынка усиливает роль новостей, прогнозов, социальных сетей и эмоционального поведения участников. В условиях санкционного давления рынок особенно чувствителен к сообщениям о новых ограничениях, корпоративных решениях и изменениях внешнеэкономической ситуации. Недостаток финансовой грамотности может привести к чрезмерной концентрации портфеля, покупке переоценённых активов или продаже бумаг в момент паники.

Оценка инвестиционных рисков должна быть комплексной. Инвестору необходимо учитывать финансовое состояние эмитента, его долговую нагрузку, отраслевую принадлежность, зависимость от импорта и экспорта, валютную чувствительность, ликвидность ценных бумаг, возможное влияние санкций и общую макроэкономическую ситуацию. Выбор актива только по ожидаемой доходности является недостаточным, поскольку высокая доходность обычно сопровождается повышенным уровнем риска.

Снижение рисков требует осознанного формирования инвестиционного портфеля. Диверсификация в условиях санкционного давления должна пониматься не только как распределение средств между разными бумагами, но и как распределение между разными источниками риска. Если портфель состоит из инструментов, одинаково чувствительных к валютным, экспортным или процентным изменениям, формальная диверсификация не обеспечивает достаточной защиты.

Значение имеет и инвестиционный горизонт. Краткосрочные вложения сильнее зависят от новостного фона и рыночной волатильности. Долгосрочная стратегия не устраняет риск полностью, но позволяет уменьшить зависимость от краткосрочных колебаний. При этом долгосрочный подход требует оценки устойчивости эмитента и его способности адаптироваться к изменяющимся условиям.

Санкционное давление существенно меняет содержание инвестиционного риска на фондовом рынке. Риск перестаёт быть вероятностью падения цены ценной бумаги и становится более сложной категорией, включающей рыночные, инфраструктурные, валютные, процентные, санкционные и информационные элементы. Современный инвестор должен оценивать финансовые инструменты не изолированно, а в контексте общей экономической и институциональной среды.

Фондовый рынок сохраняет значение важного инструмента инвестирования и перераспределения капитала. Однако в условиях экономической неопределённости и санкционного давления инвестиционные решения требуют более осторожного анализа. Оценка рисков позволяет повысить осознанность инвестирования, снизить вероятность необоснованных потерь и укрепить финансовую безопасность инвестора.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 31073–2024. Менеджмент риска. Словарь. – М.: Российский институт стандартизации, 2024. – 16 с.

2. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов / Банк России. – М., 2023. – 93 с.

3. Обзор финансовой стабильности. №2(25). II-III кварталы 2024 года / Банк России. – М., 2024. – 87 с.

4. Обзор рисков финансовых рынков. Декабрь 2024 – январь 2025 года / Банк России. – М., 2025. – 20 с.

5. Число частных инвесторов на Московской бирже превысило 35 миллионов // Московская Биржа. – 2025. – URL: https://www.moex.com (дата обращения: 23.08.2026).

6. Годовой отчёт ПАО Московская Биржа за 2024 год // Московская Биржа. – 2025. – URL: https://www.moex.com (дата обращения: 23.08.2026).

7. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Банк России. – М., 2024. – 173 с.

Печнина Наталия Вячеславовна
старший преподаватель
Воюш Лариса Рудольфовна
старший преподаватель

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург, Свердловская область

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ РАБОЧИХ МЕСТ НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРОФИЛАКТИКУ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ТРАВМАТИЗМА

Аннотация: *в статье анализируется влияние цифровизации (видеоаналитики, СИЗ, «умных касок», электронных допусков) на формирование культуры безопасности. Цифровые решения рассматриваются не как инструменты слежки, а как система спасения жизней через своевременное предупреждение об опасности, что смещает мотивацию работников со страха наказания на внутреннюю убеждённость – персонал начинает воспринимать технологии как заботу, а не надзор. На примерах внедрения показано, как эти инструменты меняют мотивацию работников, формируя внутреннюю ответственность. Обосновывается роль цифровизации как драйвера концепции Vision Zero и предлагаются рекомендации по внедрению с учётом восприятия персоналом.*

Ключевые слова: *культура безопасности труда, цифровизация охраны труда, видеоаналитика, СИЗ, умные каски, человеческий фактор, поведенческая безопасность, Vision Zero, производственный травматизм, электронные наряды-допуски.*

Введение.

В XXI веке цифровая трансформация промышленности стала ключевым трендом. Внедрение искусственного интеллекта, интернета вещей (IoT), машинного зрения и носимых устройств открыло новые возможности для защиты сотрудников. Однако беспрецедентный уровень технологического оснащения пока не решил главную проблему: производственный травматизм по-прежнему остается на критически высоком уровне. По данным Международной организации труда (МОТ), ежегодно в мире происходит более

340 миллионов несчастных случаев на производстве, а около 2,8 миллиона работников погибают из-за травм и профессиональных заболеваний [1].

Несмотря на цифровизацию, 80–90% несчастных случаев попрежнему происходят по вине работников, нарушающих правила ТБ. Этот разрыв между технологиями и поведением показывает, что модернизация оборудования не работает без изменения культуры безопасности, внутренних установок и привычек самих людей.

В этом контексте цифровизация рабочих мест выступает не просто инструментом автоматизации контроля, но и катализатором социальных изменений. Она трансформирует психологию работника, меняет групповую динамику и создает условия для перехода от внешней дисциплины к саморегуляции. Важную роль в этом процессе играет концепция Vision Zero («Нулевой травматизм»), продвинутая Международной ассоциацией социального обеспечения (ISSA) и принятая ведущими мировыми корпорациями [2]. Она базируется на фундаментальном принципе: все несчастные случаи можно предотвратить, если создать среду, в которой безопасное поведение становится естественным и социально одобряемым.

Цель данной статьи – показать, как цифровизация рабочих мест влияет на поведение людей и формирование культуры безопасности труда через социальные и психологические механизмы. На примерах внедрения цифровых решений на предприятиях ПАО «НЛМК» [3] и АО «Хиагда» (ГК «Росатом») [4] демонстрируется, как технологическая среда становится фактором воспитания культуры безопасности, переводя охрану труда из разряда формальных процедур в категорию личностных ценностей и коллективных норм.

1. Культура безопасности труда как социальный феномен: теоретические основы.

Культура безопасности выходит за рамки простой дисциплины – это социально-психологический феномен, определяющий внутренние установки работников. В современной науке под КБТ понимается совокупность ценностей, убеждений, восприятий и моделей поведения, разделяемых членами организации и определяющих приоритетность вопросов безопасности в повседневной деятельности [5]. В отличие от инструкций СУОТ, которые регламентируют действия работника, культура безопасности определяет его внутреннюю мотивацию, причины выбора безопасного поведения в отсутствие внешнего надзора.

Исторически подходы к безопасности прошли три этапа развития: сначала была реактивная модель (расследование и наказание уже после происшествия), затем – проактивная, основанная на оценке рисков до их реализации, и сегодня фокус сместился на поведенческую модель (Behavior-Based Safety, BBS). Поведенческий подход базируется на социологическом и психологическом понимании того, что до 90% травматизма обусловлено небезопасными действиями людей, а не техническими неисправностями. Ключевую роль играют групповые нормы: установка «план важнее правил» заставляет сотрудника пренебрегать инструкциями под давлением среды.

Переход от внешнего контроля к внутренней самодисциплине (интериоризация) необходимое условие зрелой культуры безопасности. При этом старые инструменты (лекции и плакаты) не работают. Сотрудники привыкают к риску и ошибочно считают себя неуязвимыми, недооценивая реальную опасность.

Чтобы разорвать порочный круг формализма, нужны новые инструменты. В контексте социальной психологии цифровизация – это не замена людей, а среда для постоянной и честной обратной связи. Она меняет подход с поиска виноватых на поиск системных ошибок, формируя доверие и закладывая фундамент концепции Vision Zero.

2. Влияние цифровых технологий на поведение работников: механизмы и эффекты.

Цифровизация трансформирует психологию труда, а не только технологии. Рассмотрим три главных инструмента, меняющих культуру безопасности и поведение работников.

2.1. Видеоаналитика соблюдения средств индивидуальной защиты.

ИИ-камеры моментально видят нарушения правил СИЗ. В отличие от человека, чей контроль зависит от настроения или предвзятости, алгоритм обеспечивает постоянный и объективный надзор.

Ярким примером служит опыт ПАО «НЛМК», где развернута система видеоаналитики для автоматического контроля ношения СИЗ в опасных зонах [3]. Система интегрирована в единую цифровую платформу, которая охватила все российские производственные площадки комбината и объединила более 5 000 пользователей, включая руководителей и представителей подрядных организаций. Переход на электронные наряды-допуски (более 260 тыс. документов в год) устранил «бумажную формальность», сделав процесс согласования прозрачным и привязанным к реальным компетенциям работника. Система автоматически блокирует допуск при

просроченном медицинском осмотре или отсутствии подтверждения прохождения обучения.

Видеоаналитика меняет психологию сотрудника. Понимая, что алгоритм фиксирует нарушения объективно и без человеческого фактора, работник переходит от мотивации страха («меня поймают») к внутренней дисциплине. В результате безопасное поведение становится устойчивой привычкой, которая сохраняется постоянно, а не только под присмотром руководства.

2.2. «Умные каски» и носимые устройства безопасности.

Носимые устройства, такие как «умные каски» с датчиками удара, падения, длительной неподвижности и модулями позиционирования GPS/ГЛОНАСС, создают принципиально новую среду взаимодействия «человек- машина – среда». Эти устройства работают в фоновом режиме, не требуя от работника активных действий, что критически важно для формирования позитивного восприятия технологии.

Опыт АО «Хиагда» (Горнорудный дивизион ГК «Росатом») демонстрирует, как «умные каски» меняют психологический климат на производстве [4]. Внедренные на Источном месторождении в Бурятии, эти устройства позволяют удаленно контролировать местоположение сотрудников в горных выработках, фиксировать удары по голове, падения и длительную неподвижность. Спустя год после внедрения производительность труда на месторождении выросла на 10%, а расходы на компенсации при производственных травмах и проведение плановых ремонтов существенно снизились (экономия около 1 млн рублей в месяц). Проект стал лауреатом конкурса цифровизации горной индустрии MiningWorld Russia 2021.

Ключевой психологический эффект заключается в том, что технология воспринимается персоналом не как инструмент тотальной слежки, а как система гарантированной взаимопомощи. Работник знает, что если он потеряет сознание или получит травму в одиночку, система автоматически отправит сигнал диспетчеру. Это снижает уровень производственного стресса и устраняет когнитивное искажение «со мной этого не случится», которое особенно опасно при монотонных обходах территории.

2.3. Электронные наряды-допуски и цифровые процедуры.

Цифровизация нарядов-допусков, документов, регламентирующих выполнение работ повышенной опасности, устраняет разрыв между формальной процедурой и реальной практикой. Традиционный – бумажный наряд-допуск часто подписывается «задним

числом» или без реального ознакомления с мерами безопасности, что превращает его в фикцию.

Электронные наряды-допуски, активно внедряемые на предприятиях ПАО «НЛМК» [3] и других промышленных гигантов, обеспечивают прозрачность на всех этапах: от планирования работ до их завершения. Система автоматически проверяет актуальность аттестаций, медицинских осмотров и допусков исполнителей, исключая возможность формального подхода. Работник не может приступить к опасной работе, если его компетенции не подтверждены.

Психологический эффект заключается в том, что работник видит логическую цепочку согласований, понимает, почему требуется каждая проверка, и осознает, что система защищает его интересы, а не создает бюрократические барьеры. Это формирует доверие к организационным процедурам и снижает сопротивление нововведениям.

2.4. Синергетические эффекты и изменение групповой динамики.

Совместное использование технологий дает синергетический эффект: результат превосходит простую сумму отдельных инструментов. В едином цифровом пространстве, где сочетаются видеонаблюдение, носимые датчики и электронные наряды-допуски, элементы безопасности начинают взаимно усиливать друг друга. Это исключает возможность выпадения из-под контроля при переходе между разными этапами работы.

Групповая динамика также трансформируется: если ранее нарушение правил могло поощряться коллективом («мы все так делаем, чтобы успеть»), то теперь цифровая среда делает такие нарушения видимыми и социально неодобряемыми. Формируется новая норма: безопасное поведение становится не только личным выбором, но и ожиданием группы. Это полностью соответствует принципам поведенческого аудита безопасности (Behavior-Based Safety), где позитивное подкрепление безопасных действий оказывается эффективнее карательных мер

Заключение.

Главный вывод исследования заключается в том, что цифровые решения на производствах ПАО «НЛМК» и АО «Хиагда» (ГК «Росатом»), перестали быть просто техникой, став инструментом изменения психологии сотрудников. Опыт показывает: системы работают лучше всего, когда воспринимаются коллективом не как тотальная слежка, а как гарантия взаимовыручки. В отличие от старых карательных мер, новые технологии успешно преодолевают привычку работников игнорировать риски. В результате культура

безопасности трансформируется: вместо внешней дисциплины через страх формируется внутренняя ответственность каждого за свою жизнь и здоровье коллег, что является базой для реализации стратегии Vision Zero.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие практические рекомендации для внедрения цифровых решений в систему охраны труда.

1. Сопровождать технологии коммуникацией. Перед внедрением систем мониторинга необходимо проводить разъяснительную работу, чтобы сформировать у коллектива понимание: цель алгоритмов – предотвратить травму, а не найти повод для штрафа.

2. Смещать фокус с наказания на позитивное подкрепление. Данные видеоаналитики и поведенческого аудита (BBS) следует использовать не только для выявления нарушений, но и для поощрения подразделений и сотрудников, демонстрирующих образцовое безопасное поведение.

3. Обеспечивать комплексность внедрения. Максимальный социально-психологический эффект достигается при синергии инструментов: когда электронные процедуры, носимые устройства и машинное зрение создают единое, прозрачное и предсказуемое цифровое пространство безопасности.

Лишь комплексный подход с фокусом на человеке превращает технологии из набора инструментов в реальный двигатель зрелой культуры безопасности, сохраняющей жизнь и здоровье сотрудников.

Список литературы

1. Международная организация труда. Безопасность и гигиена труда: глобальные вызовы и стратегии. – URL: https://www.ilo.org/global/topics/safety-and-health-at-work/lang--ru/index.htm (дата обращения: 22.08.2026).

2. Международная ассоциация социального обеспечения (ISSA). Семь золотых правил Vision Zero: предотвращение несчастных случаев на производстве. – Женева: ISSA, 2014. – 16 с.

3. Информационные технологии в ПАО «НЛМК»: видеоаналитика и система электронного наряда-допуска // TAdviser. – 2024. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационные_технологии_в_НЛМК (дата обращения: 22.08.2026).

4. Как «умные» каски и видеоаналитика помогают «Росатому» повышать безопасность на производстве // CNews. – 2024. – URL: https://rosatom.cnews.ru/articles/2024–12–10_umnye_kaski_i_videoanalitika_na_strazhe (дата обращения: 22.08.2026).

5. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Культура безопасности в деятельности организаций: основные принципы и характеристики. Руководство по безопасности №GS-G-3.5. – Вена: МАГАТЭ, 2023. – 45 с.

Серебряная София Михайловна
студентка
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168905

ЭВОЛЮЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИЗАЙНА: ОТ БУМАЖНЫХ КАТАЛОГОВ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ ТЕМНЫХ ПАТТЕРНОВ

Аннотация: *в статье рассматривается феномен «тёмных паттернов» как инструмента манипуляции потребительским поведением в цифровой рекламе. Актуальность обусловлена тем, что интерфейсные приёмы, долгое время воспринимавшиеся лишь как нарушение профессиональной этики, сегодня стали масштабной юридической проблемой и объектом жёсткого регулирования в ведущих экономиках мира. Цель – комплексный анализ эволюции манипулятивных практик и систематизация регуляторных ответов. Решаются три задачи: прослеживается преемственность между доцифровыми манипуляциями и современными интерфейсными уловками; детально разбирается классификация тёмных паттернов; сопоставляются три модели правового противодействия – прецедентная, системно-законодательная и точечно-прагматическая. Глобальный тренд на обязательную прозрачность и этичность дизайна является необратимым, а отказ от тёмных паттернов становится стратегическим условием долгосрочной конкурентоспособности.*

Ключевые слова: *темные паттерны, манипулятивный дизайн, цифровая реклама, потребительский выбор, интерфейсные уловки, защита прав потребителей, этичный дизайн, устойчивое развитие, правовое регулирование.*

Стремительное развитие цифровых платформ и электронной коммерции вывело маркетинговые коммуникации на беспрецедентный уровень персонализации и контроля над пользовательским поведением. Однако наряду с инструментами, повышающими удобство и релевантность предложений, массовое распространение получили так называемые «темные паттерны» – элементы интерфейса, сознательно спроектированные для того, чтобы ввести

пользователя в заблуждение, навязать ненужные услуги или затруднить отказ от них. Цифровая среда, открывающая широкие возможности для информированного выбора, одновременно породила уникальные по своей изощренности механизмы скрытого принуждения. Вопреки распространенному мнению, данные практики не являются инновацией XXI века. Они представляют собой эволюционное развитие методов манипуляции, веками применявшихся в традиционной торговле и прямой почтовой рекламе. Современный бизнес, перенося эти механики в интернет, получает возможность разрабатывать каждый аспект взаимодействия с клиентом с такой степенью детализации, которая немыслима в офлайн-среде. Основная задача темных паттернов состоит не в прямом обмане пользователя, а в достижении выгоды для организации. С точки зрения проектировщика это реализация бизнес-требований, которые, однако, ограничены этическими и профессиональными стандартами. Подобные приемы ориентированы на извлечение краткосрочной прибыли, противоречат принципам эргономики и расцениваются профессиональным сообществом как недобросовестная практика. В настоящее время во многих странах такие уловки ограничены законодательством, что придает теме особую актуальность.

Прежде чем перейти к анализу современных интерфейсных манипуляций, необходимо зафиксировать тот факт, что их корневая система уходит глубоко в доцифровую эпоху. Темные паттерны существовали задолго до появления интернета и активно применялись в бумажной рекламе, каталогах товаров и обычных почтовых рассылках. Потребитель зачастую не осознавал масштаба манипуляции и не предпринимал попыток противодействия, продолжая реагировать на маркетинговые стимулы. Наиболее показательным прототипом современной модели принудительного продления подписок может служить деятельность американской компании Columbia House и ее аналога BMG, реализовывавших винил, кассеты и CD-диски через обычную почту с 1970-х по 1990-е годы. Эти компании использовали печатный аналог скрытой подписки, функционировавший по принципу «Негативного выбора» (Negative Option) и демонстрировавший высокую эффективность.

Механика была детально проработана: в почтовый ящик потенциального покупателя попадал яркий конверт или газетная вырезка. Крупный заголовок сообщал: «Получите 12 CD-дисков (или кассет) всего за 1 цент!». Покупателю предлагалось выбрать из красочного каталога любые 12 альбомов популярных исполнителей, наклеить

бумажные марки с их кодами на специальный бланк заказа, прикрепить монетку в 1 цент скотчем и отправить обратно. Для потребителя такое предложение создавало иллюзию исключительной выгоды. Скрытое условие размещалось на обратной стороне бланка, где микроскопическим серым шрифтом было напечатано полноценное юридическое соглашение. Отправляя заявку, человек автоматически вступал в «Клуб любителей музыки». По условиям контракта он обязывался в течение последующих двух лет приобрести еще 4–6 дисков, но уже по максимальной розничной цене с наценкой за доставку, которую потребители обозначали как несоразмерно завышенную. Расторгнуть данное соглашение было затруднительно. Корреспонденция с требованием исключения из клуба нередко оставалась без ответа. Компания направляла досудебные претензии с требованием оплаты, оказывая давление на клиентов. Значительное число потребителей продолжало оплачивать незаказанные товары, поскольку своевременно не направляло письменный отказ. Это классический пример того, как бизнес выстраивает систему, в которой бездействие пользователя автоматически монетизируется.

Другим показательным примером эксплуатации когнитивных искажений служили массовые рассылки издательского дома Reader's Digest, работавшие по схеме «Вы выиграли 1 000 000 рублей!». Адресат получал оформленное как официальное уведомление письмо, в конверте которого находились некие ключи или «золотая медаль». Текст сообщения утверждал, что адресат выиграл крупную сумму и находится в шаге от получения приза. Однако для «активации выигрыша» и прохождения в финальный тур требовалось обязательно заказать книгу или оформить подписку на журнал из прилагаемого каталога. Заявленный приз не подлежал выдаче, так как розыгрыш носил фиктивный характер. Отдельного упоминания заслуживают скрытые галочки на бумаге – прямой предшественник современных предустановленных флажков в корзинах интернет-магазинов. В бланках заказов товаров по почте такие пункты, как «Хочу получать каталог каждый месяц (платно)» или «Оформить страховку посылки», уже были закрашены типографской краской в графе «Да». Чтобы отказаться от навязанной услуги, покупателю требовалось заметить данную особенность и физически зачеркнуть уже проставленную галочку жирным крестом, о чем обычный человек, как правило, не догадывался. Таким образом, бизнес десятилетиями использовал невнимательность и

когнитивную инерцию потребителя в качестве основного источника дополнительной прибыли.

Цифровая эпоха не изобрела манипуляцию заново, но сделала ее тотальной и малозаметной. Современные компании могут разрабатывать каждый аспект взаимодействия с пользователем с беспрецедентной для традиционного бизнеса степенью детализации. Степень неосознаваемого влияния на пользовательские решения, реализуемого через дизайн интерфейсов, остается, как правило, вне поля рефлексии потребителя. Здесь встает не только вопрос этики, но и вопрос законности, а также перспектив распространения в странах СНГ контроля, направленного на защиту пользователей от подобных действий. Осознание обществом данных практик способствует формированию запроса на законодательные изменения.

Среди наиболее распространенных видов манипуляций исследователи и практики выделяют несколько категорий, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Игровая асимметрия возникает в ситуациях, когда интерфейс программного продукта или рекламного лендинга имитирует игровой процесс – всплывающие колеса фортуны, накопительные системы бонусов, моментальные лотереи. Механика кажется пользователю увлекательной и справедливой, создавая иллюзию контроля и шанса на выигрыш. Однако реальные правила такой игры тщательно скрыты или постоянно меняются в пользу бизнеса, оставляя пользователя в заведомо проигрышной позиции. Алгоритм определяет, когда и какой именно приз показать, чтобы максимизировать конверсию в покупку, при этом реальная ценность приза является минимальной.

Скрытые расходы по праву считаются одним из самых частых и раздражающих приемов в электронной коммерции. Его механика заключается в том, что пользователь видит одну, весьма привлекательную цену на главном экране, в результатах поиска или в рекламном объявлении. На протяжении всего процесса выбора и оформления заказа эта цифра сохраняется, создавая у человека ощущение контроля над бюджетом. Однако на завершающем этапе, когда уже введены все данные и осталось только подтвердить заказ, обнаруживается, что итоговая сумма значительно выше за счет множества дополнительных начислений – сервисного сбора, платы за упаковку или автоматически добавленной в корзину страховки. Данный прием эксплуатирует эффект когнитивной усталости: после заполнения всех полей и прохождения этапов вероятность отказа от заказа снижается.

С предыдущим приемом тесно связана практика ложных скидок. Она выражается в демонстрации якобы уцененного товара, рядом с которым указывается перечеркнутая цена, часто превышающая нынешнюю в несколько раз. Однако указанная базовая цена могла никогда не применяться в реальных продажах. Таким образом, декларируемая скидка носит фиктивный характер и призвана создать у покупателя иллюзию невероятной выгоды, подталкивая к импульсивной покупке.

Принудительное продление подписок, известное как forced continuity, входит в число наиболее проблемных практик. Бесплатный пробный период требует обязательного ввода банковских данных, после чего списание происходит автоматически, а процедура отмены намеренно усложнена. Элемент интерфейса для отмены подписки намеренно делается малозаметным: он сливается с фоном, располагается в труднодоступных разделах настроек либо лишается характерных признаков интерактивной кнопки, в то время как яркая, контрастная кнопка продолжения услуги направляет пользователя по пути сохранения платной подписки. Подобные приемы ориентированы на извлечение краткосрочной прибыли, противоречат принципам эргономики и расцениваются профессиональным сообществом как недобросовестная практика.

Осознание общественной опасности манипулятивного дизайна привело к тому, что в ведущих экономиках мира началась последовательная борьба с темными паттернами. Манипулятивные интерфейсы сегодня превратились из уловки маркетологов в масштабную юридическую проблему, за которую крупнейшие мировые корпорации расплачиваются миллиардными штрафами. Развитые страны ведут борьбу с обманным дизайном по-разному, применяя различные правовые стратегии.

Соединенные Штаты Америки используют прецедентный подход, основанный на жестких действиях Федеральной торговой комиссии (FTC), которая применяет закон «О Федеральной торговой комиссии» для преследования компаний за недобросовестные методы ведения бизнеса. FTC не принимает отдельного нормативного акта, регулирующего дизайн интерфейсов, однако при выявлении нарушений инициирует крупные судебные разбирательства. Самым громким делом в истории индустрии стало разбирательство FTC против корпорации Amazon, завершившееся в сентябре 2025 года рекордным мировым соглашением на сумму 2,5 миллиарда долларов. Причиной иска послужила подписка Amazon Prime

стоимостью 139 долларов в год. Ведомство доказало, что маркетплейс годами настраивал интерфейс таким образом, что оформление платной подписки происходило без явного волеизъявления пользователя. При этом внутреннее обозначение процедуры отказа как «Поток Илиады» (Iliad Flow) отсылало к гомеровскому эпосу, подчеркивая ее намеренную запутанность. Чтобы отписаться, клиенту приходилось преодолевать четырехстраничный лабиринт из шести обязательных кликов и пятнадцати запутывающих вариантов выбора. Внутренняя переписка, представленная FTC, содержала такие характеристики, как «грязный мир» (dirty world) и «главные офицеры темных искусств» (chief dark arts officers), что свидетельствовало о сознательном использовании манипулятивных методов. В итоге суд обязал Amazon выплатить 1 миллиард долларов государству и 1,5 миллиарда направить на компенсации пострадавшим покупателям, а также полностью упростить интерфейс. Ранее FTC выиграла суд против компании Epic Games, создателя игры Fortnite. Разработчиков оштрафовали на 520 миллионов долларов за использование темных паттернов в игровом магазине. Интерфейс допускал совершение внутриигровой покупки одним нажатием, в том числе в моменты загрузки игры или выхода консоли из спящего режима, без дополнительного подтверждения или ввода пароля. Более того, Epic Games сознательно блокировала аккаунты тех пользователей, которые пытались оспорить случайные списания через свои банки.

Европейский союз пошел по пути глобального регулирования, формируя всеобъемлющую систему законодательных запретов для защиты автономии пользователей. Вместо того чтобы судиться по каждому отдельному случаю, ЕС превентивно запрещает манипулятивные интерфейсы на уровне законов, защищая не только кошельки граждан, но и их ментальное здоровье, а также право на свободный осознанный выбор. Ключевым инструментом Европы стал Закон о цифровых услугах (Digital Services Act), который напрямую запрещает онлайн-платформам обманывать пользователей или искажать их способность принимать решения с помощью дизайна. За нарушение этого акта ИТ-гигантам грозят штрафы до 6% от их мирового годового оборота. Ему в помощь выступает Закон об искусственном интеллекте (AI Act), обязывающий жестко маркировать манипулятивные алгоритмы и deepfake-контент, а также готовящийся к принятию Закон о цифровой справедливости (Digital Fairness Act), нацеленный на полное искоренение

аддиктивного дизайна – бесконечных лент и механик соцсетей, вызывающих психологическую зависимость. Европейские регуляторы без колебаний применяют эти нормы на практике. Европейская комиссия оштрафовала компанию Meta на рекордные 1,2 миллиарда евро за комплексные нарушения, связанные с обработкой данных и манипулятивными интерфейсами согласия. Meta использовала паттерн «подтверждение позором» и сложнейшие цепочки настроек приватности, вынуждая пользователей соглашаться на расширенный сбор данных ради использования соцсетей. Другим громким примером стало разбирательство против компании Apple, которую европейские власти оштрафовали на 1,84 миллиарда евро за создание искусственных барьерных интерфейсов в App Store. Apple ограничивала для разработчиков музыкальных стриминговых сервисов, таких как Spotify, возможность информировать пользователей о более низких ценах на подписку за пределами App Store, что фактически скрывало альтернативные варианты приобретения услуг за пределами закрытой архитектуры экосистемы.

Российская Федерация подходит к проблеме с сугубо прагматичных позиций, последовательно устраняя правовые пробелы, допускающие финансовые злоупотребления в отношении потребителей. В отечественном законодательстве до сих пор нет официального термина «темный паттерн», однако государство выявляет наиболее прибыльные для нечестного бизнеса интерфейсные уловки и запрещает их отдельными законами. Главный акцент здесь сделан на защиту потребителя от недобросовестных списаний денег и навязывания услуг. Значимым этапом стало принятие Федерального закона №376-ФЗ, направленного на пресечение практик, аналогичных паттерну «ловушка для тараканов» (Roach Motel). Закон полностью запретил списание денег за продление подписок по принципу молчаливого согласия. Теперь любой онлайн-кинотеатр, стриминг или сервис по продаже софта обязан за несколько дней предупредить пользователя о предстоящем платеже и обеспечить наличие в личном кабинете явно обозначенного элемента интерфейса для немедленной отмены подписки без звонков в поддержку и заполнения многостраничных анкет. Параллельно государство борется с навязыванием услуг в электронной коммерции в рамках закона о «Платформенной экономике» (№289-ФЗ). Крупные российские маркетплейсы и авиакомпании годами использовали паттерн «скрытая корзина», автоматически добавляя в чек платные страховки, дополнительную гарантию или подписку на доставку в виде

уже проставленных галочек. Теперь автоматическое проставление таких согласий за покупателя запрещено, а за навязывание допуслуг компании получают крупные штрафы от Роспотребнадзора. Ужесточился и закон «О персональных данных» (152-ФЗ), который запретил так называемые склеенные галочки. Ранее при регистрации активация одного элемента интерфейса могла означать одновременное согласие с несколькими разнородными условиями – правилами сервиса, сбором личных данных и рекламными рассылками. В настоящее время требуется получение отдельного согласия на каждый вид маркетинговой коммуникации, в противном случае компании грозит штраф до 700 тысяч рублей по статье 13.11 КоАП РФ. Судебная практика активно догоняет законодательство. Показательным примером являются судебные разбирательства по искам Роспотребнадзора к авиаперевозчикам и билетным агрегаторам. Ведомство доказало неправомерность интерфейсов, в которых услуга страхования от невыезда или потери багажа автоматически добавлялась в заказ, а функция отказа от нее была труднодоступна, располагаясь во вложенных пунктах выпадающих меню и обозначаясь мелким шрифтом. Суды обязали компании полностью переработать дизайн экранов оплаты, сделав выбор всех дополнительных услуг исключительно добровольным.

Подводя итог проведенному анализу, необходимо сформулировать несколько принципиальных выводов. Феномен темных паттернов имеет глубокие исторические корни. Цифровые интерфейсные уловки не являются чем-то принципиально новым, а представляют собой технологичную реинкарнацию методов, веками применявшихся в традиционной торговле, бумажной рекламе и почтовых каталогах. От скрытых типографских галочек и мелкого шрифта Columbia House до современных лабиринтов отмены подписок суть остается неизменной – бизнес эксплуатирует когнитивные уязвимости человека, его невнимательность и склонность к выбору пути наименьшего сопротивления.

Основная задача темных паттернов заключается не столько в прямом обмане, сколько в достижении выгоды для организации за счет ограничения свободы выбора пользователя. С позиции бизнес-логики подобные методы могут оцениваться как эффективный способ достижения ключевых показателей, однако с точки зрения профессиональной этики и стандартов эргономики они классифицируются как недобросовестная практика. Ориентация на краткосрочную прибыль неизбежно влечет репутационные потери: пользователи,

многократно сталкиваясь с манипулятивными приемами, утрачивают доверие не только к конкретному сервису, но и к целой отрасли.

Глобальный тренд в отношении темных паттернов очевиден и необратим. Период, когда ИТ-компании могли использовать цветовые решения, скрытый мелкий шрифт и усложненные формулировки для манипулирования поведением пользователей без правовых последствий, завершается. Независимо от правовой модели – будь то американские миллиардные штрафы, европейские системные запреты или российские законы против скрытых галочек – регуляторы по всему миру обязывают компании внедрять прозрачные и недвусмысленные интерфейсные решения. Осознание необходимости контроля в данной области формирует новую регуляторную реальность.

Открытым остается вопрос о том, насколько быстро и в каком объеме подобные законодательные инициативы будут распространены в странах СНГ. Однако вектор движения задан, и компаниям, стремящимся к устойчивому развитию, следует учитывать это уже сегодня. В связи с этим все большее число игроков рынка переходит к концепции этичного дизайна, где прозрачность, забота об эргономике и уважение к выбору пользователя ставятся во главу угла. Осознанный отказ от манипулятивных практик перестает быть вопросом альтруизма и становится стратегической инвестицией в долгосрочную лояльность аудитории и устойчивое будущее бизнеса. Компании, которые своевременно перестроят свои интерфейсы и бизнес-модели, получат не только правовую защищенность, но и значительное конкурентное преимущество в среде, где доверие потребителя становится ключевым нематериальным активом.

Список литературы

1. О защите прав потребителей: Федеральный закон №2300-I от 07.02.1992 (ред. от 08.08.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 11.08.2026).

2. О персональных данных: Федеральный закон №152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 06.02.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 11.08.2026).

3. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для развития платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон №289-ФЗ от 14.07.2022. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421746/ (дата обращения: 11.08.2026).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №376-ФЗ от 15.10.2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451234/ (дата обращения: 11.08.2026).

5. Digital Services Act: Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (date of access: 11.08.2026).

6. Brignull H. Deceptive Patterns: Exposing the Tricks Tech Companies Use to Control You / H. Brignull. – Cambridge: Open Book Publishers, 2023. – 286 p.

7. Ланецкий Д. Вас ведут: Как темные паттерны управляют выбором в интернете / Д. Ланецкий. – М.: Ridero, 2026. – 312 с.

8. Nodder C. Evil by Design: Interaction Design to Lead Us into Temptation / C. Nodder. – Indianapolis: Wiley, 2013. – 320 p.

9. Абрамович Н.А. Манипулятивный дизайн. Темные паттерны в UX/UI-дизайне / Н.А. Абрамович, И.С. Михайлов // Материалы докладов 56-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов: в 2 т. – Витебск: ВГТУ, 2023. – С. 142–148. EDN QDATUI

10. Дворников С.В. Темные паттерны / С.В. Дворников // StudNet. – 2021. – Т. 4. №4. – С. 161–162. EDN NWOWCH

11. Luguri J. Shining a Light on Dark Patterns / J. Luguri, L.J. Strahilevitz // Journal of Legal Analysis. – 2021. – Vol. 13. Iss. 1. – P. 43–109. DOI 10.1093/jla/laaa006. EDN XOHPDP

12. Dark Patterns at Scale: Findings from a Crawl of 11K Shopping Websites / A. Mathur, G. Acar, M.J. Friedman [et al.] // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. – 2019. – Vol. 3. Iss. CSCW. – Article 81.

13. Mapping the Scholarship of the Regulation of Dark Patterns: A Systematic Review of Concepts, Regulatory Paradigms, and Solutions from Law and HCI Perspectives / C. Santos, F. Esposito, C. Isola, M. Farinha // Computer Law and Security Review. – 2025. – Vol. 59. – Article 106225. DOI 10.1016/j.clsr.2025.106225. EDN NTLSSO

14. Бородин А.В. Влияние тёмных паттернов на конечный выбор потребителя / А.В. Бородин // Вестник науки. – 2024. – №6(75). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tyomnyh-patternov-na-konechnyy-vybor-potrebitelya (дата обращения: 11.08.2026).

15. Dark Patterns and the EU Digital Services Act: Mapping Autonomy Violations and Design Factors. – URL: https://research-portal.uu.nl (date of access: 11.08.2026).

16. FTC Reaches Record $2.5 Billion Settlement with Amazon over Prime Subscription Practices // Alston & Bird. – 2025. – URL: https://www.alston.com (date of access: 11.08.2026).

17. Deceptive Patterns – официальный сайт Гарри Бригнулла. – URL: https://www.deceptive.design (дата обращения: 11.08.2026).

Сметанкина Людмила Васильевна
д-р филос. наук, профессор
ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи
им. Маршала Советского Союза
С.М. Буденного» Министерства обороны
Российской Федерации
г. Санкт-Петербург

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Аннотация: *статья посвящена проблеме бездуховности современного российского общества и её влиянию на национальную безопасность. На основе анализа научных исследований и нормативных правовых актов рассматриваются деструктивные явления в духовной сфере: ценностная дезориентация, ослабление культурной идентичности, кризис социальных ценностей, трансформация института семьи, доминирование массовой культуры. Анализируются факторы, влияющие на духовную безопасность общества: экономический, идеологический, информационный, институциональный. Показана взаимосвязь национальной и духовной безопасности: неразрешённые проблемы духовной сферы создают угрозы государственности и общественной стабильности. Отмечаются меры государства по укреплению духовной безопасности.*

Ключевые слова: *духовная безопасность, национальная безопасность, национальные интересы, духовная культура.*

Проблема бездуховности современного российского общества в политическом, экономическом, информационном и других аспектах стала важным направлением научной деятельности отечественных исследователей с момента распада СССР, начала глубокого, системного процесса качественных изменений, затронувших сущностные черты общества в целом. Значимый вклад в развитие данного направления внесли Ю.В. Кокорева и Н.В. Миронова, Д.Н. Кравцов, Т.И. Заславская, О.М. Шевченко и М.П. Тихоновскова, Е.И. Аринин и Е.А. Чудаева, П.Н. Беспаленко и др. [1].

Разностороннее изучение проблем безопасности российского общества стимулировало становление в отечественной социологии безопасности – самостоятельного направления исследований, которое постепенно обрело институциональные формы. Особое

внимание ученые уделяют изучению проблемы национальной безопасности как основы устойчивого развития российского общества и его государственности, также как и обеспечения его духовной безопасности, «представляющей собой состояние, выражающееся в отсутствии или ослаблении внешних и внутренних угроз, а также возможности противодействия им при помощи культурных и нравственных ценностей, национальных традиций и религиозных устоев данного общества, являющихся необходимым условием устойчивого развития всех без исключения общественных подсистем» [2, с. 587].

Современное общество столкнулось с целым рядом острых проблем: духовная разобщенность проявляется через ценностную дезориентацию, ослабление культурной идентичности, рост индивидуализма; кризис социальных ценностей выдают размытые границы между добром и злом, доминирующий прагматизм; трансгрессия в духовной культуре обнаруживается в снижении интереса к искусству, доминировании массовой культуры... Ввиду того, что общество являет собой целостность, которая поддерживается и обеспечивается за счет духовно-нравственных ценностей, выступающих показателем жизнеспособности социума и социальных институтов, ответственных за духовно-культурную преемственность (данная позиция находит отражение в официальных документах, например, в указе Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» прямо указано, что Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу общества, которая позволяет защищать и укреплять суверенитет, обеспечивать единство многонациональной и многоконфессиональной страны [3]), вопросы обеспечения духовной безопасности не сходят с повестки дня. Исследованию непосредственно духовной безопасности России посвящены работы авторов А.В. Тонконогова, Д.Б. Казанцевой, А.Л. Золкина, О.А. Карпенко, О.В. Безруковой, С.И. Ивентьева, Н.С. Оботуровой, Е.А. Попова [4] и др.

Национальная безопасность является важным фактором, обеспечивающим духовную безопасность. Сложившаяся геополитическая ситуация в мире (меняется баланс сил, новые очаги напряженности, активное использование «мягкой силы», кибератаки, экономические санкции) диктует практический императив – адаптировать подходы к национальной безопасности под конкретные условия. Парадигма национальной безопасности должна синтезировать

экономическую устойчивость, технологическую независимость, социальную стабильность, информационную безопасность, защиту ценностей, а не сводиться к одному измерению. На практике это нашло отражение в Стратегии национальной безопасности (2021), Стратегии государственной национальной политики до 2036 года (2025) [5] и др. нормативных-правовых актах.

Национальная безопасность определяется в Стратегии национальной безопасности РФ как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [5]. Объектом защищенности выступают объективно значимые национальные интересы (значимые потребности) личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Следовательно, государство выстраивает политику вокруг обеспечения условий для реализации этих интересов, вместе с тем следует учитывать, что обеспечение национальной безопасности – комплексная задача, требующая усилий не только силовых структур, но и других институтов государства, а также активного участия гражданского общества, так как аспекты безопасности и грозящие ей угрозы затрагивают разные сферы жизнедеятельности общества. Каждая из них, будь то экономическая, политическая, военная или иная сфера нуждается в безопасности, их совокупность представляет систему национальной безопасности, под которой понимается совокупность взаимосвязанных элементов (органов власти, организаций, правовых норм, сил и средств), которые обеспечивают защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Эффективность политики национальной безопасности во многом зависит от учета социокультурного контекста политических решений в ходе реализации парадигмы национальной безопасности. Высокая степень важности данного фактора вызвана тем, что социокультурные, этнокультурные, социально-психологические параметры нации являются фундаментом ее идентификации, разрушение которой означает крах нации. Особую значимость в данном контексте приобретает аксиологический фактор, он акцентирует внимание на том, что успех построения парадигмы национальной

безопасности и ее реализации возможен при учете ценностных оснований общества. Формируясь в ходе исторического развития конкретного общества, ценности становятся основой основ ментальности и духа народа, воплощением его идеалов, жизненных целей, представлений о будущем общества, государства. Политика национальной безопасности, построенная в отрыве от системы ценностей общества, с высокой вероятностью ведет к провалу, если не соответствует интересам и целям народа. Отметим, в Стратегии национальной безопасности РФ к национальным интересам отнесены: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни граждан, защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности. Они перекликаются с интересами общества. Однако, на практике между ними бывает и разрыв ввиду конфликта интересов (противоречивые группы интересов (экономические, социальные, региональные) – национальные интересы могут не учитывать или ущемлять часть этих интересов), либо искажения информации (пропаганда, манипуляция общественным сознанием может привести к искажению реальной картины), или приоритета внешних факторов (национальные интересы подменяются интересами транснациональных корпораций).

Анализ современных вызовов национальной безопасности российского государства показывает, что деструктивные явления в духовной сфере порождают проблемы – социально-политические противоречия, противоречия в ценностных ориентирах, риски информационной безопасности. Эти дисфункции негативно влияют на общественное развитие, создавая почву для реализации угроз. Духовная культура как регулятор социальных процессов при наличии сбоев (например, поляризация общественного мнения) из фундаментального регулятора превращается в фактор-риск для национальной безопасности государства. Примеры тому: снижение нравственных ориентиров, при котором люди сталкиваются с противоречивой информацией, размытыми традиционными ценностями (семья, патриотизм, уважение к закону), это создает почву для радикализации отдельных групп; обострение противоречий в обществе по ключевым вопросам (путь развития страны, роль государства, интерпретация прошлого) приводит к тому, что люди делятся на «своих» и «чужих», формируются замкнутые сообщества с радикальными взглядами, их переход в плоскость действий, нарушающих права других, превращает их в угрозу. Стало быть, национальная безопасность и духовная взаимосвязаны, неразрешенные проблемы последней, ставят под угрозу государственность,

общество, духовную культуру. В свою очередь, национальная безопасность как отражение стабильности государства – важнейший фактор духовной безопасности социума.

Составной частью национальной безопасности является экономическая безопасность. Данное положение закреплено в нормативных правовых актах, например, в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года указано, что она разработана в целях реализации стратегических национальных приоритетов, определенных в Стратегии национальной безопасности РФ. В этом документе экономическая безопасность определяется как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [6]. Оценка влияния санкций на экономическую безопасность страны указывает на слабые стороны (зависимость экономики от экспорта продукции торгово-энергетического комплекса; зависимость экономики от импорта зарубежных машин и оборудования; нестабильная динамика уровня производства; низкие темпы роста ВВП страны) и угрозы (снижение нефтегазовых доходов и как следствие снижение бюджета России; увеличение санкционного давления на экономику России; увеличение технологического разрыва с развитыми странами; агрессивные действия военно-политических блоков) [7, с. 204]. Несбалансированность экономики серьезно бьет по социальной сфере, последствия ощущаются в нескольких плоскостях: от роста неравенства до проблем с доступом к услугам. Таким образом, можно выделить еще один фактор, влияющий на состояние духовной безопасности общества – экономический, тесно связанный фактором глобализации.

Процесс глобализации глубоко проник во многие сферы жизни, в их числе культура и экономика. Глобализация изменила мировоззренческие представления людей, ценности потребительства, унифицированные культурные шаблоны укрепились в планетарном масштабе, что обострило риски экологического и антропологического кризисов. Опасения ученых о том, что глобализация будет протекать не как равноправный диалог культур, а одностороннедиктаторское воздействие современных западных ценностей и идеалов общества потребления на другие культуры… [8] сбылись. На второй план уходят локальные традиции, язык, ритуалы, распространяются ценности приоритета личного над коллективным, превалирует идеология потребительства, где природа – всего лишь

ресурс, и как следствие – усугубляются экологические проблемы. Президент России заявил о необходимости создания новой модели развития, которая будет свободна от политических манипуляций, учитывающую национальные интересы государства, фокус должен быть на потребностях граждан [9]. Это изменит духовный мир и облик каждого общества, позволит вернуть уникальность и культурную неповторимость.

Значимость аксиологической системы общества как фактора воздействия на духовную безопасность проявляется в том, что от ее внутреннего устройства и способности сохранять базовые ценности зависит уровень социокультурных изменений социума и, в целом, его стабильность. В научной литературе данный вопрос рассматривается неоднозначно, ввиду наличия разных тенденций в социокультурном пространстве, начиная от апелляции к традиционным этническим ценностям (с одной стороны происходит поиск идентичности, обращение к этническим корням и власть активно подключилась к этому тренду, например, вышеупомянутый указ Президента РФ №809, во исполнение которого в 2024–2026 годах Правительство РФ утвердило план мероприятий, включающий совершенствование законодательства и работу экспертов [11], с другой – актуализация идентичности иногда ведет к фрагментации культурного пространства, затрудняющей формирование единой гражданской идентичности), заканчивая межпоколенческими противоречиями, наиболее проблемными зонами которых являются: «отношение к авторитету, традиционной морали, сексуальной свободе» [10].

Духовная сфера воплощает в себе господствующие социальные идеи, взгляды, убеждения, которые в ходе социальной практики приобретают форму конкретных поступков, модели поведения, стиля жизни. Поэтому идеологический фактор также воздействует на состояние духовной безопасности общества, поскольку идеология призвана объединять социум на базе разделяемых гражданами идей, целей и ценностей. По мнению российских ученых, 30-летнее отсутствие государственной идеологии «создает реальную угрозу национальной безопасности, особенно в условиях Специальной военной операции и продолжающейся «острой» фазы цивилизационного конфликта России со странами НАТО. За период, пока наша страна находилась под влиянием западной идеологии «общества потребления», в России создалась определенная «генотипная среда», которая в настоящее время «воспроизводит» разрушительные для государственности «гены»… России необходима идея, «которая будет общей для самых разных категорий граждан – независимо от возраста,

профессии, статуса или места жительства». Необходимость принятия идеологии в России заключается в том, что только она способна защитить культуру, именно культурный суверенитет – «самый важный» компонент полного суверенитета [12].

Еще одним фактором, влияющим на духовную безопасность общества, являются средства массовой информации. СМИ формируют общественное мнение, влияют на ход политических процессов, активно участвуют в социализации молодежи. Мощный поток манипулятивных техник СМИ имеет тотальный характер, он привел современное общество к утрате автономности в выборе культурных приоритетов. Мировоззрение масс оказалось адекватным не реально происходящему, а медиареальности – искусственному конструкту, который создают и транслируют СМИ.

Культурные образцы, продвигаемые через СМИ, постепенно подменяют многовековые традиции. Массовая культура становится уделом того большинства, которое не способно противопоставить ей подлинные и незыблемые культурные ценности. Способствует этому процесс примитивизации системы образования, которая не готовит всесторонне развитую фундаментально подготовленную к восприятию достижений культуры личность. Изменилась целевая установка, в новой редакции проекта «Стратегии развития образования до 2036 года» [13], из миссии системы образования исчезло прямое указание на воспитание всесторонне развитой личности – формулировка сменилась на «создание условий» для развития. Эксперт расценивает это как снятие ответственности: «создание условий» для развития личности не гарантирует, что личность действительно разовьется.

Эксперимент с «клонированием» западной системы образования не удался, об этом говорит качество образования, оно существенно понизилось. В условиях меняющейся геополитической обстановки, внешних вызовов государство делает акцент на независимости в ключевых сферах, включая образование. Россия выстраивает суверенную национальную систему образования, чтобы самостоятельно определять цели, содержание, методы обучения, исходя из национальных интересов, а не следуя внешним моделям. Это поможет сохранить и укрепить культурную и историческую идентичность, а значит и духовную безопасность.

Таким образом, следующим фактором влияния на духовную безопасность общества выступают институциональные изменения. В этой связи стоит сказать об институте семьи, кризис которого проявляется в трансформации форм семейной жизни, ослаблении ключевых функций, росте социального сиротства и т. д. Семья является

одним из ключевых внутренних факторов национальной безопасности, оплотом общества, гарантом его духовной безопасности, и перед государством стоит задача восстановить семью, создать условия, при которых институт семьи будет устойчивым, а семья – способной полноценно выполнять свои функции: репродуктивную, воспитательную, эмоционально-психологическую и др. О том, что это осознается на высшем уровне говорит, разработанная по поручению Президента РФ и утвержденная в 2025 году Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [13], ее ключевым механизмом стал национальный проект «Семья».

Выше обозначены факторы влияния на духовную безопасность российского общества, проблемы с ними связанные, а главное признаки активной работы над изменением ситуации, т.е. налицо политический фактор, проявляющийся в заинтересованности политических сил в благополучном и духовно здоровом обществе.

Список литературы

1. Кокорева Ю.В. Проблема духовной безопасности в современной России: социальный и нравственный аспекты / Ю.В. Кокорева, Н.В. Миронова // Манускрипт. – 2025. – Т. 18. №2. – С. 585–594. DOI 10.30853/mns20250083. EDN FBWTDW

2. Кравцов Д.Н. Духовная безопасность личности в современном российском обществе: автореф. дис.... канд. филос. наук: 09.00.13 / Д.Н. Кравцов. – Луганск, 2023. – 241 с. EDN HTKJAF

3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция / Т.И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – 568 с.

4. Шевченко О.М. Угрозы и риски духовности современной России / О.М. Шевченко, М.П. Тихоновскова // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7. №1. – С. 161–169. DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.14. EDN VWNBVB

5. Аринин Е.И. Проблема «Духовной безопасности» в контексте понимания религиозности в религиоведении / Е.И. Аринин, Е.А. Чудаева // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. – 2013. – №1. – С. 50–54.

6. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии / П.Н. Беспаленко // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – №7(62). – С. 215–224.

7. Тонконогов А.В. О концепции обеспечения духовной безопасности Российской Федерации / А.В. Тонконогов // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – №6. – С. 111–125. EDN RNIDWL

8. Духовно-нравственная сфера современного российского общества: обеспечение безопасности / Д.Б. Казанцева, А.Л. Золкин, О.А. Карпенко [и др.]. – М.: Русайнс, 2024. – 78 с. EDN HKIORV

9. Оботурова Н.С. Проблема духовной безопасности современного общества / Н.С. Оботурова // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. – 2023. – №1(8). – С. 80–86. DOI 10.46741/sgjournal.2023.8.1.012. EDN NGGZQA

10. Попов Е.А. Духовная безопасность в условиях культурно-цивилизационного развития / Е.А. Попов // Социодинамика. – 2023. – №2. – С. 10–19. DOI 10.25136/2409-7144.2023.2.39738. EDN IOXOUL

11. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ №809 от 09.11.2022. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.08.2026).

12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ №400 от 02.07.2021. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.08.2026).

13. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2038 года: Указ Президента РФ №858 от 25.11.2025. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.08.2026).

14. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ №208 от 13.05.2017. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.08.2026).

15. Буров В.Ю. Воздействие экономических санкций на состояние экономической безопасности Российской Федерации / В.Ю. Буров, Н.В. Капитонова, Г.А. Пузарин // Теневая экономика. – 2026. – Т. 10. №1. – С. 183–206. DOI 10.18334/tek.10.1.124657. EDN SQADTL

16. Степин В. Эпоха цивилизационных перемен и диалог культур / В. Степин // Россия и мусульманский мир. – 2010. – №3. – С. 4–20. EDN LALTZN

17. Путин: миру нужна новая, свободная от политических манипуляций, модель развития // Вести.ру. – URL: https://tass.ru/ekonomika/24300903 (дата обращения: 22.08.2026).

18. Константинов М.С. Мировоззренческие основания межпоколенческих конфликтов в современной России / М.С. Константинов, Е.А. Морозова // Конфликтология / nota bene. – 2025. – №2. – С. 90–109. DOI 10.7256/2454-0617.2025.2.74631. EDN LHIDDR

19. Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Распоряжение Правительства РФ №1734-р от 01.07.2024. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.08.2026).

20. Ильин В.А. К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта» / В.А. Ильин, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18. №2. – С. 9–38. DOI 10.15838/esc.2025.2.98.1. EDN TQHXRM

21. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ №615-р от 15.03.2025. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.08.2026).

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Григорян Арсен Тигранович
студент

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В СУБЪЕКТАХ РФ: МЕТОДЫ И ПОКАЗАТЕЛИ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности оценки эффективности бюджетных расходов на здравоохранение в субъектах Российской Федерации. Анализируется необходимость сопоставления объема бюджетного финансирования с достигнутыми социальными и медицинскими результатами. Рассматриваются основные показатели эффективности, включая расходы на одного жителя, доступность медицинской помощи, обеспеченность кадрами, качество медицинских услуг и медико-демографические показатели. Обосновывается необходимость перехода от оценки исполнения бюджета к оценке конечных результатов государственной политики в сфере здравоохранения.*

Ключевые слова: *бюджетные расходы, здравоохранение, субъекты РФ, эффективность, бюджетное финансирование, медицинская помощь, региональная политика, государственные расходы.*

Актуальность статьи обусловлена необходимостью рационального использования бюджетных средств и повышения эффективности расходов на здравоохранение. Особое значение имеет оценка того, насколько выделяемое финансирование способствует улучшению качества и доступности медицинской помощи в регионах РФ.

Принцип эффективности использования бюджетных средств закреплен в Бюджетном кодексе Российской Федерации [1, с. 17]. В сфере здравоохранения он предполагает достижение максимально возможного общественно значимого результата при рациональном использовании финансовых ресурсов. Результат может выражаться в повышении доступности медицинской помощи, улучшении её качества, развитии инфраструктуры и положительной динамике показателей здоровья населения.

Государственная политика в данной сфере осуществляется в том числе в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения», предусматривающей мероприятия по совершенствованию медицинской помощи, профилактике заболеваний и развитию кадрового потенциала [2, с. 8]. Поэтому оценка бюджетных расходов должна учитывать не только степень исполнения финансовых показателей, но и достижение установленных результатов.

Эффективность бюджетных расходов целесообразно определять как соотношение затраченных ресурсов и полученного результата. Добролюбова Е.И. и Старостина А.Н. отмечают необходимость оценки региональных расходов с позиции граждан как конечных получателей государственных услуг [3, с. 66–68]. Для здравоохранения данный подход особенно важен, поскольку увеличение финансирования не всегда сопровождается соответствующим повышением качества медицинской помощи.

Одним из основных финансовых показателей являются расходы на здравоохранение в расчете на одного жителя. Он позволяет учитывать различия в численности населения субъектов РФ. Однако использовать его отдельно нельзя, поскольку регионы отличаются по площади, плотности населения, уровню урбанизации и транспортной доступности. Следовательно, финансовые показатели необходимо сопоставлять с фактическими результатами.

Важным направлением оценки является доступность медицинской помощи. К соответствующим показателям относятся обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом, наличие медицинских организаций, доступность первичной помощи и состояние медицинской инфраструктуры. Особое значение это имеет для сельских и удаленных территорий, где организация медицинской помощи требует дополнительных расходов.

Не менее важны показатели качества медицинских услуг: удовлетворенность граждан, своевременность получения помощи,

доступность диагностики и лечения, эффективность профилактических мероприятий. Исследования показывают, что оценка граждан может использоваться как дополнительный показатель эффективности региональных бюджетных расходов [3, с. 70–72].

Конечные результаты государственной политики характеризуются также ожидаемой продолжительностью жизни, смертностью населения, младенческой смертностью и заболеваемостью. Статистические материалы Росстата позволяют анализировать соответствующие показатели по субъектам Российской Федерации [4, с. 7–9]. Однако состояние здоровья населения зависит не только от финансирования здравоохранения, но и от уровня доходов, условий труда, экологической ситуации, образа жизни и других факторов. Поэтому делать вывод об эффективности исключительно по одному показателю нельзя.

Одним из наиболее доступных методов является анализ динамики. Он предполагает сопоставление расходов и результатов за несколько лет. Например, изменение расходов на одного жителя можно сравнить с динамикой обеспеченности медицинскими кадрами, доступности медицинской помощи и показателей здоровья. Это позволяет определить, сопровождается ли увеличение финансирования улучшением результатов.

Другой метод – межрегиональное сравнение. Статистические данные позволяют сопоставлять субъекты РФ по расходам, кадровому обеспечению, состоянию инфраструктуры и показателям здоровья населения [4, с. 61–79]. Однако сравнивать необходимо регионы с учётом их социально-экономических и территориальных особенностей. В противном случае различия могут быть обусловлены объективными условиями, а не эффективностью управления бюджетными средствами.

Целесообразно использовать комплексный подход, включающий финансовые, кадровые, инфраструктурные, медицинские и социальные показатели. Регион с высокими расходами на одного жителя не может автоматически считаться эффективным, если при этом сохраняются низкая доступность медицинской помощи или неудовлетворенность населения. В то же время высокий уровень расходов может быть оправдан, если он обеспечивает существенное повышение качества и доступности медицинских услуг.

Необходимо учитывать и структуру бюджетных расходов. Средства направляются на оплату труда медицинских работников, приобретение оборудования, строительство и ремонт объектов,

лекарственное обеспечение, профилактику и цифровизацию. Эффективность каждого направления должна оцениваться с учётом достигнутого результата. Таким образом, оценка эффективности бюджетных расходов на здравоохранение в субъектах РФ должна основываться на сопоставлении финансовых ресурсов с конечными социально значимыми результатами. Наиболее объективным является использование комплекса показателей, включающего расходы на одного жителя, доступность медицинской помощи, обеспеченность кадрами, качество услуг, удовлетворенность населения и медико-демографические показатели.

Следовательно, современная оценка эффективности бюджетных расходов должна выполнять не только контрольную, но и управленческую функцию. Её основная задача заключается в определении наиболее результативных направлений финансирования и выявлении проблемных сфер. Использование финансовых, статистических и социологических показателей в совокупности позволит повысить объективность оценки и обеспечить более рациональное использование государственных ресурсов. В конечном счёте эффективность региональных расходов должна определяться не количеством освоенных средств, а тем, насколько их использование способствует повышению доступности и качества медицинской помощи и улучшению здоровья населения.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №145-ФЗ от 31.07.1998 // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3823.

2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: утв. постановлением Правительства РФ №1640 от 26.12.2017.

3. Добролюбова Е.И. Эффективность региональных бюджетных расходов на образование и здравоохранение: оценка с позиции граждан / Е.И. Добролюбова, А.Н. Старостина // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14. №4. – С. 64–78. DOI 10.31107/2075-1990-2022-4-64-78. EDN MCZMWG

4. Здравоохранение в России. 2025: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – М.: Росстат, 2025. – 149 с.

Егиазарян Милена Варданович
студентка

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РФ: АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние внешних санкционных ограничений на экономическую безопасность Российской Федерации. Автор подчеркивает важность анализа последствий, которые возникают в ходе этих ограничений, так они затрагивают такие секторы экономики, как финансовую систему, высокотехнологичный промышленный сектор. На основе проведенного анализа предлагаются стратегии адаптации, направленные на технологическую систему и замещения импорта.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, Российская Федерация, санкции, экономические последствия, финансовая система, замещение импорта, адаптация экономики, технологическая система, устойчивость экономики, внешняя торговля.*

В современных геополитических условиях вопросы экономической безопасности стоят на первом месте, а для России, которая столкнулась с огромным количеством санкционного давления, она приобретает критическое значение. Введенные ограничения охватывают практически все сферы хозяйственной деятельности от финансовых расчетов и заканчивая высокотехнологичным промышленным сектором. Актуальность исследования обусловлена в необходимости системного осмысления осуществляющих процессов на выработку эффективных менеджерских решений.

Санкционное давление, которое усилилось с 2022 года, привело к системным изменениям в многих аспектах экономики. Наиболее ощутимые последствия проявились в двух областях: финансовая

система и высокотехнологичная промышленность. Экономическая безопасность в условиях санкций – это не просто противостояние страны внешним ударам, но и также она включает в себя устойчивость в финансовом механизме, технологической независимости и сохранении социальной стабильности. Также во время беспорядка с экономической безопасностью многие требуют пересмотра традиционных критериев оценки, чтобы в критических ситуациях было импортозамещение и своя альтернативная технология [2, с. 190]. Так санкционное давление актуализирует проблему структурной перестройки экономики и требует комплексного подхода к обеспечению национальных интересов [3, с. 37].

Можно сказать, что основная угроза исходит не столько от самих ограничений, а сколько от накопительного эффекта, который со временем и порождает вторичные риски (например, падение инвестиционной активности). Но в то же время санкции следует рассматривать как долгосрочный фактор, который повлияет на логику функционирования экономики, а не как одноразовое событие, которое быстро пройдет [1, с. 12].

Финансовый сектор столкнулся с ограничениями на проведение международных расчетов в долларах и евро, а также с блокировкой части золотовалютных резервов. Это создало сложности для внешнеторговых операций и повысило волатильность национальной валюты. Но тем не менее приспособительные возможности российской экономики оказались выше первоначальных прогнозов, чему способствовала переориентация торговых потоков на страны Азии и Ближнего Востока [4, с. 78]. Однако, как отметила глава Центрального банка РФ, определенный запас прочности, накопленный в предыдущие годы, позволил финансовой системе адаптироваться к новым условиям. Ключевым фактором выживания стала гибкость самого бизнеса, который активно искал новые схемы платежей и переориентировался на валюты дружественных стран.

В ключевых промышленных секторах (машиностроении, электроника, авиастроение) сохраняется высокая импортозависимость. Уход западных поставщиков привел к резкой перенацеливание на Китай. Доля китайского оборудования выросла в четыре раза, то есть в 43%, но при этом большая часть предприятий не имеет качественных хозяйственных аналогов для критической важной продукции. Что касается сельского хозяйства, то там ситуация намного лучше: по ряду позиций (мясо, зерно) достигнута полная самообеспеченность. Однако архитектура экономической безопасности

России требует постоянной корректировки механизмов защиты внутреннего рынка, особенно в периоды турбулентности [6, с. 45].

В ответ на санкционные ограничения была развернута масштабная программа адаптации, ключевым элементом которой стала политика импортозамещения. Цель этой стратегии – снижение зависимости от внешних поставок и создание собственных производств. В качестве примера можно привести ряд успешных проектов. В авиастроении начались испытания полностью импортозамещенных определенных самолетов с новыми российскими двигателями. В нефтегазовом секторе уровень локализации производства вырос до 70%. Эти примеры демонстрируют движение в сторону технологического суверенитета. Так индустриализация в условиях санкций сталкивается с неравномерностью развития регионов и дефицитом инвестиционных ресурсов, что замедляет темпы модернизации [7, с. 135]. Однако, как показывает практика, импортозамещение сталкивается с серьезными препятствиями. Более 60% компаний выражают сомнения в стабильности и качестве новых отечественных решений. Кроме того, отрасль испытывает острый кадровый голод – по некоторым оценкам, дефицит кадров в обрабатывающей промышленности достигает 2 миллионов человек. Поэтому эффективное развитие внутреннего рынка в условиях санкций невозможно без усиления координации между государством, бизнесом и научно-образовательными учреждениями [8, с. 112]. Государство, в свою очередь, пытается стимулировать этот процесс через финансирование – например, через Фонд развития промышленности было выделено более 104 млрд рублей льготных кредитов.

Перспективы перехода от тактики замещения к стратегии технологического лидерства оцениваются экспертами как долгосрочные – достижение реальной независимости оценивается в 10–15 лет. Для этого необходимы не только финансовые вливания, но и глубокая модернизация производственных мощностей и системы образования.

Таким образом, санкционное давление стало мощным стресс-фактором для экономической безопасности России, обнажив уязвимости, прежде всего в технологической сфере и финансовой инфраструктуре. Вместе с тем, реакция экономики показала ее способность к адаптации. Основными инструментами противодействия стали импортозамещение и переориентация торговых потоков.

Тем не менее, достигнутый уровень адаптации нельзя считать окончательной победой над вызовами. Сохраняются структурные

проблемы: высокая зависимость от импорта компонентов, кадровый дефицит и недоверие бизнеса к некоторым отечественным продуктам. Для укрепления экономической безопасности необходим переход от политики вынужденного замещения к долгосрочной стратегии инновационного развития, которая базировалась бы на развитии человеческого капитала и создании собственной технологической базы.

Список литературы

1. Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации / под ред. Р.М. Нуреева. – М.: КноРус, 2021. – 252 с.

2. Буров В.Ю. Воздействие экономических санкций на состояние экономической безопасности Российской Федерации / В.Ю. Буров, Н.В. Капитонова, Г.А. Пузарин // Теневая экономика. – 2026. – Т. 10. №1. – С. 183–206. DOI 10.18334/tek.10.1.124657. EDN SQADTL

3. Колоткина О.А. Влияние санкций на экономическую безопасность России / О.А. Колоткина // Бюллетень инновационных технологий. – 2023. – Т. 7. №2(26). – С. 35–40. EDN GTCZIK

4. Потемкин А.С. Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений / А.С. Потемкин // Экономическая безопасность. – 2024. – №7.

5. Симачев Ю.В. Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования / Ю.В. Симачев // Вопросы экономики. – 2023. – №12. – С. 5–30. DOI 10.32609/0042-8736-2023-12-5-30. EDN WZDCOU

6. Пыльнева Т.Г. Экономическая безопасность России: архитектура, механизмы и приоритеты в эпоху турбулентности: монография / Т.Г. Пыльнева, С.М. Качалова. – Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2026. – 168 с. EDN KFPUEN

7. Егоров Д.О. Импортозависимость экономики России и ее регионов на фоне санкционных ограничений / Д.О. Егоров, Д.И. Чатурова // ЭКО. – 2025. – №4. – С. 129–151. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2025-4-129-151. EDN WXICYU

8. Внутренний рынок Российской Федерации в условиях санкционных ограничений: монография / С.Н. Сильвестров, В.В. Еремин, Д.Ю. Байдаров [и др.]. – М.: Дашков и К, 2025. – 260 с.

Ермоленко Виолетта Николаевна
студентка

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация: *в статье анализируется текущее состояние продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях политики импортозамещения. Автор сопоставляет нормативные пороговые значения Доктрины продовольственной безопасности с фактическими статистическими данными. Особое внимание уделяется скрытым угрозам: зависимости от импорта семян, техники и ветеринарных препаратов. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости перехода от замещения готовой продукции к обеспечению технологического суверенитета в агропромышленном комплексе.*

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, импортозамещение, агропромышленный комплекс, самообеспеченность, технологическая зависимость, экономическая доступность.*

Вопрос обеспечения граждан продуктами питания всегда был стратегическим для любого государства. Для России он приобрел особую остроту после 2014 года, когда введение санкций и ответных ограничений заставило пересмотреть подходы к аграрной политике. Термин «импортозамещение» из теоретической плоскости перешел в практическую, став основой новой Доктрины продовольственной безопасности. Будучи студентом юридического направления, я понимаю, что продовольственная безопасность – это не только экономическая, но и правовая категория, поскольку она закреплена в нормативных актах и напрямую связана с

реализацией права граждан на достойный уровень жизни. Поэтому изучение этой темы требует междисциплинарного подхода.

Цель настоящей работы – выявить ключевые вызовы, стоящие перед продовольственной безопасностью России на современном этапе, и оценить, насколько успешно политика импортозамещения решает поставленные задачи. Для этого необходимо проанализировать статистические показатели самообеспеченности и определить структурные диспропорции в аграрном секторе.

Правовая и теоретическая основа.

Основным документом, определяющим вектор развития, является Указ Президента РФ от 21 января 2020 года №20, которым утверждена новая Доктрина продовольственной безопасности. В ней зафиксированы пороговые значения самообеспеченности. Например, по зерну этот показатель должен составлять не менее 95%, по маслу растительному – 90%, по мясу – 85%, по овощам и бахчевым – 90% [1].

С экономической точки зрения продовольственная безопасность включает не только физическое наличие продуктов, но и их экономическую доступность. Это означает, что у населения должна быть финансовая возможность приобретать качественные продукты питания. Данный аспект особенно важен, поскольку рост цен может свести на нет успехи в наращивании объемов производства.

Анализ текущей ситуации и «ловушка» статистики.

На первый взгляд, если смотреть на валовые показатели, может сложиться впечатление, что проблема решена. Минсельхоз России и Росстат фиксируют рекордные урожаи последних лет. Для наглядности представим основные показатели в таблице 1.

Таблица 1

Уровень самообеспеченности
основной продукцией в РФ (2023–2024 гг.)

Вид продукции	Пороговое значение Доктрины (%)	Фактический уровень (%)	Соответствие
1	*2*	*3*	*4*
Зерно	≥ 95	152,4	Значительно превышен
Мясо и мясопродукты	≥ 85	101,9	Достигнут

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*
Молоко	≥ 90	84,7	Ниже нормы
Овощи и бахчевые	≥ 90	88,6	Ниже нормы
Картофель	≥ 95	92,0	Близко к норме

Источник: составлено автором на основе данных Росстата [2; 3].

Цифры действительно выглядят впечатляюще, особенно по зерну и мясу. Однако, на наш взгляд, за этими успехами скрывается серьезная уязвимость. Высокие показатели достигаются во многом благодаря зависимости от импорта так называемых «ингредиентов» производства. Следует три уровня такой зависимости, которые не всегда очевидны при анализе валовых сборов.

1. Технологическая зависимость (семена и генетика).

Несмотря на огромные урожаи пшеницы, значительная часть посадочного материала по ряду культур остается импортной. По данным Минсельхоза и Счетной палаты, если по пшенице доля отечественных семян превышает 90%, то по сахарной свекле она долгое время была критически низкой (около 3–5%), по подсолнечнику – примерно 25–30%, по картофелю – менее 50% [4]. Это означает, что наше «импортозамещение» в хлебе и масле физически зависит от поставок семян из недружественных стран. При гипотетическом полном перекрытии канала поставок показатели, указанные в таблице, могут обрушиться в течение одного сельскохозяйственного сезона. Только в последние пару лет началась активная работа по локализации селекции, но это процесс не одного года, а десятилетий.

2. Средства производства (техника и «химия»).

Парк сельскохозяйственной техники в России сильно изношен, и долгое время он обновлялся за счет импортных машин (John Deere, Claas и др.). После 2022 года поставки прекратились, а отечественное машиностроение (Ростсельмаш, Петербургский тракторный завод) хоть и наращивает обороты, но не может мгновенно закрыть потребность в высокотехнологичной технике. То же самое касается ветеринарных препаратов и кормовых аминокислот. Без современных вакцин невозможно поддерживать высокие показатели в птицеводстве и свиноводстве, а значительная часть кормовых добавок раньше закупалась за рубежом [5].

3. Экономическая доступность (доходы населения).

Производство продуктов растет, но это не гарантирует, что все слои населения могут их купить. По данным Росстата, доля расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств остается высокой. У малоимущих слоев этот показатель превышает 40%, что говорит о низком качестве питания [3]. Произведя достаточно мяса, мы столкнулись с ростом цен на него на внутреннем рынке, поскольку производителям выгоднее экспортировать продукцию. Таким образом, физическая доступность вошла в конфликт с экономической.

Пути укрепления безопасности.

Укрепление продовольственной безопасности не должно сводиться к простому наращиванию объемов. На мой взгляд, необходимо сместить акцент с валовых показателей на качественные и технологические.

Во-первых, требуется ускоренное развитие селекции и генетики. Создание отечественных гибридов и пород – это уже не просто аграрная задача, а вопрос национальной безопасности. Нужны государственные субсидии научным центрам и бизнесу, который готов вкладываться в долгосрочные проекты, а не только в быструю прибыль. С юридической точки зрения это потребует совершенствования законодательства о семеноводстве и племенном деле.

Во-вторых, необходимо поддерживать не только производителей сырья, но и переработчиков, а также производителей агрохимикатов и сельхозмашиностроения. Политика импортозамещения должна идти «вглубь», охватывая всю цепочку создания стоимости, а не только финальный продукт.

В-третьих, важно решать проблему доходов населения. Дорогие продукты при пустых прилавках – это дефицит, но дорогие продукты при полных прилавках и низких зарплатах – это кризис потребления и угроза социальной стабильности. Меры адресной поддержки малоимущих граждан (например, продовольственные карты или прямые выплаты) должны стать частью стратегии продовольственной безопасности наравне с субсидиями аграриям.

Подводя итог, можно сказать, что России удалось создать «подушку безопасности» по основным видам продовольствия и выполнить базовые установки импортозамещения по валовым объемам. Однако первый этап – замещение готовой еды – завершен. Страна вступает во второй, более сложный этап – замещение технологий и

средств производства. Если не решить проблему зависимости от импортных семян, генетики и техники, то достигнутые высокие показатели окажутся временными. Поэтому стратегия укрепления продовольственной безопасности должна эволюционировать от простого замещения импорта к построению полного технологического суверенитета в агросфере, а также учитывать фактор бедности населения, который напрямую влияет на потребление продуктов.

Список литературы

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ №20 от 21.01.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №4. – Ст. 345.

2. Федеральная служба государственной статистики. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. – URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (дата обращения: 25.08.2025).

3. Федеральная служба государственной статистики. Уровень жизни. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 25.08.2025).

4. Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ обеспеченности сельскохозяйственных товаропроизводителей семенами отечественного производства в 2022–2023 годах». – М., 2023. – URL: https://ach.gov.ru/statements/ (дата обращения: 25.08.2025).

5. Петриков А.В. Стратегические направления совершенствования аграрной политики России в условиях санкционного давления / А.В. Петриков // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235. №3. – С. 122–133. DOI 10.38197/2072-2060-2022-235-3-122-133. EDN EATOKW

Кулажников Вадим Владимирович
канд. юрид. наук, канд. юрид. наук, доцент
Дальневосточный юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
г. Владивосток, Приморский край

СТАНОВЛЕНИЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Аннотация: *предметом исследования являются институты финансового контроля в России в истории и развитии, их эволюционный характер, постепенность формирования. Выбор методологии обусловлен необходимостью комплексного изучения основных аспектов развития внутреннего финансового контроля. В работе использованы историко-правовой, формально-логический и сравнительно-правовой методы. Основные выводы проведенного исследования сформулированы автором в заключительной части статьи. В статье обосновано, что история финансового контроля в России представляет собой совокупность не только основных этапов его развития в российском государстве, но и накопленный опыт в данной сфере в мире. Комплексное использование исследуемых инструментов финансового контроля позволяет предотвратить финансовые потери, мошенничество, а также исключить ненадлежащее распределение ресурсов.*

Ключевые слова: *финансовый контроль, государственный контроль, царская России, советская Россия, реформы, федеральные законы, подзаконные акты, стандарты, операции, инструменты.*

История финансового контроля в России представляет собой совокупность не только основных этапов его развития в российском государстве, но и накопленный опыт в данной сфере в других странах. На территории российского государства зарождение института финансового контроля относится еще к XI веку и связано с законодательным закреплением соответствующих норм в «Русской Правде». Наряду с официальным обозначением на основании текста данного документа социальных категорий населения Руси, разработкой основ правовой системы, «Русская Правда» передавала право денежного контроля высшему должностному лицу, т.е. – князю. Необходимо также отметить, что к указанному периоду решение финансовых вопросов на Руси осуществлялось в рамках

народного собрания – веча, на котором могли обсуждаться, например, военные налоги, подати и т. д. [6, с. 1427].

Таким образом, финансовый контроль в русском государстве был необходим, в первую очередь, для сбора повинностей с населения и реализации торговых операций. Между тем, XI век де-факто являлся начальным этапом становления финансового контроля, в результате чего его система не отличалась стройностью и упорядоченностью. В русском государстве существовали специальные наименования для лиц, занимавшихся различными операциями в рамках реализации финансового контроля. При этом каждый вид финансового контроля предусматривал назначение специальных ответственных лиц, к компетенции которых относилось выполнение операций, обеспечивающих как уплату налогов с населения, так и торговых пошлин.

Таким образом, для реализации финансового контроля на Руси в XI столетии требовалась работа значительного количества ответственных лиц, в обязанности которым вменялся сбор конкретного рода пошлин. Между тем, сложившаяся к этому времени система финансового контроля требовала упорядоченности, которая была достигнута посредством составления «Устава Владимира Всеволодовича» Владимиром Мономахом. Данный Устав существенно дополнил «Русскую правду» в области финансового контроля, придав ей строгость и системный характер. Суть данного документа состояла в регулировании отношений в финансово-кредитной области, а также положения зависимых слоёв русского населения. В частности, «Устав Владимира Всеволодовича» определял права и обязанности закупов, ограничивал полномочия землевладельцев, запрещал низводить купцов до рабского положения, определял порядок реализации кредитных обязательств, а также устанавливал предельный порог процентов по последним (20%) [2]. Значение дополнений «Устава Владимира Всеволодовича» к тексту первоначального законодательного документа – «Русской Правды», состояло в том, что его положения использовались в юридической практике Древнерусского государства до периода утверждения татаро-монгольского ига.

Следующий этап эволюции учреждений финансового контроля в России соотносится с эпохой правления Ивана III. При нем в период с 1462 г. по 1505 г. было сформировано 25 органов центрального управления – приказов, которые в научно-исследовательской литературе также нередко именовались палатами или четвертями. Несмотря на то, что собственно финансового приказа в русском государстве не

существовало, большинство этих учреждений имели отношение к финансовому контролю. В период правления Ивана III была также учреждена Казна – общегосударственное ведомство, к компетенции которого относилось хранение денег и драгоценностей.

Иван IV Грозный вопросам финансового контроля также уделял значительное внимание, опираясь в данной сфере преимущественно на Боярскую Думу [5]. В период правления Ивана Грозного роль государства в жизни русского общества усиливается, а реализация финансового контроля приобретает централизованный характер. На законодательном уровне это находит свое выражение в принятии Судебника Ивана IV. Необходимо отметить комплексный характер реформы Ивана Грозного – внедрение новой единицы налогообложения реализовывалось на предварительно подготовленной почве: вносились изменения в действующее законодательство, производилась опись территорий, оптимизировалась система налоговых сборов.

После тяжелого для российского государства периода Смутного времени, а также по окончании XV столетия главным органом, реализующим финансовый контроль на государственном уровне, стала Большая Казна. В целях четкого определения и структурирования полномочий последней при царе Алексее Михайловиче был учрежден Счетный приказ, к компетенции которого относился контроль за приходной и расходной частью финансов различных учреждений. Счетный приказ ведал как сборами текущих лет, так и суммами, которые поступали в государственную казну за предшествовавшие годы и, в силу разных причин, не были израсходованы [4, с. 92]. Также Счетный приказ был наделен правом истребования отчетов от финансовых органов управления местного уровня.

В рамках реформаторской деятельности Петра I приказы были преобразованы в коллегии в целях формирования более эффективной системы управления в российском государстве, которая в краткие сроки обеспечила бы России возможность конкурировать с европейскими державами.

Деятельность петровских коллегий регулировалась на основе Генерального регламента, а также ряда специальных регламентов, в которых были определены обязанности по каждой из сфер управления [3, с. 328]. Необходимо отметить, что учреждение коллегий относилось к 1717–1721 гг., а в 1720 г. Петром Великим был образован орган, к компетенции которого относилось управление финансами, а именно – Ревизион-Коллегия [7, с. 25]. Данное

учреждение также реализовывало функции контроля в отношении государственных финансов.

Следующим значимым этапом развития финансового контроля в период царской России следует признать учреждение Государственной экспедиции для ревизии счетов 20 февраля 1809 г. в период правления Александра I, которая имела статус единого органа финансового контроля.

Вплоть до 1864 г., на который пришлось реформирование российского государства в самых различных областях административной и общественной практики, ревизия государственных доходов и расходов в отдельных губерниях страны относилась к компетенции специальных отделений при казенных палатах. Необходимо отметить, что к концу XIX столетия в российском государстве функционировало 59 контрольных палат – учреждений Министерства финансов, действовавших на губернском уровне. 8 апреля 1892 г. было утверждено новое положение о Государственном контроле, посредством которого уточнялись его функции, а также оптимизировалась структура управления [8, с. 156].

В начале прошлого столетия финансовый контроль со стороны государства включал в себя ревизии расходов государственного банка, его операций за счет казны, расходов крестьянских учреждений, а также кредитных операций мелкого масштаба, реализуемых через государственные сберегательные кассы. В целом, следует подчеркнуть, что пореформенный период 60-х гг. XIX столетия, а также рубежа XIX – XX вв. заложили основы проведения в российском государстве эффективной политики в области финансов, а также функционирования достаточно развитой системы финансового контроля.

Совершенно особый этап развития финансового контроля в России – советская эпоха. После революции 1917 г. функция государственного финансового контроля получила в российском государстве организационное оформление. Однако, уже в марте следующего 1918 г. государственный контроль в сфере финансов был упразднен, его функции перешли к Центральной контрольной коллегии, состав которой утверждался ВЦИК. Также учреждались контрольно-счетные палаты местного уровня. Фактически функции государственного финансового контроля на протяжении всей советской эпохи были сосредоточены в руках Совета народных депутатов.

Наконец, по мере смены административно-командных механизмов управления на рыночные способы хозяйствования в

российском государстве государственное регулирование экономической сферы сузилось и произошел переход к опосредованному управлению экономикой. Законодательными актами в Российской Федерации учреждались органы государственного финансового контроля. В частности, на основании Федерального закона №4-ФЗ от 18 января 1995 г. была учреждена Счетная палата РФ («О Счетной палате Российской Федерации») [1].

Таким образом, подводя итог рассмотрению историко-правовых аспектов формирования инструментов финансового контроля, следует отметить, что финансовый контроль в российском государстве прошел длительный, многовековой путь становления и развития. Начало ему было положено еще в XI веке, с оформления первых сводов законов. Система финансового контроля в России непрерывно трансформировалась, приобретая упорядоченность и строгость функционала реализующих его органов.

Список литературы

1. О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон №41-ФЗ от 05.04.2013 (ред. от 10.07.2023 №286-ФЗ). – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.10.2025).

2. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. – Т. 4: XII век. – СПб.: Наука, 1997. – 685 с.

3. Бровкина Н.Д. Основы финансового контроля: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Финансы и кредит», «Мировая экономика» / Н.Д. Бровкина; под ред. М.В. Мельник. – М.: Магистр, 2007. – 382 с. EDN QRXFJJ

4. Кошихин Г.К. О России, в царствование Алексея Михайловича: современное сочинение Григория Кошихина / Г.К. Кошихин. – Изд. 1. – СПб.: типография Эдуарда Праца, 1840. – 160 с.

5. Кузнецова Е.В. Зарождение и эволюция государственного финансового контроля России IX-XVII вв. / Е.В. Кузнецова // Альманах современной науки и образования: в 2-х ч. – 2008. – №6(13). – Ч. I. – С. 123–127. EDN PBXCVR

6. Мифтахова Ч.А. История государственного финансового контроля в России в эпоху дворцовых переворотов / Ч.А. Мифтахова, Э.М. Ахметшин // Экономика и социум. – 2014. – №4(13). – С. 1427–1433. EDN TPEWLN

7. Скворцова Е.М. История Отечества: учебник для студентов высших учебных заведений / Е.М. Скворцова, А.Н. Маркова. – 2-е изд., стер. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 845 с.

8. Турбина Е.П. Исторические аспекты становления и развития финансового контроля в России / Е.П. Турбина, М.А. Симонян // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – №2(26). – С. 154–159.

Махов Михаил Викторович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается значение оценки экономических рисков в системе обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Актуальность темы обусловлена ростом неопределённости в экономике, санкционным давлением, изменением финансовых условий, увеличением себестоимости, цифровизацией и усилением требований к устойчивости организаций. Подчеркивается, что оценка рисков должна рассматриваться не как формальная процедура, а как постоянный элемент управления.*

Ключевые слова: *экономический риск, оценка рисков, экономическая безопасность, неопределённость, финансовая устойчивость, риск-менеджмент, цифровые риски, санкционные риски.*

Современная экономика развивается в условиях высокой неопределённости. На деятельность предприятий и организаций одновременно влияют финансовые, производственные, правовые, технологические, кадровые и внешнеэкономические факторы. Изменение стоимости ресурсов, колебание спроса, рост издержек, усложнение логистики, кадровый дефицит и цифровые угрозы формируют среду, в которой любое управленческое решение связано с риском. В этих условиях экономическая безопасность всё больше зависит от способности хозяйствующего субъекта заранее выявлять угрозы, оценивать их последствия и принимать меры по снижению возможных потерь.

Актуальность оценки усиливается тем, что российская экономика в последние годы функционирует в условиях структурной трансформации и санкционного давления. В «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» Банк России отмечает, что в 2022 году российская экономика и финансовый рынок столкнулись с широким спектром вызовов, связанных с беспрецедентным

санкционным давлением [2, с. 4]. Это означает, что риски хозяйствующих субъектов формируются не только внутри организации, но и во внешней экономической среде.

Экономический риск можно рассматривать как ситуацию, при которой фактический результат хозяйственного решения может отличаться от ожидаемого под воздействием внутренних или внешних факторов. Такое отклонение может выражаться в снижении прибыли, ухудшении ликвидности, росте затрат, нарушении обязательств, потере клиентов или снижении деловой репутации. В национальном стандарте ГОСТ Р ИСО 31073–2024 подчёркивается значение единой терминологии в сфере менеджмента риска, поскольку она необходима для последовательного понимания действий, связанных с управлением рисками в организациях [1, с. 4].

Современные экономические риски имеют комплексный характер. Финансовые риски могут быть связаны с ростом процентных ставок, увеличением долговой нагрузки и снижением доступности кредитования. Производственные риски возникают при удорожании сырья, нарушении поставок, технологической зависимости и износе оборудования. Правовые риски усиливаются в условиях изменения регулирования и усложнения договорных отношений. Цифровые риски связаны с зависимостью от информационных систем, киберугрозами и необходимостью защиты данных. В результате одна проблема может вызвать цепочку последствий, затрагивающих сразу несколько сфер деятельности организации.

В «Обзоре финансовой стабильности» Банка России за II–III кварталы 2024 года отмечается, что новые санкции были направлены на снижение экспорта и импорта продукции, а также на сдерживание технологического развития России в реальном и финансовом секторе [3, с. 16]. В этом же документе указывается, что одним из факторов, негативно влияющих на финансовое состояние компаний, является рост себестоимости из-за увеличения затрат на оплату труда, повышения тарифов инфраструктурных компаний, удорожания логистики и внешних ограничений [3, с. 16]. Эти обстоятельства показывают, что оценка рисков должна учитывать не только внутреннее состояние предприятия, но и изменения внешней среды.

Практическая оценка экономических рисков предполагает выявление возможных угроз, определение их источников и анализ вероятных последствий. Для организации важно понимать, какие ресурсы являются критически значимыми, какие контрагенты создают

наибольшую зависимость, какие расходы растут быстрее доходов и какие внешние изменения могут повлиять на устойчивость.

Особую роль играет оценка финансовой устойчивости. Рост стоимости заёмных ресурсов и изменение условий кредитования могут существенно повлиять на деятельность компаний, особенно если они имеют высокую долговую нагрузку. Банк России указывает, что рост процентных ставок снижает прибыльность прежде всего у компаний с высокой долговой нагрузкой [3, с. 16]. Следовательно, предприятие должно оценивать не только текущее финансовое положение, но и возможные изменения условий финансирования, выручки, себестоимости и сроков расчётов с контрагентами.

В 2024 году санкционные ограничения повлияли на инфраструктуру валютного рынка. Банк России отмечал, что после санкций в отношении Группы «Московская Биржа» были приостановлены биржевые торги поставочными инструментами в долларах США, евро и гонконгских долларах, а официальный курс доллара США и евро стал рассчитываться на основе данных банковской отчётности по внебиржевым операциям [3, с. 23]. Для предприятий это означает необходимость учитывать не только валютный курс, но и условия расчётов, доступность платёжной инфраструктуры и зависимость от внешних поставок.

Цифровизация ускоряет обмен данными, повышает эффективность управления и расширяет возможности анализа, но одновременно увеличивает зависимость организаций от информационных систем. В документе Банка России по развитию информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на 2023–2025 годы выделяются вызовы, связанные с операционной надёжностью, защитой информации, технологической зависимостью от внешних контрагентов и повышением доверия к финансовым услугам [5, с. 5]. Эти проблемы актуальны не только для финансовых организаций, но и для любых предприятий, использующих электронный документооборот, онлайн-платежи, цифровые сервисы и базы данных клиентов.

Важной проблемой остаётся формальное отношение к риск-менеджменту. В некоторых организациях оценка рисков проводится только для отчётности или выполнения внутренних требований. В таком случае она не влияет на реальные управленческие решения и не повышает защищённость предприятия.

Оценка рисков особенно важна для малого и среднего предпринимательства. Такие организации часто имеют ограниченные

финансовые резервы, зависят от небольшого числа клиентов и поставщиков, а также не всегда располагают возможностью содержать сильные юридические, финансовые и аналитические подразделения. Поэтому даже простые инструменты оценки – анализ расходов, контроль дебиторской задолженности, проверка контрагентов, расчёт минимально необходимой выручки и оценка зависимости от ключевых ресурсов – могут существенно повысить устойчивость бизнеса.

Экономическая безопасность не может быть обеспечена один раз и навсегда. Риски меняются вместе с экономической средой, поэтому их оценка должна быть постоянным процессом. Банк России в «Основных направлениях развития финансового рынка» указывает, что значимое место среди направлений развития занимают цифровизация, трансформация системы внешнеторговых платежей и расчётов, а также обеспечение финансовой стабильности [2, с. 25].

В заключение следует отметить, что современная экономика не может развиваться без риска, поскольку предпринимательство, инвестиции, инновации и выход на новые рынки всегда связаны с неопределённостью. Однако риск становится опасным тогда, когда он не осознаётся и не контролируется. Оценка экономических рисков превращает неопределённость в объект управления, а экономическую безопасность – в результат системного анализа и своевременного реагирования на угрозы.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 31073–2024. Менеджмент риска. Словарь. – М.: Российский институт стандартизации, 2024. – 16 с.

2. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Банк России. – М., 2023. – 93 с.

3. Обзор финансовой стабильности. №2(25). II-III кварталы 2024 года // Банк России. – М., 2024. – 87 с.

4. Обзор рисков финансовых рынков. Декабрь 2024 – январь 2025 года // Банк России. – М., 2025. – 20 с.

5. Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2023–2025 годов // Банк России. – М., 2023. – 23 с.

6. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Банк России. – М., 2024. – 173 с.

Папава Мариам Онисеевна
студентка

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

НЕЙРОСЕТИ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ТОЧНОСТЬ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы интерпретируемости, алгоритмического смещения, конфиденциальности и ответственности за решения, основанных на таких прогнозах. Делается вывод, что наиболее разумным является не полное вытеснение эконометрических моделей, а сочетание нейросетевых методов с экономической теорией, статистическими моделями и экспертной оценкой со стороны.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, машинное обучение, макроэкономика, прогнозирование, ВВП, инфляция, эконометрические модели, точность прогноза, нейросеть, этика.*

Макроэкономический прогноз нужен не только государственным органам и центральным банкам. От него зависят решения предприятий об инвестициях, банков о кредитовании, домохозяйств о крупных расходах. Однако экономика постоянно меняется, поэтому простой перенос прошлых тенденций на будущее не работает для точного прогноза. Традиционно экономисты используют авторегрессионные модели, модели векторной авторегрессии, структурные модели и другие эконометрические инструменты. Их сильная сторона заключается в том, что исследователь заранее формулирует экономическую логику и может объяснить связь между переменными. Однако такой метод становится ограниченным, когда реальные зависимости оказываются нелинейными или меняются со временем [1, с. 134–135]. Именно здесь возрастает интерес

к нейросетям. Актуальность статьи заключается в том, что классические эконометрические модели не всегда успевают учитывать нелинейные связи, большие массивы данных и резкие структурные изменения.

Нейросети же позволяют находить сложные зависимости без заранее заданной функциональной формы и поэтому могут дополнять традиционные методы прогнозирования. Вместе с тем высокая точность на отдельных фрагментах не означает универсального превосходства: результат зависит от качества данных, горизонта прогноза и способности нейросети работать в условиях кризисов.

Возможности нейросетей в макроэкономическом прогнозировании: нейронная сеть представляет собой математическую модель, состоящую из взаимосвязанных элементов. На вход подаются данные, например прошлые значения ВВП, инфляции, ставки процента, курса валюты, занятости. В процессе обучения сеть подбирает параметры так, чтобы ошибка между фактическим и прогнозируемым значением была минимальна. В отличие от линейной регрессии, сеть может описывать нелинейные отношения [2, с. 60–62]. Одно из главных преимуществ нейросетей – способность работать с большим количеством информации. Для прогноза можно использовать не только официальную статистику, но и показатели финансовых рынков, данные о потреблении электроэнергии, поисковых запросах, мобильности. Однако такие результаты нельзя автоматически переносить на любую страну и любой период [4, с. 95]. Для оценки точности данные разделяют на обучающую и тестовую части. Если сложная сеть не дает устойчивого улучшения относительно авторегрессии, ее использование неоправданно [1, с. 140].

Точность и ограничения нейросетевых прогнозов. Для макроэкономики предположение, что чем сложнее модель, тем точнее прогноз, особенно опасно и двойственно. Исторические ряды недлинные, а число факторов велико. В результате нейросеть может запомнить ли особенности конкретной выборки вместо устойчивой закономерности – это переобучение [1, с. 142–143]. Проблема становится серьезнее во время кризисов. Финансовый кризис, пандемия, геополитический шок нарушают зависимости, на которых модель обучалась. Прогноз, работавший в спокойный период, ухудшается именно тогда, когда он нужен [3, с. 120–121]. Еще одно ограничение – качество данных. Нейросеть не отличает сигнал от систематической ошибки статистики. Также существует проблема интерпретации. Экономисту нужно понимать, почему сеть дала

прогноз. В традиционной модели коэффициенты имеют смысл, в нейросети связь непрозрачна [4, с. 97]. Обучение требует ресурсов и специалистов. Критерий выбора должен быть шире ошибки: важны устойчивость, понятность, стоимость. Большинство исследований не подтверждают безусловного превосходства нейросетей, но они могут улучшать прогнозы, особенно при объединении с другими подходами [2, с. 69–70].

Этические аспекты применения нейросетей. Когда прогноз нейросети используется только как учебный эксперимент, ошибка модели не приводит к большим последствиям. Иная ситуация возникает, если алгоритм применяется центральным банком, министерством финансов, банком или крупной компанией. Так, решение, принятое на основе прогноза, может повлиять на процентные ставки, государственные расходы, инвестиции и положение отдельных групп населения. Поэтому техническая точность в данном случае должна сопровождаться крайне высокой ответственностью [1, с. 148–149].

Первая проблема – прозрачность. Полностью закрытая модель создает риск ситуации, когда специалист не способен объяснить даже самому себе, почему алгоритм дал определенный прогноз [4, с. 99]. Это означает, что внутренние механизмы остаются для человека закрытыми, и он не может проследить логику вычислений, что подрывает доверие к системе. Вторая – предвзятость данных. Статистика отражает прошлую политику и учет. Любые массивы цифр несут в себе следы прежних решений и способов регистрации фактов, поэтому они не являются объективным срезом реальности. Если в данных есть перекос, модель может его усилить [3, с. 125]. Более того, дисбаланс не просто сохраняется, а многократно приумножается, поскольку алгоритм воспринимает смещение как закономерность и распространяет его на новые случаи. Третья – конфиденциальность. Прогнозирование использует данные о потребительских перемещениях. Даже безобидные сведения в совокупности создают профиль поведения. По отдельности каждая точка – визит в магазин или поездка – кажется нейтральной, но вместе они выстраивают детальную картину частной жизни, раскрывая привычки и маршруты. Поэтому в экономических проектах нужен принцип минимизации данных: использовать только информацию, необходимую для задачи [2, с. 71–72]. Это значит, что следует ограничивать объем собираемых сведений, отсекая избыточные параметры, и работать с минимальным набором

признаков, чтобы снизить риски утечек и сохранить баланс между эффективностью и защитой прав граждан.

Четвертая проблема – ответственность за ошибку. Если алгоритмическая рекомендация ошибочна, а эксперт не имел права её корректировать, то формально ответственность размывается между разработчиком, пользователем и самим алгоритмом. Как подчёркивают Садреева, Минаев и Борлакова, в таких случаях необходимо закреплять чёткие процедуры верификации прогнозов и фиксировать окончательное решение за человеком, чтобы избежать безответственного делегирования [4, с. 100–101]. Ответственность должна оставаться у людей и организаций. Помимо всего, уверенный прогноз нейросети создает иллюзию точности, тогда как макроэкономика неопределенна. Корректнее давать диапазон значений и несколько сценариев.

Таким образом, нейросети – перспективный инструмент. Они полезны при обработке больших массивов данных, нелинейных связях и краткосрочных прогнозах. Это особенно актуально в условиях современной экономики, где объем информации растет стремительно, а взаимосвязи между показателями далеко не всегда носят линейный характер. На мой взгляд, наиболее безопасный подход состоит в сочетании методов: эконометрическая модель помогает сохранить экономическую интерпретацию, нейросеть может уловить сложные зависимости, а эксперт способен заметить обстоятельства, которых нет в данных. Другими словами, каждый элемент выполняет свою уникальную функцию, и вместе они формируют сбалансированную систему, где формальная строгость дополняется гибкостью, а машинная обработка – человеческим опытом. Такая комбинация выглядит более надежной, чем попытка полностью передать прогнозирование автоматической системе.

Список литературы

1. Смирнов С.В. Методы машинного обучения в макроэкономическом прогнозировании: предварительные итоги / С.В. Смирнов // Вопросы экономики. – 2025. – №10. – С. 131–154. DOI 10.32609/0042-8736-2025-10-131-154. EDN UGVCIO

2. Павлов Е. Прогнозирование инфляции в России с помощью нейронных сетей / Е. Павлов // Деньги и кредит. – 2020. – №1. – С. 84–103. – URL: https://rjmf.econs.online/2020/1/forecasting-inflation-in-russia-using-neural-networks/ (дата обращения: 28.08.2026). DOI 10.31477/rjmf.202001.57. EDN JVUUBD

3. Чудаева А.Б. Интервальное прогнозирование российской инфляции с использованием квантильной регрессии и элементов машинного обучения / А.Б. Чудаева // Экономика и математические методы. – 2026. – Т. 62. №1. – С. 116–130. DOI 10.7868/S3034617726010094. EDN MUJLCN

4. Садреева А.Ф. Искусственный интеллект и прогнозирование макроэкономических показателей / А.Ф. Садреева, О.М. Минаев, М.А. Борлакова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – №12. – Ч. 4. – С. 93–102. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.04.012. EDN SGGQRG

Стоян Арсен Александрович
магистрант
Владимирский филиал
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Владимир, Владимирская область

АДАПТАЦИЯ РЕЖИМА ПАРТНЕРСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ К УСЛОВИЯМ РОССИЙСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: *в статье рассматривается институт партнёрского финансирования как альтернативный финансовый инструмент, позволяющий России поддерживать инвестиционную активность со странами-партнёрами в условиях санкционного давления. Исламское финансирование признаётся высокоперспективным направлением, однако требует соблюдения религиозных правил. Для адаптации требований исламского финансирования к российскому законодательству разработан и внедрён в экспериментальной форме институт партнёрского финансирования, позволяющий согласовать религиозные нормы с правовой базой Российской Федерации.*

Ключевые слова: *партнерское финансирование, распределение рисков, финансовая система, экспериментальный правовой режим.*

Исламское финансирование выступает в качестве альтернативы традиционной финансовой системы. В основе исламской финансовой модели лежат религиозные законы – нормы шариата. Если классическая модель основана на ссудном проценте, то исламская нацелена на распределение рисков и прибыли в справедливой пропорции между всеми участниками сделки.

Рынок исламского финансирования в горизонте 5 лет показывает стабильный рост, особенно ускорившийся за последние два года. С 2020 по 2025 года объем исламского финансирования вырос с 2,88 трлн долларов до 4,45 трлн долларов. Во многом это связано с деятельностью ряда исламских стран по использованию альтернативных инструментов финансирования с учетом требований шариата.

Таблица 1

Рынок исламского финансирования за 2020–2025 гг.

Год	Объем, трлн долларов	Рост по сравнению с предыдущим годом, %
2020	2,88	-
2021	3,06	+6,3
2022	3,25	+6,2
2023	3,38	+4,0
2024	3,88	+14,9
2025	4,45	+15,7

В чистом виде исламское финансирование реализовано в арабских странах, где шариат играет важную роль в жизни государства. Поскольку правовая система Российской Федерации построена на иных принципах, не связанных с религиозными требованиями, необходим адаптационный инструмент, который мог бы учитывать не противоречащие российскому законодательству элементы исламского финансирования с возможностью их применения в части регионов, связанных с распределением религиозной структуры населения в пользу преимущественно мусульманского вероисповедания [1, с. 322].

Институционализация этого инструмента ведется через внедрение экспериментального правового режима (ЭПР), который устанавливается и регулируется посредством Федерального закона РФ от 04.08.2023 №417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

Согласно этому документу, определен не только ЭПР, но и ряд ключевых параметров этого института. География эксперимента

включает в себя четыре субъекта РФ: Татарстан, Башкортостан, Чечня и Дагестан, срок эксперимента (с учетом продления) с 01.09.2023 по 01.09.2028 года.

Центральный Банк Российской Федерации ведет отдельный реестр организаций-участников эксперимента по партнерскому финансированию. В настоящее время (по состоянию на 3 квартала 2026 года) в него входят 36 участников. Это организации различных организационно-правовых форм (ПАО, ООО, НКО и так далее). Они представляют различные сектора экономики: финансовый (банки, лизинговые компании, микрофинансовые организации), торговый, сервисный, информационно-технологический.

Принципиально важными моментами является включение следующих ключевых параметров этого экспериментального режима:

− запрет на ссудный процент (участники не могут взимать процент за пользование денежными средствами, вместо этого в договоре включено переменное вознаграждение, которое привязано к результатам профинансированной сделки);

− механизмы структурирования сделок (создается правовая основа для использования таких инструментов, как мурабаха – для торгового финансирования, а также иджара – для лизинга; она реализуется через точечные изменения, помогающие снять ограничения для участников реестра на операции купли-продажи с рассрочкой платежа, а также взимания вознаграждения за такую услугу);

− институт шариатского комплаенса (единая система шариатской экспертизы требует наличие отраслевых стандартов для унификации соответствия финансовых продуктов нормам шариата).

По мнению С.С. Саранчиной, партнерское финансирование обладает «потенциалом для повышения финансовой устойчивости компании за счет разделения не только прибыли, но и убытков между участниками, а также за счет распределения финансовых рисков в долгосрочной перспективе» [4, с. 43].

Только за 2025 год объем привлеченных средств достиг 35 миллиардов рублей, что почти в 6 раз превышает показатели 2024 года. Ожидается расширение участвующих регионов (Крым, Чувашия) и иных территорий после завершения пилотного проекта.

В данном случае направление адаптации ведется по трем ключевым направлениям.

1. Стандартизация по международным нормам.

Первый национальный стандарт партнерского (исламского) банкинга, который в настоящее время находится в процессе

разработки, будет основан на методологии AAOIFI (Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions – Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых учреждений), поддерживаемой 28 странами и юрисдикциями. Это поможет адаптировать для зарубежных партнеров из стран ОИС (Организация исламского сотрудничества) имеющиеся российские инструменты [3, с. 8].

2. Создание исламских банков.

В процессе обсуждения также идет учреждение специализированных кредитных организаций в соответствии с нормами исламского банкинга, что подстегнет развитие партнерского финансирования, в том числе, и на международном уровне.

3. Цифровизация инструментов.

Активное внедрение и использование ЦФА позволит структурировать партнерские сделки и даст возможность потенциальным инвесторам действовать более гибко и активно в условиях санкционных ограничений.

Тем не менее, имеются сдерживающие развитие факторы, например, имеющаяся доля партнерских инструментов в разрезе сделок системно значимых банков не превышает 0,1%, в ближайшей перспективе для основной части потребителей такие инструменты вряд ли станут полноценной заменой. Кроме того, ряд требований шариата может противоречить законодательству РФ и не могут быть реализованы в каком-либо виде.

Несмотря на ограничения и экспериментальный характер режима партнерского финансирования, все же это перспективное направление с учетом разворота на Восток и высокой степенью взаимодействия со странами Арабского мира.

Список литературы

1. Гаппаров М.К. Функционирование экспериментального исламского финансирования в России: основные аспекты и особенности / М.К. Гаппаров // Закон и право. – 2024. – №5. – С. 320–323. DOI 10.24412/2073-3313-2024-5-320-323. EDN XUCADC

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №417-ФЗ от 04.08.2023 (ред. от 31.07.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453966/ (дата обращения: 29.08.2026).

3. Ручкина Г.Ф. Партнерское финансирование в России: проведение эксперимента по установлению специального регулирования / Г.Ф. Ручкина // Банковское право. – 2024. – №1. – С. 7–13. DOI 10.18572/1812-3945-2024-1-7-13. EDN AFHXSI

4. Саранчина С.С. Партнерское финансирование как инструмент привлечения инвестиций / С.С. Саранчина, О.С. Елкина // Теоретическая экономика. – 2025. – №1(121). – С. 42–55. DOI 10.52957/2221-3260-2025-1-42-55. EDN OKJLOX

Церцеил Юлия Сергеевна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168869

УСТОЙЧИВОЕ И ДИНАМИЧНОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в работе рассматривается деятельность малых и средних предприятий России в разрезе структурного анализа, а также возможности выделения малых и средних предприятий в качестве субъекта и объекта экономических отношении в достижении ими целей устойчивого развития. Тенденции развития малых и средних предприятий обусловлены возможностью достижения ими целевых индикаторов развития на основе мер, отраженных на национальном и федеральном уровне проектов. В качестве перспектив развития малых и средних предприятий, например драйверов роста, можно выделить направления их деятельности, соотносимые с достижением целей устойчивого развития в текущем состоянии развития или возможности трансформации их деятельности в дальнейшем в рамках устойчивого развития.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, динамичное развитие, малые и средние предприятия.*

На сегодняшний день малые и средние предприятия России активно поддерживаются в своем развитии, что предполагает в дальнейшем достижение ими целевых результатов. Например, в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. №474 [9] был

разработан и завершен в 2024 году национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», где в качестве целевого показателя можно выделить количественный индикатор «увеличение численности малых и средних предприятий до 25 млн чел.». Индикатор включает малые и средние предприятия, зарегистрированные в виде юр. л. и индивидуальных предпринимателей. В настоящее время реализуется федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [10], целью реализации которого выступает достижение темпов роста удельных доходов малых и средних предприятий в 1,2 раза выше, чем рост валового внутреннего продукта. Здесь предполагается качественный переход малых и средних предприятий из одной категории в следующую: от микропредприятий до средних предприятий. В качестве драйверов роста данного качественного перехода выделены меры поддержки в создании и развитии производственной инфраструктуры: совокупность промышленных парков, технопарков, бизнес-парков и пр. В качестве сдерживающих факторов достижения целевых показателей формирования и развития малых и средних предприятий можно выделить преобладание микропредприятий в структуре малых и средних предприятий.

Рис. 1. Динамика малых и средних предприятий в долевом соотношении (юр. л.), % (составлено по данным [3])

В качестве обоснования динамичного развития малых и средних предприятий России можно выделить работы отечественных авторов, которые изучают сущность и содержание понятия «малые и средние предприятия» с целью выделения характерных черт как субъекта экономических взаимоотношений: Актаева Н.Е. [5],

Болвачева А.И. [1], Виленского А.В. [2], Домниной Л.И. [2], Захаровой К.А. [5], Киреева Н.Н. [6], Ксенофонтовой Е.А. [4], Маевской Л.И. [2], Молчанова М.Н., Пляскина И.О. [7], Пургиной А.Д. [5], Руденко Л.Г., Сергеевой Н.В. [8], Федурина Н.Д. [7], Шичкина И.А. [13], Умнова В.А. [13], Яшкова Н.М. [7] и др.

В целом устойчивое развитие малых и средних предприятий представлено в работе как совокупность параметров, которые обеспечат переход к устойчивому развитию в долгосрочной перспективе [12]. Нами предлагается рассматривать малые и средние предприятия в качестве субъекта и объекта в современной теории финансов с целью достижения ими целей устойчивого развития (далее – ЦУР). Это обусловлено тем, что в настоящей момент структура национальной экономики представляет собой совокупность видов деятельности, часть из которых напрямую соотноситься с устойчивым развитием (табл. 1, рис. 2).

Таблица 1

Структура видов деятельности (ОКВЭД)
в соответствии с ЦУР (выборочно) (составлено по данным [11])

Раздел ЦУР	Вид деятельности
«Крепкое» здоровье и благополучие	86 «Деятельность в области здравоохранения»; 87 «Деятельность по уходу с обеспечением проживания»; 88 «Предоставление социальных услуг без обеспечения проживания»
Качество образования	85 «Образование»
Устойчивое городское планирование	41 «Строительство зданий»; 42 «Строительство инженерных сооружений»; 38 «Сбор, обработка и утилизация отходов; обработка вторичного сырья»
Ответственное производство и потребление	36 «Забор, очистка и распределение воды»; 37 «Сбор и обработка сточных вод»; 38 «Сбор, обработка и утилизация отходов»
Климатическая повестка	38 (утилизация отходов); 39 (ликвидация загрязнений); 17 «Деятельность в области информации и связи»

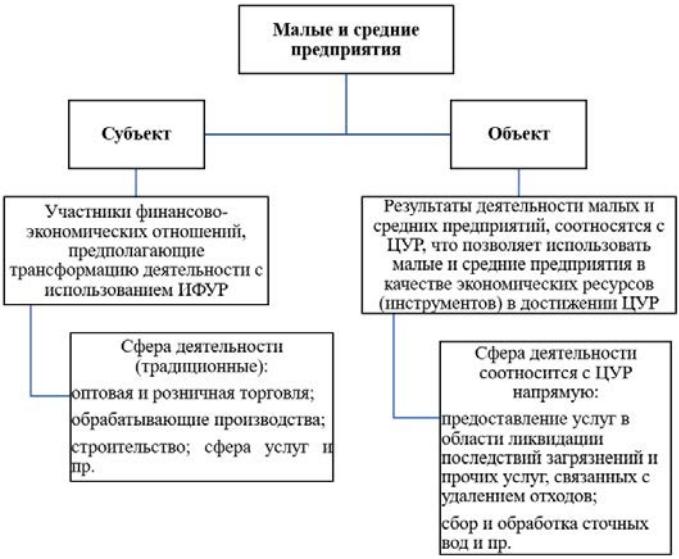

Рис. 2. Содержание понятия «малые и средние предприятия» в устойчивом развитии [11]

Обозначения:
ИФУР – инструменты финансирования устойчивого развития.

Список литературы

1. Болвачев А.И. Теоретико-методологические аспекты устойчивого развития малых и средних предприятий в современной теории финансов / А.И. Болвачев, Ю.С. Церцеил // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2026. – №1(145). – С. 5–13.

2. Виленский А.В. Воздействие некрупного предпринимательства на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации (научный доклад) / А.В. Виленский, И.Н. Домнина, Л.И. Маевская. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 47 с.

3. Единый реестр малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба России. – URL: https://rmsp.nalog.ru/ (дата обращения: 29.06.2026).

4. Езаов А.А. Направления и особенности развития частного предпринимательства в регионе на фоне совершенствования форм государственной поддержки / А.А. Езаов, Е.А. Ксенофонтова // Московский экономический журнал. – 2020. – №9. – С. 181–191. DOI 10.24411/2413-046X-2020-10641. EDN UPPEGJ

5. Захарова К.А. Влияние финансов малого и среднего бизнеса на уровень экономического благосостояния региона / К.А. Захарова, Н.Е. Актаев, А.Д. Пургина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8. №2(30). – С. 164–183. – URL: https://vestnik.utmn.ru/upload/iblock/4c8/3.1.-Zakharova_-Aktaev_-Purgina.pdf (дата обращения: 26.06.2025). DOI 10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183. EDN SKIIUX

6. Киреев Н.Н. Тенденции развития малого бизнеса в региональных социально-экономических системах Российской Федерации на современном этапе / Н.Н. Киреев // РЕГИОН: системы, экономика, управление. – 2018. – №4(43). – С. 17–23. – URL: https://rseu.vrn.ranepa.ru/jfiles/2018130219/13.pdf (дата обращения: 10.08.2026). EDN YTWBAL

7. Пляскин И.О. Роль и значение малого и среднего бизнеса в экономике страны / И.О. Пляскин, Н.Д. Федурин, Н.М. Яшков // Актуальные исследования. – 2024. – №13(195). – Ч. III. – С. 29–32. – URL: https://apni.ru/article/8857-rol-i-znachenie-malogo-i-srednego-biznesa (дата обращения: 25.06.2025). EDN HFEROF

8. Сергеева Н.В. Поддержка малого и среднего предпринимательства: международный опыт и российские реалии / Н.В. Сергеева // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17. №5. – С. 107–114. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podderzhka-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskie-realii (дата обращения: 24.06.2025). DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-5-107-114. EDN IIZWCH

9. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ №474 от 21.07.2020. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012 (дата обращения: 09.08.2026).

10. Федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/fp_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 09.08.2026).

11. Церцеил Ю.С. Оптимизация структуры финансовой поддержки устойчивого развития малых и средних предприятий / Ю.С. Церцеил // Финансовый бизнес. – 2025. – №11. – С. 178. EDN XJFHVU

12. Церцеил Ю.С. Устойчивое развитие малых и средних предприятий: зарубежный опыт / Ю.С. Церцеил // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16. №5. DOI 10.18334/epp.16.5.125988. EDN ISENDJ

13. Шичкин И.А. Современные тенденции развития малого и среднего предпринимательства в России / И.А. Шичкин, В.А. Умнов // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. №1. – С. 61–84. – URL: https://1economic.ru/lib/122513 (дата обращения: 25.06.2025). DOI 10.18334/epp.15.1.122513. EDN XUPUTA

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Авакян Анюта Артуровна
студентка

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЫНОК ТРУДА И ТРАНСФОРМАЦИЮ ПРОФЕССИЙ: АНАЛИЗ ТРЕНДОВ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние цифровой экономики на современный рынок труда и трансформацию профессий. Анализируются последствия внедрения искусственного интеллекта, автоматизации, цифровых платформ и дистанционных технологий. Особое внимание уделяется изменению содержания трудовой деятельности и требований к профессиональным компетенциям. Обосновывается положение о том, что цифровизация приводит не только к сокращению отдельных трудовых функций, но и к появлению новых профессий и форм занятости. Делается вывод о необходимости развития цифровых компетенций и непрерывного профессионального образования.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, рынок труда, цифровизация, искусственный интеллект, автоматизация, занятость, профессии, цифровые компетенции, дистанционная занятость.*

Цифровая трансформация является одним из основных факторов изменения современной экономики. Распространение информационных технологий, искусственного интеллекта, автоматизированных систем и цифровых платформ влияет на организацию производства, содержание трудовой деятельности и требования работодателей к работникам. Если ранее цифровые технологии преимущественно использовались как инструмент поддержки отдельных

процессов, то сегодня они становятся непосредственной частью профессиональной деятельности [1, с. 162–164].

Актуальность исследования обусловлена тем, что технологические изменения происходят достаточно быстро, вследствие чего возникает необходимость адаптации работников и системы образования к новым требованиям. Для российского рынка труда особое значение имеют развитие дистанционной и платформенной занятости, автоматизация рутинных операций и увеличение спроса на специалистов с цифровыми компетенциями [1, с. 165–167; 4, с. 157–161].

Цифровая экономика характеризуется широким использованием цифровых данных и технологий в производстве и управлении. Их применение позволяет ускорять обработку информации, снижать издержки и автоматизировать отдельные трудовые операции. В результате изменяется структура спроса на рабочую силу [1, с. 163–166].

Одним из главных проявлений цифровизации является автоматизация. Наиболее подвержены ей стандартизированные и повторяющиеся операции, связанные с обработкой информации, вводом данных, выполнением типовых расчетов и подготовкой документов. Однако автоматизация отдельных функций не означает исчезновения профессии в целом. В большинстве случаев цифровая технология заменяет лишь часть задач, тогда как контроль, принятие решений и профессиональная оценка сохраняются за человеком [6, с. 981–984].

В связи с этим более обоснованным является понятие трансформации профессий. Работник постепенно освобождается от рутинных операций и концентрируется на задачах, требующих аналитического мышления, ответственности, коммуникации и творческого подхода. Подобный процесс особенно заметен в условиях распространения искусственного интеллекта [6, с. 983–986].

Искусственный интеллект становится одним из важнейших факторов изменения рынка труда. Он используется для анализа данных, подготовки документов, обработки информации и выполнения других интеллектуальных задач. Российские исследования показывают, что влияние ИИ на занятость является неоднозначным: автоматизация может сокращать потребность в отдельных функциях, но одновременно создавать спрос на новые виды деятельности и специалистов, способных работать с цифровыми технологиями [6, с. 981–983, 990–992].

Развитие цифровой экономики приводит к появлению новых профессий. Возрастает потребность в специалистах по анализу данных, искусственному интеллекту, информационной безопасности, программированию и управлению цифровыми продуктами.

При этом цифровые навыки становятся необходимыми и в традиционных профессиях. Экономисту требуется работать с цифровыми аналитическими системами, юристу – использовать электронные правовые базы и инструменты обработки документов, специалисту по управлению персоналом – цифровые системы управления кадрами [5, с. 177–181].

Таким образом, происходит сближение профессиональных и цифровых компетенций. Конкурентоспособность работника определяется не только уровнем специальных знаний, но и способностью эффективно использовать современные технологии [5, с. 181–184].

Значительные изменения происходят и в организации труда. Развитие цифровых коммуникаций способствует распространению дистанционной занятости. Работник получает возможность выполнять профессиональные обязанности независимо от своего физического местонахождения. Это расширяет возможности поиска работы и позволяет работодателям привлекать специалистов из разных регионов [4, с. 162–168].

Одновременно развивается платформенная занятость. Цифровые платформы обеспечивают взаимодействие между заказчиками и исполнителями и позволяют оперативно распределять трудовые задания. Такая форма занятости отличается гибкостью, однако связана с вопросами стабильности доходов, социальной защиты и правового статуса работников [3, с. 607–612].

Ключевым последствием цифровизации становится изменение требований к профессиональным компетенциям. Помимо специальных знаний, всё большее значение приобретают цифровая грамотность, способность работать с информацией, аналитическое и критическое мышление, коммуникация и готовность к постоянному обучению [5, с. 181–186].

В этих условиях возрастает роль непрерывного образования. Профессиональная подготовка, полученная в начале трудового пути, не всегда позволяет сохранять конкурентоспособность в течение всей карьеры. Быстрое развитие технологий требует регулярного повышения квалификации и профессиональной переподготовки [2, с. 66–70; 5, с. 184–187].

Цифровизация имеет как положительные, так и отрицательные последствия. К преимуществам относятся повышение производительности труда, создание новых профессий, расширение возможностей дистанционной работы и ускорение обработки информации. К рискам относятся сокращение отдельных видов занятости, необходимость

переобучения работников, рост конкуренции и появление новых проблем в сфере социальной защиты [1, с. 167–170; 6, с. 987–990].

В связи с этим государство и работодатели должны обеспечивать условия для адаптации работников. Важными направлениями являются развитие цифрового образования, поддержка профессиональной переподготовки, совершенствование законодательства о новых формах занятости и развитие механизмов защиты трудовых прав [2, с. 67–71; 3, с. 620–624].

Цифровая экономика оказывает существенное влияние на рынок труда, изменяя содержание профессий, структуру занятости и требования к квалификации работников. При этом цифровизация не означает исключительно сокращение рабочих мест. Основным результатом становится перераспределение трудовых функций между человеком и технологическими системами [1, с. 168–171; 6, с. 990–992].

Наиболее активно автоматизируются рутинные операции, тогда как деятельность, требующая профессионального суждения, ответственности, творческого мышления и коммуникации, сохраняет значительную роль человека. Одновременно формируются новые профессии и повышается значение цифровых компетенций [5, с. 177–183; 6, с. 983–987].

Для российского рынка труда важнейшими задачами являются развитие непрерывного образования, профессиональная переподготовка работников и совершенствование регулирования дистанционной и платформенной занятости [2, с. 68–71; 3, с. 620–624]. Перспективы цифровой экономики связаны с эффективным взаимодействием человека и технологий. Поэтому основой устойчивого развития рынка труда становится сочетание профессиональных знаний, цифровой грамотности и способности работника постоянно адаптироваться к технологическим изменениям.

Список литературы

1. Гневашева В.А. Цифровая трансформация рынка труда России / В.А. Гневашева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – №2. – С. 162–171. DOI 10.26726/1812-7096-2024-2-l62-171. EDN IUAVBR

2. Жужгина А.А. Перспективы влияния национального проекта «Цифровая экономика» на рынок труда и занятость / А.А. Жужгина // Национальные проекты в правовом измерении. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – С. 63–71. EDN TPHYFX

3. Забелина О.В. Оценка трендов и особенностей развития сферы платформенной занятости в цифровой экономике России / О.В. Забелина, Н.В. Пилипчук // Информатизация в цифровой экономике. – 2025. – Т. 6. №4. – С. 607–624. DOI 10.18334/ide.6.4.123978. EDN RSHWAR

4. Капелюшников Р.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость / Р.И. Капелюшников, Д.И. Зинченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – №6. – С. 157–181. DOI 10.14515/monitoring.2024.6.2654. EDN JOEAJB

5. Пшеничников Н.В. Влияние реализации национального проекта «Цифровая экономика» на ИТ-сегмент рынка труда / Н.В. Пшеничников // Лидерство и менеджмент. – 2024. – Т. 11. №1. – С. 177–188. DOI 10.18334/lim.11.1.120508. EDN VPLJGD

6. Рожков В.Д. Влияние искусственного интеллекта на российский рынок труда / В.Д. Рожков, М.К. Кузнецов-Сербский, П.Е. Чеканов // Экономика труда. – 2025. – Т. 12. №7. – С. 981–992. DOI 10.18334/et.12.7.123498. EDN LWYZQJ

Булатов Искандер Шамилевич
магистр, независимый исследователь
г. Москва

DOI 10.31483/r-169094

ЦИФРОВЫЕ ТОРГОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДОСТУПНОСТЬ ТОВАРОВ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ

Аннотация: *статья посвящена разработке методического подхода к оценке эффективной пространственной доступности товаров на региональном потребительском рынке в условиях развития цифровых торговых платформ. Исследование основано на синтезе положений пространственной экономики, теории двусторонних рынков, экономики поиска и дискретного выбора. Уточнено содержание эффективной пространственной доступности как возможности приобрести сопоставимый товар при заданном сочетании наличия, итоговой цены, ассортимента, срока доставки, времени до места получения и условий возврата. Предложена микроединица наблюдения «товар × платформа × территория × волна» и система раздельных показателей, не сводимых к единому индексу до оценки денежных эквивалентов времени и логистических ограничений. Разработана товарная сегментация по стандартизированности, поисковым издержкам, неопределённости выбора и логистической нагрузке. Представлен дизайн территориального аудита и эксперимента дискретного выбора, позволяющий выявлять, где единый цифровой интерфейс сопровождается различными экономическими условиями доступа.*

Ключевые слова: *региональная экономика, цифровые торговые платформы, электронная торговля, пространственная*

доступность, потребительский рынок, последняя миля, товарная сегментация, дискретный выбор.

Введение.

Цифровая торговля изменяет пространственную организацию потребительского рынка. Для покупателя расширяется число потенциальных продавцов, уменьшаются издержки поиска и становится доступным ассортимент, отсутствующий в локальной торговле. Вместе с тем товар остаётся материальным объектом: его необходимо доставить, получить и, при необходимости, вернуть. Поэтому одинаковая возможность открыть приложение не тождественна одинаковой экономической доступности товара.

Международная повестка постепенно сместилась от оценки роста электронной торговли к анализу распределения потребительского выигрыша. Полевой эксперимент в сельских районах Китая показал, что подключение электронной торговли в большей степени снижало стоимость жизни отдельных групп покупателей, чем увеличивало доходы местных производителей [8]. Оценка потребительского излишка в США выявила значительный совокупный выигрыш от e-commerce, но также его неодинаковое распределение по доходным группам и плотности расселения [9]. Транспортная доступность влияет не только на цену, но и на разнообразие товаров и брендов [12], а организация последней мили становится самостоятельным условием включения сельских потребителей в цифровой рынок [16]. Одновременно развитие онлайн-канала способно неодинаково воздействовать на продажи и занятость локальных торговых организаций [5].

В российской литературе региональная дифференциация электронной торговли исследуется преимущественно на основе агрегированных показателей цифровизации, оборота и проникновения интернет-покупок. Показано, что статистика доли интернет-продаж может характеризовать место деятельности продавца, но не территорию фактического потребления [1]. Исследования отдельных федеральных округов, в частности Приволжского, показывают неоднородность распространения цифровых платформ и их различную связь с показателями регионального развития [3]. Пространственная кластеризация оборота интернет-торговли также выявляет заметные различия между регионами [2]. Предлагаются и комплексные оценки технологического развития региональной торговли [4]. Однако такие показатели характеризуют регион в целом и не

позволяют определить, насколько сопоставимы условия электронной торговли для жителей конкретных населённых пунктов.

Исследовательский вопрос состоит в том, в какой степени масштаб наблюдения соответствует содержанию получаемого результата. Объем оборота по региону, количество пользователей на платформе и наличие пунктов выдачи товаров характеризуют распространение цифрового канала, но не показывают, может ли житель конкретного населённого пункта приобрести сопоставимый товар по сходной цене, из аналогичного ассортимента и с приемлемыми условиями доставки. Цель статьи – предложить методический подход к оценке территориальных различий в электронной торговле на уровне сопоставимого товарного предложения с раздельным учётом ценовых, ассортиментных и логистических параметров. Результаты данного исследования имеют методический характер и требуют дальнейшей проверки на эмпирических данных.

1. Теоретические основания измерения доступности.

В пространственной экономике доступность обычно связывают с тем, какие блага можно получить из конкретной точки и каких затрат это требует [13]. Расстояние здесь важно, но им оценка не исчерпывается, так как значение имеют размещение объектов, временные ограничения и особенности пользователя [10]. В электронной торговле часть поездки до магазина заменяет доставка. Пространственный фактор при этом сохраняется. Для покупателя он проявляется в сроках и стоимости доставки, удалённости пункта выдачи, состоянии транспортной и цифровой инфраструктуры и условиях возврата.

У платформенной торговли есть и своя специфика. В рамках теории двусторонних рынков покупатели и продавцы рассматриваются как взаимозависимые группы пользователей платформы [6; 14]. Рост предложения делает платформу более привлекательной для покупателей, тогда как рост спроса создаёт дополнительные стимулы для участия продавцов. Вместе с тем присутствие товара на платформе ещё не означает его одинаковой доступности на разных территориях. Один и тот же товар может отображаться в поисковой выдаче, но быть недоступным для доставки по определённому адресу либо предлагаться там на менее выгодных условиях. Исследования цифровых рынков также связывают развитие электронной торговли со снижением издержек поиска [11] и увеличением потребительского выигрыша за счёт расширения доступного товарного

разнообразия [7]. Следовательно, оценка платформ должна учитывать не только цены, но и множество доступных альтернатив.

Для разграничения уровней предлагается использовать два понятия. Номинальная доступность означает формальное присутствие цифрового канала: наличие интернет-соединения, приложения или пункта выдачи. Эффективная пространственная доступность товара – это возможность жителя определённой территории приобрести сопоставимый товар при заданном сочетании наличия, итоговой цены, доступного ассортимента, срока доставки, времени до места получения, условий возврата. В отличие от номинальной, эффективная доступность относится не к платформе в целом, а к конкретному сочетанию территории, товара и условий приобретения.

2. Компоненты пространственной доступности товара.

Каждый компонент доступности фиксируется отдельно. Сводить их в общий показатель на этом этапе нет оснований, так как, например, более низкая цена может компенсировать в расчёте долгую доставку, хотя для покупателя это две разные характеристики покупки. Поэтому наличие, цена, ассортимент, доставка, получение и возврат сначала рассматриваются раздельно. Объединить их можно позже, если для временных и логистических ограничений будут получены денежные оценки. Состав показателей приведён в таблице 1.

Таблица 1

Компоненты фактической доступности товара в электронной торговле (оставлено автором)

Компонент	Наблюдаемые показатели	Экономическая интерпретация
1	*2*	*3*
Наличие	Возможность заказа; доля доступных позиций; отказ доставки на адрес	Фактическая граница предложения
Цена	Фактическая цена; обязательная доставка; итоговая стоимость; удельная цена	Денежные издержки приобретения
Ассортимент	Число брендов, продавцов и уникальных вариантов в фиксированной глубине выдачи	Широта выбора и снижение поисковых ограничений

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*
Доставка	Обещанный срок; стоимость; вариативность срока между волнами	Временная и логистическая доступность
Последняя миля	Тип получения; дорожное время и расстояние до ПВЗ	Издержки физического получения
Возврат	Срок, стоимость, ограничения и доступный способ возврата	Издержки покупателя при возврате неподходящего товара

Если один и тот же товар продаётся в упаковках разного объёма, цена пересчитывается на общую единицу. Для поисковой выдачи заранее задаётся одинаковая глубина просмотра во всех территориях и волнах. Общее число найденных позиций не используется, поскольку оно может меняться из-за технических особенностей платформы. Рекламные позиции помечаются отдельно: они меняют видимую выдачу, но не характеризуют весь доступный ассортимент.

После оценки потребительских предпочтений отдельные показатели можно привести к общей денежной шкале:

$$GC = P + D + \lambda T + \mu L + \rho R \ (1)$$

Здесь (P) – цена товара, (D) – обязательная стоимость доставки, (T) – срок ожидания, (L) – время на получение товара, (R) – условия возврата. Все переменные относятся к одной записи «товар × платформа × территория × волна». Цена и доставка уже выражены в деньгах. Для срока ожидания, времени на получение и возврата денежная оценка получается через коэффициенты λ, μ и ρ. Они оцениваются по результатам эксперимента дискретного выбора (п. 4.3), а не назначаются исследователем заранее. До получения этих коэффициентов компоненты анализируются раздельно.

Для каждого компонента доступности и каждого товарного сегмента разрыв считается отдельно:

$$Gap = Y - Y0 \ (2)$$

где Y – значение показателя в рассматриваемом населенном пункте, Y_0 – его значение на базовой территории. В пилотном исследовании базой служит Уфа. Это точка сравнения внутри региона, а не норматив, к которому должны стремиться остальные территории. Знак разрыва зависит от содержания показателя. Более долгий срок доставки означает ухудшение условий покупки, тогда как большее число продавцов означает расширение выбора.

Поэтому напрямую складывать такие разрывы в один индекс нельзя. Сначала показатели необходимо привести к одной направленности, а для их взвешивания получить экономически обоснованные коэффициенты.

3. Экономическая сегментация товаров.

Величина территориального разрыва может зависеть от самого товара. Укрупнённые товарные группы этого различия почти не отражают: внутри одной категории встречаются товары с разными требованиями к доставке, разной сложностью выбора и разной вероятностью возврата. Поэтому сегменты формируются не только по товарной принадлежности. В работе используются четыре признака: стандартизированность, поисковые издержки, неопределённость выбора и логистическая нагрузка (таблица 2).

Таблица 2

Характеристики товарных сегментов
для территориального сравнения (составлено автором)

Сегмент	Ключевая характеристика	Основной механизм территориального различия
A. Стандартизированные товары	Точная модель, низкая неопределённость, умеренная логистика	Платформа преимущественно расширяет ценовую сопоставимость и число продавцов
B. Товары широкого выбора	Высокие поисковые издержки, значимость бренда, свойств и отзывов	Выигрыш формируется через разнообразие, особенно при слабом локальном ассортименте
C. Товары с риском возврата	Значимы размер, посадка, совместимость или внешний вид	Ассортиментное преимущество ограничивается примеркой и обратной логистикой
D. Логистически сложные товары	Высокая масса, объём, стоимость или ограничения доставки	Последняя миля способна поглощать ценовой и ассортиментный выигрыш

Деление определяется до основного анализа и уточняется по результатам технического пилота. В товарную корзину включаются позиции, которые можно однозначно идентифицировать по модели, артикулу или штрихкоду, сопоставить как минимум на двух платформах и наблюдать при неизменной комплектации. Отдельно должна быть доступна стоимость самого товара и стоимость доставки.

Из анализа исключаются скоропортящиеся товары, эксклюзивные позиции отдельных платформ, товары, доступные только по персональной подписке, а также позиции с часто меняющейся комплектацией. Для одежды и других категорий с быстрой сменой моделей сегмент можно сохранить в опросе и эксперименте выбора, но нестабильные позиции не включать в продольный мониторинг цен.

4. Дизайн эмпирической проверки.

4.1. Территориальный аудит.

Единицей наблюдения является сочетание «товар × платформа × территория × волна». Технический пилот предлагается провести на четырех территориях разного типа: в региональном центре, крупном городе, малом городе или районном центре и удалённом сельском районном центре. В Республике Башкортостан для этого могут быть выбраны Уфа, Стерлитамак, Бирск и Старосубхангулово. На данном этапе важно проверить, можно ли одинаково применять протокол сбора данных в разных территориальных условиях, и определить товары, пригодные для дальнейшего наблюдения.

Минимальная товарная корзина включает 40 товаров – по 10 позиций в каждом сегменте. Наблюдение проводится на двух платформах в две волны с интервалом 2–4 недели. При четырёх территориях это даёт 640 наблюдений по товарам. Отдельно проводится аудит поисковой выдачи по 16 стандартизированным запросам. Для каждого запроса фиксируются первые 30 позиций на каждой платформе и территории в обе волны наблюдения. Всего формируется 256 комбинаций «запрос × территория × платформа × волна». Число анализируемых позиций остаётся одинаковым во всех случаях.

Для части товаров дополнительно фиксируются условия покупки в офлайн-торговле. Эти данные используются для сопоставления с альтернативным каналом приобретения и не рассматриваются как основа для оценки причинного эффекта. Минимальный протокол технического пилота представлен в таблице 3.

Таблица 3

Минимальный протокол
технического пилота (составлено автором)

Элемент	Объём	Назначение
Товарный аудит	40 товаров × 4 территории × 2 платформы × 2 волны = 640	Проверка наличия, цены и логистических условий
Поисковый аудит	16 запросов × 4 территории × 2 платформы × 2 волны = 256	Оценка брендов, продавцов, ценового диапазона и рекламы
Глубина выдачи	Первые 30 позиций по каждому запросу	Сопоставимость при нестабильном общем числе результатов
Офлайн-модуль	Ограниченная корзина сопоставимых товаров	Сопоставимость наличия и цен в локальной оффлайн-торговле

Для корректного сопоставления между территориями используются одинаковые контрольные адреса, единый статус пользователя, очищенные сессии или специально созданные аккаунты. Наблюдения проводятся в сопоставимые дни и примерно в одно и то же время. Платформа может определять местоположение не только по адресу доставки. На состав выдачи способны влиять IP-адрес и геолокация устройства, поэтому эти параметры записываются в журнал наблюдений. Для контрольной проверки часть запросов повторяется непосредственно в выбранной территории, после чего результаты сопоставляются с выдачей, полученной удалённо.

В журнал заносятся только общедоступные сведения из карточки товара. Для каждой позиции записываются базовая и фактическая цена, скидка, продавец и его регион, стоимость доставки, дата получения и условия возврата. Одновременно сохраняется скриншот карточки. После завершения каждой волны массив проверяется на дубли, пропуски, смену артикула и изменение комплектации.

4.2. Модели территориальной неоднородности.

Для разных показателей используются разные модели. Наличие товара кодируется как бинарная переменная и оценивается логит-моделью с фиксированными эффектами товара и платформы. Позиции, для которых значение не меняется во всей выборке, в

условный логит не входят; их доля показывается отдельно. В качестве проверки результата может использоваться линейная вероятностная модель с тем же набором фиксированных эффектов.

Для цены, срока доставки и числа доступных вариантов спецификация выбирается с учётом распределения соответствующего показателя. Общая структура модели сохраняется:

$$Y = \alpha + \delta + \beta \cdot Территория + \gamma \cdot (Территория \times Сегмент) + \theta \cdot Волна \ (3)$$

где Y – анализируемый показатель доступности (наличие, цена, срок доставки, число альтернатив); α и δ – фиксированные эффекты товара и платформы; θ – эффект волны. Отдельный коэффициент для товарного сегмента не вводится: принадлежность к сегменту постоянна для конкретного товара и уже учитывается его фиксированным эффектом. Интерес представляет взаимодействие территории и сегмента. По нему можно проверить, одинаков ли территориальный разрыв для разных типов товаров. Стандартные ошибки кластеризуются по товарам. Четыре территории слишком мало для надёжной кластеризации по месту наблюдения, поэтому в пилоте они рассматриваются как фиксированный набор точек. На этом этапе важнее оценить сами различия, интервалы неопределённости и стабильность процедуры сбора данных.

В основной волне географию следует расширить как минимум до 12–16 населённых пунктов. Тогда к модели можно добавить дорожное время, плотность пунктов выдачи, численность населения и характеристики локальной торговли.

4.3. Эксперимент дискретного выбора.

Территориальный аудит показывает, какие условия покупки фактически доступны в разных населённых пунктах. Но из этих данных нельзя узнать, во сколько покупатель оценивает более быструю доставку, меньшее время до ПВЗ или удобный возврат. Для этого проводится эксперимент дискретного выбора. В каждом задании один и тот же товар представлен в нескольких вариантах. Меняются цена, число доступных вариантов, срок доставки, время до пункта получения, условия возврата и регион продавца. Респондент выбирает один вариант либо отказывается от покупки. Регион продавца включён в эксперимент потому, что тот же показатель фиксируется и во время территориального аудита.

Дизайн эксперимента – D-оптимальный блочный. Используются шесть атрибутов с тремя или четырьмя уровнями. Один

респондент выполняет 12 заданий; в каждом представлены три варианта покупки и возможность отказаться от неё. По правилу Джонсона – Орме для оценки главных эффектов такой дизайн требует около 60 респондентов. Однако для сравнения результатов между типами территорий и доходными группами выборка должна быть существенно больше; в исследовании принимается ориентир не менее 150 респондентов на каждый тип территории.

Полезность варианта для респондента задаётся следующим образом:

$$U = \beta 1 \cdot Цена + \beta 2 \cdot Ассортимент + \beta 3 \cdot Срок + \beta 4 \cdot ПВЗ + \beta 5 \cdot Возврат + \beta 6 \cdot Продавец + \varepsilon \quad (4)$$

где Цена, Ассортимент, Срок, ПВЗ, Возврат и Продавец – значения соответствующих атрибутов, а ε – случайная составляющая выбора. Для базовой оценки может использоваться условный логит. Различия в предпочтениях между респондентами могут оцениваться с помощью mixed logit или латентно-классовой модели [15]. Денежная оценка отдельного атрибута определяется через отношение его коэффициента к коэффициенту при цене:

$$WTP_k = -\beta_k / \beta_1.$$

Для характеристик, ухудшение которых снижает полезность варианта, денежная оценка показывает размер компенсации, необходимой покупателю. Эти расчеты используются при расчете обобщённых издержек (1) и входят как издержки, поэтому $\lambda = \beta_3 / \beta_1$, $\mu = \beta_4 / \beta_1$ и $\rho = \beta_5 / \beta_1$. Полученные денежные оценки сравниваются между типами территорий, доходными группами и товарными сегментами. Причинные выводы относятся только к характеристикам, которые варьируются в экспериментальных заданиях. Оценивать на их основе долгосрочные изменения благосостояния домохозяйств нельзя.

5. Методический результат и границы применимости.

В центре анализа находится не общий уровень развития электронной торговли в регионе, а различия в условиях покупки одного и того же или строго сопоставимого товара на разных территориях. Такой подход позволяет отдельно фиксировать исходные параметры покупки – наличие товара, цену, доставку, доступность ПВЗ и условия возврата – и рассчитывать на их основе территориальные различия, долю недоступных товаров и обобщённые издержки приобретения. Уже эти результаты могут использоваться для оценки

степени пространственной связанности рынка и положения отдельных территорий.

Методика строится на единице наблюдения «товар × платформа × территория × волна». При этом различаются сам факт присутствия товара на платформе и реальные условия его приобретения в конкретной точке. Товары заранее разделяются по характеристикам, которые могут влиять на территориальные различия. Единый интегральный индекс с заранее заданными весами не используется. Если отдельные характеристики переводятся в денежную форму, веса определяются по результатам эксперимента дискретного выбора.

У метода есть несколько ограничений. Поисковая выдача и цена могут зависеть от пользователя, времени наблюдения и состава продавцов. Меняются и сами товарные позиции, особенно в категориях с быстрым обновлением ассортимента. Поэтому наблюдения повторяются, условия сбора фиксируются, а для сравнения используются одинаково настроенные аккаунты. Отдельная проблема связана с идентификацией товара: совпадение названия ещё не означает одинаковую модель или комплектацию.

Полученный территориальный разрыв также нельзя без дополнительных оснований объяснять действием самой платформы. Для причинной оценки потребовались бы данные в динамике до и после изменения условий либо квазиэкспериментальная ситуация, например открытие нового логистического объекта. Четыре территории пилотного этапа нужны прежде всего для проверки процедуры сбора и расчётов и не позволяют распространять полученные результаты на Республику Башкортостан в целом.

На практике такая система показателей может использоваться при анализе регионального потребительского рынка. Она позволяет увидеть, с чем именно связан худший доступ на отдельных территориях: с отсутствием товара, более высокой ценой, длительной доставкой, удалённостью пункта выдачи или условиями возврата. Выводы для региональной политики целесообразно делать после расширения числа территорий и проверки того, насколько устойчивы выявленные различия.

Заключение.

Развитие цифровой торговли не устраняет территориальные различия, а меняет их форму. Часть затрат, связанных с поездкой в магазин, заменяется сроком доставки, расстоянием до пункта выдачи,

условиями возврата и другими ограничениями, которые зависят от места проживания покупателя. Поэтому региональные различия в электронной торговле недостаточно оценивать только по обороту, числу пользователей или распространённости платформ. Для этого необходимо сопоставлять условия покупки конкретных товаров на разных территориях.

В статье предложено оценивать пространственную доступность товара по шести составляющим: наличию, цене, ассортименту, доставке, условиям получения и возврата. Для их измерения используются территориальный аудит и эксперимент дискретного выбора. Разделение товаров по их характеристикам позволяет учитывать, что территориальные различия могут быть неодинаковыми для стандартизированных, габаритных и сложных для выбора товаров.

Следующий этап работы – проведение технического пилота в две волны. Его результаты позволят уточнить состав товарной корзины, проверить устойчивость процедуры сбора данных и определить параметры дальнейшего исследования с более широким охватом территорий.

Список литературы

1. Земскова Е.С. Влияние цифровых технологий на характер и динамику потребления в России: региональная специфика / Е.С. Земскова, В.В. Горина // Вестник Евразийской науки. – 2020. – Т. 12. №2. – URL: https://esj.today/PDF/65ECVN220.pdf (дата обращения: 31.08.2026). EDN UGHJMX

2. Лясников Н.В. Исследование развития интернет-торговли в регионах России: результаты пространственной кластеризации / Н.В. Лясников, Е.Г. Абрамов, Е.А. Майорова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2025. – Т. 16. №4. – С. 710–728. DOI 10.18184/2079-4665.2025.16.4.710-728. EDN QGJSSA

3. Марков А.Д. Роль цифровых платформ в региональном развитии (на примере Приволжского федерального округа) / А.Д. Марков, Е.К. Чиркунова // Управление наукой и наукометрия. – 2024. – Т. 19. №2. – С. 384–423. DOI 10.33873/2686-6706.2024.19-2.384-423. EDN NSYLHH

4. Шнорр Ж.П. Методические аспекты интегральной оценки уровня технологического развития региональной торговли / Ж.П. Шнорр // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №12(114). – Ч. 4.

5. An B.Y. Who Bears the Brunt of Disruptive Innovation? The Effect of Grocery E-Commerce on Local Retail Competitors / B.Y. An, J. Chung // Journal of Regional Science. – 2025. – Vol. 65. No. 3. – P. 843–865.

6. Armstrong M. Competition in Two-Sided Markets / M. Armstrong // RAND Journal of Economics. – 2006. – Vol. 37. No. 3. – P. 668–691.

7. Brynjolfsson E. Consumer Surplus in the Digital Economy: Estimating the Value of Increased Product Variety at Online Booksellers / E. Brynjolfsson, Y.J. Hu, M.D. Smith // Management Science. – 2003. – Vol. 49. No. 11. – P. 1580–1596.

8. Connecting the Countryside via E-Commerce: Evidence from China / V. Couture, B. Faber, Y. Gu, L. Liu // American Economic Review: Insights. – 2021. – Vol. 3. No. 1. – P. 35–50. DOI 10.1257/aeri.20190382. EDN BDEZXR

9. Assessing the Gains from E-Commerce / P. Dolfen, L. Einav, P.J. Klenow [et al.] // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2023. – Vol. 15. No. 1. – P. 342–370. DOI 10.1257/mac.20210049. EDN FFGQJW

10. Geurs K.T. Accessibility Evaluation of Land-Use and Transport Strategies: Review and Research Directions / K.T. Geurs, B. van Wee // Journal of Transport Geography. – 2004. – Vol. 12. No. 2. – P. 127–140.

11. Goldfarb A. Digital Economics / A. Goldfarb, C. Tucker // Journal of Economic Literature. – 2019. – Vol. 57. – No. 1. – P. 3–43. DOI: 10.1257/jel.20171452.

12. Gunning J.W. Fading Choice: Transport Costs and Variety in Consumer Goods / J.W. Gunning, P. Krishnan, A.T. Mengistu // Economica. – 2024. – Vol. 91. No. 363. – P. 1100–1123.

13. Hansen W.G. How Accessibility Shapes Land Use / W.G. Hansen // Journal of the American Institute of Planners. – 1959. – Vol. 25. No. 2. – P. 73–76.

14. Rochet J.-C. Platform Competition in Two-Sided Markets / J.-C. Rochet, J. Tirole // Journal of the European Economic Association. – 2003. – Vol. 1. No. 4. – P. 990–1029.

15. Train K.E. Discrete Choice Methods with Simulation / K.E. Train. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 388 p.

16. Zhang Z. Leveraging the Social Fabric to Improve Rural E-Commerce Access / Z. Zhang, A. Garimella, M. Fan // Production and Operations Management. – 2025. – Vol. 34. No. 12. – P. 3868–3883.

Гапонова Надежда Сергеевна,
старший преподаватель
Гапонова Ольга Сергеевна,
кандидат экономических наук, канд. экон. наук, доцент

Нижегородский филиал
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

КОНСТРУИРУЯ БУДУЩЕЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СТИЛЯ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация: *в статье исследуется эволюция концепции человеческого капитала в условиях становления креативной экономики и гибкого рынка труда. Проводится теоретико-методологический анализ концепции «предпринимателя самого себя» и феномена «предпринимательства как стиля жизни». Проектное мышление рассматривается как социальный феномен и базовый когнитивно-деятельностный фундамент современного субъекта. Выявлены специфика и особенности проектного мышления различных социальных групп, включая гендерные аспекты. Проанализированы условия реализации проектов в индивидуальном, корпоративном и жизненном контекстах с актом на учет интересов стейкхолдеров. Обоснована эффективность современных методов формирования проектного мышления, в частности коучинговой модели GROW.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, предпринимательская компетентность, предприниматель стиля жизни, проектное мышление, гендерные особенности, стейкхолдеры, коучинг, модель GROW.*

Переосмысление классической концепции человеческого капитала становится одной из центральных тем современных социальных исследований [1, с. 72]. В новых экономических условиях традиционные границы между наемным работником, предпринимателем и самозанятым размываются [9]. В международных статистических стандартах предприниматели включаются в число самозанятых (всех ненаемных работников) [3, с. 49]. Одновременно расширяется и само понятие «предприниматель», вбирая в себя

практики саморазвития, что находит выражение в термине *«предприниматель самого себя» (entrepreneur of the self)* [14, с. 468].

Этот сдвиг перенаправляет фокус внимания ученых с анализа внешних рыночных структур на самого человека. Как отмечал М. Фуко, изучение труда требует анализа работы как экономического поведения, практикуемого, реализуемого и рассчитываемого самим человеком [11, с. 100].

Человеческий капитал неотделим от личности: согласно Т. Шульцу, он является источником будущих доходов или удовольствий и локализован в самом теле индивида [16, с. 52]. В результате формируется субъект, стремящийся максимизировать свой капитал путем инвестиций в собственное существование. Гибкость и нестабильность рынка труда, трансформация требований к кадрам актуализируют пересмотр структуры ключевых навыков индивида.

Наибольшее распространение в международной практике получила классификация навыков ОЭСР (разделение на hard skills и soft skills), а также концепция «навыков XXI века» (Национальная академия наук США), объединяющая когнитивные, внутриличностные и межличностные компетенции [12]. Часто эти компетенции сводят к модели «4К»:

− *коммуникация* (организация обмена информацией и обеспечение взаимопонимания);

− *кооперация* (командная работа и построение общих ценностей);

− *критическое* мышление (анализ фактов и принятие обоснованных решений);

− *креативность* (генерация инновационных идей).

Эмпирический базис исследований успешности актора строится на концепции *предпринимательской компетентности*. Компетентность определяется как интегративное сочетание знаний, навыков, мотивов и личностных черт, обеспечивающих успешное выполнение задач. В работах П. Уилкена предпринимательство выступает связующим звеном между удовлетворением потребностей рынка и экономическим ростом, а ключевым мотивом становится потребность в достижениях [18, с. 258].

В структуре предпринимательской компетентности выделяются организаторский, исследовательский, проектный, инвесторский и управленческий блоки [8, с. 26]. Мы определяем предпринимательскую компетентность как способность проявлять инициативу, инновационность, готовность к обоснованному риску и автономность, неся ответственность за свой жизненный путь.

В рамках креативной экономики модель «предпринимателя самого себя» дополняется концепцией *«предпринимателя стиля жизни» (lifestyle entrepreneur).* Здесь экономическая деятельность неразрывно связана с надматериальными ценностями, идентичностью и индивидуальным поиском комфорта [15, с. 102].

Жизнь воспринимается как творческий проект. Предприниматели данного типа (включая фрилансеров и владельцев микробизнеса) переосмысляют традиционный капиталистический успех: ключевой целью становится не финансовое вознаграждение или бесконечный рост масштабов бизнеса, а автономия, психологический комфорт и реализация своего призвания. Проекты подчиняются персональному графику и ценностным ориентирам индивида.

Проектное мышление определяется как прагматически ориентированный тип сознания и деятельности, направленный на конструирование желаемого будущего в условиях ограниченных ресурсов и времени. Г. Штомпф отмечает, что проектное мышление представляет собой не абстрактную теорию, а практическое ремесло и мастерство [10, с. 69].

Генезис проектного мышления прослеживается от античных моделей «идеального государства» (Платон, Аристотель) и средневековой схоластики к проектно-архитектурной культуре Возрождения. В эпоху Просвещения идеи социального проектирования развивали утописты (Ш. Фурье, К.А. Сен-Симон, Р. Оуэн). В частности, Р. Оуэн перешел от теории к практике, создав самоуправляемую коммуну и заложив основы кооперативного движения. В XX веке проектная методология оформилась на базе инженерной деятельности (В. Розин) [5, с. 15].

В XXI веке субъект проектного мышления – *Homo Projectus* – воспринимает текущую действительность как гипотетический («черновой») вариант и проявляет проактивную позицию. Его отличительные черты.

1. Системное видение и способность к визуализации целевого состояния.

2. Критическое мышление и гибкость при перепроектировании.

3. Высокая стрессоустойчивость и способность конструировать социальные площадки для совместного действия [6, с. 162].

Проектное мышление не является монолитным конструктом; его проявление варьируется в зависимости от социальных, профессиональных и гендерных характеристик групп.

Гендерные различия в проектном мышлении обусловлены как социокультурными стереотипами, так и спецификой социализации.

Подход к риску и неопределенности. Мужской проектный стиль исторически демонстрирует склонность к ориентации на масштабные, высокорисковые цели с возможной высокой отдачей. Женский стиль характеризуется склонностью к минимизации рисков, детальному просчету сценариев безопасности и ориентации на устойчивость (sustainability) результатов проекта.

Многозадачность и контекстное переключение. Женское проектное мышление часто формируется в условиях необходимости совмещения профессиональных и социальных ролей. Деторождение, воспитание детей и организация семейно-бытовой сферы осознаются и структурируются современными женщинами как полноценные социальные проекты, требующие управления ресурсами, бюджетированием и тайм-менеджментом.

Преодоление стереотипных барьеров. Несмотря на равный когнитивный потенциал, институциональные и социокультурные барьеры («стеклянный потолок», неровное распределение репродуктивного труда) часто ограничивают доступ женщин к управлению крупномасштабными инвестиционными и технологическими проектами, смещая их проектную активность в сферу социального предпринимательства, образования и креативных индустрий [2, с. 124].

Реализация проектов происходит в различных институциональных средах, что определяет баланс между технологической структурой и социальным контекстом.

Согласно концепции Ф. Глазла и Б. Ливехуда («Динамическое развитие предприятия») [4, с. 73], организация функционирует как единство трех подсистем.

1. *Технико-инструментальной* (процессы, технологии, формальные регламенты).

2. *Социальной* (структура отношений, коммуникации, статусы).

3. *Культурной* (ценности, смыслы, неформальные нормы).

Современный корпоративный менеджмент часто совершает ошибку, фокусируясь исключительно на технико-инструментальной стороне управления проектами (календарно-сетевые графики, KPI, ПО). Вне поля зрения остается человеческий контекст: устремления, установки, поведенческие паттерны участковых групп.

Успех реализации любого проекта – вне зависимости от его масштаба и отраслевой принадлежности – в значительной степени детерминирован не только соблюдением календарно-сетевых графиков

и бюджетных рамок, но и эффективностью взаимодействия со стейкхолдерами (заинтересованными сторонами). Под стейкхолдерами в рамках социально-управленческого анализа понимаются индивиды, группы или организации, которые могут влиять на принимаемые в рамках проекта решения, а также испытывать на себе прямое или косвенное воздействие его результатов [7, с. 14].

Ключевая проблема управления стейкхолдерами заключается в гетерогенности их ценностных ориентиров, целевых установок и ресурсов. В типичном проектном пространстве пересекаются интересы нескольких основных групп.

Инвесторы и инициаторы (заказчики) ориентированы на максимизацию возврата инвестиций (ROI), минимизацию сроков и оптимизацию затрат.

Исполнители и проектная команда заинтересованы в профессиональной самореализации, снижении уровня трудоемкости, справедливом материальном вознаграждении и сохранении баланса между работой и личной жизнью.

Регуляторы и государственные институты фокусируются на соблюдении нормативно-правового поля, экологических, санитарно-гигиенических и трудовых стандартов.

Конечные пользователи (благополучатели) выдвигают требования к функциональности, эргономичности, качеству и доступности итогового продукта или услуги.

Неизбежным следствием расхождения названных векторов выступает *структурный конфликт интересов*. Нарушение баланса между стейкхолдерами приводит к возникновению рисков сопротивления проекту: от скрытого саботажа со стороны персонала до публичных протестов общественности или санкционных мер со стороны регуляторных органов.

Для предотвращения и преодоления подобных деструктивных процессов современный проектный менеджмент задействует междисциплинарный инструментарий, например, матрицу анализа стейкхолдеров, методы фасилитации и медиации, внутренний и внешний маркетинг проекта, а также методы социальной инженерии.

В условиях современного постиндустриального общества индивид сталкивается со значительным возрастанием неопределенности, размыванием традиционных институциональных траекторий и усложнением социальной действительности. В этой связи проектное мышление выходит за рамки профессионально-

производственной сферы и становится базовым *механизмом жизненной самоорганизации и конструирования персональной судьбы.*

Применение проектной логики к повседневной жизнедеятельности означает переосмысление жизненных ситуаций – от случайных событий к целенаправленно управляемым инициативам. В качестве типовых индивидуальных проектов могут выступать: профессиональная реориентация (смена карьеры), пространственная мобильность (переезд, релокация), стратегическое управление семейным капиталом и бюджетом, здоровье и качество жизни (Health-проекты).

Преимущества интеграции проектного подхода в жизненный контекст выражаются в следующем.

1. *Снижение уровня неопределенности и стресса*: оформление размытой проблемы («не знаю, что делать дальше») в проектную структуру («цель – задачи – ресурсы – сроки») трансформирует неопределенность в последовательность контролируемых шагов, что существенно снижает психологическое напряжение.

2. *Повышение субъектной автономии*: человек прекращает воспринимать себя пассивным объектом внешних обстоятельств и становится активным автором своей жизнедеятельности *(«предпринимателем самого себя»).* Субъект берет на себя ответственность за конечный результат.

3. *Оптимизация ресурсного менеджмента:* личные ресурсы индивида – время, финансы, социальный капитал, эмоциональная энергия – являются строго ограниченными. Проектный подход позволяет распределять их рационально, избегая выгорания и распыления сил на некритичные задачи.

4. *Повышение гибкости (адаптивности):* в случае изменения внешних условий (кризисы, семейные обстоятельства) субъект с развитым проектным мышлением не отказывается от развития, а оперативно осуществляет п*ерепроектирование* (Pivot) – корректирует цели, меняет инструментарий и адаптирует алгоритмы действий к новой реальности.

Традиционные методы обучения управлению проектами часто демонстрируют ограниченную эффективность. Как отмечает П. Моррис, прямая причинно-следственная связь между использованием формальных сводов знаний (PMBOK и др.) и фактическим успехом проектов эмпирически не доказана [13, с. 82]. Ключевой недостаток традиционного обучения – акцент на запоминании регламентов в ущерб развитию базовых способностей: корректной

постановке проблем, поиску рациональных альтернатив и системному анализу.

Развитие проектного мышления требует перехода от пассивного усвоения знаний к коучинговым и фасилитационным технологиям.

Модель *GROW* (John Whitmore) выступает одним из наиболее эффективных инструментов структурирования проектного мышления.

1. *G (Goal – Цель):* формирование ясного, измеримого образа желаемого будущего результата.

2. *R (Reality – Реальность):* объективный анализ текущего состояния, доступных ресурсов и имеющихся ограничений.

3. *O (Options – Альтернативы):* генерация максимально широкого спектра вариантов достижения цели, преодоление шаблонов мышления.

4. *W (Will/Way Forward – Намерение/Шаги):* перевод идей в конкретный план действий с распределением ответственности и фиксацией контрольных точек [17, с. 38].

На этапе раннего развития проектных установок эффективны игровые технологии и специализированные образовательные среды (включая элементы системы Монтессори, развивающие автономию и целеполагание с раннего возраста). На этапе работы со смысловым полем проекта применяются нарративные методы (сказкотерапия, сторителлинг), позволяющие проектировщику рефлексировать собственные внутренние барьеры и сценарии.

Трансформация современного рынка труда и развитие креативной экономики приводят к смене фундаментальных парадигм человеческой деятельности. Концепция «предпринимателя самого себя» и феномен «предпринимательства как стиля жизни» демонстрируют перенос акцента с жестких институциональных рамок на субъектность, личностный потенциал и надматериальные ценности индивида.

В этих условиях проектное мышление перерастает рамки узкопрофессионального навыка и становится универсальным социальным феноменом, определяющим способ взаимодействия человека с действительностью. Развитие проектного мышления требует отхода от исключительно формально-инструментальных методов в пользу комплексного учета социальной и культурной подсистем, а также активного внедрения коучинговых технологий (модель GROW). Формирование проектного мышления с учетом гендерных и социальных особенностей позволяет повысить адаптивность

акторов и обеспечить их успешную самореализацию в нестабильной внешней среде.

Список литературы

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход / Г.С. Беккер; пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

2. Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения / Ш. Берн. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 318 с.

3. Бусыгин А.В. Предпринимательство / А.В. Бусыгин. – М.: Дело, 1999. – 638 с.

4. Глазл Ф. Динамичное развитие предприятия: как предприятия-пионеры и бюрократия могут стать эффективными / Ф. Глазл, Б. Ливехуд. – Калуга: Духовное познание, 2000. – 251 с.

5. Калинина Г.Н. Проектное мышление и «человек проектирующий» (философско-культурологическая экспликация) / Г.Н. Калинина, П.В. Рыбалкина // Человек и культура. – 2018. – №5. – С. 13–20. DOI 10.25136/2409-8744.2018.5.27073. EDN VLBVLA

6. Княгинин В.Н. Формула развития / В.Н. Княгинин, П.Г. Щедровицкий. – М., 2005. – 205 с.

7. Крик Т. От слов к делу. Взаимодействие с заинтересованными сторонами. Выпуск 2: Практическое руководство по организации взаимодействия со стейкхолдерами / Т. Крик, М. Форстейтер, Ф. Монаган; пер. с англ. – М.: Междунар. проектное бюро «Деловая культура», 2005. – С. 14–15.

8. Романова М.Ю. Подготовка старшеклассников к предпринимательской деятельности в условиях профильного обучения (на примере социально-экономического профиля): автореф. дис.... канд. пед. наук: 13.00.01 / М.Ю. Романова. – М., 2007. – 187 с. EDN ZNKOOD

9. Чилипенок Ю.Ю. Женское лицо электронной торговли: мотивы выбора работы на маркетплейсах / Ю.Ю. Чилипенок, О.С. Гапонова, О.С. Осипова // Женщина в российском обществе. – 2023. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-litso-elektronnoy-torgovli-motivy-vybora-raboty-na-marketpleysah (дата обращения: 28.08.2026). DOI 10.21064/WinRS.2023.1.5. EDN AWVZON

10. Штомпф Г. «Проектное мышление» – это не о размышлениях, а о действиях / Г. Штомпф // Проблемы управления в социальных системах. – 2012. – №6. – С. 68–72. EDN NDWGPE

11. Foucault M. The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–79 / M. Foucault; transl. by G. Burchell. – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 99–130.

12. Heckman J. Fostering and Measuring Skills: Interventions That Improve Character and Cognition / J. Heckman, T. Kautz. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2013. – URL: http://dx.doi.org/10.3386/w19656 (date of access: 28.08.2026).

13. Morris P.W.G. Science, objective knowledge, and the theory of project management / P.W.G. Morris // Proc. Inst. Civ. Eng. – 2002. – Vol. 150. Iss. 2. – P. 82–89.

14. Rose N. Inventiveness in politics / N. Rose // Economy and society. – 1999. – Vol. 28. No. 3. – P. 467–493.
15. Schulte-Holthaus S. Entrepreneurship in the creative industries / S. Schulte-Holthaus // Entrepreneurship in culture and creative industries. – Cham: Springer, 2018. – P. 99–154.
16. Schultz T.W. Human capital: policy issues and research opportunities / T.W. Schultz // Human Resources. – 1972. – 84 p.
17. Whitmore J. Coaching for Performance: Growing Human Potential and Purpose-The Principles and Practice of Coaching and Leadership / J. Whitmore. – 2009. – 240 p.
18. Wilken P.H. Entrepreneurship: A Comparative and Historical Study / P.H. Wilken. – Norwood, N.J.: Ablex Publishing Corp., 1979. – 320 p.

Гогоберидзе Зураб Меджитович
канд. пед. наук, доцент
Гогоберидзе Фатима Юсуповна
канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева»
г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика

ТУРИЗМ И РЕКРЕАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: *в статье предпринята попытка рассмотреть значение туризма и активного отдыха в непрерывном и поступательном социально-экономическом развитии Карачаево-Черкесии. В работе предложены нетрадиционные для данного региона направления туризма и рекреации как эффективные средства улучшения качества активного отдыха и охраны общественного здоровья. Представлено авторское видение путей и средств совершенствования туристско-рекреационной отрасли экономики Карачаево-Черкесской Республики.*

Ключевые слова: *туризм, рекреация, традиции и инновации, условия, формы, методы.*

Туризм и рекреация являются одной, а иногда и единственной высоко доходной отраслью экономики целого ряда государств мира, а в мировой экономике они формируют около 10% мирового

ВВП. Так, например, доходы от туризма в экономике Турции превышают 65 миллиардов долларов, а в Греции туризм и связанные с ним услуги формируют до пятой части ВВП республики. Российская Федерация, располагающая уникальным потенциалом для развития туризма и рекреации, еще находится в стадии научного и предпринимательского поиска, строительства собственной стратегии развития отрасли. В этой связи представляется целесообразным создание в субъектах Российской Федерации региональных центров туризма и рекреации, ориентированных на отечественные культурные традиции. Одним из центров туризма и рекреации России, получивших мировую известность является Карачаево-Черкесия. Сегодня федеральное и региональное правительства, а также бизнес-сообщество предпринимают меры, направленные на создание условий для сбалансированного, гармоничного и эффективного развития туристско-рекреационной отрасли экономики республики. Ключом и основным фактором успешного решения поставленных в республике задач, связанных с дальнейшим развитием сферы туризма и рекреации, являются уникальные природные и культурные ландшафты, модернизирующаяся инфраструктура, богатая история и культурное разнообразие региона. Благодаря имеющемуся в республике базису возможно создание инновационных форм и методов развития туризма и рекреации, сочетающих приверженность традиционным ценностям и культуре с наиболее передовыми и эффективными формами организации активного отдыха гостей и жителей республики.

Сбережение здоровья российского народа, каждого его отдельного гражданина посредством развития индустрии всесезонного активного отдыха является одним из приоритетных направлений социального развития Российской Федерации. Так, Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года уделяет особое внимание развитию индустрии активного отдыха и рекреации в регионах России, созданию условий для комфортного внутреннего туризма и отдыха [1]. В этой связи на первый план выходит региональный аспект популяризации и развития активного отдыха и охраны общественного здоровья, который неразрывно связан с развитием массового туризма и спорта, а также с популяризацией физической культуры и спорта в регионах России. В этой связи следует подчеркнуть, что развитие индустрии туризма и активного отдыха в субъектах федерации отвечает принципам сохранения традиционной культуры народов России, способствует сохранению культурного наследия народов нашей страны, которое, в свою

очередь, способствует решению нескольких актуальных социальных задач начиная с оздоровления и завершая повышением уровня трудовой занятости населения [2]. Карачаево-Черкесская Республика была и остается одним из наиболее известных центров активного отдыха и рекреации Российской Федерации. Регион имеет более чем вековую историю развития массового туризма и рекреации [4]. Согласно публикациям министерства туризма и курортов Карачаево-Черкесии, посвященных исследуемой нами проблеме, в КЧР наблюдается устойчивый ежегодный рост туристического потока. Строительство новых туристско-рекреационных объектов, развитие и совершенствование имеющей туристической и здравоохранительной инфраструктуры приносят свои результаты. Объективное сравнение уровня обслуживания жителей и гостей республики в туристических и рекреационных объектах региона за последние пять лет свидетельствует о наблюдающемуся здесь значительном прогрессе, стимулирующем модернизацию туристической и рекреационной отрасли, непрерывную работу над повышением качества услуг, предоставляемых на курортах республики [5]. По нашему мнению, в последние годы значительным фактором развития туризма и оздоравливающего отдыха в Карачаево-Черкесии является возникновение и развитие новых, нетрадиционных для данного региона видов туризма и активного отдыха, таких как – деловой туризм, интенсив-туризм, конгрессный, клубный и корпоративный отдых, этнокультурный и экстремальный туризм.

Богатство и разнообразие природных ландшафтов, а также универсальность инфраструктурного потенциала Карачаево-Черкесии предоставляют гостям и жителям республики возможность круглогодичного всесезонного туризма, альпинизма, занятий другими видами активного отдыха [6].

В последние годы все большую популярность приобретает экстремальное направление туризма, которое дало развитие в регионе парапланеризму. Сегодня в республике создана достаточно разнообразная и разноуровневая сеть туристического и спортивного сервиса, которая в значительной мере отвечает требованиям к комфортному или экстремальному отдыху, в зависимости от предпочтений отдыхающих.

С конца XIX века благоприятный для здоровья климат горных районов Карачаево-Черкесии, полюбившийся многим путешественникам, альпинистам, туристам и просто приверженцам здорового образа жизни в России и за рубежом знакомит гостей региона с традиционным бытом и богатой культурой его народов, в том числе и с

традиционной пищей, которая сегодня дала начало развитию еще одного нового для региона вида туризма – гастрономического. Знакомство с национальной кухней, традиционной пищей народов Карачаево-Черкесии, включенное в комплекс этнотуристических мероприятий, предоставляющих любителям активного отдыха возможность непосредственного знакомства с традиционным укладом жизни и бытом народов региона, на сегодняшний день является мало разработанным, но перспективным. Еще одной инновацией в сфере туризма, пользующейся все большей популярностью является так называемый каучсерфинг – гостевой обмен, который в отличие от агротуризма является бесплатным. Важно отметить, что данный вид туризма во многом являет собой аналог традиционному для народов Карачаево-Черкесии обычаю куначества, который на протяжении многих веков служил и продолжает служить налаживанию и развитию позитивных межнациональных и межрегиональных коммуникаций. Карачаево-Черкесская Республика является преимущественно аграрной с развитым сектором животноводства, продукция которого вполне удовлетворяет нужды гастрономического туризма, помогая развиваться малому и среднему бизнесу региона. Популярное в республике коневодство обусловило развитие и усовершенствование верхового туризма. Конные маршруты по красивейшим горным и лесным тропам пользуются все большим спросом не только у гостей, но и у жителей Карачаево-Черкесской Республики.

Таким образом, природные и культурные особенности Карачаево-Черкесии, а также ее достаточно развитая туристическая и рекреационная инфраструктура позволяют эффективно сочетать разные виды активного отдыха придавая ему комплексный, полноценный характер и насыщенное позитивными впечатлениями содержание. Нацеленность руководства и бизнес сообщества республики на развитие и всемерную поддержку туризма и рекреации позволит придать мощный импульс экономическому развитию региона, который в свою очередь будет способствовать дальнейшему социальному и культурному развитию Карачаево-Черкесии.

Список литературы

1. Документы – Правительство России. – URL: http://government.ru/docs/37906/ (дата обращения: 11.08.2026).

2. Александрова А.Ю. Международный туризм / А.Ю. Александрова. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 463 с.

3. Физкультуру в массы: как развивается спортивный туризм в России. – URL: https://национальныепроекты.рф/news/fizkulturu-v-massy-kak-razvivaetsya-sportivnyy-turizm-v-rossii/ (дата обращения: 11.08.2026).

4. Михайлов И.В. Населенные пункты Карачаево-Черкесской Республики / И.В. Михайлов. – Черкесск, 2001. – 190 с.

5. КЧР постоянно работает над повышением качества обслуживания туристов. – URL: https://cherkesk.bezformata.com/listnews/kchr-postoyanno-rabotaet-nad/106698085/ (дата обращения: 11.08.2026).

6. Хапаев С.А. Теберда. Домбай. Архыз. Природа. Исторический очерк. Туристско-экскурсионные маршруты / С.А. Хапаев. – М.: Профиздат, 1989. – 256 с. – С. 17.

Гутова Светлана Георгиевна
д-р филос. наук, доцент, профессор
Ольховский Андрей Викторович
аспирант

ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

DOI 10.31483/r-169098

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ КАК ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: *в статье анализируются социокультурные практики современной российской молодежи как один из способов конструирования идентичности в условиях нестабильной социальной среды. Рассматривается процесс трансформации досуговых, цифровых и творческих активностей молодежи, связанных с поиском комфортных коммуникаций и возможности самопрезентации. Особое внимание уделяется противоречивому влиянию цифровизации, которая, с одной стороны, расширяет горизонты самопрезентации, а с другой – порождает фрагментацию идентичности и зависимость от внешних факторов. Показывается, что, активное участие в различных социальных проектах становится для молодежи способом самоутверждения, обретения собственных личностных смыслов в противовес формализованным, навязываемым извне социальным ролям.*

Ключевые слова: *молодежь, идентичность, молодежная культура, социокультурные практики, социальная среда, потребности молодежи.*

Проблема идентичности на современном этапе развития общества становиться актуальной именно для молодежи, поскольку каждое новое поколение, находится в состоянии активного

социального становления, поиска своего места в социуме. Очевидно, это связано сегодня с многообразием возможностей, позволяющих выбирать свои роли, менять их в течение жизни, а также двигаться к выбранному статусу и при этом расти в социальном плане в любом направлении, что одновременно расширяет горизонты самоопределения и одновременно порождает новые риски. Цель данной статьи – проанализировать современные социокультурные практики молодежи как механизм поиска идентичности, выявить их специфику в условиях цифровой эпохи. Социокультурные практики молодежи необходимо рассматривать широко, поскольку они представляют собой не только уже известные досуговые формы активности, это еще и сложный механизм конструирования идентичности, способ ответа на фундаментальные вопросы «кто я?» и «каково мое место в мире?». Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, цифровая трансформация общества кардинально изменила ландшафт социокультурных практик: виртуальное пространство стало не просто дополнением, но полноценной средой для формирования идентичности. Во-вторых, традиционные институты социализации – семья, школа, профессиональные сообщества – утрачивают монополию на трансляцию ценностей и моделей поведения, уступая место сетевым сообществам и цифровым платформам. В-третьих, сама структура идентичности становится более фрагментированной и динамичной, что требует переосмысления теоретических подходов к ее изучению [3, с. 72].

Как отмечают современные исследователи, сама «молодежь активно меняет представление о своем предназначении, роли в жизни общества и своих жизненных планах» [9; 11; 13]. Этот процесс не является спонтанным – он отражает глубинные социальные трансформации, связанные с глобальной информатизацией и переходом важнейших социальных практик в виртуальное пространство. В этих условиях социокультурные практики молодежи становятся показателем более широких общественных изменений и одновременно инструментом, с помощью которого молодое поколение адаптируется к новой реальности. Надо учитывать, что «Молодежь, являясь важным трудовым ресурсом региона, во многом определяет его культурный и интеллектуальный образ, формирует его будущие социокультурные контуры [10, с. 41]

Исследование социокультурных практик молодежи предполагает междисциплинарный подход. Фундаментальное значение для

понимания природы молодежных практик имеет социокультурный подход, который позволяет рассматривать молодежную культуру «с позиции ее многофункциональности (учитывая социально-философский и культурологический аспект) и одновременно его исторической конкретности». Такой подход позволяет видеть молодежные практики как продукт конкретного социально-исторического контекста и одновременно активный фактор его трансформации.

В современных исследованиях подчеркивается, что «Идентичность представляет собой важный инструмент включения молодежи в общественную жизнь, который подразумевает легитимизацию конкретных практик (в определенный исторический период), через их одобрение определенной группой, общностью или же обществом в целом» [1, с. 89]. Надо отметить двойственную природу социокультурных практик, поскольку они одновременно являются и формой адаптации к изменениям, и инструментом их активного производства. Важным направлением исследований является изучение маргинализации молодежных практик. Этот процесс имеет как позитивные аспекты (освобождение от устаревших норм), так и негативные (риск дезориентации и вовлечения в деструктивные сообщества).

Необходимо подчеркнуть роль цифровых технологий в трансформации молодежных практик. Этот аспект важен для понимания специфики современных идентификационных процессов, поскольку идентичность все чаще конструируется через потребление и воспроизводство контента, а не через реальное участие в жизни сообщества [11]. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на цифровизацию как наиболее значимый для современной молодежной среды фактор трансформации социокультурных практик. Характерной чертой современной социокультурной ситуации являются процессы виртуализации и технологизации социального пространства. В современных исследованиях отмечается, что «Процессы цифровой трансформации направлены на имитацию возможностей человеческой деятельности, что в некотором смысле способствует упрощению социокультурных практик и их постоянной корректировке» [2, с. 22]. Позитивным моментом цифровизации выступает новая дополненная и виртуальная реальность, которая предлагает новые творческие пространства и существенно расширяет возможности самопрезентации, которых не существовало ранее. Цифровая среда трансформирует саму природу

социокультурных практик, а «Интернет-коммуникация, в частности, через социальные сети, способна детерминировать особенности идентичности личности» [5, с. 60].

Если ранее субкультурная идентичность формировалась через физическое присутствие в определенных локациях – концертных площадках, клубах, «тусовках», – то сегодня ключевой ареной становится цифровое пространство. Это порождает новое качество идентичности, так надо отметить, что она становится в большей степени «искусственно конструируемой», «демонстрационной» и «документируемой», чем проживаемой [8].

Одна из наиболее значимых трансформаций современных социокультурных практик – переход от устойчивых субкультур с четкой идеологической платформой к более гибким и текучим формам общности, обозначаемым суффиксом «-core». Как отмечается в современных исследованиях, «core» представляет собой «принцип группировки визуальных, музыкальных, поведенческих и идейных элементов вокруг одной ключевой темы» [2]. Эта трансформация отражает изменение самой логики идентификационных процессов. Если классические субкультуры (панки, готы, металлисты) предполагали относительно устойчивую систему ценностей и мировоззрения, то современные «эстетики» строятся вокруг настроения (vibe), визуального образа и тематического ядра. Это не означает, что они лишены смыслового содержания, но это содержание организовано иначе – более фрагментированно и менее идеологизированно [3]. Значительный интерес представляют явления, которые исследователи характеризуют как квазисубкультуры – «группы, формирующиеся вокруг определённых интересов или трендов, но не имеющие ярко выраженной идентичности», формирование которых связано с размыванием устойчивых границ. Современные исследователи все чаще приходят к выводу, что ни одна из современных молодежных групп, идентифицируемых как субкультуры, не соответствует в полной мере уже известным классическим критериям субкультуры [11]. Данное наблюдение фиксирует фундаментальный сдвиг в изучении поведения и формирования новых социальных практик современной молодежи. Если классическая субкультура предполагала относительно высокий уровень внутренней дифференциации, устойчивую символику и ритуалы, то современные формы молодежной самоорганизации часто оказываются менее структурированными. Это связано с влиянием цифровых

алгоритмов, которые, по выражению исследователей, «разрушили монокультуру», фрагментировав пространство идентификационных возможностей. В этих условиях границы между «своими» и «чужими» становятся более проницаемыми. Молодой человек может одновременно идентифицировать себя с несколькими эстетическими направлениями, переключаться между ними в зависимости от контекста и не чувствовать необходимости в жесткой фиксации идентичности. Идентичность становится более текучей, мобильной и ситуативной.

Поиск идентичности у молодежи все чаще приобретает форму цифрового конструирование «себя». В этом контексте социокультурные практики выполняют функцию конструирования идентичности через создание визуально-смыслового образа «себя». Молодой человек выбирает определенную эстетику, создает соответствующий профиль в социальных сетях, участвует в определенных цифровых практиках – и через это утверждает свою идентичность. Важно отметить, что эта идентичность имеет выраженный перформативный характер: она существует не столько как внутренняя уверенность, сколько как демонстрируемый набор практик и стилей. Трансформация социокультурных практик несет с собой и существенные риски, которые на самом деле можно только приблизительно просчитать. Исследователи отмечают «маргинализацию некоторых современных молодежных культурных практик», что может выражаться в отчуждении от традиционных социальных институтов, принятии деструктивных моделей поведения и вовлечении в сообщества с агрессивной идеологией. «Взаимосвязь свободы и деструктивности является очень сложной и неоднозначной… подавление в человеке его стремления к свободе неизбежно приводит к чувству отчужденности и может провоцировать различные формы деструктивного поведения [4, с. 146].

Особую обеспокоенность вызывает эскапизм, то есть уход от реальности в цифровые или вымышленные миры, который подменяет подлинную работу над идентичностью симуляцией принадлежности. «В современном мире молодой человек не испытывает особой потребности и желания взрослеть, принимать на себя всю полноту ответственности» [8, с. 3409]. Эскапизм, таким образом становится поведенческой стратегией. Исследователи феномена эскапизма отмечают, что виртуальные практики стали важнейшей составляющей жизни индивида, создав условия, усиливающие эскапистские

тенденции и настроения [12, с. 160]. При этом эскапизм не всегда носит исключительно депривационный характер. Как показывает анализ практик праздности и недеяния в молодежных сообществах XX века, подобные стратегии могли выступать в качестве способов личностной элитизации и творческого развития, носить социально протестный характер. Однако в современном цифровом контексте эскапизм все чаще становится фактором деструктивной социализации, что подтверждается исследованиями, посвященными феномену цифрового эскапизма и его влиянию на социализацию молодежи. В то же время, как показывают исследования, риск вовлечения в деструктивные практики может быть снижен через создание альтернативных социальных пространств. Опыт инновационных образовательных проектов показывает, что предложение сильной гражданской идентичности, живых эмоциональных связей и откровенных диалогов о рисках может быть эффективной альтернативой запретительным мерам. При этом важно подчеркнуть, что социокультурные практики молодежи следует понимать не как девиацию, а как адаптивный ответ на социальные изменения. Поиск идентичности через новые формы общности и самовыражения отражает потребность молодого поколения в самоопределении в условиях, где традиционные идентификационные структуры утратили монополию. При этом для современной культурной политики важно учитывать, что «Именно молодежь, являясь в будущем основой общества способна внести максимальные преобразования и адаптировать новые культурные ценности к современным условиям».

Таким образом, можно сделать вывод, что социокультурные практики молодежи претерпевают фундаментальную трансформацию под влиянием цифровых технологий. Виртуальное пространство становится не просто средой распространения практик, но местом их первичного производства. Это меняет сам характер идентичности, поскольку ее сущность все более становится демонстрируемой, документируемой и фрагментированной. При этом изменения затрагивают и структуру молодежных сообществ. На смену классическим субкультурам с устойчивой идеологией приходят более текучие формы общности, организованные вокруг визуальных и эмоциональных тем, а также фандомы, предлагающие глобальную принадлежность через потребление контента. Многие современные молодежные сообщества уже перестали соответствовать

классическим критериям субкультуры, что позволяет характеризовать их как «квазисубкультуры».

Еще одним важным выводом, является признание идентичности как постоянного становления, то есть как процесса. Современные молодежные практики показывают, что идентичность становится менее фиксированной и все более экспериментальной, даже непредсказуемой. Молодые люди могут переключаться между различными идентификационными режимами, комбинировать элементы разных эстетик и не ощущать необходимости в жестком самоопределении [6]. Это создает как новые возможности для самореализации, так и риски дезориентации и эскапизма. Необходимо обратить внимание на уже сложившиеся в современном обществе риски маргинализации социокультурных практик, что находит свое отражение эскапизме, то есть в уходе от традиционных социальных ролей, принятии пессимистических мировоззренческих установок и вовлечение в деструктивные сообщества. Однако эти риски могут быть снижены через создание альтернативных пространств для формирования идентичности, предлагающих содержательные возможности для самореализации.

Список литературы

1. Богатырь В.С. Особенности формирования современных социокультурных молодежных практик / В.С. Богатырь, С.Г. Гутова // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – №3(66). – С. 85–92. DOI 10.26907/2079-5912.2024.3.85-92. EDN NYJKIO

2. Горенкин В.А. Социокультурные практики в контексте современной действительности / В.А. Горенкин, Л.С. Гаспарян, А.В. Швецова // Культурная жизнь Юга России. – 2024. – №2(93). – С. 21–28. DOI 10.24412/2070-075X-2024-2-21-28. EDN VFCMQK

3. Гришаева С.А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды / С.А. Гришаева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26. №1. – С. 70–81. DOI 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81. EDN DWLIGU

4. Гутова С.Г. Идеология экстремизма и терроризма как форма деструктивного поведения: философский анализ / С.Г. Гутова, Н.Н. Самохина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – №12–2(74). – С. 145–149. EDN YHFMKB

5. Емельянова О.Б. Личностная идентичность как проблема в свете развития информационно-коммуникативных технологий / О.Б. Емельянова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – №8(112). – С. 56–64. DOI 10.24158/fik.2023.8.7. EDN HSTASN

6. Занина К.Д. Перспективы формирования культурной идентичности российской молодежи в пространстве молодежной моды / К.Д. Занина // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13. – №10А. – С. 30–39. DOI 10.34670/AR.2023.55.79.004. EDN ETSNNZ

7. Копытин С.М. К вопросу о субкультурной идентичности / С.М. Копытин // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №2. – С. 320–323. EDN RWUFTV

8. Гутова С.Г. Культура молодежи: в поисках духовных оснований / С.Г. Гутова, З.А. Целищева, О.М. Бабкова // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 3403–3412. DOI 10.19181/kongress.2020.405. EDN PBCTPE

9. Гражданская идентичность как фактор просоциального поведения российской молодежи / Т.Е. Ляпина, С.Д. Гуриева, А.В. Мальцева, Н.Е. Шилкина // Национальный психологический журнал. – 2026. – Т. 21. №2. – С. 97–108. DOI 10.11621/npj.2026.0207. EDN IZDORQ

10. Молодежь в условиях Севера: социокультурные тенденции, миграция и качество жизни / С.Г. Гутова, С.В. Данилова, Н.Н. Самохина, И.Н. Брянский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №10. – С. 36–43. DOI 10.23672/q9122-1378-5854-b. EDN MBTDBU

11. Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель): коллективная монография / под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова. – М.: Народное образование, 2025. – 197 с.

12. Напсо М.Д. Эскапизм как предмет философской рефлексии / М.Д. Напсо // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24. Вып. 2. – С. 157–161. DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-2-157-161. EDN YBBHFC

13. Социальные практики молодежи в современном российском обществе: новые модели и вызовы: монография / З.А. Целищева, С.В. Каипбекова, М.В. Думинская [и др.]. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2024. – 184 с. EDN IVMEYO

Калайджян Милана Артуровна
студентка

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ РФ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И МЕТОДОВ ОЦЕНКИ

Аннотация: *в статье исследуется инвестиционная привлекательность регионов РФ с учётом экономических, инфраструктурных, ресурсных, трудовых и институциональных факторов. Проанализированы подходы к её оценке. На основе статистики проведено сравнение Московской области, Краснодарского края, Ленинградской области, Хабаровского края и Карачаево-Черкесской Республики. Предложен подход к формированию инвестиционного профиля региона.*

Ключевые слова: *инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, инвестиционная активность, региональная экономика, региональное развитие.*

Инвестиции выступают ключевым фактором расширения производственного потенциала, модернизации фондов и долгосрочного социально-экономического развития территорий. Одинаковый объём инвестиций имеет разное экономическое значение для разных субъектов Федерации. Небольшой узкоспециализированный регион нельзя сопоставлять с крупным промышленно-агломерационным центром только по объёму капитальных вложений.

Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. №39-ФЗ определяет инвестиции как денежные средства, ценные бумаги, имущество и иные права, вкладываемые в объекты предпринимательской и иной деятельности с целью получения прибыли или достижения иного полезного эффекта. Капитальные вложения при этом непосредственно связаны с инвестициями в основной капитал [1].

Инвестиционная привлекательность региона представляет собой совокупность характеристик территории, определяющих потенциальную возможность и экономическую целесообразность размещения инвестиционных ресурсов. В отличие от инвестиционной активности, отражающей уже осуществленные вложения, инвестиционная привлекательность характеризует условия, в которых такие вложения могут быть реализованы.

Ключевыми элементами инвестиционной привлекательности являются инвестиционный потенциал и инвестиционный риск. Потенциал определяется наличием ресурсов и возможностей развития, тогда как риск отражает вероятность возникновения факторов, способных ухудшить ожидаемый результат инвестиционного проекта [2, с. 148].

Целесообразно указать основные факторы. Экономический фактор является базовым, поскольку инвестор заинтересован в наличии устойчивого спроса и возможности расширения хозяйственной деятельности. Однако высокий масштаб экономики не всегда означает максимальную привлекательность: крупный рынок может сопровождаться высокой стоимостью труда, недвижимости и инфраструктурных ресурсов.

Инфраструктура непосредственно влияет на стоимость инвестиционного проекта. Наличие транспортных магистралей, энергетических мощностей, промышленных площадок и цифровой инфраструктуры сокращает первоначальные расходы инвестора и сроки реализации проекта.

Значение институционального фактора определяется качеством взаимодействия бизнеса и органов власти. Федеральное законодательство предусматривает возможность взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов власти в инвестиционной деятельности, а также различные формы государственного регулирования капитальных вложений [1].

Таблица 1

Методы оценки инвестиционной привлекательности регионов [3, с. 236]

Метод	Содержание	Преимущества	Ограничения
1	*2*	*3*	*4*
Статистический	Анализ объема, динамики и структуры инвестиций и социально-экономических показателей	Объективность и сопоставимость	Не отражает все качественные факторы
Рейтинговый	Распределение регионов по группам или местам	Наглядность	Зависит от выбранных критериев
Экспертный	Оценка факторов специалистами	Позволяет учитывать качественные характеристики	Субъективность
Интегральный	Нормирование показателей и объединение их в общий индекс	Комплексность	Необходимость обоснования весов
Комбинированный	Сочетание статистических и качественных оценок	Более полная характеристика региона	Более сложный расчет

Для сравнительного анализа выбраны Московская область, Краснодарский край, Ленинградская область, Хабаровский край и Карачаево-Черкесская Республика. Такой выбор позволяет сопоставить территории с различным масштабом экономики и разной отраслевой специализацией.

По абсолютному объему инвестиций в рассматриваемой группе лидирует Московская область. В 2024 г. в основной капитал региона было направлено около 1,82 трлн руб. Это закономерно связано с масштабом экономики области, высокой концентрацией промышленного и логистического бизнеса, емкостью потребительского рынка и близостью к крупнейшей агломерации страны.

Краснодарский край по объему инвестиций практически сопоставим с Ленинградской областью. В 2024 г. инвестиции в основной капитал края составили 1 119,6 млрд руб., увеличившись до 116% к уровню 2023 г. Значительная часть средств была направлена на здания и сооружения – 45,6%, машины и оборудование – 33,7%, жилищное строительство – 14,2% [4]. Значительная роль строительства связана не только с жилищным сектором, но и с развитием туристической и транспортной инфраструктуры.

Ленинградская область характеризуется промышленно-логистической специализацией. В 2024 г. объем инвестиций в основной капитал составил около 1 110,5 млрд руб., что обеспечило региону восьмое место среди субъектов Российской Федерации по данному показателю; рост по сравнению с 2023 г. в сопоставимых ценах составил 38,4%, а по данным инвестиционного портала, в структуре ВРП Ленинградской области в 2024 г. обрабатывающие производства составляли 27,4%, транспортировка и хранение – 14,6%, строительство – 12,9% [5].

Хабаровский край отличается от трех рассмотренных регионов иной географической и ресурсной моделью развития. Согласно Инвестиционной стратегии Хабаровского края до 2035 г., в 2024 г. объем инвестиций в основной капитал составил около 741 млрд руб. Наибольшие объемы инвестиций приходились на добычу полезных ископаемых, транспортировку и хранение, обрабатывающие производства, энергетику, а также информационно-коммуникационную деятельность [6].

Особого подхода требует оценка Карачаево-Черкесской Республики. Объем инвестиций в основной капитал в КЧР значительно

меньше абсолютных показателей остальных рассматриваемых субъектов: в 2024 г. он составил 36,6 млрд руб. При этом, согласно официальным материалам республики, с 2021 по 2024 г. объем инвестиций вырос с 32,3 до 36,6 млрд руб. в фактических ценах [7]. Данное обстоятельство само по себе не свидетельствует о низкой инвестиционной привлекательности республики. Различия в абсолютных значениях обусловлены прежде всего масштабом региональных экономик. Население КЧР и объем ее ВРП несопоставимы с Московской областью или Краснодарским краем. Поэтому корректнее оценивать республику с позиции тех отраслей, в которых она располагает относительно сильными конкурентными преимуществами. К ним относятся туризм и рекреация, сельское хозяйство, пищевая промышленность, производство строительных материалов и использование природных ресурсов [7; 8].

Различия в инвестиционных профилях регионов обусловливают необходимость дифференцированной региональной политики: применение единого набора инструментов для всех субъектов РФ не позволяет в полной мере раскрыть их уникальные конкурентные преимущества.

Московская область делает ставку на технологическую модернизацию и производственно-логистические цепочки. В Краснодарском крае приоритетны развитие туристической инфраструктуры и переработка сельхозпродукции. Ленинградская область должна укреплять промышленно-логистическую специализацию и развивать проекты с высокой добавленной стоимостью. Хабаровский край должен наращивать переработку природных ресурсов на своей территории, чтобы снизить зависимость от экспорта сырья. В КЧР перспективно сформировать полный инвестиционный цикл в туризме – объединить гостиничный бизнес, питание, транспорт, экскурсии, рекреацию, спорт и производство локальной продукции.

Так, инвестиционная привлекательность региона является комплексной характеристикой, формирующейся под воздействием экономических, инфраструктурных, ресурсных, трудовых, рыночных и институциональных факторов. Исследование существующих методик показало, что наиболее объективным является комбинированный подход, объединяющий статистические показатели и качественную оценку условий ведения инвестиционной деятельности. Такой

подход позволяет учитывать как уже сложившуюся инвестиционную активность, так и перспективные возможности территории.

Список литературы

1. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон №39-ФЗ от 25.02.1999 (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – №9. – Ст. 1096.

2. Смирнова Е.В. Методика оценки инвестиционной привлекательности региона / Е.В. Смирнова, М.Ю. Жуков // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. – 2010. – Т. 11. №2(28). – С. 146–150. EDN NTTGWF

3. Ахтариева Л.Г. Современные подходы к оценке инвестиционной привлекательности регионов / Л.Г. Ахтариева // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2014. – №1(7). – С. 233–239. EDN SJNASV

4. Краснодарстат. Инвестиции в основной капитал за январь-декабрь 2024 года. – Краснодар, 2025.

5. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2036 года: Закон Ленинградской области №70-оз от 23.06.2025.

6. Об утверждении Инвестиционной стратегии Хабаровского края на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Хабаровского края №270-рп от 13.05.2026.

7. О внесении изменений в постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 28.12.2023 №380 «О государственной программе «Стимулирование экономического развития Карачаево-Черкесской Республики»: Постановление Правительства КЧР №210 от 01.10.2025.

8. Стратегия социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период до 2035 года: Постановление Правительства КЧР №275 от 02.10.2023.

Камасева Надежда Николаевна
заведующая библиотекой
Шимкусская библиотека МБУК «ЦБС»
Янтикоского МО Чувашской Республики
с. Шимкусы, Чувашская Республика
Иванова Екатерина Константиновна
доктор педагогических наук, д-р пед. наук, профессор
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Аннотация: *статья посвящена исследованию трансформации краеведческой деятельности сельских библиотек в условиях цифровизации. На примере Централизованной библиотечной системы Янтиковского муниципального округа Чувашской Республики анализируется переход от традиционных форм работы (летописание, создание тематических папок-досье) к цифровым форматам (электронные базы данных, социальные сети, мультимедийные проекты). Обосновывается ключевая роль сельской библиотеки как института сохранения этнокультурной идентичности и формирования единого межкультурного пространства региона. Авторы приходят к выводу, что интеграция цифровых технологий и традиционных методов краеведческой работы является стратегическим условием устойчивого развития сельских территорий и преодоления информационного неравенства.*

Ключевые слова: *сельская библиотека, краеведческая деятельность, цифровая трансформация, межкультурное пространство, региональная идентичность, Чувашская Республика, устойчивое развитие.*

В современных условиях глобализации и активного внедрения информационно-коммуникационных технологий особую остроту приобретает проблема сохранения культурного многообразия и этнокультурной идентичности локальных сообществ. Ключевым

институтом, обеспечивающим преемственность культурных традиций и формирование межкультурного пространства на сельских территориях, остается библиотека. Именно сельская библиотека, будучи наиболее приближенным к населению учреждением культуры, выполняет функцию «хранителя памяти» и центра общественной жизни села.

Цифровая трансформация, понимаемая как системный процесс качественного изменения всех аспектов деятельности организации под воздействием цифровых технологий, открывает перед сельскими библиотеками новые возможности для продвижения краеведческого материала и сохранения локального наследия. Однако этот процесс сопряжен с рядом вызовов, связанных с недостаточным финансированием, дефицитом цифровых компетенций у сотрудников и необходимостью соблюдения баланса между традиционными формами работы и инновационными подходами.

Цель настоящего исследования – проанализировать опыт использования цифровых технологий сельскими библиотеками во взаимодействии с архивами и музеями для продвижения краеведческого материала и определить роль этого процесса в формировании устойчивого межкультурного пространства региона. Объектом исследования выступает библиотечное обслуживание в сельских библиотеках, предметом – реализация краеведческой деятельности в условиях цифровой трансформации (на материалах МБУК «ЦБС» Янтиковского муниципального округа Чувашской Республики).

Анализ теоретико-методологической литературы показывает, что цифровая трансформация библиотечной сферы не сводится к простой оцифровке фондов. Как справедливо отмечает М.Я. Дворкина, это «эволюция библиотечной технологии в цифровую технологию, где ключевым становится создание интеллектуально-поисковой среды» [1, с. 7]. В.К. Степанов подчеркивает, что трансформация означает «полный перевод библиотечно-информационной деятельности в цифровую среду», где библиотека перестает быть местом хранения физических носителей и становится точкой доступа к распределенным мировым информационным ресурсам [2, с. 100].

В контексте краеведческой деятельности это означает переход от создания разрозненных бумажных архивов к формированию структурированных электронных баз данных, мультимедийных ресурсов и интерактивных платформ, доступных для пользователей вне зависимости от их географического положения. Особую значимость данный процесс приобретает для сельских территорий, где

библиотека зачастую остается единственным источником доступа к глобальным информационным ресурсам и инструментом преодоления «цифрового разрыва».

Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года закрепляет цифровую трансформацию в качестве одного из приоритетных направлений, предполагая модернизацию ИТ-инфраструктуры, формирование единого цифрового пространства знаний, оцифровку фондов и внедрение новых сервисов [3]. Для сельских библиотек Чувашской Республики реализация этих задач приобретает особое значение в контексте сохранения чувашского языка и этнокультурного наследия.

Янтиковский муниципальный округ Чувашской Республики представляет собой типичный для региона сельский район, где библиотечная сеть охватывает практически все населенные пункты. По состоянию на 2025 год библиотечное обслуживание жителей осуществляли 18 библиотек МБУК «ЦБС»: Центральная библиотека, Детская библиотека и 16 сельских филиалов [4].

Показатели охвата населения библиотечным обслуживанием свидетельствуют о высокой востребованности этих учреждений: совокупный показатель охвата составляет 80%, что существенно превышает среднероссийские показатели. В ряде поселений (Тенеевское, Чутеевское, Алдиаровское, Можарское) библиотека охватывает более 90% местного населения, выступая фактически безальтернативным культурным центром.

Традиционная краеведческая деятельность библиотек района имеет глубокие исторические корни. Как показывает анализ, уже в 1950–1980-е годы в сельских библиотеках была создана система сбора и систематизации краеведческой информации, включавшая ведение рукописных летописей сел, тематических папок-досье, систематических краеведческих каталогов (КСК). Эти уникальные материалы, зачастую существующие в единственном экземпляре, до сих пор составляют основу краеведческих фондов и являются ценнейшим ресурсом для последующей оцифровки.

Особое место в традиционной работе занимало летописание населенных пунктов. Библиотекари на протяжении десятилетий опрашивали старожилов, работали с архивными документами сельсоветов и правлений колхозов, фиксируя историю каждого села, судьбы его жителей. Эти рукописные книги, снабженные фотографиями из личных архивов, являются уникальными

первоисточниками, хранящими информацию, которая не зафиксирована в государственных архивах.

В постсоветский период активизировалась работа по созданию краеведческих уголков и мини-музеев крестьянского быта, что было связано с возрождением национального самосознания и стремлением сохранить чувашскую этнокультуру. Библиотеки собирали предметы старины, элементы национальной одежды с уникальной ручной вышивкой, орудия труда, превращаясь в хранителей вещественной памяти места.

В условиях цифровой трансформации библиотеки Янтиковского муниципального округа активно осваивают новые форматы работы. Ключевыми направлениями являются.

1. Создание и развитие электронного каталога и баз данных. На 01.01.2026 года совокупный объем собственных баз данных МБУК «ЦБС» составил 31262 записи, из которых 30013 доступны в сети Интернет. Это позволяет пользователям дистанционно получать доступ к информации о фондах библиотек округа.

2. Оцифровка уникальных краеведческих материалов. Ведется планомерная работа по переводу в цифровой формат наиболее ценных документов: рукописных летописей сел, подшивок районной газеты «Ял ĕçченĕ» («Сельский труженик»), старых фотографий и семейных архивов. Например, в Шимкусской сельской библиотеке была оцифрована похвальная грамота за трудовые достижения 1935 года, предоставленная жителями села.

3. Активное присутствие в социальных сетях. Библиотеки ведут официальные сообщества в «ВКонтакте» и «Одноклассниках», где публикуют краеведческие миниатюры, редкие архивные фотографии, анонсы мероприятий, проводят интерактивные викторины. Это позволяет вовлекать в краеведческую деятельность молодежную аудиторию и поддерживать постоянный интерес к локальной истории.

4. Проведение краудсорсинговых акций. Организуются сетевые акции по сбору старых фотографий, воспоминаний и семейных реликвий («Семейные реликвии в цифре»). Жители приносят в библиотеку материалы для оцифровки, после чего цифровые копии пополняют открытые архивы. Этот подход укрепляет социальные связи и формирует у жителей чувство сопричастности к сохранению истории своей малой родины.

5. Создание мультимедийных продуктов. Библиотеки записывают видеоинтервью с ветеранами труда и старожилами, создавая

видеоархивы воспоминаний. Фиксация живых голосов носителей местной истории позволяет сохранить уникальные факты и особенности устной традиции чувашского народа.

6. Взаимодействие с музеями и архивами. Важным направлением является совместная работа с краеведческим музеем Янтиковского МО и архивами. Совместные проекты, такие как этнографический проект «Голоса чувашской деревни», позволяют объединить ресурсы учреждений для создания качественного, верифицированного цифрового контента, доступного широкой аудитории.

Анализ деятельности сельских библиотек Янтиковского муниципального округа показывает, что они являются не просто информационными центрами, а ключевыми узлами межкультурного пространства региона. Эта роль реализуется через несколько аспектов.

Сохранение и популяризация чувашского языка и этнокультуры. Комплектование фондов литературы на чувашском языке (в 2025 году поступило 666 экз., что составило 34% от общего объема комплектования), проведение мероприятий на чувашском языке, фиксация и продвижение традиционных обрядов («Улах», «Сара») способствуют сохранению языкового и культурного разнообразия.

Формирование региональной идентичности. Краеведческая деятельность помогает жителям осознать свою связь с малой родиной, увидеть место своей семьи и рода в истории края. Особую роль здесь играет генеалогическое направление – сбор информации о семьях, династиях, ветеранах войны и тружениках тыла.

Интеграция в общероссийское культурное пространство. Благодаря цифровизации уникальные материалы сельских библиотек становятся частью единого цифрового пространства страны. Интеграция с Национальной электронной библиотекой и региональными порталами (например, «Наследие Чувашии») позволяет преодолеть информационную изоляцию села.

Платформа для межпоколенческого диалога. Библиотека становится местом встречи разных поколений, где передается историческая память. Молодежь привлекается к изучению истории через интерактивные формы (квесты, викторины, создание видео), старшее поколение выступает носителем живой традиции.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что цифровая трансформация открывает перед сельскими библиотеками новые возможности для выполнения их миссии по сохранению и актуализации локального культурного наследия. Опыт МБУК «ЦБС» Янтиковского муниципального округа Чувашской Республики

демонстрирует, что интеграция традиционных форм краеведческой работы (летописание, сбор устных воспоминаний, создание музейных уголков) с современными цифровыми инструментами (электронные базы данных, социальные сети, мультимедийные проекты) позволяет не только сохранить уникальное наследие, но и сделать его доступным для широкой аудитории.

Сельская библиотека в условиях цифровой трансформации утверждается в качестве незаменимого института межкультурного диалога, обеспечивающего преемственность культурных традиций и формирование региональной идентичности. Это делает ее важным субъектом устойчивого развития сельских территорий, способствующим социальной сплоченности, сохранению культурного разнообразия и преодолению информационного неравенства.

Перспективными направлениями дальнейшего развития краеведческой деятельности являются продолжение системной оцифровки уникальных рукописных фондов, расширение практики краудсорсинга, развитие интерактивных форм (виртуальные экскурсии, QR-кодирование объектов наследия), а также повышение цифровых компетенций сельских библиотекарей.

Список литературы

1. Дуда В.В. Библиотека в пространстве социальных трансформаций: сохранение культурного наследия и вызовы цифровизации / В.В. Дуда, Е.В. Никонорова, Е.А. Шибаева // Библиотековедение. – 2024. – Т. 73. №1. – С. 7–22. DOI 10.25281/0869-608X-2024-73-1-7-22. EDN MGJHLP

2. Степанов В. Как переформатировать краеведческую деятельность в библиотеке: направления работы в новых условиях, форматы, юридическое оформление цифровых материалов / В. Степанов // Cultmanager.ru. – URL: https://www.cultmanager.ru/article/11859-kak-pereformatirovat-kraevedcheskuyu-deyatelnost-22-m06–25 (дата обращения: 13.05.2026).

3. Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ №608-р от 13.03.2021. – URL: http://government.ru/docs/37602/ (дата обращения: 13.05.2026).

4. Централизованная библиотечная система Янтиковского муниципального округа: официальный сайт. – URL: https://yantikbibl.rchuv.ru/ (дата обращения: 13.05.2026).

Мамонтова Юлия Павловна
канд. экон. наук, доцент
Радченко Сергей Сергеевич
магистрант
Каменская Анастасия Сергеевна
магистрант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ИНСТРУМЕНТАРНЫХ СРЕДСТВ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: *в статье сделан акцент на необходимости внедрения в практику реализации культурной политики цифровых технологий. Однако, достижение национальных культурных приоритетов, в том числе на региональном уровне, по мнению авторов, возможно только благодаря применению системы инструментарных средств: законодательных норм; финансирования; инфраструктурного развития; внедрения цифровых технологий.*

Ключевые слова: *национальные приоритеты, цифровые технологии, культурная политика, инструменты.*

Развитие Российской Федерации и территорий регионального уровня на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к культуре. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, Стратегии социально-экономического развития Ростовской области отводится ведущая роль в формировании человеческого капитала. Современного уровня интеллектуального и культурного развития возможно достичь только в культурной среде, позволяющей осознать цели и нравственные ориентиры развития общества [1].

Отечественной и мировой практикой апробирован значительный спектр инструментов достижения национальных приоритетов в культурной сфере. По нашему мнению, в рамках достижения приоритетов и решения накопившихся в сфере культуры проблем необходимо типологизировать действенный инструментарий в 4 группы: правовой (применение и совершенствование

законодательных норм), финансовый, инфраструктурный и цифровой инструментарий.

В рамках первой группы рекомендованного к применению инструментария – законодательных норм, многое уже сделано. Например, утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, которая определила цели и задачи государственной культурной политики, ключевые принципы её реализации. На региональном уровне (на примере Ростовской области) – это Закон Ростовской области от 22.10.2004 №177-ЗС (редакция от 09.07.2024), направленный на обеспечение и защиту права каждого гражданина на свободу всех видов творчества, на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к информации и культурным ценностям, Постановление Правительства Ростовской области от 17.10.2018 №653 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Развитие культуры и туризма», Постановление Правительства Ростовской области №532 от 24.07.2023 года «Об утверждении концепции развития образования в сфере культуры Ростовской области на период до 2030 года», и другие [2].

На уровне региона принят пакет нормативных документов, которые не только определяют приоритеты и задачи культурной политики Ростовской области, этапность ее реализации, но и решают ключевые задачи поддержки кадров и образования в сфере культуры как элементов развития культурного потенциала области.

Еще одно инструментарное средство этой группы – формирование государственного заказа на создание произведений литературы и искусства, информационных материалов, соответствующих целям культурной политики.

Одним из универсальных инструментов достижения национальных приоритетов в сфере культуры выступает государственно-частное партнерство (ГЧП): с нормативно-правовой точки зрения через законодательство закрепляется сам механизм партнерства публичного и частного секторов; с финансовой стороны – это механизм привлечения частных инвестиций для решения социально-острых задач; с позиции инфраструктурного развития – это действенный инструмент формирования и реконструкции социально-культурной инфраструктур, в сфере охраны культурного наследия, в том числе при создании историко-культурных заповедников, что позволяет привлечь дополнительные ресурсы для сохранения и благоустройства историко-культурных территорий; с позиции использования

цифровых технологий – механизмы ГЧП в культурной сфере содействуют развитию цифровой инфраструктуры, созданию и внедрению цифровых сервисов и инноваций в культурную сферу [3].

Инструментом привлечения внебюджетных источников финансирования культурных проектов и достижения национальных приоритетов в сфере культуры, кроме ГЧП, может быть участие социально ориентированных некоммерческих организаций на конкурентной основе. Примером социально ориентированных некоммерческих организаций в регионе может быть Ростовский областной общественный фонд развития культуры чтения и пропаганды книги, созданный в 2006 году.

Рассматривая инструменты финансирования сферы культуры в целях достижения национальных приоритетов помимо привлечения частных инвестиций нельзя исключать и государственные и муниципальные источники. За счет федеральных, региональных и местных источников финансируется проведение культурных исследований, фестивалей, развитие культурных центров, театров, библиотек музеев, формирование культурной инфраструктуры и поддержка культурных проектов.

В группе инструментов инфраструктурного развития реализации культурной политики и достижения национальных приоритетов в сфере культуры можно выделить создание современных учреждений культуры и выставочных площадок в регионах для проведения масштабных выставочных проектов (новые точки культурного притяжения в регионах будут способствовать приобщению населения к культурному наследию), создание сети региональных центров консервации и реставрации, входящей в общероссийскую систему координационных центров по работе с фондами библиотек различной ведомственной принадлежности.

Наиболее современной группой инструментов реализации культурной политики, максимально привлекающей молодежную часть населения, выступает использование цифровых технологий, среди которых следует применять следующие.

1. Развитие цифровых сервисов в сфере культуры – создание виртуальных концертных залов, интерактивных выставок и мультимедийных гидов, онлайн-трансляция мероприятий ведущих учреждений культуры, оцифровка книжных памятников и фильмовых материалов.

2. Применение технологий дополненной реальности, которые позволяют посещать виртуальные музеи, меняют границы офлайн выставок.

3. Внедрение системы управления государственными данными отрасли культуры – автоматизация процессов подготовки отчетности учреждений культуры, централизованная обработка данных.

4. Формирование единого информационного пространства знаний, на основе оцифрованных библиотечных, архивных, музейных фондов, собранных на региональных платформах, интегрированных в национальную сеть.

Важным шагом на пути к объединению всех вышеперечисленных групп современных действенных инструментов реализации культурной политики и достижения национальных приоритетов в сфере культуры видится практическое воплощение инициативы властей Ростовской области о создании ресурсного центра по развитию культуры [4]. Этот центр должен стать ключевым организационно-координирующим компонентом всей системы развития сферы культуры. На центр должны быть возложены функции по цифровизации сферы культуры, решению кадровых вопросов, развитию туристической навигации и поддержке культурных проектов.

Таким образом, достижение национальных приоритетов в сфере культуры возможно только с применением системного подхода при выборе инструментарных средств, которые необходимо дополнять по мере развития технологий и управления.

Список литературы

1. Мамонтова Ю.П. Управление сферой культуры: анализ проблем и направления совершенствования / Ю.П. Мамонтова, Д.С. Малышева, М.Т. Тутаев // Управление и экономическая безопасность: страна, регион, предприятие: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 29–30 ноября 2019 года). – Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2019. – С. 139–143. EDN PUWAAN

2. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.08.2026).

3. Мамонтова Ю.П. Государственно-частное партнерство в управлении институциональными преобразованиями / Ю.П. Мамонтова, А.И. Морозова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. №6. – С. 307–314. DOI 10.12737/16825. EDN VDPAQJ

4. В Ростовской области предлагают создать ресурсный центр по развитию культуры // Ведомости Юг. – URL: https://south.vedomosti.ru/authors/1016253-vedomosti-yug (дата обращения: 26.08.2026).

Мкоян Гоар Овиковна
ведущий специалист,
заместитель начальника отдела информатизации
ООО «Экона-Г»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168980

О НЕГАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: *в работе анализируются понятие искусственного интеллекта, возможные социальные последствия использования искусственного интеллекта, возникающие социально-экономические угрозы и способы их купирования. Обсуждается государственная программа развития искусственного интеллекта в Российской Федерации. Анализируются «доверительные технологии» с точки зрения устранения возникающих угроз.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, искусственный интеллект, информационные риски, доверительные технологии, информационная безопасность, правовое обеспечение искусственного интеллекта.*

Автор выражает глубокую благодарность доц. Г.Б. Прончеву (ВШГАдм МГУ имени М.В. Ломоносова) за постановку задачи и обсуждение основных результатов работы.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ, англ. *artificial intelligence*, AI) в 20-х годах XXI века превращает автоматизированные информационные системы в самообучающиеся, самонастраивающиеся и постоянно развивающиеся системы. Сегодня искусственный интеллект позволяет обрабатывать огромные объёмы данных и решать сложные задачи без участия человека. ИИ активно используются в образовании, медицине, экономике, культуре государственном администрировании и политике [1; 5].

Искусственный интеллект (интеллектуальные информационные системы) – научное направление, занимающиеся разработкой аппаратных комплексов (вычислительных машин) и программного обеспечения, способных решать задачи, обычно относящиеся к интеллектуальной компетенции человека. К числу таких задач относятся освоение новых знаний, обработка естественного языка,

поиск оптимальных решений, поиск и анализ информации, выбор стратегий действий [1]. В зависимости от функциональных возможностей ИИ принято подразделять на два основных типа: узкий (специализированный), нацеленный на решение строго определённых прикладных вопросов, и общий (универсальный), который в перспективе сможет справляться с любыми интеллектуальными задачами наравне с человеком [2].

«Широкая цифровая трансформация должна войти в жизнь каждого человека и каждой семьи» – данное заявление президента Российской Федерации Владимира Путина [5] подчёркивает стратегическую значимость процессов цифровой трансформации для развития страны. Важно, чтобы все стратегии развития отраслей были ориентированы на широкое внедрение цифровых технологий, широкая цифровая трансформация должна пронизывать каждую отрасль, предприятие, социальную сферу, систему государственного и муниципального управления, войти в жизнь каждого человека и каждой семьи [5].

Искусственный интеллект, включающий машинное обучение, глубокие нейронные сети и интеллектуальные алгоритмы анализа данных, потенциально обеспечивают новый уровень защиты информационных систем. В отличие от традиционных средств кибербезопасности, основанных на заранее известных признаках атак, искусственный интеллект способен самостоятельно выявлять аномалии и создать новые модели поведения, что в перспективе позволит обнаруживать ранее неизвестные типы атак.

Тем не менее, при всех несомненных потенциальных достоинствах, применение искусственного интеллекта сопряжено с серьёзными вызовами. Одной из серьезных проблем является уязвимость алгоритмов машинного обучения к целенаправленным атакам злоумышленников. Они способны вводить в ИИ искажённые данные, что может привести к формированию ошибочных представлений и действий. В результате подобных вмешательств защитные механизмы могут утратить способность своевременно выявлять актуальные угрозы. Помимо этого, передача функций принятия решений автоматизированным информационным системам требует повышенного внимания к вопросам ответственности за их действия, а также к обеспечению транспарентности работы алгоритмов и возможности объяснить полученные результаты [7].

Еще одним опасным социальным вызовом активного применения искусственного интеллекта может быть усугубление

региональной социальной стратификации. На практике это проявляется в том, что субъекты Российской Федерации, обладающие более широким доступом к современным технологическим решениям и инвестиционным ресурсам, демонстрируют опережающие темпы развития по сравнению с регионами, испытывающими дефицит финансирования и технологической базы [3]. Данная ситуация требует активного государственного участия в регулировании процессов цифровизации, в частности через разработку целевых программ поддержки отстающих территорий и реализацию дополнительных инициатив в сфере ИИ-технологий [6].

Серьезным негативным аспектом распространения ИИ-технологий выступает возрастание рисков в области защиты персональных данных граждан.

Кроме того, алгоритмы искусственного интеллекта могут принимать несправедливые решения, например, необоснованно отказывать определенным социальным группам в услугах или привилегиях.

Научно-технический прогресс в области искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники опережает правовое регулирование. Несмотря на активное внедрение ИИ во все сферы человеческой деятельности, законодательство большинства стран, включая Россию, не успевают за развитием технологий [4].

Таким образом, социально-экономические последствия внедрения ИИ в России потенциально могут носить неоднозначный характер. С одной стороны, они служат двигателем экономического роста и повышения качества жизни населения. С другой – порождают новые вызовы, требующие скоординированного регулирования с участием государства, научного сообщества, деловых кругов и институтов гражданского общества [8].

Цифровая трансформация и активное использование искусственного интеллекта является одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года, которая была определена Указом Президента РФ [6].

В рамках этой программы установлены следующие целевые показатели: достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95%; рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97%; увеличение вложений в

отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года [6].

В качестве одного из подходов к решению обозначенных проблем предлагается концепция «доверительных технологий» [6]. Она предполагает, что разработчики, заказчики и пользователи ИИ обязаны обеспечивать постоянный контроль над прозрачностью, прогнозируемостью и управляемостью работы алгоритмов, повышать качество, полноту и достоверность используемых данных, а также гарантировать, что работа интеллектуальных систем остаётся прозрачной и ответственной перед человеком на всех этапах их жизненного цикла.

К числу основных преимуществ внедрения доверительных технологий относятся обеспечение полной транспарентности действий ИИ и сохранение контроля над ним со стороны человека; минимизация рисков неэтичного применения ИИ, способного нарушать права и законные интересы граждан; формирование площадок для взаимодействия государств, научного сообщества, разработчиков и общественности по вопросам этической регуляции ИИ; защита конфиденциальности личных данных и информационной безопасности на всех этапах – от исследований до практического применения; предотвращение несанкционированного доступа, искажения, утечки и иных форм незаконного оборота информационных ресурсов и баз данных.

Список литературы

1. Горбачев Н.Н. Искусственный интеллект в управлении и управление искусственным интеллектом / Н.Н. Горбачев, И.И. Ганчеренок // Глобальная конкуренция и цифровое лидерство: сценарии устойчивого будущего: монография. – Минск: Информационно-вычислительный центр Минфина Республики Беларусь, 2025. – С. 36–54. EDN FJNEGM

2. Кузнецова С.В. Искусственный интеллект и сознание: может ли искусственный интеллект обладать сознанием? / С.В. Кузнецова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы VIII Международной научной конференции, посвященной развитию российской науки. В 2-х т. (Санкт-Петербург, 11 декабря 2025 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2025. – С. 521–526. EDN NBFSGO

3. Павлов Ю.В. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана / Ю.В. Павлов, Е.Н. Королева // Пространственная экономика. – 2014. – №3. – С. 95–110. DOI 10.14530/se.2014.3.95-110. EDN SNZGYN

4. Прохоров С.С. Ответственность за ошибки искусственного интеллекта: как ГК РФ трактует вину алгоритмов искусственного интеллекта / С.С. Прохоров // Искусственный интеллект и интеллектуальная безопасность в цифровом пространстве: общество, бизнес, личность: сборник материалов 32-й международной научно-практической конференции молодых ученых Московского международного университета «Сократовские чтения-2025» (Москва, 24 апреля 2025 г.). – М.: Саратовская региональная общественная организация Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник», 2026. – С. 97–100.

5. Путин В.В. Широкая цифровая трансформация должна войти в жизнь каждого человека и каждой семьи / В.В. Путин. – URL: https://d-russia.ru/shirokaja-cifrovaja-transformacija-dolzhna-vojti-v-zhizn-kazhdogo-cheloveka-i-kazhdoj-semi-vladimir-putin.html (дата обращения: 06.08.2026).

6. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента РФ №124 от 15.02.2024. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326 (дата обращения: 06.08.2026).

7. Хаджиева Л.К. Кибербезопасность и искусственный интеллект: использование искусственного интеллекта для обнаружения и предотвращения кибератак / Л.К. Хаджиева, А.К. Чадаев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 2. №12(165). – С. 97–103. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.02.011. EDN VKBJXO

8. Чжан Х. Роль ИИ в модернизации российской экономики / Х. Чжан // Горизонты экономики. – 2025. – №6(93). – С. 275–282. EDN JTNYVY

Панфилов Илья Александрович
канд. техн. наук, доцент
Сметанин Аленид Эдуардович
студент

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ ДЛЯ КАДРОВОГО РЫНКА

Аннотация: *в статье рассматривается задача краткосрочного и среднесрочного прогнозирования кадровой потребности работодателей на основе анализа временного ряда с использованием математического аппарата нейросетей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения точности планирования региональных рынков труда, оптимизации государственных программ подготовки специалистов и снижения структурной безработицы в условиях цифровой трансформации экономики.*

Ключевые слова: *статистический анализ, нейронные сети, многослойный персептрон, управление, статистика.*

На сегодняшний день реальные экономические процессы характеризуются высокой степенью зашумленности, сложными нелинейными взаимосвязями между переменными [1].

В статье рассматривается применение технологий обучения для прогнозирования динамических процессов в экономическом секторе. Анализируется переход от традиционных статистических методов к предиктивным моделям на основе искусственных нейронных сетей при работе с экономическими показателями. Особое внимание уделено методологии подготовки данных, выбору архитектур под специфику государственных информационных систем и проблеме интерпретируемости результатов для лиц, принимающих решения.

Традиционное государственное планирование опирается на методы экспертных оценок и классические эконометрические модели, такие как экспоненциальное сглаживание или векторная авторегрессия. Эти подходы эффективно работают на стабильных исторических отрезках, однако демонстрируют низкую точность при столкновении со структурными сдвигами: пандемиями, резкими

изменениями геополитической конъюнктуры или технологическими скачками.

Искусственные нейронные сети обладают способностью выявлять сложные нелинейные зависимости в длинных последовательностях данных без необходимости жесткой формализации гипотез о характере их взаимосвязи. Это делает их перспективным инструментом для построения «цифровых двойников» региональных экономик и автоматизации среднесрочного бюджетного планирования.

Государственный сектор генерирует массивы высокочастотных данных, которые по своей природе являются временными рядами. Одними из ключевых объектов моделирования выступают:

− бюджетные потоки: динамика налоговых поступлений в разрезе дней или недель для управления ликвидностью единого казначейского счета и т. д.;

− рынок труда: уровень регистрируемой безработицы миграционные потоки между субъектами федерации и т. д.;

− социальная сфера: сезонная нагрузка на первичное звено здравоохранения, потребление коммунальных ресурсов (электроэнергия, тепло) жилым фондом городов и т. д.;

− транспортная инфраструктура: интенсивность пассажиропотока в метрополитенах и пригородном сообщении, загруженность федеральных трасс и т. д.;

− агропромышленный комплекс: прогнозы урожайности основных культур на основе вегетационных индексов спутниковых снимков и т. д. [2, p. 64].

Для адаптации этих данных к обучению нейросети применяется многоступенчатая очистка: удаление статистических выбросов, интерполяция пропущенных значений (возникающих из-за задержек в передаче ведомственной отчетности) и приведение разнородных индикаторов к единому временному шагу [3, p. 24].

Целью данной статьи является анализ применимости современных архитектур нейронных сетей для прогнозирования статистических данных и разработка адаптированного методологического подхода, учитывающего требования регуляторов к достоверности моделей.

Кадровая потребность работодателей – это необходимое число работников конкретных профессий и квалификаций, требующееся компании для выполнения её задач, выпуска продукции или оказания услуг. И так как рассматриваемый показатель напрямую связан с экономической ситуацией в стране, то его прогнозирование является актуальным.

Процесс внедрения нейросетевого прогноза в контур госуправления включает следующие этапы:

− преобразование признаков, а именно создание лаговых переменных и скользящих средних;

− обучение. Использование алгоритмов оптимизации для минимизации ошибки предсказания. Критически важным этапом является разделение выборки на обучающую и тестовую части таким образом, чтобы тестовый набор относился к более позднему периоду времени, имитируя реальный прогностический сценарий;

− завершение обучения позволяет оптимизировать синоптические взвешенные соединения, а также установить надежные связи между входами и выходами [4, p. 56].

При помощи программного пакета «STATISTICA» и модуля в нем «нейросеть» построена модель прогноза индекса промышленного производства.

Визуализация данных подготовлена с использованием JS-библиотек.

Рис. 1. Прогнозируемая кадровая потребность

В рамках рассматриваемой работы была создана модель прогноза по направлению «Кадровая потребность работодателей». Ошибка аппроксимации составила минимальное значение, следовательно полученная модель подходит для решения задач прогнозирования временных рядов.

Список литературы

1. Статистика Красноярского края. – URL: http://krasstat.gks.ru (дата обращения: 20.08.2026).

2. Афанасьев В.Н. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник / В.Н. Афанасьев, М.М. Юзбашев. – М.: Финансы и статистика, 2001. – С. 64. EDN GDHZGX

3. Кремер Н.Ш. Эконометрика: учебник для вузов / Н.Ш. Кремер, Б.А. Прутко. – М.: Юнити-Дана, 2005. – С. 24.
4. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс / С. Хайкин; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Вильямс, 2006. – С. 56.

Первушина Ульяна Андреевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
университет путей сообщения»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ИНСТРУМЕНТЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация: *в условиях трансформации современного рынка труда и нарастания демографического многообразия актуализируется необходимость учета специфики возрастных когорт при построении эффективных систем стимулирования персонала. В статье исследуется специфика разработки и внедрения дифференцированных инструментов мотивации для представителей различных поколений работников («X», «Y», «Z» и бэби-бумеров). На основе вторичного анализа эмпирических данных предложен комплексный подход, обеспечивающий сочетание материальных и нематериальных стимулов с целью минимизации кадровых рисков и повышения долгосрочной конкурентоспособности организации.*

Ключевые слова: *мотивация персонала, теория поколений, межпоколенческие различия, стимулирование труда, управление человеческими ресурсами, вовлеченность сотрудников, гибкая система мотивации.*

Мотивация персонала является одним из ключевых факторов, определяющих успех любой организации. Сегодня коллективы многих компаний состоят из представителей разных поколений, поэтому эффективное управление мотивацией персонала разного возраста позволяет не только повысить производительность труда, но и обеспечить удовлетворенность сотрудников, что, в свою очередь, способствует укреплению их лояльности и снижению текучести кадров. Таким образом, исследование мотивации в контексте управления персоналом приобретает особую актуальность [1].

Мотив – это внутреннее побуждение к действию, которое определяет направленность поведения человека и придает его деятельности личностный смысл [2]. Правильное понимание и управление мотивами помогает повысить продуктивность и удовлетворенность работников, выстроить правильное регулирование мотивацией для каждой возрастной категории [3].

Мотивация играет ключевую роль в достижении целей организации, способствуя повышению производительности и эффективности труда сотрудников. Она служит связующим звеном между стратегическими задачами компании и индивидуальными усилиями работников. Мотивация работников представляет собой процесс стимулирования сотрудников к достижению целей организации через удовлетворение их личных потребностей и интересов. Это понятие охватывает как внутренние, так и внешние факторы, побуждающие человека к действию. Компании с высокой мотивацией демонстрируют лучшие результаты, согласно ежегодному глобальному исследованию Gallup «State of the Global Workplace» (Состояние глобального рынка труда). В 2024 году HR-консалтинговая компания Detech Group провела исследование о видах мотивации для разных поколений в котором приняли участие более 6000 человек в возрасте от 18 до 60 лет, которые в данный момент работают в Российских компаниях [4]. В исследовании всех участников разделили на 4 поколения: Z; Y; X; Беби-бумеры (таблица1).

Таблица 1

Характеристика поколений

Возраст	Поколение	Характеристика
1	*2*	*3*
18–27 лет	Поколение Z (зумеры)	Родились после 1997 года. Отличаются цифровой грамотностью, стремлением к самовыражению, высокой мобильностью и гибкостью в выборе жизненного пути
28–43 года	Поколение Y (миллениалы)	Родились в 1981–1996 годах. Активно используют цифровые технологии, ориентированы на саморазвитие, карьерный рост и ценят баланс между работой и личной жизнью
44–59 лет	Поколение X (иксы)	Родились в 1965–1980 годах. Прагматичны, самостоятельны, адаптивны к переменам, пережили трансформацию социальных и технологических укладов

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*
60+ лет	Беби-бумеры «Молчаливое поколение»	Родились до 1964 года. Ценят стабильность, коллективизм, трудолюбие, обладают значительным жизненным и профессиональным опытом

Согласно исследованию, было выделено 5 основных мотиваторов для персонала: получение результата, осведомленность, профессионализм, деньги и сопричастность.

Получение результата оправданно занимает первое место, т. к. для всех сотрудников важен не только сам процесс труда, но и возможность видеть конкретные результаты своей деятельности, осознание итогов и наличие прозрачных критериев оценки.

Важность для сотрудников в таком мотиваторе, как осведомленность, состоит в том, что работникам важно не просто выполнять поручения руководства, но и понимать, каким образом эти задачи интегрированы в общую стратегию организации.

Профессионализм – один из важнейших мотиваторов для современного сотрудника, важна чёткая перспектива профессионального роста и непрерывного развития. Возможность реализации личностного потенциала становится в современном мире ключевым фактором.

Деньги как никогда стали иметь значимость с приходом более молодых работников. Поскольку современный рынок труда характеризуется высокой конкуренцией, работники ориентированы на получение максимально возможного денежного дохода, что выражается в интересе не только к стабильной заработной плате, но и к различным премиям и бонусам.

Для современного работника важно чувство сопричастности, ощущение себя неотъемлемой частью единого коллектива с его ценностями, миссией и целью.

Чтобы понять, почему же для разных категорий сотрудников подходят разные мотиваторы, важно понимать, в каких условия происходило формирование и какие ценности разделяет каждое из поколений.

«Беби-бумеры» (60+ лет) – послевоенное поколение, чья молодость и период становления пришёлся на восстановительный период, который сопровождался серьезными научно-техническими достижениями и социальными изменениями, в первую очередь освоением космоса, развитием образования и медицины и

хрущёвской оттепелью. Данные факторы обусловливают ценностные ориентации поколения, среди которых ключевое место занимают лояльность работодателю, гарантированная социальная защищенность и нацеленность на профессиональный рост, зачастую в ущерб балансу между работой и личной жизнью.

«Поколение X» (45–60 лет). Его становление пришлось на период распада СССР, перестройки и системных трансформаций 1990-х годов, что вынудило «иксов» коренным образом переосмыслить свои мировоззренческие ориентиры и отношение к стабильности. Для данной генерации характерны скептицизм в отношении политических институтов и маркетинговых коммуникаций, высокая степень личной ответственности и стремление к автономии. Несмотря на нацеленность на карьерный рост, они стремятся сохранять баланс между профессиональной деятельностью и семейной жизнью. Не будучи «цифровыми аборигенами», представители этого поколения, тем не менее, продемонстрировали высокую скорость и успешность адаптации к современным информационно-коммуникационным технологиям.

«Поколение Y» (29–44 года) формировалось на стыке эпох, в период глобального распространения сети Интернет, что оказало детерминирующее влияние на их поведенческие паттерны и ценностные ориентации. Данные трансформации обусловили высокий уровень интернальности и открытость новому опыту. Для представителей данной генерации характерны критическое отношение к авторитетам и нетерпимость к коррупционным проявлениям. В профессиональной сфере они транслируют запрос на гибкие формы занятости (включая дистанционный формат) и соблюдение баланса между работой и личной жизнью, демонстрируя при этом низкую лояльность конкретным должностным позициям и организационным структурам.

«Поколение Z» (18–28 лет) социализировалась в условиях тотальной цифровизации, что трансформировало их профессиональные ожидания и трудовые ценности. Ключевыми приоритетами для данной группы выступают возможности непрерывного профессионального развития, гибкость занятости (включая дистанционные форматы), а также высокие требования к условиям и организации труда. Представители этой генерации демонстрируют склонность к высокой профессиональной мобильности: в случае несоответствия условий их ожиданиям они легко принимают решение о смене места работы.

Исследование выявило значительные различия в приоритетах у работников разных поколений, которые представлены на рисунке.

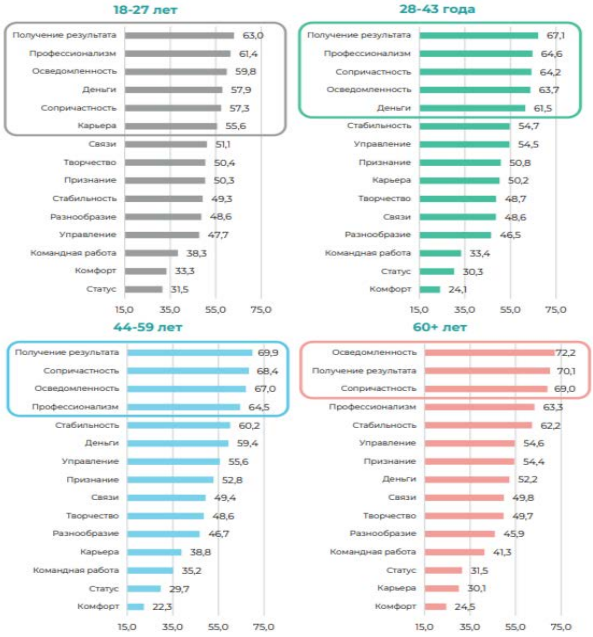

Рис. 1. Ведущие факторы мотивации для разных поколений

Эмпирические данные и представленная визуализация позволяют констатировать наличие инвариантных факторов трудовой мотивации, сохраняющих свою актуальность вне зависимости от возрастной когорты респондентов. К числу таких универсальных детерминант относятся: ориентация на достижение результата, профессионализм, информированность (осведомленность) и чувство сопричастности к деятельности организации.

Динамический анализ показывает, что с увеличением возраста респондентов выраженность мотивационных факторов усиливается. Так, в возрастной когорте 18–27 лет максимальный показатель составляет 63 балла, тогда как в группе старше 60 лет он возрастает до 72,2 балла, что имеет высокую статистическую и практическую значимость для организации труда. Кроме того, для молодых сотрудников характерен минимальный разрыв между ведущими стимулами (например, «Карьера» – 55,6 балла и «Связи» – 51,1 балла).

Напротив, в группе «60+» наблюдается выраженная дифференциация приоритетов, где доминирует «Стабильность» (62,2 балла), существенно опережая фактор «Управление» (54,6 балла). Данная тенденция свидетельствует о возрастной трансформации ценностно-смысловой сферы личности и росте целеустремленности.

Теоретический анализ и результаты эмпирического исследования позволяют заключить, что для эффективного управления разновозрастным персоналом в современных условиях работодателям необходимо отказаться от унифицированных подходов к стимулированию. Понимание межпоколенческих различий и детерминирующих их факторов открывает для компаний возможность перехода от стандартизированных инструментов мотивации к персонализированным стратегиям, адаптированным под специфику каждой возрастной группы (таблица 2).

Таблица 2

Ведущие инструменты мотивации для различных поколений

Возраст	Поколение	Инструменты мотивации
1	*2*	*3*
18–27 лет	Поколение Z (зумеры)	Гибкий график – свободный выбор рабочего графика и возможность самостоятельно планировать рабочее время Удалённая работа – возможность работы вне офиса с использованием современных технологий Развитие – обучение новым навыкам, курсы повышения квалификации и т. д.
28–43 года	Поколение Y (миллениалы)	Карьерный рост – чёткая система продвижения в должности и индивидуальный план развития Прозрачность – открытые критерии оценки эффективности Баланс работы и личной жизни – поддержка семьи, забота о личном благополучии сотрудника
44–59 лет	Поколение X (иксы)	Стабильный доход – регулярные выплаты и уверенность в завтрашнем дне Признание – награды, благодарность за достижения и опыт Наставничество – возможность передавать профессиональные знания

Окончание таблицы 2

1	*2*	*3*
60+ лет	Беби-бумеры «Молчаливое поколение»	Социальные гарантии – медицинская страховка, пенсионные планы и льготы Уважительное отношение – проявление уважения к возрасту и опыту, внимание к личным особенностям Частичное трудоустройство – неполная занятость, гибкий рабочий график

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что практическое внедрение дифференцированных инструментов мотивации требует от современных компаний формирования гибкой системы стимулирования персонала. Одним из эффективных механизмов такой системы выступает концепция кафетерия льгот (кастомизированного выбора), предоставляющая сотруднику возможность самостоятельно определять наиболее ценные для него стимулы. Подобный персонализированный подход не только обеспечит удержание высококвалифицированных специалистов различных возрастных когорт и минимизацию трансакционных издержек на рекрутинг, но и заложит основу для долгосрочной организационной устойчивости.

Список литературы

1. Трусов А.В. Понятие и виды мотивации персонала / А.В. Трусов // Вектор экономики. – 2019. – №2. EDN YZAVBZ

2. Мотовиц Т.Г. Влияние цифровизации на мотивацию персонала организации / Т.Г. Мотовиц // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2024. – №4(75). – С. 173–178. DOI 10.38161/1996-3440-2024-4-173-178. EDN FCWSHO

3. Мотивация представителей разных поколений: отличительные особенности и общие черты: аналитическое исследование. – М.: Detech, 2024. – 32 с. – URL: https://www.detech-group.ru/wp-content/uploads/issledovanie-motivaczii-2024–1-1.pdf (дата обращения: 26.07.2026).

Плотников Андрей Алексеевич
студент

Научный руководитель
Чепик Ольга Викторовна
д-р экон. наук, доцент

АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье исследуются современные социально-экономические процессы в Российской Федерации и их влияние на устойчивость национальной экономики и качество жизни населения. В качестве основных направлений анализа рассматриваются экономическая динамика, изменение доходов населения, состояние рынка труда, инфляционные процессы и инвестиционная активность. Предложены направления совершенствования социально-экономической политики, предусматривающие развитие человеческого капитала, технологическое обновление, повышение эффективности рынка труда и обеспечение устойчивости доходов населения.*

Ключевые слова: *социально-экономические процессы, социально-экономическое развитие, экономический рост, доходы населения, рынок труда, инфляция, производительность труда, человеческий капитал, инвестиции, государственная политика.*

Введение.

Социально-экономическое развитие общества представляет собой сложный процесс, в котором одновременно происходят изменения в производстве, распределении доходов, занятости, потреблении, инвестиционной деятельности и социальной сфере. При этом экономические и социальные изменения не существуют изолированно друг от друга. Состояние рынка труда влияет на доходы населения, уровень доходов определяет параметры потребительского спроса, а величина спроса, в свою очередь, воздействует на решения бизнеса относительно производства и инвестиций.

Особенность современного этапа заключается в том, что российская экономика развивается в условиях одновременного воздействия нескольких факторов. С одной стороны, сохраняется значительная внутренняя экономическая активность и продолжается структурная перестройка производства. С другой стороны, усиливается значение ограничений со стороны трудовых ресурсов, стоимости финансирования и производственных возможностей.

По данным Банка России, в 2025 г. рост российского ВВП составил 1,0% после значительно более высоких темпов предыдущего года. Одновременно годовая инфляция составила 5,6%, а средняя за год ключевая ставка – 19,2% годовых [1]. Таким образом, экономическая система перешла от периода ускоренной динамики к более умеренному темпу роста.

1. Экономическая динамика как основа социального развития.

Экономический рост является одним из фундаментальных условий повышения благосостояния населения. Однако сам по себе рост ВВП не гарантирует улучшения социального положения граждан. Его значение определяется тем, каким образом создаваемая в экономике добавленная стоимость распределяется между различными участниками экономических отношений и насколько устойчивым является увеличение производства.

В 2025 г. российская экономика продолжила расти, однако темпы роста существенно снизились. Согласно данным Банка России, прирост ВВП составил 1,0%. Для сравнения: в 2024 г. показатель составлял 4,3% [1].

Подобная динамика позволяет говорить не столько о прекращении экономического роста, сколько о переходе экономики к иной фазе. Предшествующий период характеризовался значительным увеличением внутреннего спроса и высокой инвестиционной активностью. По мере сокращения разрыва между спросом и производственными возможностями темпы расширения экономики закономерно становятся более умеренными.

С экономической точки зрения принципиальным становится вопрос о качестве дальнейшего роста. При ограниченном предложении трудовых ресурсов увеличение выпуска только за счёт расширения занятости имеет ограниченный потенциал. Следовательно, дополнительный экономический эффект должен формироваться прежде всего за счёт роста производительности труда, технологического обновления и более эффективного использования капитала.

Банк России в актуальных прогнозных материалах также связывает перспективы роста с производительностью и расширением предложения товаров и услуг. В базовом сценарии на 2027–2029 гг. предполагается постепенное возвращение экономики к более сбалансированной динамике [1].

Таким образом, современный этап экономического развития можно характеризовать как период перехода от преимущественно количественного расширения экономической активности к необходимости повышения эффективности самой экономической системы.

2. Доходы населения и потребительский спрос.

Одним из наиболее непосредственных проявлений социально-экономического развития является изменение доходов населения. Для оценки реального положения граждан принципиально важно использовать не только номинальные значения заработной платы и денежных доходов, но и показатели, очищенные от влияния изменения цен.

Увеличение реальных доходов оказывает двойное воздействие на экономику. С одной стороны, оно является положительным социальным результатом, поскольку расширяет возможности населения приобретать товары и услуги, формировать сбережения и осуществлять долгосрочные расходы. С другой стороны, быстрое увеличение потребительского спроса при недостаточном расширении предложения способно усиливать инфляционное давление.

Поэтому между ростом доходов и экономическим развитием существует определённая зависимость. Рост заработной платы может стимулировать производство, однако положительный эффект будет устойчивым только в том случае, если предложение товаров и услуг способно адаптироваться к увеличению спроса.

В современных условиях это особенно важно для российской экономики. Ограниченность трудовых ресурсов приводит к тому, что предприятия вынуждены конкурировать за работников, что способствует росту оплаты труда. Для населения такая ситуация является положительной, однако для бизнеса увеличение фонда оплаты труда становится дополнительным фактором издержек.

Следовательно, социальный эффект роста заработных плат должен сопровождаться повышением производительности труда. Если заработная плата растёт быстрее производительности в течение продолжительного времени, предприятия сталкиваются с необходимостью компенсировать увеличение издержек либо повышением

цен, либо сокращением маржинальности, либо инвестициями в автоматизацию.

Таким образом, устойчивый рост доходов населения целесообразно рассматривать не как самостоятельную цель, а как часть более широкой системы экономического развития, включающей повышение производительности, расширение предложения и технологическое обновление.

3. Рынок труда и дефицит человеческого капитала.

Одной из наиболее существенных особенностей современной российской экономики является изменение роли рынка труда. Если ранее основным ограничением для отдельных предприятий мог выступать недостаток финансовых ресурсов или недостаточный спрос, то в настоящее время всё большее значение приобретает доступность квалифицированной рабочей силы.

Дефицит кадров формирует сложную систему взаимосвязанных последствий. Для работника он создаёт более благоприятные условия для трудоустройства и роста заработной платы. Для работодателя ситуация противоположна: увеличивается стоимость привлечения и удержания сотрудников, сокращаются возможности быстрого расширения производства.

Особую проблему представляет несоответствие структуры предложения труда структуре спроса на работников. Даже при наличии свободной рабочей силы предприятия могут испытывать кадровый дефицит, если имеющиеся специалисты не обладают необходимыми компетенциями.

Важнейшим инструментом здесь является развитие человеческого капитала. Под ним следует понимать совокупность знаний, профессиональных навыков, опыта, компетенций и иных характеристик человека, которые повышают его способность создавать экономическую ценность.

Инвестиции в человеческий капитал имеют долгосрочный характер. В отличие от краткосрочных мер поддержки спроса, они формируют предпосылки для увеличения потенциального выпуска. Повышение квалификации работника позволяет предприятию эффективнее использовать оборудование и технологии, а цифровизация и автоматизация позволяют компенсировать часть ограничений, связанных с нехваткой персонала.

В результате возникает принципиально важная взаимосвязь: *инвестиции в человеческий капитал → рост производительности*

труда → увеличение выпуска → рост доходов → расширение потребительского спроса → повышение экономической активности.

Именно эта цепочка, по нашему мнению, должна рассматриваться как один из ключевых механизмов устойчивого социально-экономического развития.

Заключение.

Современные социально-экономические процессы в России характеризуются переходом к более умеренной динамике экономического роста при сохранении значительной внутренней активности. В 2025 г. рост ВВП составил 1,0%, тогда как годом ранее показатель достигал 4,3%. Одновременно инфляция снизилась до 5,6%, что свидетельствует о постепенном ослаблении ценового давления.

Проведённый анализ показывает, что центральным вопросом дальнейшего развития становится не столько обеспечение самого факта экономического роста, сколько формирование его качественной основы.

В условиях ограниченного предложения трудовых ресурсов дальнейшее увеличение выпуска невозможно обеспечить исключительно за счёт роста занятости. Ключевое значение приобретают производительность труда, технологическое обновление и развитие человеческого капитала.

Список литературы

1. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2027 год и период 2028 и 2029 годов. – М.: Банк России, 2026.

2. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. – М.: Банк России, 2025.

3. Банк России. Итоги работы Банка России в 2025 году. – М.: Банк России, 2026.

4. Росстат. Социально-экономическое положение России. 2025. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2026.

5. Росстат. Труд и занятость в России. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2025.

6. Абалкин Л.И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения / Л.И. Абалкин. – М.: Институт экономики РАН, 2000. – 272 с.

7. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика / Г.Б. Клейнер // Общественные науки и современность. – 2007. – №2. – С. 5–18. EDN HZFXTF

8. Одегов Ю.Г. Экономика труда: учебник и практикум / Ю.Г. Одегов, Г.Г. Руденко. – М.: Юрайт, 2021. – 386 с.

Похилько Александр Дмитриевич
д-р филос. наук, профессор, профессор
ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное
авиационное училище лётчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова»
г. Краснодар, Краснодарский край
Куприянова Виктория Васильевна
соискатель
ФГБОУ ВО «Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана»
г. Москва
Силютина Алла Валерьевна
преподаватель
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

ОПТИМАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И МЯГКИХ ИННОВАЦИЙ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация: *авторы рассматривают вопросы соотношения и взаимосвязи традиций и инноваций в аспекте социально-философской методологии. Дается новое, расширенное понимание термина «мягкие инновации». Суть такого расширения в том, что мягкие инновации производятся не только в материальные предметы, но и в духовную сферу, в сознание личности. В результате делается вывод о том, что в личности можно достигнуть такого сочетания инноваций и традиций, которое служит гармонизации интересов личности и общества.*

Ключевые слова: *традиция, мягкая инновация, личность, общество, развитие, сознание, человеческий капитал, коллективизм, индивидуализм.*

Не вызывает сомнений актуальность темы. Стратегия устойчивого развития включает в себе два, на первый взгляд, несовместимых, или, по крайней мере, противоположных понятия – стабильность и изменение, т. е. развитие. Стабильность, устойчивость общества обеспечивается традицией, сохраняющей преемственность, ориентированной на простое воспроизводство не только

экономики, но всего жизненного уклада людей. Инновации ориентированы на общественный прогресс, движение общества вперед, на расширенное воспроизводства как экономики, так и всего жизненного уклада людей. Момент взаимного исключения традиции и инновации, действительно, существует. Актуальность проблемы оптимального сочетания традиций и инноваций состоит в том, что история российского общества в полной мере испытала на себе крайние формы соотношения традиций и инноваций: с одной стороны, в отечественной истории мы видим очень медленное развитие, консерватизм, опору на традиции (XVIII–XIX вв.) и, с другой стороны, радикальные изменения, сверхмодернизацию, стремление к новому, к научным и техническим достижениям и их внедрению в производство (XX в.). В XXI веке российское общество в ускоренном виде повторяет экспериментировать с крайностями: применяет быструю переориентацию на гибридные формы политических, экономических и культурных дореволюционных (царских) традиций в постсоветском обществе (1990-е годы), а затем – резкий поворот на инновационный путь развития (первая четверть XX в.). А после неудачи в осуществлении инновационного пути развития – возврат к традиционным ценностям.

Нашей задачей является обсуждение возможности такого сочетания традиций и инноваций, которое давало бы импульс развитию человека и общества одновременно. Речь идет о лучших социокультурных традициях и о мягких инновациях. Другими словами, о социальном, или человеческом капитале. Ресурсы человеческого капитала в России стоят на одном из первых мест, а его использование, напротив, на одном из последних мест. Этот парадокс анализируют такие авторитетные ученые, как Р.И. Капелюшников [4, с. 37], В.В. Бушуев, Е.Е. Миргород и другие [5, с. 231].

Под мягкими инновациями мы подразумеваем внедрение знаний, умений и навыков в личность, в формирование ее способностей. В данном случае расширяется и переосмысливается в философском плане понятие «мягкие инновации» (или «soft innovation»). Мы хотели бы обосновать это понятие, которое в интуитивно-понятном виде встречается в научной литературе [6, с. 186–191]. Обычно под мягкими инновациями понимаются дополнительные формообразования, которые производятся в продукте; в продукт вносятся свойства, связанные с художественно-эстетическими, интеллектуальными и другими его сторонами, а не с широкомасштабными научно-техническими

прорывами или значительным повышением экономической эффективности. Главное в таких инновациях – это эмоции, чувства, мысли, пробуждение духовной сферы человека. Мы идем дальше и под мягкими инновациями подразумеваем как бы «ненужные» в данный момент качества личности, которые могут пригодиться в перспективе. Мягкая инновация – это изменение личности, которое нужно самой личности, которое выражает игру сущностных сил человека. Но непосредственно такая инновация кажется ненужной обществу ввиду своей малости и незаметности, своего количественного характера. Мягкие инновации отличаются также и от понятия «мягкие навыки» (soft skills). Мягкие навыки – это надпрофессиональные компетенции коммуникативного характера. Мягкие инновации же в расширенном понимании – это изменение социальных качеств личности, взятое в единстве со смягчённой традиционностью в личностной социальности.

Мягкие инновации создают способность жить в условиях неопределённости. Эта способность заключается не только в том, чтобы адаптироваться к социальным изменениям, но и в том, чтобы жить в них, инициировать их, уметь рисковать и творить в обществе риска. Общество риска – это инновационное общество. В обществе риска сознание определяет бытие [1, с. 26], поэтому мягкие инновации, в конечном итоге, направлены на формирование творческого мышления, внутренней активности сознания. Жесткие («твердые») инновации масштабны, носят качественный характер, их смысл в том, чтобы использовать «человеческий фактор» для развития экономики. Смысл мягких инноваций в том, чтобы воспитать такую личность, которая, развивая общество, развивает себя, и, наоборот, развивает общество через свое саморазвитие.

Мягкие инновации совершенствуют субъектность человека, степень адекватной автономности личности от системной организации общества. Как раз индивидуализация российского общества выражает недостаточность субъектности, потребность в ней. Мягкие инновации не оторваны от традиций, напротив, они укоренены в жизненном мире человека. Уточним, что при этом традиции также следует понимать в смягченном варианте. Традиции Домостроя – это жесткие, твердые традиции, и они явно устарели, противоречат светским традициям нуклеарной семьи. Традиция верноподданичества также противоречит традиции гражданственности. Под «мягкими традициями» имеются в виду неявные знания,

лучшие традиционные ценности, социальные нормы (нормы морали в единстве с правовыми нормами), новый коллективизм.

Интересно, что в Японии традиции и инновации гармонично сочетаются на основе коллективизма. Примером мягких инноваций в широком смысле можно назвать философию кайдзен, – теорию и практику непрерывного совершенствования [2, с. 92–94]. Кайдзен означает «изменение к лучшему», и предполагает тактику перманентных сверхмалых улучшений. Кайдзен базируется на таких ценностях коллективизма как групповая ответственность; консенсус; кружки качества; культура предложений и других.

Благодаря коллективизму малые усилия сливаются в большой поток инноваций, что обусловило всемирный успех фирмы «Тойота». Это заставляет усомниться в резком противопоставлении традиционной и инновационной личности, которое проводит Э. Хаген [7]. Для индивидуалистического общества такое противопоставление кажется естественным, но для коллективистского Востока оно не подходит. А российское общество могло бы ориентироваться не на Восток или на Запад, а на синтетические формы коллективного и индивидуального начала в жизни общества.

Идеи сочетания коллективного и индивидуального в российском обществе широко обсуждаются в науке со времен распада Советского союза и принятия Конституции Российской Федерации, провозгласившей человека высшей ценностью. «Шоковое» внедрение идей индивидуализма в общественные структуры обусловило необходимость поиска баланса между «новым» (индивидуализм) и «привычным» (коллективизм) типом социальности.

Анализ изменений личности в контексте коллективизма и индивидуализма предполагает не преодоление границ или переделку человеческой биологии, как это подразумевается в идеях гуманизма и трансгуманизма [3], а о трансформации установок, ценностей и моделей поведения под влиянием общества. Такие изменения имеют опосредованный характер, так как приводят к одновременным изменениям и в личностном, и в коллективном сознании. В интересах коллектива изменения личности направлены на усиление социальной сплоченности и снижение личностной автономии. Человек в таком случае осознает свою принадлежность к группе и учитывает общие интересы. Приоритетными становятся такие качества как способность к самоограничению, готовность к компромиссу, подчинение авторитету. Установка на служение общему делу

подготавливается подпитывается через процессы социализации и воспитание, деятельность социальных институтов.

Индивидуализм признает автономию, самовыражение и личную ответственность, личностные изменения направлены на усиление субъектности. Главными ценностями выступают ценности самовыражения, поиска своего пути развития, раскрытие потенциала. Сомнение в верности авторитетных и общепринятых норм приводит к развитию критического (творческого) мышления и поиска собственных оснований для действий. В контексте устойчивого развития человека индивидуализм не предлагает радикальное изменение человеческой сущности.

Напрашивается определенный вывод о том, что изучаемая проблема рационального сочетания традиций и инноваций перерастает в сложную проблему динамики соотношения коллективизма и индивидуализма.

Таким образом, оптимальное сочетание традиций и инноваций возможно и наиболее уместно при формировании личности с инновационным потенциалом на основе лучших национальных социокультурных традиций. Оптимальность означает взаимную дополнительность традиционности и инновационности. Обоснование расширенного понимания термина «мягкие инновации» создает предпосылку дальнейшего научного поиска путей решения сложной научной задачи – взаимосвязи традиций и инноваций.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. EDN RAYTKJ

2. Воронкова О.В. Глобальные аспекты инновационного развития / О.В. Воронкова // Глобальный научный потенциал. – 2014. – №9(42). – С. 92–94. EDN STXCRP

3. Губанов Н.Н. Наше будущее – неочеловек или постчеловек? / Н.Н. Губанов, Л.Г. Черемных // Гуманитарный вестник. – 2023. – №5(103). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nashe-buduschee-neochelovek-ili-postchelovek (дата обращения: 28.08.2026).

4. Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда? / Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2021. – №8. – С. 37–68. DOI 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68. EDN PHQPVC

5. Миргород Е.Е. Человеческий капитал: определение, особенности, процесс воспроизводства / Е.Е. Миргород, З.У. Темирова, А.И. Вагапов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 5. №3(144). – С. 231–236. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.03.05.030. EDN PGGZIE

6. Теняков А.В. Социокультурный механизм взаимосвязи традиции и инновации / А.В. Теняков // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – №2. – С. 186–191. EDN ZXJWBA

7. Hagen E.E. On the theory of social change: how economic growth begins / E.E. Hagen. – Homewood, IL: Dorsey Press, 1962. – XVII, 557 p.

Троянская Мария Александровна
д-р экон. наук, доцент, заведующая кафедрой
Аяшева Екатерина Валерьевна
магистрант

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
университет им. В.А. Бондаренко»
г. Оренбург, Оренбургская область

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

Аннотация: *в статье авторы пришли к выводу, что реформа местного самоуправления направлена на включение его в единую систему государственного управления с целью повышения социально-экономической эффективности региона. В ходе исследования ключевые факторы были разделены на три сферы: экономическую, политическую и социальную. Отмечено, что основная проблема заключается в отсутствии концепции долгосрочного регулирования, что означает: муниципальные власти обладают политической автономией лишь формально и не располагают достаточными организационными и финансовыми ресурсами для ее реализации.*

Ключевые слова: *реформирование, муниципальная реформа, местное самоуправление, модели самоуправления.*

Муниципальный уровень управления является одним из наиболее важных с точки зрения территориального стратегического планирования развития страны, так как именно на данном уровне возможно учитывать особенности развития конкретных территорий, а также потенциал и возможности его реализации. Местное самоуправление является самостоятельным уровнем публичной власти и имеет свой собственный конституционно-правовой статус. Единство системы публичной власти с ее разными уровнями указывает на возможность взаимодействия властей в вопросах решения задач

местного уровня, что находит свое подтверждение в практике деятельности государственных и муниципальных органов управления. Процесс управления на муниципальном уровне предполагает оптимальное распределение полномочий между множеством субъектов управления с соблюдением принципов, отраженных в законодательстве государства.

Реформирование на муниципальном уровне несет в себе цель развития существующей системы управления для решения наиболее актуальных задач, в числе которых основной является социально-экономическая эффективность муниципалитета. Особенностью таких реформ также выступает их системность, глубоко аргументированное целеполагание, ориентированное на долговременную перспективу развития общества и государства. При этом принцип системности реформ означает, что проводимые преобразования должны затрагивать все стороны жизни общества и государства не только взаимосвязано, но и сбалансированно по социально-экономическим, финансово-бюджетным и иным составляющим. Не должно быть тех направлений, по которым реформы осуществляются активно, и тех, где они зачастую практически незаметны и, тем более, малопродуктивны.

Следует отметить, что реформирование местного самоуправления базируется на конституционных основах единства публичной власти в России и направлено на создание условий для комплексного, устойчивого социально-экономического развития страны в интересах граждан, общества и государства. Современное развитие законодательства, посвященного местному самоуправлению, в качестве ключевых направлений реформ выделяет следующие тезисы: интеграция местного самоуправления в единую систему публичной власти; упрощение процедур взаимодействия между различными уровнями власти; расширение полномочий местных органов власти; предлагается достаточно гибкая структура; возможность объединения муниципальных образований для повышения эффективности; расширение полномочий местных органов власти, включая, новые функции в области экономики, социальной политики и экологии; участие в реализации федеральных и региональных программ; изменения в сфере муниципальных выборов, которые предполагают упрощение процедур регистрации кандидатов; возможность использования электронных голосований; более гибкие правила финансирования выборов и др. [1]. Эти изменения

направлены на повышение эффективности местного самоуправления и улучшение жизни граждан, что является актуальной задачей для современной России.

Реализация данных направлений неизбежно сталкивается с множеством факторов, которые способны как усиливать эффект от реформ, так и снижать его. В качестве этих факторов выделим группы: экономические (инфляция, экономическая стабильность), политические (законодательство, стратегии развития отдельных территорий), социальные (уровень социального неравенства в обществе, доступность социальных благ). Представленные группы факторов развития муниципальных реформ в России являются наиболее актуальными причинами изменений, происходящих в процессе формирования системы местного самоуправления. Рассматривая каждую группу факторов, важно отметить, что факторы взаимосвязаны, что особенно проявляется в случае с экономическими факторами, так как стабильность экономики определяется, в том числе, темпами инфляции, но при этом эти факторы имеют различную природу для реформирования системы местного самоуправления. Положительные изменения на муниципальном уровне управления в условиях нестабильной экономики требуют гораздо более значительных усилий извне, поддержки, а также обеспечения учета фактора дотационности территорий. Темпы инфляции и нестабильность экономики внешней и внутренней среды субъектов управления становятся основными причинами повышения разницы между запланированными результатами социально-экономических показателей муниципалитета и фактическими данными. Так как запланированные результаты закреплены в стратегии социально-экономического развития муниципалитета, их несоответствие требует частого пересмотра этих программных документов. Тем самым факторы воздействуют друг на друга, вынуждая корректировать существующие программы развития, несмотря на то, что основные законодательные акты, призванные регулировать процесс реформирования муниципального уровня управления в стране, остаются без видимых изменений.

Законодательство в данном случае возможно было выделить в отдельную группу, но с точки зрения процесса реформирования местного самоуправления, предполагается, что именно сложившаяся политическая модель, предусматривающая несколько уровней управления, позволяет реализовывать существующий механизм

реформирования. Следовательно, политическое устройство страны определяет возможность нескольких уровней управлений, каждый из которых наделен необходимым комплексом полномочий, раскрывающим перечень задач для эффективного развития субъекта управления. На конституционном уровне местному самоуправлению была предоставлена своеобразная политическая автономия. Однако она не была обеспечена организационными и финансовыми ресурсами. В результате органы местного самоуправления стали, по сути, заложниками этого особого конституционно-правового статуса. Отсюда главными задачами законодателя стали уточнение правового статуса местного самоуправления, корректировка пределов его самостоятельности и обеспечение организационных и финансовых основ местного самоуправления. Поэтому развитие законодательства объективно не могло идти иначе как путем ограничения муниципальной автономии.

В рамках группы политических факторов возможно также отметить темпы развития системы голосования, которая выступает основой для организации выборного процесса на местах. Совершенствование процесса выборов определяет новые возможности для самоопределения населения на местном уровне.

Социальная группа факторов представлена уровнем социального неравенства и доступностью социальных благ для населения. В рамках первого фактора необходимо отметить разницу между уровнем готовности к реформированию в субъектах с высоким различием доходов населения. Дотационные субъекты в данном контексте требуют гораздо большего внимания с точки зрения решения множества проблем социальной сферы, которые выступают одними из причин, тормозящих процесс реформирования местного самоуправления. Поэтому применение одних и тех же инструментов управления в различных субъектах может иметь разный уровень эффективности, что выражается, прежде всего, в доверии населения действиям местных властей. Если власть не в состоянии решить социальные проблемы населения, то возникает негативное воздействие на политическую группу факторов. При этом доступность социальных благ на конкретной территории определяется, в том числе, ресурсами муниципалитета, объединяя в данном факторе и экономический аспект развития.

Развитие одних территорий в ущерб другим выступает основной причиной в реформировании всей системы управления. Множество

программных документов, принимаемых на федеральном уровне, прямо или косвенно направлены на создание социально-экономических условий для населения в аспекте уравнивания привлекательности проживания на различных территориях субъектов страны. Но вместе с тем, проблема оттока населения в мегаполисы по экономическим причинам все еще остается актуальной, несмотря на предпринимаемые меры. Крупные муниципальные образования за счет наличия множества ресурсов становятся еще крупнее за счет усиления процессов агломерации, а небольшие муниципальные образования не имеют возможности к ускорению темпов развития ввиду оттока населения.

За последние четверть века своеобразным эпицентром реформ в стране стали проблемы ее институциональной организации, в частности, местного самоуправления. В указанный период эта сторона развития общества и государства практически непрерывно находится в полосе глубоких преобразований политико-географического, институционального, социально-экономического, налогово-бюджетного и иного характера. Однако было бы явным несоответствием действительности сделать вывод, что длительная полоса преобразований в этой сфере обеспечила ей существенные позитивные изменения. Глубокая неудовлетворенность положением дел в сфере муниципального развития по-прежнему сохраняется, а поток адресуемых ей критических оценок со стороны, как частных, так и публичных структур практически не ослабевает [2].

Причина видится в том, что и само функционирование российского местного самоуправления, и все попытки его совершенствования никак не обретут качественной и стабильной нормативно-правовой базы, а та в той мере, в какой она имеется, в свою очередь, не опирается на формирование долговременной (концепции) стратегии развития муниципальной России. Складывается ситуация, при которой выходящие в свет законы, стратегии и т. д. по развитию местного самоуправления, его правовых и экономических основ, а также институциональных форм и прочее на деле не содержат в себе системного видения перспектив для муниципалитетов страны и ее граждан. В результате возникает необходимость бесконечной корректировки и дополнения принимаемых нормативных правовых актов и разработок методического и программного характера. Эти документы перестают нормально восприниматься не только представителями органов государственного и муниципального управления, но и

рядовыми гражданами как непосредственными субъектами всей системы муниципальных отношений [3].

Таким образом, реформирование должно закрепить и усилить интеграцию систем государственного и муниципального управления. Фактически речь идет о создании особой модели самоуправления, серьезным образом отличающейся от привычной модели. В ее рамках муниципальные органы власти будут полностью встроены в вертикаль управления. Рассмотренные факторы определяют потенциал для реализации реформирования местного самоуправления в части обеспечения принципа открытости административных и управленческих процедур, а также улучшения взаимодействия между всеми уровнями власти.

Список литературы

1. Василькова Е.А. Муниципальная реформа в России: интеграция, модернизация, эффективность / Е.А. Василькова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №5. – С. 279–281.

2. Бухвальд Е.М. Стратегия пространственного развития и новый этап муниципальной реформы в России / Е.М. Бухвальд // Теория и практика общественного развития. – 2022. – №4(170). – С. 51–54. DOI 10.24158/tipor.2022.4.7. EDN LJHCXS

3. Бухвальд Е.М. Опорные населенные пункты: новый вектор муниципальной реформы в России / Е.М. Бухвальд, О.Н. Валентик // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2025. – Т. 27. №3. – С. 6–16. DOI 10.15688/ek.jvolsu.2025.3.1. EDN QVWSXE

Черняева Полина Денисовна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Панченко Вероника Юрьевна
магистр
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край
Ступина Алена Александровна
доктор технических наук, д-р техн. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И ДОМЕННАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние технологий синтеза данных в физически точных виртуальных средах и методов доменной адаптации на структуру издержек инновационных проектов и рынок цифрового труда. Показано, что конвейер «симуляция + рандомизация + состязательная адаптация» обеспечивает сбалансированную точность 87,1% на реальных видеопотоках без ручной разметки, снижая барьеры входа для малого инновационного бизнеса и трансформируя профессии цифровой экономики.*

Ключевые слова: *синтетические данные, доменная адаптация, цифровая экономика, рынок труда, инновационное предпринимательство, устойчивое развитие.*

Введение. Данные – ключевой производственный ресурс цифрового общества, однако стоимость их сбора и разметки концентрирует технологии у крупных корпораций. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования подтверждает превосходство последних на нестационарных данных; нейросетевые алгоритмы успешно применяются для прогноза характеристик сложных систем по косвенным измерениям, а

машинное обучение доказало универсальность предиктивной парадигмы в технических и природных задачах.

1. *Методология синтеза.* Синтетические данные генерируются в физическом симуляторе NVIDIA Isaac Gym с автоматической ground-truth разметкой (3D-координаты 13 ключевых точек, оптический поток, метка фазы); «длинный хвост» моделируется намеренно: 10 000 размеченных окон, классы 6–9 содержат лишь 200–300 примеров. Внедрение таких конвейеров целесообразно рассматривать как реинжиниринг бизнес-процессов разработки ИИ-решений в логике функционального моделирования.

2. *Преодоление разрыва «симуляция-реальность» как управление рисками.* Визуальная доменная рандомизация и состязательная адаптация (DANN с слоем инверсии градиента) формируют доменно-инвариантные признаки; t-SNE визуализация подтверждает накрытие реального распределения признаков. Построение конвейеров опирается на архитектуры цифровых платформ мониторинга с облачными и интеллектуальными технологиями; принципы адаптивного управления производительностью информационных систем АСУ ТП коррелируют с подходом; ансамблевые методы зарекомендовали себя как инструмент анализа и управления рисками.

Таблица 1

Распределение классов синтетического набора («длинный хвост»)

Фазы	Описание	Окон	%
0–1	Норма (медленные движения)	6000	60
2–5	Нагрузочные/экстремальные	2900	29
6–9	Редкие критические	1100	11

3. *Социально-экономические эффекты.* Proposed pipeline (ViT-B/16 + DR + DANN) достигает 87,1% BAcc и 85,4% macro F1 против 72,3% у ResNet-50 без адаптации и 92,4% у «оракула» на реальных данных: разрыв закрыт более чем наполовину без единого реального лейбла. Экономический эффект автоматизированной оптической диагностики подтверждается практикой выявления дефектов стальных трубопроводов нейросетевыми системами; методы компьютерного зрения применяются для автоматизированной диагностики деформаций и разрушений, снижая аварийность и издержки. Проектирование специализированных модулей информационных систем выступает фактором повышения качества

сервисных услуг и конкурентоспособности. Социальный аспект: снижается спрос на рутинный труд разметчиков, растёт спрос на инженеров симуляций; малый бизнес получает равный доступ к «цифровому опыту».

Таблица 2

Точность классификации на реальном тесте

Конфигурация	BAcc, %
ResNet-50 (только синтетика)	72,3
ViT + рандомизация (без DANN)	81,7
ViT + рандомизация + DANN	87,1
Оракул (реальные данные)	92,4

Заключение. Синтетические данные и доменная адаптация становятся макроэкономическим фактором: они снижают стоимость инноваций, оздоравливают конкурентную среду и трансформируют рынок цифрового труда, что соответствует повестке устойчивого развития общества.

Список литературы

1. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования геоэкологических показателей горнодобывающих объектов / А.А. Ступина, М.В. Спринджук, М.В. Журавлев, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 125–130. EDN ITXOMF

2. Использование нейросетевых алгоритмов для прогноза коллекторских свойств нефтегазоносных пород по геофизическим данным скважин / В.В. Кукарцев, Б.В. Потапов, М.Н. Степанцевич, Д.Ю. Евсюков // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 256–267. DOI 10.46698/VNC.2026.90.55.001. EDN KEEVXM

3. Применение методов машинного обучения для прогнозирования прочностных характеристик горных пород / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, А.С. Прудкий, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №2. – С. 406–411. EDN VSQHDC

4. Функциональное моделирование бизнес-процессов как основа проектирования информационных систем предприятия / М.В. Журавлев, В.Ю. Панченко, С.В. Кукарцева, А.Р. Глинская // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 февраля 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 163–167. EDN LVNZDY

5. Архитектура цифровых платформ экологического мониторинга горнопромышленных регионов с использованием облачных и интеллектуальных технологий / Б.В. Потапов, С.О. Курашкин, Н.В. Сергеева, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 113–118. EDN MXAZUV

6. Проектирование модуля информационной системы как фактор повышения качества сервисных услуг предприятия / Л.В. Красовская, С.В. Кукарцева, М.В. Журавлев, А.В. Низамеева // Право, экономика и управление: теория и практика. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 191–194. EDN CHXXVN

7. Tudakov D.I. Adaptive Performance Management of Transactional Databases in Automated Process Control Systems Based on Probabilistic Fragmentation Prediction / D.I. Tudakov, B.V. Potapov, S.V. Pchelintseva // 2026 International Conference on Industrial Engineering, Applications and Manufacturing (ICIEAM). – IEEE, 2026. – P. 1178–1182.

8. Интеллектуальные модели анализа геоэкологических рисков горнопромышленных территорий на основе ансамблевых методов машинного обучения / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, Т.В. Бирюкова, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 108–112. EDN SJGJHI

9. Shcherban P.S. Detection of defects in steel oil and gas operating pipelines using a neural network, based on the results of optical diagnostics / P.S. Shcherban, B.V. Potapov, A.N. Karagadyan // Research on Engineering Structures and Materials. – 2025. – P. 3051–3068.

10. Пчелинцева С.В. Применение методов компьютерного зрения для автоматизированной диагностики деформаций и разрушений горных выработок / С.В. Пчелинцева, М.В. Журавлев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 359–364. EDN KOUAZF

11. Losev A.N. Domain Adaptation and Data Synthesis for Classifying Objects with Unstable Geometry in High-Speed Motion Capture / A.N. Losev, I.A. Panfilov, P.D. Cherniaeva // 2026 International Conference on Industrial Engineering, Applications and Manufacturing (ICIEAM). – IEEE, 2026. – P. 1165–1168.

Широкова Елена Александровна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

DOI 10.31483/r-169073

РОЛЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА С ПОЗИЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ

Аннотация: *в статье рассматриваются современные подходы к управлению процессом формирования человеческого потенциала на региональном уровне. Особое внимание уделено вопросам влияния государственной молодежной политики на потенциальные возможности молодежи реализовать свои профессиональные навыки и устремления, тем самым укрепляя и развивая человеческий потенциал как на уровне страны, так и на уровне региона. Выделены наиболее эффективные инструменты управления в молодежной сфере с позиции формирования и развития регионального человеческого потенциала.*

Ключевые слова: *государственная молодежная политика, формирование и развитие человеческого потенциала, механизм управления на региональном уровне.*

Система потенциалов национальной экономики представляет собой совокупность разнообразных составляющих, среди которых, безусловно, наиболее важным и значимым, с позиции реализации возможностей успешного социально-экономического развития страны, является человеческий потенциал. От того, на сколько экономика способна формировать и реализовать человеческий потенциал, зависит успех развития всей социально-экономической системы, степень вовлечения в процесс эффективной трансформации в факторы производства остальных потенциалов (природного, производственного, научного, инновационного и пр.), качество и количество создаваемого валового национального продукта и, в конечном итоге, уровень благосостояния нации.

Условия реализации существующего человеческого потенциала позволяют трансформировать его полностью или частично в человеческий капитал, применимый для успешного развития

социально-экономической системы. Таким образом, человеческий капитал в настоящем зависит от степени полноты реализации накопленного человеческого потенциала в текущем моменте, и, кроме того, для будущего увеличения человеческого капитала становится важной способность социально-экономической системы генерировать человеческий потенциал в необходимом объеме [7].

С этой позиции очевидно становится необходимым для государственных органов власти найти эффективные подходы и разработать действенный механизм как генерации человеческого потенциала на необходимом уровне, так и создание условий для трансформации его в человеческий капитал необходимого объема и качества. И управление этим процессом необходимо организовывать как на федеральном, так и на региональном уровнях, поскольку именно на местах возможно применение более гибких адаптированных управленческих решений и инструментов, способных более эффективно решать специфические проблемы (демографические, социальные, культурные, инфраструктурные и др.), характерные для конкретного региона. Что особенно актуально для нашей страны с ее большой территорией и неравномерностью инфраструктурного развития.

Для обеспечения прироста и развития человеческого потенциала необходимо создавать «точки роста», что, конечно, требует значительных финансовых вложений из государственных и частных источников. При этом на сегодняшний момент основной источник финансирования сфер, влияющих на развитие человеческого потенциала и продуцирующих человеческий капитал региона, – это бюджетные средства, а именно: региональный бюджет (включая межбюджетные трансферты) и бюджеты муниципальных образований [8]. И продуманное, стратегически верное использование этих средств позволит добиться устойчивого прироста человеческого потенциала как на уровне региона, так и для всей страны.

С точки зрения возможности региональной социально-экономической системы продуцировать человеческий потенциал, особое значение приобретает эффективная работа с молодежью. Ведь именно от способности молодого поколения получить профессиональное образование и воплотить его в качественный профессиональный рост зависит состояние человеческого потенциала региона в будущем, качественные и количественные характеристики

человеческого капитала, успех развития региональной и национальной экономики в целом.

Основная часть мер, направленных на профессиональное развитие молодежи, реализуется в рамках государственной молодежной политики, которая представляет собой особый блок публичного управления, аккумулирующий целеполагание, планирование, организацию и оценку мер, ориентированных на молодежь. В работах исследователей молодежной политики [1; 2; 4] подчеркивается, что ее сущность заключается не только в «поддержке молодежи», но и в управлении воспроизводством молодежи, формировании качественных характеристик будущей рабочей силы, модернизации институтов образования, занятости, социального лифта.

Нормативно-правовая база, регулирующая молодежную политику в РФ, имеет ряд особенностей, и в данный момент она все еще не закончена и находится в стадии становления [2, с. 19]. Основным документом, определяющим характер молодежной политики в нашей стране, является Федеральный закон №550-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [5], который формулирует долгосрочные ориентиры, принципы, приоритеты и целевые показатели, связанные с положением молодежи. На его основе региональные органы власти разрабатывают свои нормативно-правовые акты с учетом федеративных установок, при этом наполняя их региональным содержанием.

Региональная молодежная политика, таким образом, является частью общероссийской политики. Следовательно, ей присущи те же функции, практическая реализация которых заключается в оптимальном сочетании ее федеральной и локальной моделей с учетом деятельности всех участвующих субъектов [1, с. 476].

При этом необходимо отметить, что молодежная политика играет одну из ведущих ролей в развитии человеческого потенциала на уровне региона. В частности, именно в рамках установленных целей и задач региональной молодежной политики формируется первоначальное понимание относительно объема имеющегося в регионе человеческого потенциала, а также формирование наиболее обоснованных управленческих решений, генерирующих его первоначальное развитие на региональном уровне. Именно молодежная политика определяет наиболее важные направления дальнейшего развития человеческого потенциала в регионе [6, с. 574].

В данном контексте особую актуальность приобретает формирование действенного механизма государственного регулирования качества человеческих ресурсов, который учитывал бы тенденции развития рынка труда, вызовы современной экономики и цифровой революции и при этом обеспечивал бы рост конкурентоспособности рабочей силы [3, с. 33].

Представляется важным создание в рамках такого механизма отдельных органов исполнительной власти – министерств молодежной политики на федеральном и региональном уровнях для того, чтобы вывести молодёжную политику на государственном уровне и на местах из-под министерства образования. Ведь проблемы, которые должна решать государственная молодежная политика, это не только получение образования молодыми людьми и их научная деятельность, но и проблемы участия молодёжи в управлении, организации её досуга, развитие молодёжных общественных объединений, решение жилищных проблем молодых граждан, их трудоустройство и социальная защита, поддержка молодёжного предпринимательства и т. д. [4, с. 130].

Решение этих проблем централизованно посредством реализации своих функций специализированным министерством позволит более точно воплощать установленные государством цели и задачи развития молодежи в нашей стране, более полно реализовать стратегические планы развития территорий и, в конечном итоге, более всесторонне подойти к процессу формирования человеческого потенциала именно с позиции генерации его молодежью.

Список литературы

1. Алейникова Е.Е. Основы реализации молодежной политики в современной России (региональный аспект) / Е.Е. Алейникова // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 года). – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. – С. 475–478. EDN YAOKRN

2. Гречихин В.Г. Современная молодежная политика в России / В.Г. Гречихин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №5. – С. 18–21. DOI 10.23672/g2393-1834-5732-w. EDN AFBBRK

3. Корниенко А.В. Государственное управление процессом развития человеческого потенциала в системе кадрового обеспечения страны / А.В. Корниенко // Экономические науки. – 2024. – №4(233). – С. 32–38. DOI 10.14451/1.233.32. EDN JDUAGJ

4. Кочетков А.В. Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления / А.В. Кочетков // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29. №3. – С. 120–135. DOI 10.19181/nko.2023.29.3.7. EDN XYTXEY

5. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон №489-ФЗ от 30.12.2020 (ред. от 04.08.2026). – URL: https://docs.cntd.ru/document/573248507 (дата обращения: 30.08.2026).

6. Пшеничникова В.Д. Управление эффективностью развития человеческого потенциала на уровне региона / В.Д. Пшеничникова // Молодой ученый. – 2022. – №23(418). – С. 573–575. – URL: https://moluch.ru/archive/418/92858 (дата обращения: 30.08.2026). EDN UZCQYL

7. Широкова Е.А. Подходы к трактовке понятия «человеческий потенциал региона» на современном этапе развития российской экономики / Е.А. Широкова // Право, экономика и управление: теория и практика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2025. – С. 218–221. DOI 10.31483/r-150065. EDN BNKYGL

8. Широкова Е.А. Трансформация человеческого потенциала в человеческий капитал: проблемы финансирования (на примере Магаданской области) / Е.А. Широкова, Я.В. Юринская // Лидерство и менеджмент. – 2026. – Т. 13. №3. – С. 283–302. DOI 10.18334/lim.13.3.124609. EDN RDCAAO

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Айрих Генрих Евгеньевич
соискатель, аспирант
ЧОУ ВО «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»
г. Ессентуки, Ставропольский край
Базарова Фирюза Асраровна
магистр, генеральный директор
ООО «Прайм фуд»
специалист
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет дизайна и технологий»
г. Москва

DOI 10.31483/r-169046

ГИГ-ЭКОНОМИКА И МИКРОШЕРИНГ КАДРОВ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕФИЦИТА ЛИНЕЙНОГО ПЕРСОНАЛА В РЕСТОРАННОМ БИЗНЕСЕ

Аннотация: *в статье отмечается, что ресторанный рынок в современном мире испытывает сложности в виду изменения отношения занятых в этой сфере к мотивационным механизмам и системе полной занятости. Устойчивое решение с точки зрения авторов не в удержании персонала любой ценой в рамках старой модели, а в использовании смешанной схемы труда, где платформенная занятость закрывает пиковые часы, а окрепшая внутренняя система работы с людьми удерживает тех, кто держит на себе качество заведения.*

Ключевые слова: *гик-экономика, микро-шеринг, гибридная модель, кадры, ресторанный бизнес, линейный персонал.*

Все чаще в средствах массовой информации и в рамках деловых переговоров от представителей бизнес-структур слышен тезис: «повышение зарплаты больше не помогает». Эту фразу сегодня повторяют управляющие ресторанов и кафе по всей стране, и звучит она почти как признание поражения. Если пять лет назад прибавка к окладу в размере пять тысяч рублей решали вопрос закрытия смены, то сейчас такая система стимулирования персонала не срабатывает.

Сегодня точки в сфере общественного питания открываются недоукомплектованными, рабочая смена закрывается с опозданием, текучесть линейного персонала вышла на такой уровень, который еще недавно казался статистической аномалией, а теперь является нормой в данной отрасли.

Из выше представленных аргументов вытекает вывод о том, что дело скорее всего не в экономической системе поощрений. Модель линейного персонала, которую российский общепит унаследовал от советской системы столовых, а затем трансформировал под западные франшизы, строилась под другой рынок труда и другое поколение. Возможно, она устарела как конструкция, а не как уровень оплаты внутри нее. Вопрос этот редко звучит вслух на планерках, но подразумевается почти в каждом разговоре о найме.

Дефицит линейного персонала в ресторанном бизнесе не появился внезапно и не сводится к санкциям или локальным потрясениям последних лет. Основных причин здесь четыре, и все они структурные, а значит, не пройдут сами собой через год-два.

1. Демографическая яма. Молодых людей 18–25 лет, которые традиционно составляли основу линейного персонала, в России физически меньше, чем было десять лет назад. Это отголосок демографического провала девяностых, добравшийся до рынка труда с задержкой примерно в четверть века. Кандидатов на позицию официанта или бариста стало меньше не потому, что молодежь не хочет работать в общепите, а их меньше родилось.

2. Доставка и маркетплейсы забрали часть аудитории. Курьер сам решает, когда выйти в смену, на какое количество времени, а вознаграждение получит почти сразу после нее. Некоторых молодых людей такой формат работы устраивает в виду того, что при такой системе найма нет дресс-кода, четкого графика работы, привязки к рабочему стулу, а работодателю позволяет нанять студентов, молодых родителей, сотрудников иных компаний, которым необходима подработка и также легко с ними распрощаться в любой момент при поступлении жалобы на некачественное оказание услуг.

3. Поколение Z иначе смотрит на работу. Это фиксируют не только рекрутеры, но и социологи. Гибкий график, мгновенная обратная связь, минимум субординации. Классическая ресторанная лестница шеф – су-шеф – повар для многих из этого поколения выглядит анахронизмом, а не нормальной карьерной структурой.

4. Сама работа в сфере общественного питания стала менее привлекательной. Физическая нагрузка, ненормированный график,

вечерние и ночные смены, конфликтные гости снижают мотивацию работать в данной сфере. На фоне альтернатив, а в частности в системе доставки, где не нужно так выкладываться эмоционально и физически, общепит проигрывает борьбу за внимание молодого кандидата.

Исходя из выше представленных тезисов возникает необходимость решения все возрастающих проблем в системе общественного питания.

Классическая модель труда и найма сотрудников в ресторанном бизнесе фактически сегодня изжила себя и имеет негативные элементы.

Прежде всего это работа на полную ставку. Фиксированная смена представляет собой ставку по 8 или 12 часов. Стажировка в обязательном порядке проходит от трех до семи дней с наставником, и далее наемный работник трудится месяцами, иногда и годами на одной и той же позиции или должности. Еще недавно эти допущения никто не подвергал сомнению, но сегодня все иначе, молодые люди хотят более стремительного роста по карьерной лестнице или в профессии.

Во-вторых, в современном бизнесе если работать по старой схеме, то такая организационная структура трещит сразу по двум направлениям.

Первое – реальная цена текучести. Показатель 100–150% в год для линейного персонала общепита давно перестал быть тревожным сигналом и превратился в фоновый шум отрасли, к которому все привыкли. Однако каждое увольнение это не просто дыра в расписании, а это прежде всего расходы, связанные с поиском, набором, отбором квалифицированного персонала. Денег требует каждый шаг в рекрутинге, начиная от размещения информации о вакансии на различных информационных носителях, времени, потраченного управляющим на проведение и организацию собеседования, обучение новичка, и почти никогда не учитываемая отдельной строкой просевшая скорость и качество всей смены на период его адаптации. Собрав эти статьи расходов по одному сотруднику и умножив на количество увольнений при текучести в 120%, легко выйти на сумму, сопоставимую с фондом оплаты труда за один-два дополнительных месяца работы точки.

Второе – экономика простоя. Смена оплачивается одинаково вне зависимости от того, сколько гостей реально пришло. В обед с 12 до 15 часов кафе может обслужить втрое больше людей, чем в четыре или пять вечера, а персонал получает за эти часы одну и ту же ставку.

Заведение переплачивает за недозагруженные часы и одновременно недоукомплектовано в пик, если штат считался без запаса.

Переплата за простой толкает управляющего экономить на количестве людей в часы нагрузки. Из-за этого работающие в пик перегружены, как следствие они быстро выгорают и увольняются. Цикл найма и адаптации запускается заново.

Проанализируем причины почему уже существующие решения не закрывают проблему.

1. Аутстаффинг. Сотрудник числится в кадровом агентстве, а фактически работает на объекте ресторана. Снимает часть административной и юридической нагрузки, но не решает вопрос вовлеченности: человек, формально принадлежащий другой компании, редко ощущает себя частью команды заведения. Текучесть внутри пула аутстаффера остается такой же высокой, просто отвечает за нее теперь подрядчик, а не управляющий.

2. Аутсорсинг функций. Работает для клининга или части кухонных процессов. Плохо ложится на позиции с прямым контактом с гостем: официант или бариста, меняющийся каждую неделю по контракту подрядчика, разрушает последовательность гостевого опыта, на которой держится репутация заведения.

3. Платформы подработки. Наймикс и похожие сервисы, вертикали на Rabota.ru, уже дают ресторанам доступ к пулу подработчиков под конкретные смены. Эти идеи ближе всего к модели гиг-занятости в общепите как таковой. Однако слабым местом является предсказуемость и качество. Платформа агрегирует людей без глубокого знания конкретного ресторана, и каждый раз заведение получает сотрудника разного уровня подготовки. Для позиций, где критична скорость и точность, скажем бариста на высоком трафике, это риск для качества сервиса.

4. Кадровые агентства. Хороший инструмент для позиций, требующих отбора и проверки квалификации, но агентства работают на горизонте недель, а не часов. Для точечного закрытия смены, дыра в которой обнаружилась за два дня до нее, они попросту не годятся.

Ни один из перечисленных инструментов не создавался специально под специфику заведений общественного питания, где нужно одновременно закрывать предсказуемые пики, держать качество гостевого опыта и укладываться в рамки трудового законодательства. Именно в этом зазоре и есть место для смешанной, гибридной схемы.

Рассмотрим юридическую сторону данных отношений. Идея гибкого штата под конкретные часы нагрузки выглядит

привлекательно с операционной точки зрения. Именно здесь, впрочем, спотыкается большинство подобных инициатив в российском общепите. Договор с самозанятым сам по себе ничего не гарантирует. Налоговая и трудовая инспекция смотрят не на название договора, а на фактический характер отношений. Практика последних лет выработала устойчивый набор признаков, по которым отношения признаются трудовыми независимо от формальной оболочки:

– человек работает по графику, установленному заведением, а не определяет объем и время работы сам;

– он подчиняется распорядку и указаниям управляющего или старшего смены в реальном времени;

– он пользуется формой, инвентарем и оборудованием работодателя;

– выплаты носят регулярный, а не разовый проектный характер;

– отношения систематические, а не единичные.

Как видно риск переквалификации ощутимо растет. А последствия конкретны: доначисление страховых взносов и НДФЛ задним числом, штрафы, в отдельных случаях огласка, которая бьет по репутации сети сильнее, чем сама сумма доначислений.

Ключевой принцип не в договорных отношениях, отраженных на официальной бумаге, а в реальной автономии исполнителя. Модель работает юридически чище, если самозанятый сам выбирает смену из предложенного пула, а не получает ее директивно. Сотрудничество будет более эффективным, если оплата будет привязана к объему выполненной работы или к завершенной смене, а не к отработанным часам по табелю в стиле трудового договора. И очень важно, чтобы инструктаж наемного сотрудника сводился к минимально необходимому для безопасности, а не превращался в развернутое обучение с проверкой знаний, характерное скорее для трудоустройства.

Для позиций с высоким уровнем контроля и систематичности, скажем для тех, кто выходит в одном заведении по несколько раз в неделю, разумнее не пытаться натянуть самозанятость, а выбрать один из проверенных форматов: договор ГПХ с четко определенным разовым результатом, аутстаффинг через лицензированное агентство, которое берет юридическую ответственность на себя, либо оформление по ТК с частичной занятостью и гибким графиком, что для многих, в частности для студентов, само по себе привлекательное условие.

Не существует единственного правильного юридического решения, необходимо формировать отношения исходя из специфики работы ресторана и намеченных целей.

После того как юридические рамки определены, встает следующий вопрос, о том, как правильно организовать работу смены внутри заведения, чтобы она приносила доход. Практическая реализация строится на разделении линейного персонала на две группы с разной логикой управления, которые представим ниже.

Первая группа, назовем ее костяком, это 20–30% постоянных ключевых сотрудников: шеф или су-шеф, управляющий, старший бариста, ведущие повара смены. Эти роли требуют глубокого знания меню и стандартов, а также способности принимать решения без постоянного контроля сверху. Платформенным форматом такие позиции не закрываются в принципе, потому что именно на этих людях держится консистенция продукта и сервиса.

Вторая группа, оставшиеся 70% линейного персонала, работает на гибких микросменах через сменный резерв. Здесь важно честно провести границу: где это работает, а где разрушается качество.

Приведем реальный пример из практики. В одной сети быстрого питания попробовали перевести раннеров и сотрудников упаковки на формат подработки с 20-минутным цифровым инструктажем перед сменой. Скорость подачи почти не пострадала. А в другой точке той же сети попытались аналогично закрывать смены линейных поваров, работающих с горячим цехом. Результат: рост брака и жалоб на качество блюд за первый же месяц. Урок простой – граница применимости модели проходит не по названию должности, а по глубине навыка, который эта должность требует.

Схема хорошо ложится на позиции, где ошибка новичка не критична и легко исправима: раннеры, мойщики посуды, хостес на встрече гостей, упаковка заказов на доставку. Здесь 15–30 минут цифрового инструктажа достаточно для приемлемого качества с первой смены.

Схема плохо ложится на позиции, требующие глубины навыка: повара горячего цеха, бариста, от чьей квалификации напрямую зависит вкус напитка и скорость очереди, официанты с полным циклом обслуживания стола. Здесь короткий онбординг создает реальный риск для качества продукта, санитарных норм и в конечном счете репутации заведения. Для этих ролей разумнее штатный сотрудник с гибким графиком в рамках трудового контракта, а не человек с улицы через приложение.

Технологически эффективность резерва зависит от степени стандартизации: полуфабрикаты высокой готовности, интерактивные подсказки на рабочем месте, цифровые чек-листы вместо устного инструктажа сокращают адаптацию новичка с нескольких дней до получаса.

Рассмотрим проблему, которая заключается в том, что же происходит с мотивацией костяка команды, если резерв зарабатывает сопоставимо при значительно меньшей вовлеченности? Зачем брать на себя ответственность старшего смены, если разница в оплате не отражает разницу в нагрузке? Ответ должен быть заложен в схему с самого начала: разница в базовой ставке, доступ к бонусам за результат всего заведения, которого нет у подработчиков, и понятная карьерная перспектива, дающая ключевым сотрудникам статус, недоступный резерву по определению.

Без цифровой инфраструктуры вся выше представленная конструкция остается идеей на бумаге. Управлять одновременно постоянным штатом и гибким пулом через звонки и переписку в мессенджерах невозможно уже на второй точке сети, не говоря о десяти.

Представим функции, которые берет на себя цифровая платформа.

1. Приложение для набора смен – сотрудник видит доступные смены на ближайшие дни с указанием времени, локации и ставки и сам решает, откликнуться или нет. Это не техническая деталь, а элемент, от которого зависит юридическая чистота всей схемы: реальный выбор со стороны исполнителя и отличает платформенную занятость от замаскированного найма.

2. Рейтинг сотрудников – оценка после каждой смены всех или некоторых сотрудников самими членами команды или, где это необходимо – гостями (клиентами), что определяет приоритетный доступ претендента на должность к более выгодным сменам, создавая встроенный стимул к качеству без формального трудового контроля.

3. Быстрый чек-ин – короткое видео-напоминание под конкретную роль перед началом смены, буквально несколько минут.

4. Микрообучение – библиотека тридцатисекундных роликов по ключевым операциям, доступная в любой момент, а не только при найме.

5. Цифровые чек-листы контроля качества для старшего смены, накапливающие историю по каждому сотруднику и влияющие на его рейтинг и доступ к будущим сменам.

Без этой инфраструктуры смешанная схема рискует остаться декларацией о намерениях. С ней управление гибким пулом становится не менее предсказуемым, чем классическое штатное расписание, но заметно более гибким.

Следует понимать, что для создания эффективного заведения ставка только на подработчиков не даст результата. Резерв эффективно может закрывать пиковые часы и точечные дыры в расписании. Главная задача заведения создать такие условия, в которых костяк в составе 20–30% от всех сотрудников ресторана всегда будет стабильным, поскольку именно на них держится качество заведения.

Для того, чтобы заведение успешно функционировало и при этом укрепляло свой бренд необходимо использовать следующее.

1. Наставничество. Большинство точек теряют новичка в первые две недели штата не из-за зарплаты, а из-за хаотичного онбординга. Закрепленный наставник с материальным бонусом за сотрудника, который остался дольше испытательного срока, поможет снизить текучесть костяка сильнее, чем прибавка к окладу.

2. Понятный карьерный трек. Раннер – бариста – старший смены, с конкретными критериями перехода на каждом этапе и реалистичными сроками, обычно шесть-двенадцать месяцев на ступень. Держит крепче гибкого графика. Люди уходят не от тяжелой работы, а от ощущения тупика.

3. Микро-стимулы вместо квартальных премий. Еженедельные бонусы за измеримые метрики – скорость подачи, отсутствие опозданий, отзывы гостей – работают эффективнее на аудиторию, привыкшую к мгновенной обратной связи от курьерских приложений.

4. Инвестиция в супервайзера смены. В российском общепите эта роль обычно воспринимается как техническая надстройка, а не управленческая компетенция. Именно она в итоге решает, останется новичок после первого месяца или нет. Обучение супервайзеров именно управлению людьми, а не только контролю процессов, часто дает больший эффект, чем любая перестройка найма.

5. Внутренние сменные пулы без выхода из ТК. Часть идеи гибкости реализуема без ухода от трудовых отношений вообще. Штатный сотрудник сети получает доступ к внутреннему приложению и сам добирает смены на разных точках, оставаясь в штате с полным соблюдением ТК. Одновременно снимается часть юридического риска и появляется та же гибкость, за которой люди иначе уходят к курьерским платформам.

6. Выходные интервью как источник данных, а не формальность. Большинство сетей до сих пор полагаются на догадки о причинах ухода. Системный сбор данных за несколько месяцев обычно вскрывает два-три повторяющихся и устранимых фактора, специфичных именно для этой сети – конкретный управляющий, конкретная смена, конкретный процесс – а не абстрактную неудовлетворенность зарплатой.

В системе набора персонала резерв и укрепленный костяк не соревнуются друг с другом. Один снимает нагрузку с пиковых часов. Другой держит тех, кто отвечает за качество заведения целиком.

Эффект от использования такой модели складывается из нескольких экономических статей доходов, которые почти никогда не считают вместе, хотя стоило бы. Оговорка сразу: цифры ниже это ориентировочные диапазоны, а не универсальная константа. Точное значение зависит от трафика, сезонности и формата конкретной точки, и его стоит уточнять на своих данных, а не переносить один в один из статьи. Ниже приведен пример экономической эффективности предложенного механизма.

1. Экономия ФОТ за счет устранения простоя. На условную точку с оборотом порядка 3–4 миллионов рублей в месяц при переводе 70% линейного персонала на оплату строго за часы реальной загрузки экономия способна составить от 15% до 25% текущих расходов на линейный персонал. Разброс большой не случайно: он отражает разницу в неравномерности трафика между заведениями.

2. Снижение стоимости текучести. При переводе части резерва на платформенный формат и параллельном укреплении удержания костяка через наставничество и карьерные треки, суммарная текучесть по заведению способна снизиться со 120–150% до 60–80% в год. Это тоже оценочный диапазон, собранный по логике похожих проектов, а не строгий расчет для конкретной сети. Каждый процентный пункт снижения напрямую переводится в экономию на найме, адаптации и потерянной производительности новичков.

Стоимость незакрытых смен – статья, которую почти никогда не считают отдельно. Незакрытая смена в пиковый час означает не только упущенную выручку от гостей, ушедших из-за долгого ожидания, но и репутационный урон, влияющий на повторные визиты. Гибкий пул через приложение набора смен сводит частоту таких ситуаций почти к нулю.

Стоимость просевшего сервиса труднее посчитать в денежном эквиваленте напрямую, но она реальна. Перегруженная смена из-за

нехватки рук в пик приводит к ошибкам в заказах, задержкам подачи и раздраженным гостям, а это бьет по отзывам и повторным визитам в горизонте нескольких месяцев.

Стоимость обучения снижается для резерва за счет цифровизации онбординга, но требует дополнительных вложений в костяк в рамках усиленного наставничества.

Таблица 1

Модель управления в зависимости от формата заведения

Параметр	Классическая модель	Платформенный формат без внутренней системы удержания	Смешанная схема
1	*2*	*3*	*4*
Формат смен	Фиксированные 8–12 часов	Гибкие микросмены 2–6 часов	Костяк на штатном графике, резерв на микросменах
Юридический риск	Минимальный	Высокий при систематическом использовании самозанятых	Управляемый за счет дифференциации по позициям
Текучесть	100–150% в год	Высокая, особенно среди резерва	60–80% в год за счет удержания костяка
ФОТ в тихие часы	Высокий, персонал простаивает	Оптимизированный	Оптимизированный на резерве, стабильный на костяке

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*
Качество сервиса	Стабильно при укомплектованном штате	Риск на позициях, требующих глубины навыка	Стабильно за счет разделения ролей
Карьерная перспектива	Формально есть, редко реализуется	Отсутствует	Выстроена для костяка, отсутствует для резерва по замыслу

Исходя из анализа, представленного в статье, сделаем вывод о том, что кадровый резерв, основанный только на подработке, применим не ко всем форматам общепита. Быстрое casual-заведение с высоким потоком и простыми операциями выигрывает от него больше, чем ресторан высокой кухни, где консистенция продукта зависит от каждого человека на смене без исключения. Для второго формата основную ставку разумнее делать на внутреннюю работу с людьми, а платформенный формат использовать точечно, только для вспомогательных ролей.

Следует не забывать, что в условиях здоровой рыночной экономики рынок труда уже другой. Возврата к стабильному линейному персоналу, набираемому на полную ставку и удерживаемому исключительно зарплатой, не будет. Конкурентоспособными окажутся те, кто научится одновременно использовать гибкость платформенной занятости и выстраивать собственную систему закрепления людей. Победит не тот, кто выберет одну из двух схем, а тот, кто сумеет соединить их в одну работающую систему.

Список литературы

1. Дефицит кадров в России в 2026 году // ИРСИТИ.ру. – URL: https://ircity.ru/text/job/2026/05/27/76442596/ (дата обращения: 25.08.2026).

2. Зарплаты растут, а работать некому: эксперт назвал отрасль, где кадровый голод стал катастрофическим // Mentoday. – URL: https://www.mentoday.ru/life/news/19–09–2024/zarplaty-rastut-a-rabotat-nekomu-ekspert-nazval-otrasl-gde-kadrovyi-golod-stal-katastroficheskim/ (дата обращения: 25.08.2026).

3. Как снизить текучесть кадров без повышения зарплаты. – URL: https://vc.ru/id1244926/2237672-kak-snizit-tekuchest-kadrov-v-restorane (дата обращения: 25.08.2026).

4. Текучесть кадров: как рассчитать коэффициент // Happy Job. – URL: https://happy-job.ru/hr-blog/tekuchest-kadrov/ (дата обращения: 25.08.2026).

5. Переквалификация самозанятых в 2026: новые риски и индикаторы // Моё дело. – URL: https://www.moedelo.org/club/article-knowledge/kogda-dogovor-s-samozanatym-perekvalificiruut-v-trudovoj (дата обращения: 25.08.2026).
6. Яркие споры о переквалификации договоров с самозанятыми в трудовые за июнь 2024 – апрель 2025 годов // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/legalnews/28173/ (дата обращения: 25.08.2026).
7. Наймикс – платформа для работы с самозанятыми и ГПХ-подработчиками. – URL: https://naimix.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).
8. YouDo Бизнес – сервис подработки для самозанятых. – URL: https://b2b.youdo.com/ispolnitelyam (дата обращения: 25.08.2026).

Алескеров Станислав Игоревич
канд. юрид. наук, заместитель генерального директора
ООО «Национальная Компьютерная Корпорация»
г. Москва

IPO КАК СТРЕСС-ТЕСТ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ, А НЕ НАГРАДА ЗА ПРОШЛЫЕ УСПЕХИ

Аннотация: *статья рассматривает первичное публичное размещение акций (IPO) не как завершающий этап успешной истории компании, а как переход к новому, значительно более жёсткому режиму проверки качества корпоративного управления. На материале российского рынка IPO 2023–2026 гг. в сфере информационных технологий показано, что переоценка рынком стоимости публичных ИТ-компаний носит системный, а не единичный характер. Анализируется зарубежный кейс SpaceX (июнь 2026 года, оценка около 1,75 трлн долларов) как предельный случай сознательно раскрытой концентрации контроля в структуре с двумя классами акций. Отдельное внимание уделено дополнительному слою риска, связанному со структурой владения контролирующего акционера, и использованию искусственного интеллекта в процессе принятия корпоративных решений. Предлагаются практические рекомендации для юридической и комплаенс-функции компаний, готовящихся к выходу на биржу.*

Ключевые слова: *IPO, корпоративное управление, комплаенс, структура акционерного капитала, двойной класс акций, раскрытие информации, риск-менеджмент, искусственный интеллект, Группа Астра, SpaceX.*

1. Введение.

IPO принято подавать как финал успешной истории компании – как публичное признание рынком её масштаба, устойчивости и

потенциала роста. Практика последних лет в России и за рубежом показывает обратное: размещение акций – это не награда за пройденный путь, а начало более жёсткой и постоянной проверки того, насколько компания действительно управляема. До выхода на биржу решения принимаются в логике частного бизнеса: собственник или узкий круг акционеров быстро согласует шаг, изменит приоритет, снимет спорный вопрос без формальной процедуры. После IPO компания оказывается под постоянным наблюдением рынка, миноритарных акционеров, совета директоров, регулятора и прессы – и то, что раньше решалось «на уровне договорились», должно быть формализовано, объяснимо и воспроизводимо при первом же ухудшении конъюнктуры.

Актуальность темы для юридической и комплаенс-функции обусловлена тем, что именно этот переход – от частного к публичному режиму управления – формирует основную часть послеразмещенческих рисков: не темпы роста бизнеса, а качество структуры принятия решений, дисциплина раскрытия информации и прозрачность отношений с контролирующим акционером. В статье последовательно рассматриваются: динамика российского рынка IPO в 2023–2026 гг. с акцентом на технологический сектор; кейс «Группы Астра» как показательный пример разрыва между стартовым спросом и среднесрочной устойчивостью оценки; системный характер проблемы на примере ряда IT-эмитентов; IPO SpaceX как крупнейшее размещение в истории и одновременно предельный случай сознательного раскрытия концентрации контроля; дополнительный слой риска, связанный со структурой владения контролирующего акционера; и практические рекомендации для юридической функции.

2. Российский рынок IPO 2023–2026 гг.: от бума к охлаждению.

2023 год стал годом заметного оживления рынка: на Московской бирже было проведено восемь полноценных IPO на общую сумму немногим более 40 млрд рублей, причём частные инвесторы выкупили более половины размещённых акций, а по ряду выпусков – свыше 85% [1]. Наиболее заметным техническим кейсом года стало размещение «Группы Астра» в октябре 2023 года: компания разместила 10,5 млн акций (5% уставного капитала) по цене 333 рубля за акцию, книга заявок была переподписана многократно, а котировки выросли на 40% в первый день торгов и ещё на 20% – во второй [2]. В 2024 году рынок продолжил расти количественно: состоялось размещение «Диасофта» (13 февраля 2024 года, рост котировок на

40% в первый день торгов), а вслед за ним – IVA Technologies, «Группы Аренадата» и ряда других ИТ-компаний [3].

Однако уже к 2025–2026 гг. этот рост сменился системным охлаждением оценок. По данным августовского обзора инвестиционного банка «Синара», лишь треть акций компаний, дебютировавших на бирже начиная с 2024 года, торгуется выше цены размещения; остальные бумаги – ниже цены IPO, что аналитики связывают с повышенной волатильностью и высокой ключевой ставкой Банка России [9]. К январю 2026 года акции большинства публичных ИТ-компаний потеряли в цене за предыдущий год: «Группа Позитив» подешевела на 45%, «Диасофт» – на 48%, «Группа Астра» – на 34%, «Группа Аренадата» – на 28%, ВУШ Холдинг (Whoosh) – на 26%, Softline – на 21%, «Каршеринг Руссия» (Делимобиль) – на 21%; заметным исключением стала компания «Базис», акции которой выросли на 33% с момента IPO [8]. Падение затронуло компании с принципиально разной операционной моделью и разным финансовым состоянием – то есть речь идёт не о единичных ошибках отдельных эмитентов, а о системной переоценке рынком премии, которую он готов платить за публичный статус в условиях высокой ставки и геополитической неопределённости.

3. Где начинается потеря стоимости.

Обычно стоимость теряется не в заголовке об IPO, а в операционной и управленческой реальности компании уже после размещения.

Размытые полномочия. Если неясно, кто именно принимает ключевые решения, бизнес продолжает жить в режиме ручного управления даже после выхода на биржу, что замедляет сделки и провоцирует внутренние конфликты – тогда как рынок ждёт от публичной компании обратного: предсказуемости и скорости.

Разрыв между советом директоров, менеджментом и акционерами. Разные горизонты планирования и разные ожидания от результата на этих трёх уровнях снижают скорость принятия решений, а на публичном рынке скорость и предсказуемость нередко ценятся почти так же высоко, как финансовый результат.

Отсутствие дисциплины в управлении рисками. Кейс «Диасофта» показателен: компания демонстрировала сильные позиции на рынке автоматизированных банковских систем и портфель заказов на 22,7 млрд рублей, однако рост налоговой нагрузки с 2026 года (НДС на программное обеспечение из реестра вырос с 0% до 22%, страховые взносы – с 7,6% до 15%) наложился на высокую долю расходов на персонал (63% от выручки) и

сокращающийся денежный резерв, что привело к падению котировок на 25% с начала 2026 года при снижении отраслевого индекса всего на 7% [10]. Это пример разрыва между качеством продукта и устойчивостью финансовой модели к изменению внешних условий – то есть именно того типа риска, который должен быть заранее просчитан и раскрыт инвесторам, а не обнаружен постфактум.

Позднее подключение юридической и комплаенс-функции. Если legal включается только на финальной стадии сделки, а не в момент её структурирования, компания впоследствии платит временем, репутацией и деньгами – уже в статусе публичного эмитента, где цена такой ошибки кратно выше.

4. Кейс «Группы Астра»: от переподписки к историческим минимумам.

IPO «Группы Астра» в октябре 2023 года стало образцовой историей роста: спрос инвесторов многократно превысил предложение, компания стала первым публичным представителем российского рынка инфраструктурного ПО на Московской бирже, а котировки выросли на 40% и 20% в первые два дня торгов [2]. Последующая динамика, однако, наглядно показывает разрыв между стартовым ажиотажем и среднесрочной устойчивостью оценки. 29 сентября 2025 года акции впервые с момента размещения опустились ниже цены IPO, а к середине октября 2025 года торговались примерно на 17% ниже неё – аналитики связывали это с сокращением налоговых льгот для ИТ-отрасли с 2026 года и более консервативными ожиданиями по денежно-кредитной политике [4]. Падение продолжилось и в 2026 году: 1 июня 2026 года акции обвалились почти на 17% за один день, обновив исторические минимумы на фоне выхода крупного инвестора из бумаги [5], а понижение прогноза менеджмента на 2026 год после невыполнения собственного гайденса на 2025 год усилило давление на котировки [6].

Показательно, что сама компания в этот период не бездействовала: совет директоров одобрил обратный выкуп до 4 млн акций (около 2% капитала) для пополнения квазиказначейского пакета под программы мотивации и M&A, были выплачены дивиденды за 2025 год (982 млн рублей, 4,68 рубля на акцию, доходность 1,8%), приобретена доля в 26% в разработчике ИИ «АИБ», и запущен центр «Астра ИИ» для интеграции ИИ-функций в продукты экосистемы [7]. То есть операционно и стратегически компания продолжала развиваться – но рынок при этом требовал от неё уже не подтверждения темпов роста, а доказательств устойчивости бизнес-

модели, прозрачности сделок с акционером и ясного прогноза, чего компания на протяжении 2025–2026 гг. дать не смогла в полной мере. «Астра» в этом смысле – не столько история неудачи конкретного эмитента, сколько напоминание общего порядка: успешная подписка книги заявок не создаёт кредита доверия на среднесрочную перспективу, а лишь открывает период, в котором это доверие нужно подтверждать заново на каждой отчётной дате.

5. Системный, а не единичный характер проблемы.

Случай «Астры» – не исключение, а часть более широкой картины. Совокупность сопоставимых российских ИТ-эмитентов показывает, что коррекция затронула компании с разными бизнес-моделями и разной степенью зрелости: акции «Группы Позитив» за 2025 год подешевели на 45%, «Диасофта» – на 48%, «Группы Аренадата» – на 28%, ВУШ Холдинг (Whoosh) – на 26%, Softline – на 21%, «Каршеринг Руссия» (Делимобиль) – на 21% [8]. Из компаний, вышедших на биржу с начала 2024 года, лишь около трети торгуются выше цены размещения [9]. Единственным заметным исключением стала компания «Базис», акции которой выросли на 33% с момента IPO [8] – что подтверждает: рынок по-прежнему готов вознаграждать отдельные истории, но делает это избирательно и всё более требовательно к прозрачности управления, а не только к темпам роста выручки.

Для юридической функции этот системный характер коррекции важен методологически: он означает, что нельзя списывать снижение капитализации отдельного эмитента на специфику его продукта или рынка – необходимо системно проверять, насколько компания заранее заложила в equity story устойчивость к изменению макроусловий (ставка, налоги, регуляторика) и насколько прозрачно она способна объяснять инвесторам источники отклонения от прогноза, когда оно происходит.

6. SpaceX: крупнейшее IPO в истории как обратный тест governance.

Кейс SpaceX интересен не как история успеха или провала конкретного эмитента, а как предельный случай, показывающий: governance-тест, который проходит компания при выходе на биржу, не сводится к вопросу «кто принимает решения» – он включает и вопрос о том, готов ли рынок платить премию за публично признанную концентрацию контроля в руках одного человека.

20 мая 2026 года SpaceX (Space Exploration Technologies Corp.) подала в Комиссию по ценным бумагам и биржам США (SEC)

заявление на первичное публичное размещение акций под тикером SPCX на бирже Nasdaq [11]. 12 июня 2026 года состоялось размещение: компания продала около 555,6 млн акций по цене 135 долларов за акцию, привлекла 75 млрд долларов (с учётом опциона андеррайтеров объём сделки мог достигать 86 млрд долларов), а оценка компании составила порядка 1,75–1,78 трлн долларов – это крупнейшее IPO за всю историю фондового рынка, более чем втрое превысившее прежний рекорд Alibaba 2014 года [12; 13].

Структура корпоративного управления SpaceX построена так, чтобы полностью исключить риск утраты контроля основателем. Компания использует двухклассовую структуру акций: обыкновенные инвесторы получают акции класса A с одним голосом на акцию, тогда как Илон Маск владеет акциями класса B с десятью голосами на акцию. При экономической доле около 41% Маск контролирует порядка 82–85% голосов [14]. Более того, согласно раскрытым документам, отстранение Маска с поста в совете директоров возможно только голосованием держателей акций класса B – то есть, по существу, только его собственным голосованием [15]. Деловые СМИ прямо охарактеризовали предстоящее размещение как «референдум о доверии к Илону Маску»: целевая оценка компании предполагала мультипликатор цена/прибыль на уровне около 100, значительно превышающий сопоставимые показатели отрасли [18].

Последующая динамика котировок подтвердила, что рынок принял эту структуру, но не избавил компанию от волатильности, характерной для любого крупного post-IPO актива. Акции достигли исторического максимума в 225,64 доллара 16 июня 2026 года, после чего последовала выраженная коррекция: к 29 июля 2026 года бумаги закрылись на отметке 112,55 доллара – на 17% ниже цены размещения и примерно на 50% ниже внутридневного максимума, а 3 августа 2026 года был зафиксирован минимум в 104,83 доллара [16]. Среди причин коррекции аналитики называют транш разблокировки инсайдерских пакетов 6 августа 2026 года (позволяющий продать до 20% ограниченных holdings), размытие капитала примерно на 3,4% в результате объявленного 16 июня поглощения компании Cursor за 60 млрд долларов и угасание вынужденного индексного спроса после ускоренного включения в Nasdaq-100 [16]. К концу августа 2026 года акции стабилизировались в диапазоне около 136–140 долларов [17].

Для целей настоящей статьи значим не сам факт волатильности – она типична для любого мегаразмещения, – а то, что даже

полностью прозрачно раскрытая, юридически безупречно оформленная и заранее объявленная концентрация контроля не снимает с компании необходимости постоянно подтверждать инвесторам качество своих решений. Отличие от российских кейсов в том, что рынок SpaceX явно оценил риск концентрации контроля заранее и заложил его в цену, тогда как в ряде российских размещений степень непрозрачности отношений с контролирующим акционером и структуры принятия решений становится очевидна инвесторам только постфактум, по мере ухудшения конъюнктуры.

7. Дополнительный слой риска: структура владения.

Отдельного внимания юридической функции заслуживает то, что происходит на уровне мажоритарного акционера, а не только внутри самой публичной компании. Даже при сильных операционных показателях эмитента структура владения – концентрация контроля, использование сделок репо или иных форм финансирования под залог акций публичной компании, участие мажоритария в разнородных непубличных активах – формирует самостоятельный контур рисков для миноритариев. Такие механизмы юридически допустимы и распространены; кейс SpaceX показывает, что рынок способен принять даже предельную степень концентрации контроля, если она раскрыта заранее и последовательно, – но подобные механизмы требуют повышенной прозрачности раскрытия: рынок закладывает в оценку не только показатели самого эмитента, но и то, насколько предсказуемо будет вести себя контролирующий акционер в кризисной фазе цикла. Для юридической и комплаенс-функции это означает необходимость заранее выстраивать процедуры раскрытия информации о сделках с контролирующими акционерами и о заложенных пакетах – не как формальность для соответствия требованиям биржи, а как часть защиты стоимости компании.

8. Новый слой: искусственный интеллект в принятии решений.

К теме governance сегодня добавился ещё один слой – использование ИИ в принятии решений, причём это уже не гипотетический, а практический вопрос: «Группа Астра», например, в 2026 году приобрела 26% разработчика ИИ «АИБ» и запустила центр «Астра ИИ» для интеграции ИИ-функций в продукты экосистемы [7]. AI ускоряет анализ, автоматизирует рутину, сокращает время на проверки. Но именно здесь возникает новый риск: компания начинает путать скорость с качеством. Если решения становятся слишком автоматизированными, а контроль за их логикой слабый, возникает иллюзия управляемости, тогда как на деле бизнес может стать

более хрупким, чем раньше. Вопрос для совета директоров сегодня звучит не «используем ли мы AI», а «можем ли мы объяснить, проверить и защитить то, как AI влияет на наши решения» – и это структурно та же проверка, что и post-IPO governance в целом: рынок и регулятор не прощают непрозрачность.

9. Governance как защита стоимости.

Корпоративное управление часто воспринимают как формальность для инвесторов, банков и регуляторов. Это ошибка. На практике governance – это инфраструктура, защищающая стоимость компании: она определяет, кто принимает решения, как они проходят через уровни управления, как фиксируются и управляются конфликты интересов, как компания реагирует на внешнее давление. Чем сложнее структура группы – особенно если публичная компания встроена в более широкий периметр активов контролирующего акционера, как это происходит в большинстве рассмотренных российских кейсов, – тем дороже обходится слабая управленческая конструкция. Пример SpaceX показывает и обратную сторону тезиса: даже предельно жёсткая, но прозрачно раскрытая структура контроля может быть принята рынком – при условии, что компания способна убедительно объяснять инвесторам логику своих решений на каждом этапе.

10. Рекомендации для юридической функции.

Компании, готовящейся к IPO или уже работающей как публичный бизнес, недостаточно инвесторов и убедительной equity story. Юридической и комплаенс-функции стоит заранее обеспечить:

− понятную и документированную карту полномочий по ключевым решениям;

− работающий контур взаимодействия совет директоров – менеджмент – акционеры;

− формализованные процедуры одобрения крупных сделок и сделок со связанными сторонами;

− встроенный, а не декларативный risk management, включая стресс-тестирование финансовой модели на изменение налоговой нагрузки, ставки и регуляторной среды;

− раннее, а не постфактум, участие legal и compliance в структурировании решений;

− прозрачные процедуры раскрытия информации о финансировании и обременении пакетов контролирующих акционеров, а при высокой концентрации контроля – заблаговременное и полное раскрытие её условий инвесторам;

− понятную и объяснимую модель применения AI и цифровых инструментов в процессе принятия решений;

− план коммуникации с рынком на случай отклонения фактических результатов от гайденса, данного при размещении.

11. Заключение.

IPO не делает компанию сильнее автоматически – оно лишь быстро показывает, насколько она действительно управляема. Российский рынок IT-IPO 2023–2026 гг. и крупнейшее в истории размещение SpaceX, при всей разнице масштабов и юрисдикций, подтверждают один и тот же тезис: рынок сегодня проверяет не только темпы роста, но и зрелость – умеет ли компания принимать решения без хаоса, объяснять их инвесторам и сохранять дисциплину, когда на неё смотрят особенно внимательно. Капитализация может вырасти быстро, как показала переподписка книги заявок «Астры» в 2023 году или ажиотажный спрос на акции SpaceX в 2026 году. Удерживается она только тогда, когда компания и её структура владения умеют работать предсказуемо, прозрачно и без внутреннего хаоса – а именно эта способность, а не день старта торгов, и есть подлинный результат IPO.

Список литературы

1. IPO 2023 // Смарт-лаб. Финансовый словарь. – URL: https://smart-lab.ru/finansoviy-slovar/IPO-2023 (дата обращения: 25.08.2026).

2. IPO Группа Астра // Смарт-лаб. Финансовый словарь. – URL: https://smart-lab.ru/finansoviy-slovar/IPO-Astra (дата обращения: 25.08.2026).

3. Рынок IPO 2024 // ББР Брокер. – URL: https://bbrbroker.ru/journal/exchanges/rynok_ipo_2024/ (дата обращения: 25.08.2026).

4. Рынок акций Группа Астра: обновление целевой цены // Альфа-Банк. – URL: https://alfabank.servicecdn.ru/site-upload/56/8c/9440/ALFA_ASTR_TP_update_17Oct25.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

5. Акции Группы Астра упали на 17% // Альфа Инвестор. – URL: https://alfabank.ru/alfa-investor/t/aktsii-gruppy-astra-upali-na-17-/ (дата обращения: 25.08.2026).

6. Группа Астра (ASTR): котировки и новости // Т-Банк Инвестиции. – URL: https://www.tbank.ru/invest/stocks/ASTR/ (дата обращения: 25.08.2026).

7. Форум по акциям Группа Астра (ASTR) // Т-Банк Пульс. – URL: https://www.tbank.ru/invest/stocks/ASTR/pulse/ (дата обращения: 25.08.2026).

8. Акции большинства ИТ-компаний упали за последний год // ComNews. – URL: https://www.comnews.ru/content/243041/2026–01–13/2026-w03/1007/akcii-bolshinstva-it-kompaniy-upali-za-posledniy-god (дата обращения: 25.08.2026).

9. «Синара»: только треть акций после IPO в 2024–2025 годах выросли в цене // РБК Инвестиции. – URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/6891fb679a794715eb1cdafe (дата обращения: 25.08.2026).

10. Как «убивали» Диасофт: от IPO до вывода миллиардов // Т-Банк Пульс. – URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/RustTradeInvest/703248cb-36cc-402a-bb8a-fef83f309cdc/ (дата обращения: 25.08.2026).

11. SpaceX подала заявку на первичное размещение акций // Fontanka.ru. – URL: https://www.fontanka.ru/2026/05/20/76431749/ (дата обращения: 25.08.2026).

12. Все, что нужно знать про IPO SpaceX // Хабр. – URL: https://habr.com/ru/articles/1046590/ (дата обращения: 25.08.2026).

13. SpaceX готовится к проведению крупнейшего IPO в истории // RB.ru. – URL: https://rb.ru/news/spacex-gotovitsya-k-provedeniyu-krupnejshego-ipo-v-istorii-kompaniya-ilona-maska-planiruet-privlech-75-mlrd/ (дата обращения: 25.08.2026).

14. IPO компании SpaceX: хорошая попытка, но нет // Хабр. – URL: https://habr.com/ru/articles/1038834/ (дата обращения: 25.08.2026).

15. Илон Маск сохранит контроль над SpaceX после IPO благодаря уникальной структуре акций // InvestFuture. – URL: https://investfuture.ru/articles/ilon-mask-sokhranit-kontrol-nad-space-x-posle-ipo-blagodarya-unikalnoy-strukture-aktsiy-1179074419 (дата обращения: 25.08.2026).

16. Цена акций SpaceX: почему SPCX торгуется ниже цены IPO в $135 // WEEX. – URL: https://www.weex.com/ru/learn/articles/spacex-stock-price-why-spcx-trades-below-its-135-ipo-and-which-price-youre-actually-seeing-z8218gb3rt6igrzb3qshnv25 (дата обращения: 25.08.2026).

17. Акции SpaceX: дата IPO, цена акций и новости // Investing.com. – URL: https://ru.investing.com/equities/spacex (дата обращения: 25.08.2026).

18. Эксперты назвали предстоящее IPO SpaceX референдумом о доверии к Илону Маску // Mail.ru Финансы. – URL: https://finance.mail.ru/article/ekspertyi-nazvali-predstoyaschee-ipo-spacex-referendumom-o-doverii-k-ilonu-masku-69212775/ (дата обращения: 25.08.2026).

Ерина Татьяна Валерьевна
канд. экон. наук, преподаватель
Нагуманова Регина Вильдановна
канд. экон. наук, преподаватель
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

DOI 10.31483/r-169037

ОТРАЖЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В ОТЧЕТНОСТИ РОССИЙСКИХ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация: *в статье анализируются проблемы бухгалтерского учёта и отражения в отчётности цифровой валюты и цифровых финансовых активов в Российской Федерации после их легализации Федеральным законом от 31.07.2020 №259-ФЗ. Отмечается, что отсутствие отечественных стандартов учёта цифровой валюты приводит к тому, что компании самостоятельно принимают решения об оценке и классификации активов, что делает невозможным сравнение доходности инструментов и ухудшает качественные характеристики отчётности. На основе анализа отчётности крупнейших российских майнинговых компаний выявлены системные нарушения. Обоснована необходимость законодательных механизмов по контролю за качеством отчётности майнинговых компаний, аналогичных Реестру лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, бухгалтерский учёт, майнинг, отчётность, обязательный аудит.*

Рождение новых объектов бухгалтерского учета – цифровой валюты и цифровых финансовых активов, а также их легализация в правовом поле Российской Федерации с 2020 года согласно Федеральному закону от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» вызывает к жизни необходимость отражения информации о данных активах в отчетности. Так как механизм отражения цифровой валюты не находит отражение в отечественных стандартах, это приводит к тому, что каждая компания самостоятельно принимает решение о том, как ей отразить данный актив в отчетности, в составе каких объектов учета, какую оценку применить и как раскрыть существенные факты об операциях с цифровой валютой, включая механизм майнинга. Это приводит к

отсутствию возможности сравнения доходности данных инструментов и ухудшению качественных характеристик отчётности организаций – держателей цифровой валюты. Печальным фактом является также иной раз полное игнорирование требований действующего законодательства, не то чтобы в части идентификации и представления цифровой валюты в отчетности, а и в отношении требований к раскрытию отчетной информации в целом.

Анализ отчетности крупнейших отечественных майнеров приводит к печальному мнению о качестве отчетности и отчетной информации в целом. К примеру, BitRiver, ООО «Битривер Рус», последняя отчетность раскрыта на ГИРБО только за 2024 год, пояснения в текстовой форме не представлены. Аудиторское заключение отсутствует. При этом, критерии проведения обязательного аудита согласно Федеральному закону «Об аудиторской деятельности» №307-ФЗ выполняются в полном объеме. При этом по итогам 2024 года ООО «Битривер Рус» являлось лидером российского майнингового рынка, однако уже в 1 квартале 2026 года компания находится в конкурсном производстве. История печального банкротства подтверждает недостоверность бухгалтерской финансовой отчетности общества, так как требования кредиторов не смогли быть удовлетворены присутствующими активами. Информация в СМИ гласит, что в компании не нашлось активов для удовлетворения требований кредиторов, по факту их наличие на балансе общества не подтвердилось. Все это следствие неотражения событий после отчетной даты, выразившееся как в падении курса цифровой валюты, так и введения регионального запрета на промышленный майнинг на территории Сибири и Бурятии.

Intelion, АО «Интелион Дата», пояснения за 2025 год представлены не в полной мере, существенные аспекты отчетности не раскрыты, аудиторское заключение отсутствует на ГИРБО, несмотря на соблюдение критериев обязательного аудита.

ООО «Проммайнер» – практически единственная организация, которая применила принципы действующего законодательства в своей отчетности, а также разместила аудиторское заключение на ГИРБО. Если посмотреть их практические аспекты признания цифровой валюты в учете и отчетности, то мы можем видеть полное игнорирование требований Комитета по интерпретациям. Цифровая валюта в ООО «Проммайнер» учитывается в составе запасов и отражается в отчетности по стоимости приобретения, обесценение цифровой валюты не отражается. Как видим, требование об оценке по справедливой стоимости игнорируется руководством ООО

«Проммайнер» и аудитор не делает никаких замечаний по данному поводу. При этом, если проанализировать динамику курса цифровых валют на бирже, то на конец 2025 года наблюдается существенное падение курса BTC по отношению к началу года. Учитывая высокую волатильность актива, крайне важным является раскрытие информации в отчетности и по динамике курса после 31.12.2025 до даты публикации отчетности. Ничего этого мы не наблюдаем в пояснениях, что не может не ухудшать важнейшие качественные характеристики представленной отчетности. При этом в качестве причин уменьшения прибыли в 4 раза как раз сам Проммайнер и указывает волатильность цифровой валюты, падение спроса на нее и падение спроса на оборудование для майнинга.

Sibmain, ООО «Сибмайн К», также не представило отчетность, содержащую раскрытие существенных аспектов в нужном объеме. Положения учетной политики не раскрыты совсем. Поэтому сделать вывод о том, в какой оценке отражена цифровая валюта, а также по какой статье отчетности, не представляется возможным. Аудиторское заключение не представлено. Хотя компания подлежит обязательному аудиту в соответствии с российским законодательством.

R7miner, ООО «Райт Групп». Отчетность также в полной мере не соответствует действующему законодательству, раскрытие существенных аспектов учетной политики отсутствует. Аудиторское заключение, несмотря на необходимость обязательного аудита, отсутствует. Сделать вывод об оценке цифровой валюты и ее динамике не представляется возможным.

ООО «Стелла», при выручке больше двух миллиардов рублей раскрытие существенных аспектов учетной политики отсутствует. Информации об оценке цифровой валюты не представлено. Аудиторское заключение, хотя компания обязательному аудиту подлежит, отсутствует.

Майнинг Кластер, ООО «Интегратор», представил отчетность без отчета об изменении капитала и отчета о движении денежных средств. Аудиторское заключение отсутствует, при этом критерии обязательного аудита выполняются, в пояснениях не раскрыты существенные аспекты по ряду объектов бухгалтерского учета.

CryptoReactor, ООО «БДЦ», второе из юридических лиц в рейтинге крупнейших майнинговых компаний, которое выполнило требование по проведению обязательного аудита. Аудиторское заключение размещено на сайте ГИРБО. Однако и тут раскрытие существенных аспектов не произведено, текстовые пояснения на ГИРБО отсутствуют, соответственно, сделать вывод о том, в какой

оценке представлена в отчетности цифровая валюта и отражено ли ее обесценение, не представляется возможным.

GIS Mining, ООО «Гис», аналогично всем предыдущим также не представил и не раскрыл существенные аспекты отчетной информации. Пояснения только в табличной форме, положения учетной политики не раскрыты.

BitCluster, ООО «Гигаватт», замыкает рейтинг ведущих майнинговых компаний России по версии сайта rbc.ru, компания также не раскрыла в своей отчетности существенные аспекты информации.

Как видим, ситуация складывается неутешительная. Крупнейшие фигуранты на рынке майнинга, выручка некоторых исчисляется миллионами рублей, не выполняют требования российского законодательства по минимальному раскрытию существенной информации в бухгалтерской финансовой отчетности. При этом Дмитрий Безделов, директор Ассоциации промышленного майнинга, заявляет, что Россия занимает второе место в мире по объему майнинга и первое по темпам роста. Данное заявление подтверждает обзор, сделанный в 1 квартале 2026 года Альфа-банком со ссылкой на агенство Precedence Research. Банкротство компании BitRiver является первой ласточкой, информирующей инвесторов и других информационных пользователей о недостоверности отчетности крупнейших игроков одной из самых перспективно развивающихся и востребованных отраслей страны. Компании игнорируют требования о проведении обязательного аудита. Необходимы законодательные механизмы, аналогичные введению Реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Реестр операторов майнинговой инфраструктуры, осуществляемые ФНС России, для обеспечения представления качественной финансовой информации заинтересованным пользователям.

Список литературы

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №259-ФЗ от 31.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №31 (ч. I). – Ст. 5018.

2. Давыдов-Громадин Д. Рейтинг российских майнинговых компаний 2025 года по выручке и мощности / Д. Давыдов-Громадин // РБК Крипто. – URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/682ca63c9a79479a239883d8 (дата обращения: 25.08.2026).

3. Обзор рынка операторов майнинговой инфраструктуры в 2026 году: эволюция через диверсификацию // Альфа-Банк. – 2026. – URL: https://alfabank.st/marketing/bc/36/marketing/Obzor_rynka_omi_26.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

Келеменян Альберт Грантович
студент

Научный руководитель
Маркарян Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, доцент

Сочинский филиал
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»
г. Сочи, Краснодарский край

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СТАРТАПОВ В РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматривается эффективность государственной поддержки технологических стартапов в России в контексте перехода к инновационной модели экономики. Статья подчеркивает важность анализа основных инструментов стимулирования – субсидии, гранты, льготное налогообложение и инфраструктурные программы, которые действуют определенным образом: работать эффективнее, покупать больше, проявлять инициативу. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что существующая система поддержки создает благоприятные условия для начального этапа развития проектов, однако сталкивается с проблемами бюрократизации, низкой вовлеченности частного капитала и слабой связью с реальной отраслью.*

Ключевые слова: *инновационная экономика, технологические стартапы, государственная поддержка, эффективность, гранты, субсидии, стимулирование, фискальные стимулы, бюрократизация, инфраструктурные программы, венчурное финансирование, кластер, капитал.*

В современных условиях переход к инновационной модели экономики становится необходимым условием для сохранения конкурентоспособности страны. Стартап является не просто новой компанией, а особой организацией, где есть временная структура, которую создают, чтобы проверить и отработать какую-либо инновационную идею (новый продукт, технологию). Тем не менее Россия

столкнулась с некоторыми технологическими ограничениями и необходимостью в импортозамещении, за счет чего большая часть внимания идет на развитие собственных технологических стартапов. Так государство активно внедряет различные меры поддержки: от грантов до создания технопарков и особых экономических зон. Актуальность темы обусловлена тем, что технологический суверенитет страны и ее место в экономике зависит от того, насколько будут успешными стартапы.

В целом финансирование технологических стартапов сегодня рассматривается как один из важных моментов в государственной политики, именно в области устойчивого технологического развития [1, с. 41–42]. Так без целенаправленной государственной помощи молодые прогрессивные компании просто не могут пройти тяжелый период в развитии компании, то есть это период, когда частные инвесторы ещё не готовы вкладываться, а собственных средств уже недостаточно. При этом внешние санкционные ограничения существенно изменили структуру венчурного рынка: уход зарубежных фондов и усложнение трансграничных расчетов вынуждают искать новые формы привлечения капитала, где государственные гарантии становятся критическим элементом устойчивости [5, с. 78–80].

Основные инструменты поддержки можно разделить на несколько групп. Во-первых, это прямое финансирование – субсидии фонда содействия инновациям (программы «Старт», «Коммерциализация»), а также гранты Российского научного фонда. Во-вторых, инфраструктурные меры – создание технопарков, кластеров, которые предоставляют стартапам не только помещения, но и доступ к оборудованию, экспертизе и потенциальным заказчикам. В-третьих, фискальные стимулы – налоговые льготы для инновационных компаний, освобождение от уплаты страховых взносов, пониженные ставки по налогу на прибыль для резидентов и других территорий инновационного развития.

Государственная поддержка должна быть выстраиванием целостной экосистемы, где каждый инструмент работает на определённой стадии жизненного цикла стартапа [2, с. 8–9]. Они выделяют три ключевых этапа: посевной (pre-seed), начальный (seed) и стадия роста. На каждом из них требуются разные механизмы – если субсидии на посевной Фонд содействия инновациям ушли в центральные регионы [4].

Во-первых, необходимо упрощение процедур – когда стартап может получить сразу пакет услуг (грант, консультации, доступ к

инфраструктуре) без необходимости заполнять десятки разных форм. Также есть идея внедрить цифровые платформы, автоматизирующие процесс подачи и проверки заявок [4].

Во-вторых, важно стимулирование частных инвестиций через налоговые льготы для бизнес-ангелов, механизмы соинвестирования и государственные гарантии по венчурным кредитам, когда компания берёт деньги в долг, но при этом у кредитора есть дополнительный инструмент. Поэтому есть идея создать такую инвестиционную структуру, которая разделяет риски между государством и частными инвесторами, так зонтичный фонд может быть хорошим примером для такой системы [1, с. 46–47]. В условиях ограничений особую ценность приобретают инструменты, позволяющие заместить ушедший иностранный капитал внутренними ресурсами [5, с. 81–82].

В-третьих, необходима интеграция стартапов в цепочки крупных корпораций. Здесь может помочь механизм корпоративных акселераторов, то есть продуманный процесс, с помощью которого крупные компании смогут ускорить развитие иновационных проектов и программ, так крупные компании формулируют технологические вызовы, а стартапы предлагают решения. Это решит проблему отсутствия рыночного спроса.

В-четвёртых, следует развивать региональные инновационные кластеры, создавая в каждом федеральном округе центры знаний, адаптированные к специфике местной экономики. Так на примере биотехнологий показывают, что региональные центры могут быть весьма эффективны, если учесть местную сырьевую и производственную базу [3]. Однако для этого требуется не только инфраструктура, но и настройка системы трансфера технологий между университетами и малыми инновационными предприятиями, что пока остается слабым звеном [4].

Подводя итоги, можно сказать, что государственная поддержка технологических стартапов в России действительно создаёт базовые условия для развития инноваций. Гранты и инфраструктурные программы помогают пройти начальные этапы, а льготное налогообложение снижает нагрузку на молодые компании. Однако говорить о высокой эффективности пока рано. Основные проблемы – это недостаток частного капитала, слабая связь с промышленностью и региональная неравномерность, за счет этих проблем серьёзно снижают отдачу от бюджетных вложений. Адаптация венчурного рынка к новым условиям происходит медленно, и многие

стартапы застревают на стадии прототипа, не получая постгрантового сопровождения [5, с. 83].

Для повышения эффективности необходимо не просто увеличивать объёмы финансирования, а менять логику поддержки: от «раздачи денег» к построению целостной экосистемы, где каждый инструмент работает в связке с другими. Особое внимание следует уделить после завершения грантовой поддержки, сопровождению и созданию взаимопонимания между стартапами и крупными заказчиками. Только тогда инновационная экономика станет не лозунгом, а реальностью.

Таким образом, можно прийти к выводу, что эффективность господдержки определяется не размером финансирования, а качеством институциональной среды, гибкостью инструментов и наличие сопровождения на всех этапах жизненного цикла стартапа.

Список литературы

1. Зайцев М.С. Финансирование технологических стартапов как приоритет государственной политики в области устойчивого технологического развития Российской Федерации / М.С. Зайцев, О.И. Костина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2026. – №4. – С. 40–48. DOI 10.17513/vaael.4503. EDN XTSWLO

2. Халимендик В.Б. Государственная поддержка для ускоренного развития технологических компаний / В.Б. Халимендик, О.В. Сагинова // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. №8. – С. 5619–5634. DOI 10.18334/epp.15.8.123608. EDN RLRYKE

3. Зевелёва Е.А. Оценка роли государственных программ поддержки в развитии стартапов и инновационных проектов в сфере биотехнологий / Е.А. Зевелёва, К.А. Кокунов, М.П. Харченко // Теории и проблемы политических исследований. – 2025. – Т. 14. №8А. – С. 104–116. – URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2025–8/a10-zeveleva.pdf (дата обращения: 28.08.2026). DOI 10.34670/AR.2025.58.98.010. EDN DSQPDU

4. Бурак П.И. Механизмы поддержки технологического предпринимательства в России на национальном и региональном уровнях: цели формирования и итоги первого года применения / П.И. Бурак, В.В. Печурчик // Вестник РАЕН. – 2024. – Т. 24. №4. – С. 61–68. DOI 10.52531/1682-1696-2024-24-4-61-68. EDN ROHUCP

5. Власенко К.А. Адаптация венчурного рынка России к санкционным ограничениям / К.А. Власенко, С.А. Полякова // Региональная и отраслевая экономика. – 2026. – №4. – С. 75–83. DOI 10.47576/2949-1916.2026.4.4.010. EDN YVNNGK

Кукарцева Светлана Владиславовна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Соловьева Татьяна Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край
Прудкий Александр Сергеевич
канд. пед. наук, и.о. заведующего кафедрой, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

Научный руководитель
Вахрушева Инна Алексеевна
канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ IIOT-СИСТЕМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: *в статье рассмотрен метод структурно-функционального проектирования интеллектуальных систем промышленного интернета вещей, основанный на поэтапной декомпозиции объекта и рациональном распределении вычислительных ресурсов между Edge и Cloud уровнями. Пятислойная архитектурная модель интегрирует сенсоры, коммуникации, распределённые узлы, ML-модули и прикладные сервисы; критерий $L = \alpha T + \beta C_r$ формализует баланс отклика и ресурсоёмкости. Обосновано значение метода для экономики цифровизации: масштабируемость, модульность, ресурсная эффективность как условия устойчивого развития.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, IIoT, структурно-функциональное проектирование, Edge-вычисления, устойчивое развитие, ресурсоэффективность.*

Введение. Цифровая трансформация промышленности требует системных подходов к проектированию распределённых интеллектуальных архитектур, однако формализованные методы синтеза остаются недостаточно разработанными. Функциональное моделирование бизнес-процессов формирует основу проектирования информационных систем предприятия, а архитектуры цифровых платформ мониторинга с облачными и интеллектуальными технологиями образуют инфраструктуру сбора и анализа данных.

1. *Методика проектирования.* Интеллектуальная IIoT-система формализована как $S = \langle D, N, E, C, M, U \rangle$; каждому потоку f_i назначается обработка $\varphi: F \rightarrow P$ (фильтрация, агрегация, детекция аномалий, классификация, прогноз). Распределение задач минимизирует композитный показатель $L = \alpha T + \beta C_r$ при ограничениях задержки и ресурсов. Нейросетевые алгоритмы успешно применяются для прогнозирования параметров сложных систем, ансамблевые методы обеспечивают устойчивое моделирование рисков, а принципы адаптивного управления производительностью транзакционных БД коррелируют с контуром адаптации архитектуры.

2. *Пятислойная архитектура.* Модель включает сенсорный, коммуникационный, Edge, Cloud и прикладной уровни; ML-модули встраиваются на этапе проектирования, а не как внешний компонент. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов обосновывает выбор интеллектуальной аналитики; рекуррентные сети определяют требования к прогнозированию тепловых и нагрузочных процессов; конфиденциальность телеметрии обеспечивается принципами федеративного обучения. Потоки оптической диагностики дефектов и данные компьютерного зрения для диагностики деформаций относятся к приоритетным потокам Edge-уровня.

Таблица 1

Распределение функций по архитектурным слоям

Слой	Функции	Задержка
Sensing	Генерация данных	-
Communication	Передача, агрегация	единицы мс
Edge	Предобработка, инференс	< 50 мс
Cloud	Обучение моделей, хранение	секунды-минуты
Application	Визуализация, поддержка решений	минуты

3. *Экономические эффекты.* Модульность и масштабируемость снижают совокупную стоимость владения; проектирование модулей информационных систем выступает фактором повышения качества сервисных услуг предприятия. Ресурсоосознанное распределение вычислений поддерживает повестку устойчивого развития: энергоэффективность ЦОД, отложенные инфраструктурные инвестиции, прозрачность политик управления.

Заключение. Метод структурно-функционального проектирования формирует методологическую основу интеллектуальных, ресурсоосознанных и масштабируемых IIoT-систем – инфраструктурного условия устойчивого развития цифровой экономики.

Список литературы

1. Функциональное моделирование бизнес-процессов как основа проектирования информационных систем предприятия / М.В. Журавлев, Б.В. Потапов, С.В. Пчелинцева, Д.И. Тудаков // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 февраля 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 163–167. EDN LVNZDY

2. Архитектура цифровых платформ экологического мониторинга горнопромышленных регионов с использованием облачных и интеллектуальных технологий / Б.В. Потапов, М.В. Журавлев, А.А. Ступина, С.В. Пчелинцева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 113–118. EDN MXAZUV

3. Использование нейросетевых алгоритмов для прогноза коллекторских свойств нефтегазоносных пород по геофизическим данным скважин / В.В. Кукарцев, Б.В. Потапов, С.В. Пчелинцева, М.В. Журавлев // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 256–267. DOI 10.46698/VNC.2026.90.55.001. EDN KEEVXM

4. Интеллектуальные модели анализа геоэкологических рисков горнопромышленных территорий на основе ансамблевых методов машинного обучения / Б.В. Потапов, М.В. Журавлев, А.А. Ступина, Л.А. Казаковцев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 108–112. EDN SJGJHI

5. Tudakov D.I. Adaptive Performance Management of Transactional Databases in Automated Process Control Systems Based on Probabilistic Fragmentation Prediction / D.I. Tudakov, B.V. Potapov, S.V. Pchelintseva // 2026 International Conference on Industrial Engineering, Applications and Manufacturing (ICIEAM). – IEEE, 2026. – P. 1178–1182.

6. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования геоэкологических показателей горнодобывающих объектов / А.А. Ступина, Б.В. Потапов, М.В. Журавлев, С.В. Пчелинцева // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 125–130. EDN ITXOMF

7. Прогнозирование тепловых процессов в подземных горных сооружениях с использованием рекуррентных нейронных сетей / М.В. Журавлев, Б.В. Потапов, С.В. Пчелинцева, В.В. Кукарцев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №3. – С. 205–211. EDN LZFRCG

8. Stepantsevich M.N. Federated Learning for Privacy-Preserving Energy Consumption Prediction in Smart Buildings / M.N. Stepantsevich, B.V. Potapov // 2026 International Conference on Artificial Intelligence and Smart Energy (AISEI). – IEEE, 2026. – P. 1182–1187.

9. Shcherban P.S. Detection of defects in steel oil and gas operating pipelines using a neural network, based on the results of optical diagnostics / P.S. Shcherban, B.V. Potapov, A.N. Karagadyan // Research on Engineering Structures and Materials. – 2025. – P. 3051–3068.

10. Пчелинцева С.В. Применение методов компьютерного зрения для автоматизированной диагностики деформаций и разрушений горных выработок / С.В. Пчелинцева, М.В. Журавлев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 359–364. EDN KOUAZF

11. Проектирование модуля информационной системы как фактор повышения качества сервисных услуг предприятия / Л.В. Красовская, Б.В. Потапов, С.В. Пчелинцева, М.В. Журавлев // Право, экономика и управление: теория и практика. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 191–194. EDN CHXXVN

12. Kukartseva S.V. Method of Structural-Functional Design of Intelligent Industrial IoT Systems / S.V. Kukartseva, A.V. Marchenko, T.I. Mariupolskiy // 2026 International Conference on Smart Industry and Digitalization (SmartIndustryCon). – IEEE, 2026. – P. 1240–1244.

13. Интеграция геоинформационных систем и алгоритмов искусственного интеллекта для мониторинга геотехнической устойчивости объектов горной инфраструктуры / Л.А. Казаковцев, А.С. Прудкий, И.А. Вахрушева, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 354–359. EDN EGFSPA

14. Интерпретируемые модели машинного обучения в задачах оценки экологической и промышленной безопасности горнодобывающих предприятий / Л.А. Казаковцев, А.С. Прудкий, И.А. Вахрушева, А.Н. Лосев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 169–174. EDN GNIXFD

Махов Михаил Викторович
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В МАЛОМ И СРЕДНЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается значение риск-менеджмента для малого и среднего предпринимательства в условиях экономической неопределённости. Актуальность темы обусловлена высокой чувствительностью малого и среднего бизнеса к изменению спроса, росту издержек, снижению доступности кредитования, кадровым проблемам и цифровым угрозам. Особое внимание уделяется тому, что риск-менеджмент для субъектов МСП должен быть практическим инструментом сохранения устойчивости бизнеса, а не формальной процедурой. Сделан вывод о необходимости регулярной оценки финансовых, рыночных, производственных, кадровых и цифровых рисков.*

Ключевые слова: *малое и среднее предпринимательство, риск-менеджмент, предпринимательский риск, экономическая неопределённость, финансовая устойчивость, кредитование, экономическая безопасность, устойчивость бизнеса.*

Малое и среднее предпринимательство – это основа будущего Российской экономики. Однако именно субъекты МСП особенно чувствительны к экономической неопределённости. В отличие от крупных компаний, они имеют ограниченные финансовые резервы, зависят от небольшого числа клиентов и поставщиков, быстрее сталкиваются с последствиями роста издержек, снижения спроса и изменения условий кредитования. Поэтому риск-менеджмент для малого и среднего бизнеса является не дополнительной управленческой функцией, а необходимым условием устойчивости.

В современных условиях предпринимательская деятельность связана с воздействием различных факторов риска. Наиболее значимыми среди них являются финансовые, рыночные, производственные, кадровые, правовые и цифровые риски. Для малого предприятия даже один серьёзный риск может привести к кассовому

разрыву или прекращению деятельности. В связи с этим риск-менеджмент должен быть направлен на выявление угроз и на подготовку конкретных управленческих решений.

В аналитическом обзоре Банка России по итогам 2024 года отмечается, что с июня 2024 года тенденция к снижению деловой активности малого бизнеса усилилась, а в декабре индекс Опоры RSBI на фоне снижения спроса на кредиты и роста проблем со сбытом сократился до минимальных в году 52,7 пункта [2, с. 24]. В том же обзоре указывается, что компонента «Кредиты», отражающая оценку субъектами МСП доступности кредитов, снижалась в последнем квартале 2024 года и достигла в декабре минимального за год значения 58 пунктов [2, с. 24]. Эти данные показывают, что предпринимательские риски во многом зависят от общего состояния финансовой среды.

Финансовый риск проявляется в нехватке оборотных средств, росте долговой нагрузки, кассовых разрывах, повышении стоимости заёмного капитала и задержках платежей со стороны клиентов. Банк России отмечает, что в 2024 году темп прироста кредитного портфеля субъектов МСП снижался по мере ужесточения денежно-кредитной политики, а задолженность по кредитам субъектов МСП на 01.01.2025 составила 14,5 трлн руб., увеличившись за год на 16,6%, тогда как годом ранее прирост составлял 29,4% [2, с. 5]. Это означает, что предпринимателям необходимо осторожнее подходить к долговому финансированию и заранее оценивать способность бизнеса обслуживать обязательства при изменении выручки и себестоимости.

Рыночные риски связаны с изменением спроса, усилением конкуренции, потерей клиентов и ростом цен у поставщиков. Малый бизнес часто работает на локальных рынках и зависит от поведения ограниченной группы потребителей. Если предприятие имеет одного крупного клиента или один основной канал продаж, его устойчивость снижается. Поэтому предпринимателю важно регулярно оценивать структуру выручки, анализировать спрос и не допускать чрезмерной зависимости от одного источника дохода.

Производственные и снабженческие риски проявляются в нарушении поставок, росте транспортных расходов, задержках сырья, изменении условий оплаты и зависимости от отдельных поставщиков. Для малого предприятия подобные обстоятельства особенно опасны, поскольку оно не всегда может быстро заменить поставщика или компенсировать рост себестоимости. Риск-менеджмент в

этой сфере должен включать анализ критически важных ресурсов, поиск альтернативных контрагентов и контроль наиболее чувствительных расходов.

Кадровые риски также имеют большое значение для субъектов МСП. В небольшой компании один сотрудник может выполнять несколько функций, поэтому уход важного работника или нехватка квалифицированных кадров способны нарушить работу бизнеса.

В современных условиях возрастает роль цифровых и информационных рисков. Малые и средние предприятия используют онлайн-продажи, электронный документооборот, банковские приложения, маркетплейсы, CRM-системы и облачные сервисы. Цифровизация повышает эффективность бизнеса, но одновременно усиливает зависимость от информационных систем. Потеря доступа к аккаунтам, сбой платёжной системы, утечка клиентских данных или мошеннические действия могут привести к финансовым потерям и ухудшению репутации. В документе Банка России по развитию информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на 2023–2025 годы среди ключевых вызовов выделяются операционная надёжность, защита информации, технологическая зависимость от внешних контрагентов и повышение доверия к финансовым услугам [5, с. 5].

Банк России указывает, что кредитование является одним из распространённых инструментов привлечения финансирования субъектами МСП, а также выделяет микрофинансирование и гарантийную систему как механизмы облегчения доступа к финансированию [4]. Кроме того, Корпорация МСП сообщает, что в 2024 году малый и средний бизнес привлёк 470 млрд руб. при помощи «зонтичных» поручительств, а финансовую поддержку получили более 38 тыс. предпринимателей [6]. Такие инструменты не устраняют риски полностью, но помогают снизить проблему недостатка обеспечения и ограниченного доступа к кредитным ресурсам.

Серьёзной проблемой остаётся то, что многие предприниматели начинают заниматься рисками только после возникновения кризисной ситуации. Такой подход снижает эффективность управления, поскольку часть потерь уже становится неизбежной. Более рациональной является профилактическая модель, при которой предприниматель заранее оценивает возможные угрозы и готовит варианты действий. Для многих субъектов МСП достаточно регулярно контролировать денежные потоки, задолженность, структуру клиентов и поставщиков, договорные обязательства и цифровую безопасность.

Значение риск-менеджмента возрастает. Малый и средний бизнес не может полностью исключить риски, но способен сделать их более управляемыми.

В заключение следует отметить, что предпринимательство по своей природе связано с риском, поскольку любое деловое решение принимается в условиях неполной информации. Однако риск становится особенно опасным тогда, когда предприниматель не осознаёт его масштаба и не готовит меры реагирования. Эффективный риск-менеджмент позволяет субъектам МСП сохранять финансовую устойчивость, адаптироваться к изменениям внешней среды и принимать более взвешенные управленческие решения.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 31073–2024. Менеджмент риска. Словарь. – М.: Российский институт стандартизации, 2024. – 16 с.

2. Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства по итогам 2024 года // Банк России. – М., 2025. – 26 с.

3. Обзор финансовой стабильности. №2(25). II-III кварталы 2024 года // Банк России. – М., 2024. – 87 с.

4. Поддержка малого и среднего бизнеса, льготы для МСП, кредитование // Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/develop/msp/ (дата обращения: 22.08.2026).

5. Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2023–2025 годов // Банк России. – М., 2023. – 23 с.

6. Малый и средний бизнес в 2024 году привлек 470 млрд рублей при помощи «зонтичных» поручительств Корпорации МСП // Корпорация МСП. – URL: https://corpmsp.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/malyy-i-sredniy-biznes-v-2024-godu-privlek-470-mlrd-rubley-pri-pomoshchi-zontichnykh-poruchitelstv-k/ (дата обращения: 22.08.2026).

Милая Александра Витальевна
канд. экон. наук, доцент
Кузнецова Александра Константиновна
студентка

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
г. Хабаровск, Хабаровский край

DOI 10.31483/r-169043

ЛИДЕРСТВО, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ ИНКЛЮЗИИ, И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КОМАНДНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Аннотация: *в статье рассматривается инклюзивное лидерство как управленческая практика, направленная на создание условий для полной реализации потенциала каждого члена команды через признание его уникальности и обеспечение психологической безопасности. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований обосновывается роль инклюзивного стиля управления в повышении инновационной активности, укреплении аффективной приверженности сотрудников и снижении риска группового мышления. Также выявлены ключевые модели поведения инклюзивного лидера, оказывающие непосредственное влияние на командную эффективность и предложены практические рекомендации по развитию инклюзивных компетенций у руководителей.*

Ключевые слова: *лидерство, инклюзивное лидерство, человеческий потенциал, психологическая безопасность, вовлеченность, управление персоналом, команда, командная эффективность, организационное поведение.*

Современный бизнес все чаще сталкивается с вызовами, требующими нестандартных решений и способности быстро адаптироваться к меняющимся условиям. В этой связи растет интерес к разнообразию внутри команд: компании стремятся привлекать людей с разным опытом, культурным бэкграундом и типом мышления. Однако, как показывает практика, простое наличие «разных» людей в коллективе само по себе не гарантирует успеха. Более того, при неумелом управлении разнообразие может обернуться ростом напряженности, дроблением на подгруппы и снижением общей производительности [1].

Ключевым звеном, превращающим разнообразие из потенциального риска в источник силы, выступает лидер. В организационной психологии последних лет все большее распространение получает концепция инклюзивного лидерства, которая описывает способность руководителя создавать среду, где каждый сотрудник чувствует свою принадлежность к общему делу, сохраняя при этом право на собственную уникальность [5].

Под инклюзивным лидерством понимается такой подход руководителя к управлению командой, при котором каждый сотрудник чувствует себя ценным, услышанным и по-настоящему включённым в общее дело. При этом не имеет значения, какого ты происхождения, пола, возраста, взглядов или каких-то других личных особенностей – такой лидер старается создать среду, где все могут раскрыть свой потенциал. Анализ термина «инклюзивное лидерство», дает нам понимание, что в отличие от традиционных стилей управления, где фокус смещен либо на контроль и директивность, либо на полное делегирование, инклюзивное лидерство строится на трех основных принципах: открытости, доступности и гибкости. Открытость подразумевает готовность лидера рассматривать идеи, которые расходятся с его собственными убеждениями. Доступность – это способность быть на связи с командой, проявлять эмпатию и интерес к проблемам сотрудников. Гибкость же позволяет лидеру адаптировать свой подход под конкретную ситуацию и индивидуальные особенности членов группы.

Влияние инклюзивного лидерства на результаты команды в целом строится через ряд следующих ключевых механизмов.

1. Психологическая безопасность, т. е. инклюзивные лидеры создают атмосферу, в которой сотрудники не боятся ошибаться, высказывать идеи и идти на риск, это напрямую стимулирует инновации и креативность.

2. Вовлеченность, т. е. сотрудники под руководством инклюзивных лидеров более вовлечены в работу и лояльны компании.

3. Устойчивость команды, т. е. инклюзивные лидеры помогают команде выдерживать стресс, укрепляя внутренние связи и обеспечивая доступ к общей информации.

4. Обмен знаниями и координация, а именно, инклюзивный климат поощряет сотрудников делиться уникальным опытом, что

улучшает координацию и является сильнейшим фактором роста производительности.

Основной связующий элемент, соединяющий стиль лидерства с высокими результатами – это психологическая безопасность. Термин, введенный Эми Эдмондсон, описывает ситуацию, когда члены команды не боятся выглядеть глупо или получить наказание за ошибку, а значит, готовы предлагать рискованные, но потенциально прорывные идеи. Инклюзивный лидер целенаправленно формирует такую среду, поощряя «вызов» статус-кво и конструктивное обсуждение неудач. Вместо того чтобы искать виноватых, он вместе с командой анализирует причины сбоев, превращая их в точки роста. Это напрямую стимулирует инновационную активность, поскольку сотрудники начинают экспериментировать, не опасаясь репутационных потерь [7].

Вторым важным механизмом является усиление вовлеченности. Когда человек чувствует, что его мнение действительно учитывается, а его уникальные сильные стороны востребованы, у него формируется более глубокая эмоциональная привязанность к организации (аффективная приверженность). Сотрудники начинают воспринимать успехи и неудачи компании как свои собственные, что существенно снижает риск профессионального выгорания и текучести кадров. Исследования подтверждают, что в командах с высоким уровнем инклюзии значительно выше готовность «говорить правду в глаза», то есть открыто высказывать опасения по поводу рисков, что защищает организацию от принятия ошибочных решений из-за группового мышления.

Исследования выделяют шесть ключевых поведенческих черт, которые отличают инклюзивного лидера от просто «хорошего менеджера»: осознанная приверженность инклюзии, смелость признавать собственные ошибки, когнитивная осознанность предубеждений, любопытство к иным точкам зрения, развитый культурный интеллект и умение выстраивать коллаборацию [3]. Примечательно, что акцент на этих качествах становится особенно важным в транснациональных компаниях, где культурный контекст может по-разному влиять на восприятие одних и тех же управленческих действий. Например, исследования показывают, что в восточных культурах ключевым медиатором эффективности инклюзивного

лидера выступает лояльность руководителю, тогда как в западных – ощущение осмысленности самой работы [2].

Говорить о влиянии инклюзивного лидерства только в теоретическом ключе было бы недостаточно. Многочисленные эмпирические исследования, включая масштабные проекты консалтинговой компании Deloitte, демонстрируют связь между инклюзивной культурой и финансовыми показателями. Согласно данным, компании с высоким уровнем инклюзии в управленческих практиках опережают конкурентов по таким показателям, как прибыльность и инновационность, на 30–40% [3; 8]. Примечательно, что эффект усиливается, когда лидеры не просто декларируют ценности, но и демонстрируют их через конкретные действия, например, прозрачные критерии оценки работы, справедливое распределение сложных задач и активное приглашение к диалогу тихих членов команды [8].

Для наглядности обобщим ключевые различия между традиционным и инклюзивным подходом в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ традиционного и инклюзивного лидерства

Критерий сравнения	Традиционное (директивное) лидерство	Инклюзивное лидерство
Отношение к ошибкам	Ошибка – повод для наказания или поиска виновного	Ошибка – источник данных для обучения и развития команды
Принятие решений	Иерархичное, решение спускается «сверху»	Делегирующее, решение рождается в обсуждении с учетом разных мнений
Работа с разнообразием	Разнообразие воспринимается как рисковый фактор (сложнее управлять)	Разнообразие воспринимается как ресурс для синергии и креативности.
Роль лидера	Контролер, диктатор или «спасатель»	Наставник и «садовник», выращивающий таланты
Мотивация команды	Внешняя (KPI, страх наказания)	Внутренняя (интерес, самореализация, принадлежность к сообществу)

Внедрение инклюзивного лидерства требует от руководителей не столько смены инструментов, сколько смены ментальной модели. Начать можно с малого: практика поочередного высказывания на совещаниях (чтобы голос получил каждый), проведение «аудита инклюзии» (опрос о том, насколько сотрудники чувствуют себя в безопасности) и публичное признание собственных ошибок руководителем [3]. Эти простые шаги сигнализируют команде о серьезности намерений.

Инклюзивное лидерство даёт команде не просто «хорошую атмосферу», а измеримые конкурентные преимущества, например, следующие.

1. Психологическую безопасность (главный актив), так сотрудники перестают бояться ошибок, «глупых» вопросов и критики, что позволяет команде обсуждать реальные проблемы, а не замалчивать их, и браться за сложные задачи без парализующего страха.

2. Повышенную вовлечённость и энергию, когда каждый чувствует, что его слышат и ценят, пропадает ощущение «винтика». Люди приходят на работу с интересом, а не с обязанностью. В таких командах всегда выше продуктивность.

3. Более качественные и взвешенные решения, потому что разнообразие мнений (возраст, опыт, культура, стиль мышления) даёт объемное видение, и команда видит риски и возможности, которые однородная группа просто бы упустила, а количество когнитивных искажений снижается.

4. Ускорение инноваций, т.е. инклюзивная среда поощряет нестандартные идеи, потому что сотрудники не боятся предлагать новое, зная, что их не осудят.

5. Снижение текучести и рост лояльности, так как работники остаются там, где их уважают, а для организации это экономия времени и бюджета на постоянный найм и адаптацию новичков, в итоге команда становится стабильной и сплочённой.

6. Улучшенную координацию и обмен знаниями в команде, так как в инклюзивной культуре сотрудники охотно делятся своим уникальным опытом и помогают друг другу, это сокращает время на решение задач и уменьшает количество внутренних конфликтов.

7. Устойчивость к стрессу и изменениям, потому что когда в команде есть доверие, она легче переживает кризисы, реорганизации и внешние шоки, внутренние связи становятся опорой, а не источником напряжения.

Таким образом, можно утверждать, что инклюзивное лидерство выступает не просто этическим трендом, а прагматичным инструментом повышения эффективности в сложном, многополярном мире. Организации, сумевшие взрастить таких лидеров, получают не только более высокую прибыль, но и устойчивость к кризисам за счет умения быстро учиться и адаптироваться.

Список литературы

1. Волосникова Л.М. Лидерство в инклюзивном образовании: современный дискурс / Л.М. Волосникова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2023. – №2. – С. 17–25. DOI 10.36906/2311-4444/23-2/02. EDN XMGCWZ

2. Волосникова Л.М. Позиции лидеров – директоров инклюзивных школ: зарубежный дискурс / Л.М. Волосникова, Л.В. Федина, Ж.Ю. Брук // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15. №1. – С. 22–38. DOI 10.17759/sps.2024150102. EDN LYBEXZ

3. Инклюзивное лидерство: исследования и выводы от Deloitte. – URL: https://vc.ru/hr/484617-inklyuzivnoe-liderstvo-issledovaniya-i-vyvody-ot-deloitte (дата обращения: 02.09.2026).

4. Почебут Л.Г. Организационная социальная психология / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер. – СПб.: Речь, 2016. – 298 с.

5. Сёмочкина Н.Н. Образ инклюзивного лидера в оценках студенческой молодежи / Н.Н. Сёмочкина, М.Я. Руднева // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11- №3. – С. 93–107. DOI 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-6. EDN QQTGYQ

6. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации / С.В. Шекшня. – М.: Интел-Синтез, 2018. – 352 с.

7. Deloitte Global. Disability Inclusion @ Work 2024: A Global Outlook. – URL: https://www.deloitte.com (date of access: 02.09.2026).

Олейникова Олеся Олеговна
студентка
Ступина Алена Александровна
д-р техн. наук, профессор
Потапов Борис Васильевич
д-р техн. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

ГРАФОВЫЕ МОДЕЛИ СТРУКТУРНЫХ ЗАВИСИМОСТЕЙ В ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКАХ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация: *в статье рассмотрено применение графовых нейронных сетей для анализа структурных зависимостей в цифровых двойниках промышленных предприятий. Производственный процесс формализован как ориентированный гетерогенный граф; архитектура Graph Attention Network предсказывает вероятность каскадных отказов. На реальном датасете UCI AI4I 2020 показано преимущество подхода: F1 = 0,891, упреждение 2,4 производственного цикла, снижение ложных срабатываний на 16,3%. Обосновано влияние метода на социально-экономическую эффективность предприятий: сокращение незапланированных простоев, оптимизация ремонтов, устойчивость занятости.*

Ключевые слова: *цифровой двойник, графовые нейронные сети, предиктивное обслуживание, каскадные отказы, эффективность предприятия, устойчивое развитие.*

Введение. Незапланированные простои оборудования остаются одним из ключевых источников экономических потерь и социальной напряжённости на промышленных предприятиях. Традиционный мониторинг оценивает активы изолированно и не улавливает каскадное распространение отказов; сравнительные исследования подтверждают преимущество нейросетевых методов прогнозирования над классическими статистическими подходами на нестационарных данных, нейросетевые алгоритмы успешно применяются

для прогноза характеристик сложных систем по косвенным измерениям, а машинное обучение доказало универсальность предиктивной парадигмы в технической диагностике.

1. *Графовая методология*. Производственная линия формализуется как ориентированный граф: узлы – оборудование и операции, рёбра – материальные, энергетические и управляющие зависимости (рост температуры процесса → износ инструмента → вероятность отказа). Эксперименты выполнены на UCI AI4I 2020 (10 000 циклов, 14 признаков, ~3,3% отказов); использована двухслойная Graph Attention Network с асимметричной передачей сообщений. Управление рисками промышленных территорий целесообразно строить на ансамблевых методах машинного обучения; принципы адаптивного управления производительностью информационных систем АСУ ТП и интеллектуальной обработки сенсорных данных в реальном времени обеспечивают замкнутый контур предиктивного обслуживания.

2. *Результаты.* Сравнение с базовыми методами (табл. 1) подтверждает эффективность графовой модели.

Таблица 1

Сравнение моделей предсказания отказов (UCI AI4I 2020)

Модель	F1	ROC-AUC	Упреждение, циклов	FPR, %
Random Forest	0,712	0,745	1,3	22,1
LSTM	0,758	0,781	1,7	19,4
GCN	0,823	0,847	2,1	15,8
GAT (предлагаемая)	0,891	0,912	2,4	13,1

Анализ карт внимания показал: в 68% случаев критическими являются не сырые параметры, а производные зависимости, что подтверждает гипотезу о скрытых каскадных механизмах. Методы машинного обучения доказали эффективность в автоматизированной классификации аномалий по инструментальным данным; перспективным направлением является обучение с подкреплением для оптимизации управления автоматизированными комплексами; рекуррентные сети эффективны для прогнозирования динамических процессов, а обнаружение аномалий в сенсорных потоках дополняется алгоритмами кластеризации.

3. *Социально-экономическая интерпретация.* Снижение FPR на 16,3% уменьшает ложные остановы и потери выпуска; упреждение 2,4 цикла переводит ремонты из аварийных в плановые, снижая травматизм и стабилизируя занятость. Интерпретируемость внимания обеспечивает прозрачность управленческих решений – фактор доверия персонала к цифровизации и элемент устойчивого развития предприятия.

Заключение. Графовые нейросети обеспечивают топологически осознанную оценку рисков в цифровых двойниках и готовы к интеграции в SCADA/IIoT-платформы, повышая социально-экономическую эффективность предприятий.

Список литературы

1. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования геоэкологических показателей горнодобывающих объектов / А.А. Ступина, М.В. Спринджук, М.В. Журавлев, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 125–130. EDN ITXOMF

2. Использование нейросетевых алгоритмов для прогноза коллекторских свойств нефтегазоносных пород по геофизическим данным скважин / В.В. Кукарцев, Б.В. Потапов, М.Н. Степанцевич, Д.Ю. Евсюков // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 256–267. DOI 10.46698/VNC.2026.90.55.001. EDN KEEVXM

3. Применение методов машинного обучения для прогнозирования прочностных характеристик горных пород / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, А.С. Прудкий, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №2. – С. 406–411. EDN VSQHDC

4. Интеллектуальные модели анализа геоэкологических рисков горнопромышленных территорий на основе ансамблевых методов машинного обучения / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, Т.В. Бирюкова, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 108–112. EDN SJGJHI

5. Tudakov D.I. Adaptive Performance Management of Transactional Databases in Automated Process Control Systems Based on Probabilistic Fragmentation Prediction / D.I. Tudakov, B.V. Potapov, S.V. Pchelintseva // 2026 International Conference on Industrial Engineering, Applications and Manufacturing (ICIEAM). – IEEE, 2026. – P. 1178–1182.

6. Kazakovtsev D.V. Intelligent Sensor Data Processing Methods for Real-Time Control of Mechatronic Manufacturing Systems / D.V. Kazakovtsev, B.V. Potapov // 2026 International Conference on Artificial Intelligence for Sustainable Engineering and Innovation (AISEI). – IEEE, 2026. – P. 1230–1235.

7. Применение методов машинного обучения для автоматизированной классификации магнитных аномалий Северного Кавказа по данным аэрогеофизической съемки / В.С. Тынченко, М.В. Журавлев, С.О. Курашкин, В.Ю. Панченко // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 108–119. DOI 10.46698/VNC.2026.48.42.001. EDN CBGZAI

8. Применение методов обучения с подкреплением для оптимизации управления автоматизированными и роботизированными комплексами в горной промышленности / А.А. Ступина, А.В. Бабкина, М.В. Журавлев, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 368–373. EDN QIFKMR

9. Прогнозирование тепловых процессов в подземных горных сооружениях с использованием рекуррентных нейронных сетей / М.В. Журавлев, О.А. Антамошкин, М.Н. Степанцевич, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №3. – С. 205–211. EDN LZFRCG

10. Обнаружение аномалий в данных промышленных сенсорных систем добычи на основе алгоритмов кластеризации / С.О. Курашкин, Л.В. Красовская, М.В. Журавлев, Т.В. Бирюкова // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 382–388. EDN WMCTCH

11. Stupina A.A. Application of Graph Neural Networks for Structural Dependency Analysis in Industrial Digital Twins Using the UCI AI4I 2020 Predictive Maintenance Dataset / A.A. Stupina, S.V. Kukartseva, M.N. Stepantsevich // 2026 International Conference on Industrial Engineering, Applications and Manufacturing (ICIEAM). – IEEE, 2026. – P. 1155–1159.

12. Интеграция геоинформационных систем и алгоритмов искусственного интеллекта для мониторинга геотехнической устойчивости объектов горной инфраструктуры / Л.А. Казаковцев, А.С. Прудкий, И.А. Вахрушева, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 354–359. EDN EGFSPA

13. Интерпретируемые модели машинного обучения в задачах оценки экологической и промышленной безопасности горнодобывающих предприятий / Л.А. Казаковцев, А.С. Прудкий, И.А. Вахрушева, А.Н. Лосев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 169–174. EDN GNIXFD

Олейникова Олеся Олеговна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Ткаченко Данил Алексеевич
студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Москва
Кораблева Галина Владимировна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Прудкий Александр Сергеевич
канд. пед. наук, и.о. заведующего кафедрой, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

АДАПТИВНЫЙ ЭНЕРГОМЕНЕДЖМЕНТ НА БАЗЕ МОДЕЛЕЙ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация: *в статье обосновывается переход от статических моделей прогнозирования энергопотребления к адаптивным системам потокового машинного обучения с детекцией концептуального дрейфа. Показано, что инкрементальные ансамбли снижают ошибку прогнозирования на 22–34%, обнаруживают смену режимов в среднем за 12,3 наблюдения и обновляются менее чем за 2 мс, что обеспечивает готовность технологии к внедрению на периферийных контроллерах и формирует устойчивый экономический эффект за счёт сглаживания пиковых нагрузок.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, энергоменеджмент, онлайн-обучение, концептуальный дрейф, экономическая эффективность предприятия, ESG.*

Введение. Энергоёмкость остаётся ключевым фактором конкурентоспособности и устойчивого развития предприятия.

Перспективным направлением является построение цифровых платформ мониторинга с использованием облачных и интеллектуальных технологий, при этом сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования свидетельствует о преимуществе последних на нестационарных процессах.

1. *Экономические ограничения статических моделей.* Пиковые мощности формируют 30–50% счетов коммерческого сектора; статические модели, обученные на исторических батчах, теряют точность при деградации оборудования, сдвигах графиков и динамических тарифах. Вопросы конфиденциальности телеметрии решаются посредством федеративного обучения при прогнозировании нагрузки в умных зданиях. Рекуррентные нейронные сети доказали эффективность в прогнозировании тепловых процессов, тесно связанных с энергопотреблением сооружений.

2. *Методология потоковой обработки.* Данные рассматриваются как непрерывный поток: экспоненциальное сглаживание, скользящие статистики, алгоритм Уэлфорда. Нейросетевые алгоритмы успешно применяются для прогнозирования параметров сложных систем по сенсорным данным; ансамблевые методы машинного обучения обеспечивают устойчивое моделирование в условиях неопределённости; задачи обнаружения аномалий в данных промышленных сенсорных систем решаются, в том числе, алгоритмами кластеризации. Детектор ADWIN на основе неравенства Хеффдинга автоматически сжимает адаптивное окно при дрейфе.

3. *Экспериментальная оценка.* На реальной телеметрии (prequential-протокол) Adaptive Random Forest достиг MAE = 34,5 Вт·ч (на 29% ниже батч-регрессии), зафиксировано 47 событий дрейфа со средней задержкой 12,3 наблюдения (~2 ч), $R^2 = 0{,}96$, задержка обновления < 2 мс. Методы машинного обучения доказали эффективность в автоматизированной классификации аномалий по данным инструментальных съёмок; интеллектуальные методы обработки сенсорных данных позволяют реализовать управление в реальном времени; принципы адаптивного управления производительностью информационных систем АСУ ТП коррелируют с предложенным контуром онлайн-адаптации.

Таблица 1

Сравнение моделей потокового прогнозирования

Модель	MAE, Вт·ч	Реакция на дрейф
Batch Linear Regression	48,6	требует переобучения
SGDRegressor	41,2	~45 шагов
Hoeffding Tree	38,5	~25 шагов
Adaptive Random Forest	34,5	~18 шагов

4. *Социально-экономические эффекты.* Предиктивное сглаживание пиков снижает плату за заявленную мощность; точные прогнозы уменьшают консервативные резервы при планировании мощностей и откладывают инфраструктурные инвестиции; интерпретируемость признаков поддерживает доверие операторов и требования ESG-отчётности. Перспективным направлением является обучение с подкреплением для оптимизации управления автоматизированными комплексами.

Заключение. Адаптивный энергоменеджмент на базе онлайн-обучения трансформирует структуру операционных издержек предприятия и выступает фактором его социально-экономической устойчивости.

Список литературы

1. Архитектура цифровых платформ экологического мониторинга горнопромышленных регионов с использованием облачных и интеллектуальных технологий / Б.В. Потапов, С.О. Курашкин, Н.В. Сергеева, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 113–118. EDN MXAZUV

2. Ступина А.А. Сравнительный анализ статистических и нейросетевых методов прогнозирования геоэкологических показателей горнодобывающих объектов / А.А. Ступина, М.В. Спринджук, М.В. Журавлев, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 125–130. EDN ITXOMF

3. Stepantsevich M.N. Federated Learning for Privacy-Preserving Energy Consumption Prediction in Smart Buildings / M.N. Stepantsevich, B.V. Potapov // 2026 International Conference on Artificial Intelligence for Sustainable Engineering and Innovation (AISEI). – IEEE, 2026. – P. 1182–1187.

4. Прогнозирование тепловых процессов в подземных горных сооружениях с использованием рекуррентных нейронных сетей / М.В. Журавлев, О.А. Антамошкин, М.Н. Степанцевич, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №3. – С. 205–211. EDN LZFRCG

5. Использование нейросетевых алгоритмов для прогноза коллекторских свойств нефтегазоносных пород по геофизическим данным скважин / В.В. Кукарцев, Б.В. Потапов, М.Н. Степанцевич, Д.Ю. Евсюков // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 256–267. DOI 10.46698/VNC.2026.90.55.001. EDN KEEVXM

6. Интеллектуальные модели анализа геоэкологических рисков горнопромышленных территорий на основе ансамблевых методов машинного обучения / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, Т.В. Бирюкова, Т.И. Ашмарина // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 108–112. EDN SJGJHI

7. Обнаружение аномалий в данных промышленных сенсорных систем добычи на основе алгоритмов кластеризации / С.О. Курашкин, Л.В. Красовская, М.В. Журавлев, Т.В. Бирюкова // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 382–388. EDN WMCTCH

8. Применение методов машинного обучения для автоматизированной классификации магнитных аномалий Северного Кавказа по данным аэрогеофизической съемки / В.С. Тынченко, М.В. Журавлев, С.О. Курашкин, В.Ю. Панченко // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 108–119. DOI 10.46698/VNC.2026.48.42.001. EDN CBGZAI

9. Kazakovtsev D.V. Intelligent Sensor Data Processing Methods for Real-Time Control of Mechatronic Manufacturing Systems / D.V. Kazakovtsev, B.V. Potapov // 2026 AISEI. – IEEE, 2026. – P. 1230–1235.

10. Tudakov D.I. Adaptive Performance Management of Transactional Databases in Automated Process Control Systems Based on Probabilistic Fragmentation Prediction / D.I. Tudakov, B.V. Potapov, S.V. Pchelintseva // 2026 ICIEAM. – IEEE, 2026. – P. 1178–1182.

11. Применение методов обучения с подкреплением для оптимизации управления автоматизированными и роботизированными комплексами в горной промышленности / А.А. Ступина, А.В. Бабкина, М.В. Журавлев, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 368–373. EDN QIFKMR

12. Sergeyeva N.V. Online Learning Models for Adaptive Energy Consumption Management in Real-Time / N.V. Sergeyeva, O.O. Oleynikova, E.F. Malykha // 2026 ICIEAM. – IEEE, 2026. – P. 1169–1173.

Слюняев Евгений Сергеевич,
магистрант
Орлов Евгений Владимирович
канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ УДЕРЖАНИЯ ПЕРСОНАЛА НА ПРИМЕРЕ ПАО «СИБУР ХОЛДИНГ»

Аннотация: *в статье исследуются проблемы вовлечения человеческого капитала в инновационные процессы для промышленных предприятий. На примере ПАО «СИБУР Холдинг» проанализирована система, позволяющая компании обеспечивать технологический суверенитет, рост производительности труда и обеспечение кадровой безопасности.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, инновационное развитие, вовлеченность персонала, мотивация, системный подход, образовательный центр, CASE-IN, экономическая безопасность.*

В эпоху цифровой трансформации и технологических изменений инновационное развитие становится ключевым фактором конкурентоспособности организаций. При этом центральная роль в обеспечении инновационной деятельности принадлежит человеческому капиталу – совокупности знаний, умений, навыков, компетенций и мотиваций сотрудников, определяющих их способность генерировать и реализовывать новые идеи.

Однако наличие высококвалифицированного персонала само по себе не гарантирует инновационного развития. Важным условием становится вовлеченность человеческого капитала – состояние, при котором сотрудники не только обладают необходимыми компетенциями, но и проявляют инициативу, готовность к экспериментам и активное участие в инновационных процессах. Кроме того, вовлеченность персонала способствует удержанию сотрудников в организации, что благотворно влияет на кадровую и экономическую безопасность организации. Вовлеченность персонала рассматривается через три ключевых аспекта: когнитивный (понимание целей, ценностей

компании), эмоциональный (энтузиазм и гордость за организацию), поведенческий (готовность прилагать дополнительные усилия).

В контексте инновационного развития особый интерес представляет взаимосвязь вовлеченности с инновационным поведением сотрудников. Современные исследования свидетельствуют о том, что высокая вовлеченность позитивно влияет на творческую активность, готовность к экспериментам и проактивным решениям проблем. Вовлеченный сотрудник не просто выполняет нормативные требования, но проявляет инициативу, генерирует предложения по улучшению процессов, участвует в реализации изменений.

Для промышленных компаний, где значительная часть операционной деятельности связана с соблюдением строгих технологических регламентов, создание условий для проявления инициативы представляет собой особую управленческую задачу.

ПАО «СИБУР Холдинг» выстроил многоуровневую систему вовлечения человеческого капитала в инновационные процессы. Анализ корпоративных практик позволяет выделить четыре основных уровня.

1. Инфраструктура непрерывного образования. ПАО «СИБУР Холдинг» создал разветвленную сеть центров развития персонала, ориентированных на различные категории сотрудников. В мае 2025 года открылся второй инновационный образовательный центр «СИБУРИНТЕХ» в Нижнекамске, который обеспечивает получение теоретических и практических компетенций для работы на конкретном оборудовании [1]. Также планируется открытие в конце 2026 г. собственного R&D-центра в Казани, который объединит научно-исследовательский центр и центр масштабирования химических технологий.

Как показано в табл. 1, данный подход решает задачу сокращения разрыва между академическими знаниями и реальным производством, формируя у сотрудников навыки работы с конкретным оборудованием через VR/AR-тренажеры и цифровые двойники.

Таблица 1

Характеристики образовательной инфраструктуры ПАО «СИБУР Холдинг»

Компонент системы	Целевая аудитория	Результат
1	*2*	*3*
Образовательный центр «СИБУРИНТЕХ»	Рабочие и инженеры	Повышение квалификации сотрудников. Отработка навыков на тренажерах

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*
Магистратура КНИТУ, ПИШ «ПромХимТех»	Молодые специалисты	Подготовка и привлечение в нефтехимическую отрасль молодых талантливых специалистов
Центр пилотирования (Тобольск)/R&D-центр (Татарстан)	Исследователи и технологи	Тестирование инноваций перед масштабированием

2. Программа «Улучшение малыми шагами». Программа позволяет сотрудником предлагать идеи по оптимизации производственных процессов на специальном портале. После рассмотрения всех предложений каждый квартал объявляются победители [2]. Важно подчеркнуть, что программа построена на принципе обратной связи: сотрудники получают не только материальное поощрение, но и видят реализацию своих предложений, что формирует устойчивую мотивацию к дальнейшей генерации идей.

3. Конкурсы профессионального мастерства. ПАО «СИБУР Холдинг» организует отраслевой чемпионат PetroChemSkills. Мероприятие проводится по стандартам международного уровня (WorldSkills) и направлено на повышение престижа рабочих профессий в отрасли, развитие компетенций специалистов и подготовку высококвалифицированных кадров. В соревнованиях могут участвовать сотрудники предприятий, студенты технических вузов, школьники. Параллельно компания активно участвует в международном инженерном чемпионате CASE-IN. Кейс-чемпионат моделирует реальные производственные задачи. Участники, решая технологические и управленческие кейсы, погружаются в специфику нефтегазохимии, предлагая новые способы оптимизации процессов. В результате сотни финалистов ежегодно получают предложения о стажировке и работе в компаниях топливно-энергетического комплекса, а внедренные по итогам конкурсов решения приносят реальный экономический эффект.

4. Программа корпоративного волонтерства. С 2017 года в компании действует программа «Люди, меняющие мир», в рамках которой любой сотрудник может предложить социальный проект, получить финансирование и реализовать его, развить лидерские и

управленческие компетенции, установить горизонтальные связи внутри компании. Это формирует у персонала проактивную позицию и навыки проектного управления, которые переносятся и на производственную деятельность [2]. Вовлеченность в социально значимые проекты позитивно коррелирует с общей удовлетворенностью работой и лояльностью компании, что, в свою очередь, создает благоприятную среду для инновационной активности.

Реализация данных программ в холдинге способствует не только улучшению качества инновационной среды предприятия, но и позитивно сказывается на процессе удержания квалифицированного персонала в организации. В настоящее время, когда рынок труда претерпел значительные изменения и характеризуется недостатком квалифицированных кадров при избытке вакансий, удержание персонала становится важнейшим фактором экономической безопасности предприятия.

Таким образом, опыт ПАО «СИБУР Холдинг» показывает, что обеспечение вовлеченности человеческого капитала в инновационное развитие промышленного предприятия требует системного подхода, включая обучение, мотивацию, поощрение, цифровые инструменты и создание организационной культуры, открытой к новым идеям. Компания, инвестируя в человеческий капитал, получает не только технологическое преимущество, но и формирует среду, способствующую долгосрочному развитию и экономической безопасности. Описанные практики могут быть полезны для других промышленных компаний, стремящихся повысить вовлеченность персонала в инновационные процессы.

Список литературы

1. СИБУР открыл в Татарстане учебный центр развития инженерно-технической экспертизы «СИБУРИНТЕХ-НК» // Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан. – 2025. – URL: https://mpt.tatarstan.ru/index.htm/news/2418854.htm (дата обращения: 21.05.2026).

2. ЗапСибНефтехим: о Форуме молодых специалистов и возможностях для отраслевой молодежи // Международный инженерный чемпионат CASE-IN. – 2022. – URL: https://case-in.ru (дата обращения: 20.05.2026).

Ши Ханьюй
аспирант
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-169009

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ ГАЗОВЫХ ПРОЕКТОВ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются методология и ограничения современных стратегических инструментов планирования крупномасштабных проектов по добыче природного газа в российской Арктике. Проводится критический анализ с использованием DCF, ROA, LCA, BSC, ESG и сценарного планирования, выявляются существующие проблемы и общие недостатки статических моделей, непригодных для арктического региона и способствующих относительной зависимости России от западных технологий. Предлагается гибридный подход, включающий динамическую оценку геофизических и инфраструктурных рисков, оценку технологического суверенитета, гибридную систему показателей устойчивого развития и схему моделирования сценариев в реальном времени в геополитически нестабильных условиях. Результаты могут быть использованы для разработки стратегий устойчивого развития арктических проектов по добыче природного газа с международным участием.*

Ключевые слова: *стратегия устойчивого развития, Арктика, крупномасштабные проекты по добыче природного газа, методологические ограничения, недостатки, стратегическое планирование, технологические барьеры, ESG, гибридный подход.*

Во-первых, российский Арктический регион и прилегающие к нему территории уже обладают потенциальными запасами природного газа, превышающими 52 триллиона кубометров, при этом более 10 триллионов кубометров находятся на континентальном шельфе [1]. В сочетании с доказанными запасами, приближающимися к 200 триллионам кубометров, эти запасы включены в

стратегическую политику экономического цикла, влияя на национальную энергетическую безопасность России и определяя пространственное направление развития макрорегиона, стимулируя будущий рост инфраструктурного строительства и проектов [3]. Однако экстремальные природные и климатические условия, наряду с возрастающей уязвимостью арктической экосистемы, ограничивают экономическую активность, что требует отказа от традиционных методологий и разработки новых подходов к планированию и оперативной деятельности [4].

Во-вторых, постепенная декарбонизация глобальной энергетической структуры в сочетании с продолжающимся давлением и санкциями со стороны США и Европы изменила операционную среду и условия для «Газпрома». В этом контексте корректировка методологий стратегического планирования становится все более актуальной. В заключение, традиционные инструменты оценки, разработанные для умеренного климата и стабильной институциональной среды, непригодны для арктических проектов. Цель данного исследования – выявить системные недостатки существующих методологических инструментов и разработать корректирующие меры, адаптированные к специфическим потребностям крупномасштабных арктических газовых проектов с участием международных партнеров.

В целом, концепция устойчивого развития определяется как самостоятельная научная категория. Конечно, введение любой концепции – это эволюционный процесс. С развитием человеческой научной цивилизации и наступлением различных эпох, доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (ВКЭР) «Наше общее будущее» (ВКЭР) в 1987 году официально утвердил эту концепцию [6]. В докладе предлагалось, чтобы добыча и использование энергии удовлетворяли потребности настоящего, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Несомненно, эта этика и методология заложили основу для стандартов в последующие десятилетия. Однако, строго говоря, в академической традиции эволюцию этой концепции обычно делят на три этапа:

1) до Стокгольмской конференции 1972 года;

2) с 1972 года по Стокгольмскую конференцию 1987 года и публикацию доклада ВКЭР;

3) с 1987 года по настоящее время, после конференции Брундтланд.

В ходе развития человеческой науки Организация Объединенных Наций созвала Стокгольмскую конференцию по окружающей среде в 1972 году, за которой последовала публикация доклада Всемирной конференции по окружающей среде и развитию (ВКОС). В этот период экологическая повестка дня была институционализирована на глобальном уровне. В 1980 году Международный союз охраны природы (МСОП) опубликовал стратегию, ознаменовавшую важный шаг в интеграции целей сохранения природы с целями социально-экономического развития.

Долгосрочная осуществимость крупномасштабных проектов по добыче природного газа в Арктическом регионе требует специализированных методологических инструментов и разработки стратегий устойчивого развития [2, с. 5]. Эти методы, основанные на экономических, экологических, социальных и комплексных компонентах, традиционно опираются на расчеты дисконтированных денежных потоков (DCF) и чистой приведенной стоимости (NPV) для экономического обоснования проекта. Теоретические основы этих методов были заложены И. Фишером и А. Раппопортом, а позже уточнены В.В. Коссовым и И.А. Бланком, но только в условиях относительно стабильной внешней среды. Анализ модели М. Бреннана и Э. Шварца показывает, что классический метод NPV игнорирует гибкость управленческих решений в условиях неопределенности. Метод реальных опционов (ROA), предложенный М. Амрамом и Н. Кулатилакой, устраняет этот недостаток. Однако параметризация этого метода становится невозможной при наличии санкционного давления и технологической фрагментации. Колебания стоимости импортозамещающих технологий превышают статистически проверяемые пределы, снижая прогностическую ценность ROA в Арктическом регионе.

С другой стороны, аналогичные ограничения представляют собой экологические факторы. Оценка жизненного цикла (LCA), метод, описанный в стандарте ISO 14040, используется для проверки целевых показателей выбросов на каждом этапе, от бурения до разжижения грунта. Стандартные модели LCA являются статическими и не учитывают пространственно-временную динамику деградации вечной мерзлоты, вызванную изменением климата. Игнорируя нелинейные процессы таяния вечной мерзлоты и изменения ледового покрова в Карском море, риски повреждения инфраструктуры и вторичного загрязнения окружающей среды от таяния льда

остаются неоцененными, что ограничивает применимость традиционных методов LCA в арктическом регионе.

Кроме того, существуют институциональные недостатки в социальной сфере, в настоящее время ограничивающиеся оценкой социального воздействия и формальным участием заинтересованных сторон. Нынешние основные финансовые меры для социальных проектов не учитывают должным образом экологическую и геополитическую специфику арктического региона. Они также не включают антропогенные риски для коренных общин Арктики в общую систему управления. Это усугубит совокупный ущерб окружающей среде, который в долгосрочной перспективе несут коренные общины Арктики, что противоречит принципам гуманитарного развития [5, с. 9].

В заключение, ограничения интегрированных подходов заслуживают внимания. Хотя экологические оценки ESG и сбалансированная система показателей (ССП) позиционируются как комплексные решения, они в значительной степени зависят от технологических цепочек и нормативно-правовой базы развитых западных стран. В условиях изоляции, вызванной санкциями, продолжение использования стандартизированных методологий ESG приведет к дополнительным операционным рискам. Система ССП изначально была разработана для корпоративного управления в стабильных условиях и крайне нечувствительна к уникальным характеристикам Арктики. Отсутствие индикаторов для мониторинга состояния вечной мерзлоты и технологического суверенитета делает ее неэффективным инструментом стратегического планирования для проектов по управлению климатом в Арктике (УИК).

Для демонстрации применимости существующих методологических инструментов к арктической среде был проведен сравнительный анализ на основе следующих пяти критериев: нефинансовые факторы, гибкость в условиях неопределенности, количественная точность, адаптивность к арктической среде и интеграция принципов ESG (таблица 1).

В таблице 1 представлен сравнительный анализ методологических инструментов, применяемых для стратегического планирования арктических газовых проектов.

Таблица 1

Сравнительный анализ методологических инструментов,
применяемых для стратегического планирования арктических газовых проектов

Методология	Учет нефинансовых факторов	Гибкость в условиях неопределенности	Количественная точность	Адаптация к арктическим условиям	Интеграция с ESG
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
DCF	Минусы. Сосредотачивается только на данных финансовой отчетности, игнорируя экологические и социальные факторы	Минусы. Неспособен адаптироваться к внешним изменениям, если сценарии развития остаются неизменными	Плюс. Зависит от прогнозируемых денежных потоков и ставок дисконтирования для обеспечения точности алгоритмов	Минусы. Не учитывает деградацию вечной мерзлоты и ледовые условия в арктической среде	-

Продолжение таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
ROA	Норм. Стратегия гибкая, но социальные и экологические факторы не учтены	Плюс. Вероятность задержки, расширения или отказа от проекта оценивается на основе будущих событий	Норм. Выбранная модель ценообразования опционов и волатильность определяются количественной оценкой	Норм. Существует неопределенность; конкретные показатели по Арктике отсутствуют	-
LCA	Норм. Воздействие на окружающую среду на всех этапах жизненного цикла, с ограниченным охватом социальных аспектов	Минусы. Существуют условия для статических данных и исторических средних значений; однако динамические изменения неприменимы	Плюс. Выбросы и потребление ресурсов происходят на каждом этапе	Минусы. Динамика деградации вечной мерзлоты или изменения физической среды ледяного щита не рассматриваются; требуется адаптация к арктическим условиям	Частичная. Соответствует некоторым экологическим элементам ESG, но не охватывает аспекты социального управления

Продолжение таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
BSC	Плюс. Включает в себя множество аспектов, таких как финансовые, клиентские, внутренние управленческие и инновационные; также включает нефинансовые показатели	Средняя. Система показателей может быть скорректирована, но не может справиться с внешними потрясениями	Минусы Качественная оценка и экспертное заключение	Норм. Корректировки производятся путем включения показателей Арктики	Плюс. Экологические и социальные показатели интегрированы в систему управления
ESG-оценка	Плюс. Включает факторы физической среды и социально-культурного управления	Минусы. Не учитывает геополитические конфликты	Минусы. Качественная оценка и экспертная оценка	Минусы. Модель для умеренного климата; не охватывает показатели Арктики	Плюс. Предоставляет базовую методологию для интеграции ESG-факторов

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
Сценарное планирование	Плюс. Универсальное применение в различных сценариях	Плюс. Анализирует множество сценариев и оперативно корректирует стратегии	Норм. Количественная оценка охватывает качество исходных данных и выбранных сценариев	Плюс. Имитирует изменения климата и геофизических сценариев	Средняя. Включает факторы ESG в анализ сценариев

Источник: составлено автором.

Сравнительные результаты показывают, что ни один из вышеперечисленных методов не может самостоятельно решать вопросы стратегического планирования в арктических условиях, поскольку ему не хватает гибкости. Традиционные экономические инструменты, такие как дисконтированный денежный поток (DCF), могут фокусироваться только на финансовой эффективности, игнорируя ключевые нефинансовые факторы. Реальные опционы, хотя и обладают присущей им гибкостью в принятии управленческих решений, страдают от низкой надежности параметров и отсутствия проверки, что приводит к резкому увеличению волатильности затрат. Кроме того, включение экологических факторов посредством оценки жизненного цикла вносит серьезные статические ограничения. Со временем стандартные модели просто не могут угнаться за нелинейной деградацией и быстрой потерей вечной мерзлоты.

С другой стороны, хотя комплексные системы, такие как ESG и BSC, в настоящее время охватывают социальные и экологические показатели, их методологии несколько жесткие и негибкие. Связь с нормативно-правовыми рамками развитых западных стран и отсутствие быстрой адаптации к геополитическим потрясениям ограничивают применимость этих инструментов в ситуациях санкций и геополитической нестабильности. Наконец, хотя сценарное планирование обеспечивает необходимую гибкость, ему не хватает единой методологической основы для количественной оценки конкретных рисков в Арктике. Следовательно, реальная ценность каждого аспекта проекта по своей сути ограничена. Существующие методологии либо слишком специализированы, либо им не хватает методологической инерции. В свете текущей ситуации существует необходимость в разработке гибридного инструментария, который интегрирует экономические, геофизические и институциональные параметры в динамическую модель.

Кроме того, крайне важно подчеркнуть жесткий, статичный характер основных моделей. Большинство инструментов игнорируют нелинейные динамические изменения в деградации вечной мерзлоты и ледовых условиях.

Традиционные методы прогнозирования арктических проектов на 40–50 лет имеют существенные недостатки: высокие риски технического обслуживания, неучёт геополитических изменений и медленную адаптацию западных инструментов к регуляторным изменениям.

В качестве решения предлагается гибридный подход, включающий оценку геофизических рисков, технологическую автономию, расширенную систему показателей на базе стандартов России, Казахстана и Китая, а также моделирование геополитической нестабильности, что позволит эффективно развивать арктическую инфраструктуру в условиях санкционного давления.

Список литературы

1. Weber M. General Economic History / M. Weber. – URL: https://archive.org/details/weber-max.-general-economic-history-1927–1950_202106/page/134/mode/2up (date of access: 07.08.2026).

2. Чжан Я. Организационно-экономический механизм углеродного регулирования на основе инновационных технологий в трансграничных энергетических проектах / Я. Чжан // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. №6. – С. 4109–4128. DOI 10.18334/epp.15.6.123216. EDN EAZILA

3. Freud S. Character and anal erotism / S. Freud // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. – Vol. IX (1906–1908). – London: The Hogarth Press, 1959. – P. 167–175.

4. Marsh G.P. Man and nature; or, Physical geography as modified by human action / G.P. Marsh. – URL: https://archive.org/details/mannatureorphysi00mars_0 (date of access: 08.08.2026).

5. Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития / Е.А. Старикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. №1. – С. 7–17. DOI 10.22363/2313–2329–2017–25–1-7–17. EDN ZEJOIT

6. Malthus T. An Essay on the Principle of Population / T. Malthus. – London: J. Johnson, 1798. – URL: https://weread.qq.com/web/reader/9de32f005c5fde9de8e9fac (date of access: 04.08.2026).

7. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation / D. Ricardo. – London: John Murray, 1817. – URL: https://21775147.s21i.faiusr.com/61/ABUIABA9GAAgl_eIpQYowPzp1wY.pdf (date of access: 08.08.2026).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Вершкова Светлана Павловна
преподаватель
МБОУ ДО «Детская школа искусств»
г. Новочебоксарск, Чувашская Республика

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ МУЗЫКАНТА

Аннотация: *в статье рассматривается музыкальная память как синтетическая структура, объединяющая слуховые, двигательные, логические и эмоциональные компоненты. Цель – систематизация видов музыкальной памяти и определение эффективных стратегий запоминания музыкальных произведений в контексте профессионального становления музыканта. Методологическая база – структурно-функциональный анализ процессов запоминания, сохранения и воспроизведения музыкальной информации. Результаты показывают, что ведущими для исполнителя являются слуховой, логический и двигательный виды памяти; эмоциональная и образная память выполняют закрепляющую функцию. Предложен комплекс практических приёмов для надёжного запоминания и сценической свободы исполнителя. Осмысленная работа с художественным образом, а не механическое повторение, является основой профессиональной социализации и устойчивости творческой деятельности.*

Ключевые слова: *музыкальная память, виды памяти, слуховая память, двигательная память, логическая память, запоминание, исполнительское мастерство, педагогика музыки, профессиональное становление личности, социализация музыканта.*

Процесс запоминания в области музыкального исполнительства всегда находился в центре внимания как педагогов, так и концертирующих артистов. Эта тема одинаково значима и в массовом музыкальном воспитании, и в профессиональном обучении, и в повседневной работе над репертуаром. Однако в условиях современной системы образования особую актуальность приобретает вопрос о том, как формирование музыкальной памяти влияет на

профессиональное становление личности музыканта, его социальную адаптацию и устойчивость к стрессовым ситуациям публичных выступлений. В музыкальной педагогике действительно распространено мнение, что музыкальная память трудно поддаётся целенаправленному развитию, однако современные исследования и многолетняя практика во многом опровергают этот тезис. Более того, целенаправленное развитие музыкальной памяти следует рассматривать как один из ключевых механизмов профессиональной социализации будущего исполнителя, поскольку надёжное запоминание напрямую связано с его сценической уверенностью и творческой самореализацией.

Прежде чем говорить о специфике музыкальной памяти, необходимо определить, что представляет собой память как базовое свойство нервной системы. В общей психологии памятью называют «процессы организации и сохранения прошлого опыта, позволяющие повторное использование его деятельности или возвращение в сферу сознания. Память связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим и является важнейшей познавательной функцией, лежащей в основе развития и обучения» [4, с. 359]. В её структуре традиционно выделяют процессы запоминания, сохранения и воспроизведения (включающего узнавание, воспоминание и собственно припоминание). Цель данной работы – не только охарактеризовать виды музыкальной памяти, но и предложить конкретные способы эффективного запоминания музыкальных произведений, опирающиеся на знание этих видов.

Методологически исследование опирается на синтез деятельностного подхода (рассмотрение запоминания как активного процесса) и структурно-функционального анализа (выделение слухового, двигательного, логического, эмоционального и других каналов памяти). Дополнительно использован социально-педагогический подход, позволяющий рассмотреть музыкальную память как инструмент профессиональной социализации и устойчивого развития личности в творческой профессии. Основой для формулирования практических рекомендаций послужил многолетний педагогический опыт автора в Детской школе искусств (г. Новочебоксарск).

Советский педагог и музыковед А.Д. Алексеев в своей работе «Методика обучения игре на фортепиано» определяет музыкальную память как «понятие синтетическое, включающее слуховую, двигательную, логическую, зрительную и другие виды памяти» [1, с. 34]. Как обобщает Е.А. Мелешкина в своем обзоре

теоретических концепций, музыкальная память, независимо от дискуссий о ее психологической природе, представляет собой частный случай общей памяти человека [2]. Из всех составляющих мы считаем основными для музыканта три: слуховую, логическую и двигательную виды памяти.

Слуховой вид памяти отвечает за формирование музыкально-слуховых представлений: мелодических, гармонических, метроритмических, тембровых и динамических. Без развитого внутреннего слуха невозможно предвосхищать звучание, а значит – и контролировать исполнение. Согласно концепции Б.М. Теплова, процессы запоминания, усвоения и воспроизведения звуковысотного и ритмического движения представляют собой не изолированную мнемическую способность, а непосредственное проявление музыкального слуха и чувства ритма [3, с. 230].

Логический вид памяти включает анализ музыкальной формы (период, предложение, фраза, мотив), тональности и гармонических функций, выявление опорных пунктов, смысловой разбивки и сопоставления частей. Именно логическая память превращает запоминание из механического заучивания в осмысленное усвоение структуры.

Двигательный вид памяти формируется через многократное повторение, «выгрывание» пальцами фактурных формул, подчёркнуто активное исполнение, работу по фрагментам и разучивание технических формул (гамм, арпеджио, упражнений).

Наряду с ними важную роль играют эмоциональная память (сохраняет переживания и является наиболее прочным видом), образная память (спонтанная, гибкая, обеспечивает длительное хранение впечатлений) и зрительная память (запоминание нотного текста как зрительного образа). Музыкальная память характеризуется сохранением не только самого произведения, но и ассоциаций, эмоций, переживаний человека в моменты прослушивания или проигрывания музыки, и в этом заключается её уникальность и специфичность как процесса мозговой активности человека. На конечном этапе работы запоминание произведения превращается в освоение его образно-эмоционального содержания через осмысление всего комплекса выразительных средств: тональности, мелодии, гармонии, фактуры, ритма.

По времени хранения информация распределяется по трём системам. *Кратковременная память* удерживает материал около 20–30 секунд и даёт лишь обобщённый образ. *Оперативная память* действует от нескольких секунд до нескольких дней, её срок

определяется конкретной исполнительской задачей. *Долговременная память* обеспечивает хранение выученного произведения на неограниченный срок при условии регулярного повторения, сохраняя при этом не только последовательность звуков, но и такие параметры, как высота и темп.

По способу запоминания различают произвольную и непроизвольную музыкальную память. Произвольная память свойственна музыкантам с аналитическим складом ума и левополушарной активностью. Непроизвольная – тем, кто ориентирован на образное, правополушарное мышление. В профессиональной практике эти типы редко встречаются в чистом виде, однако знание своей ведущей стратегии позволяет подобрать более эффективные приёмы.

На основе анализа литературы и практического опыта работы в Детской школе искусств (г. Новочебоксарск) представляется возможным выделить десять ключевых условий для успешного запоминания музыкального произведения.

1. *Начинать разучивание с первого проигрывания всего произведения*, чтобы составить целостное представление о художественном замысле. Первые проигрывания произведения после мысленного ознакомления с ним должны быть нацелены на схватывание и уяснение общего художественного смысла. В практике работы с учащимися эффективным оказывается предварительное прослушивание произведения в эталонной записи с последующим обсуждением характера, настроения и возможных ассоциативных параллелей, что позволяет сформировать «образ–цель» для последующей работы.

2. *Переходить к детальной работе в медленном темпе*: осваивать сложные фрагменты, расставлять удобную аппликатуру, анализировать фактуру и гармонию, сохраняя во главе угла художественный образ. Как показывает опыт, именно медленный темп выступает наиболее эффективным средством выявления фактурных и гармонических особенностей текста, осознанного выбора аппликатуры и предотвращения двигательных «зажимов», которые в дальнейшем могут привести к текстовым сбоям на сцене.

3. *Играть произведение наизусть с активизацией слуховой, двигательной и логической памяти*. В педагогической практике зарекомендовал себя приём игры без зрительного контроля (с закрытыми глазами), который позволяет активизировать слуховые и кинестетические представления, отключая избыточную зрительную опору на клавиатуру, и способствует формированию более надёжного запоминания.

4. *Использовать поэтические ассоциации, визуальные образы, живописные параллели*. Привлечение поэтических ассоциаций для активизации эстетического чувства – давняя традиция в музыкальном исполнительстве. Целесообразно предлагать учащимся подбирать к разучиваемому произведению поэтические эпиграфы или живописные аналогии, созвучные его образному строю, что делает процесс запоминания эмоционально окрашенным и непроизвольным.

5. *Регулярно повторять выученное, включая игру в медленном темпе как способ закрепления.* Опыт показывает, что многократные «прогоны» произведения исключительно в быстром темпе в предконцертный период нередко приводят к снижению надёжности исполнения. Включение игры в медленном темпе позволяет «очистить» фактуру, снять излишнее мышечное напряжение и восстановить контроль над всеми элементами текста.

6. *Пропевать нотный текст (сольфеджирование)* – это улучшает слуховую и зрительную память. В практической работе с учащимися систематическое пропевание нотного текста (названий звуков с соблюдением ритмического рисунка) способствует ускоренному и точному запоминанию, активизируя слуховые представления и закрепляя зрительный образ нотного текста. Эффективным приёмом является сочетание пения одного голоса с игрой другого.

7. *Работать над произведением по небольшим фрагментам, а затем объединять их.* В процессе фрагментарной работы целесообразно делить произведение не по формальному признаку (такты), а по смысловым элементам музыкальной формы (период, предложение, фраза, мотив). При этом трудные эпизоды рекомендуется начинать разучивать не с начала, а с кульминационной зоны или наиболее сложного в техническом отношении фрагмента, что обеспечивает эмоциональный и смысловой стержень исполнения.

8. *Чередовать игру по нотам и наизусть, чтобы контролировать точность*. На этапе, когда произведение уже выучено наизусть, обязательным является контрольное проигрывание по нотам, позволяющее выявить возможные отклонения от авторского текста (штрихи, паузы, динамические оттенки), которые ученик мог непреднамеренно изменить в процессе заучивания. Такая проверка служит дополнительным средством страховки перед публичным выступлением.

9. *Исключить механическое бессмысленное проигрывание «под пальцами».* Как показывает практика, многократное повторение без включения мыслительных процессов не только не укрепляет

память, но и создаёт иллюзию выученности. Действительно продуктивное повторение всегда предполагает внесение нового: будь то свежий взгляд на образ, изменение артикуляционного штриха, динамический нюанс или переосмысление фразировки. Только такое повторение, несущее в себе элемент развития, обеспечивает надёжное закрепление материала и защищает исполнение от «заигранности» и автоматизма.

10. *Каждый раз при повторении вносить новое в образы, артикуляционные приёмы, динамические ощущения.* Практика подтверждает эффективность так называемого «метода смены задач»: от занятия к занятию рекомендуется менять угол рассмотрения произведения (акцент на диалогизацию голосов, общее дыхание фраз, регистрово-тембровую палитру и т. п.). Такой вариативный подход предотвращает «застывание» образа и позволяет исполнителю подходить к исполнению творчески, а не репродуктивно, что значительно повышает устойчивость запоминания.

Особого внимания заслуживает *мысленное проигрывание произведения без инструмента и без нот.* В педагогической практике этот приём нередко недооценивают, однако именно он является наиболее надёжным критерием подлинного запоминания. Когда музыкант способен восстановить произведение в уме в точном соответствии с текстом, проследить развитие музыкальной мысли от первого такта до последнего, осознавая не только крупные разделы формы, но и мельчайшие фактурные и гармонические детали, – можно с уверенностью говорить, что произведение действительно выучено и готово к публичному исполнению. Такой внутренний слуховой контроль не только укрепляет память, но и значительно повышает уверенность исполнителя на сцене.

Таким образом, предложенные стратегии запоминания не только повышают эффективность разучивания, но и формируют у музыканта навыки саморегуляции, уверенности и психологической устойчивости, что является важнейшим компонентом профессионального становления и социализации в творческой среде.

Музыкальная память не является врождённой и неизменной способностью. Она представляет собой сложное синтетическое образование, которое развивается в деятельности при условии понимания его видовой структуры. Основными для музыканта выступают слуховой, логический и двигательный виды памяти, однако недооценка эмоциональной, образной и зрительной составляющих обедняет процесс запоминания.

Предложенный комплекс приёмов доказывает, что эффективное запоминание – это не «зубрёжка», а активная, продуманная творческая работа, включающая мысленное проигрывание, регулярное повторение с элементами новизны и опору на все виды памяти. Такой подход обеспечивает уверенное и комфортное состояние исполнителя на сцене и, как следствие, яркое, выразительное звучание музыкального произведения.

С точки зрения социально-педагогической проблематики, развитие музыкальной памяти выступает важным фактором профессиональной социализации музыканта: оно обеспечивает не только техническое совершенство, но и психологическую готовность к публичным выступлениям, устойчивость к стрессу, способность к творческой самореализации. В долгосрочной перспективе сформированные мнемические стратегии становятся основой для непрерывного профессионального развития и сохранения творческой активности на протяжении всей исполнительской карьеры. Таким образом, проблема музыкальной памяти органично вписывается в более широкий контекст стратегий устойчивого развития личности в сфере искусства и образования.

Список литературы

1. Алексеев А.Д. Методика обучения игре на фортепиано: учебное пособие / А.Д. Алексеев. – 9-е изд., стер. – СПб.: Планета музыки, 2026. – 280 с.

2. Мелешкина Е.А. Музыкальная память в контексте закономерных процессов общей памяти человека / Е.А. Мелешкина // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – №16–2. – С. 117–122. EDN RUYSKZ

3. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 536 с.

4. Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 808 с. EDN QXRWYH

Гришина Алёна Владимировна
студентка
ФГБОУ ВО «Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой»
г. Санкт-Петербург

Тихоненко Снежана Валерьевна
канд. искусствоведения, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой»
г. Санкт-Петербург

Гришина Анастасия Владимировна
студентка
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

DOI 10.31483/r-169058

МИРОВОЗЗРЕНИЕ МАЙИ ПЛИСЕЦКОЙ: ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Аннотация: *исследование посвящено анализу эволюции мировоззрения Майи Плисецкой на основе герменевтического анализа её автобиографических текстов, историко-биографического и сравнительного методов. Выявлены ключевые векторы трансформации: переход от бессознательного бунтарства к осознанной стратегии сопротивления в условиях тоталитаризма, отказ от позиции «одиночки» в пользу творческого союза с Родионом Щедриным, углубление художественного мировоззрения от культа техники к содержанию, пересмотр педагогических взглядов в сторону признания роли природного дара. На примере Плисецкой доказывается, что мировоззрение великой балерины представляло собой динамичную систему: при сохранении стержневых черт личности оно обогащалось новыми смыслами, что позволяло не только «выживать» в различных исторических периодах, но и непрерывно развиваться в творчестве, сохраняя внутреннюю автономию.*

Ключевые слова: *Майя Плисецкая, мировоззрение, мемуары, балет, творчество, психология артиста.*

Введение.

Майя Михайловна Плисецкая (1925–2015) – феноменальная балерина, чье творчество стало символом эпохи. Несмотря на

обширную базу исследований, посвященных ее исполнительскому стилю и сотрудничеству с Родионом Щедриным, целостный анализ трансформации ее мировоззрения, основанный на материалах личных мемуаров, до сих пор не был предпринят. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понять, как личность такой великой балерины эволюционировала под влиянием трагических жизненных обстоятельств (репрессии в семье, давление тоталитарной системы и др.) и как это с учетом психологических особенностей, связанных с профессией («психотипом балерины») отражалось на её творческих и жизненных стратегиях.

В работе под мировоззрением понимается система взглядов, оценок и представлений о мире и месте человека в нем, определяющая жизненные позиции, убеждения и ценностные ориентации. Мы рассматриваем два его аспекта: обыденное мировоззрение (формируемое жизненным опытом) и художественное (выраженное через призму эстетики и искусства). Хотя сама Плисецкая была убеждена, что «люди не меняются», в доступных нам научных публикациях доказывается, что мировоззрение – динамическая система, подверженная изменениям.

Подобная тенденция явно прослеживается при изучении мемуаров М.М. Плисецкой, что определило цель данного исследования: выявить ключевые изменения в мировоззрении Майи Плисецкой на разных этапах ее жизни на основе анализа ее мемуаров.

Материалы и методы.

Основным материалом исследования послужили автобиографические тексты М.М. Плисецкой: «Я, Майя Плисецкая…» (1994) и «Тринадцать лет спустя» (2007). Для достижения цели использовался комплекс тактик методов, как: герменевтический анализ текстов мемуаров для выявления и интерпретации высказываний, отражающих взгляды и их трансформацию; историко-биографический метод для соотнесения эволюции взглядов с событиями жизни; периодизация жизненного пути М.М. Плисецкой, ключевые этапы, события которых, оказали значимое влияние на формирование её мировоззрения; сравнительно-сопоставительный метод для анализа изменений мировоззрения балерины в соответствии с выделенными периодами.

Результаты и обсуждение.

Анализ мемуаров Майи Плисецкой с позиции возможного влияния различных событий на формирование ее мировоззрения позволил нам условно выделить пять ключевых периодов её жизни,

последовательно формировавших её мировоззрение. Выделенные нами периоды жизни М.М. Плисецкой представлены ниже:

Первый период – это детство Майи (1925–1937 гг.). Этот период охватывает раннее детство и становление личности до трагического события (арест отца), навсегда изменившего ее жизнь.

Следующий период жизни М.М. Плисецкой можно назвать как учеба, война и начало карьеры (1938–1943 гг.). Это период выживания, учебы и начала профессиональной деятельности в условиях репрессий и войны. Несомненно, все эти события в жизни, происходящие в условиях значимых для истории страны, не могли не отразиться на мировоззрении балерины.

Далее (третий период жизни М. Плисецкой) происходило становление прима-балерины и начало борьбы с советской политической системой (1943–1958 гг., до встречи с Родионом Щедриным). Это был период профессионального роста, первых крупных побед и осознанного конфликта с системой.

В этой связи четвертый выделенный нами период её жизни, мы назвали как «Творческий расцвет в браке с Родионом Щедриным и борьба за новаторство (1958–1980-е гг.)». В эти годы был период творческого пика балерины, создания главных шедевров и ожесточенной борьбы за современный репертуар.

Заключительный период назван нами «Жизнь за рубежом и осмысление прожитых лет (1990-е гг.-до кончины)». Это период жизни после активной сценической карьеры, посвященный педагогической работе, мемуарам и осмыслению пройденного пути.

Сама Плисецкая была убеждена, что «Люди не меняются…». Однако, хотя фундаментальные черты её характера и многие убеждения оставались постоянными, по нашему мнению, в каждый из этих периодов осуществлялась трансформация её мировоззрения и стратегии взаимодействия с окружающей действительностью. Можно выделить несколько аспектов, которые демонстрируют скорее эволюцию, адаптацию и уточнение её взглядов, а не полное их изменение.

Детство балерины (1925–1937) стало временем становления её независимого характера. Огромное влияние на мировоззрение в этом периоде оказала глубокая психологическая травма, вызванная арестом и расстрелом отца и заключением матери, что сформировало стойкое неприятие советской власти.

В период учебы, войны и начала карьеры (1938–1943) происходило осознание статуса «дочери врага народа». В этих исключительно трудных условиях проходило профессиональное становление

балерины, Майя впервые исполнила «Лебединое озеро». Этап становления прима-балерины (1943–1958) ознаменовался первыми триумфами, такими как полноценная премьера «Лебединого озера» в 1947 году, и одновременно – первыми открытыми конфликтами с системой, статусом «невыездной» и установлением тотальной слежки КГБ. Творческий расцвет в браке с Р. Щедриным (1958–1980-е) принес принципиально новые ориентиры: брак стал не только личным, но и творческим союзом, появились легендарные роли («Кармен-сюита»), велась борьба за новаторский репертуар и работу с западными хореографами, обострился конфликт с главным балетмейстером Большого театра Ю. Григоровичем. Завершающий период жизни М.М. Плисецкой за рубежом был назван нами «периодом осмысления» (1990-е-2015). Он характеризовался отъездом из России, активной педагогической работой, созданием мемуаров и постепенным отдалением от Большого театра, что позволило подвести итоги многолетней творческой эволюции.

В ходе исследования было выявлено, что эволюция мировоззрения Майи Плисецкой представляет собой сложный процесс фундаментальных трансформаций, затронувших все сферы её жизни и творчества. В молодости балерине была свойственна «захлестывающая через край горячность» – она открыто протестовала против системы, танцуя в кордебалете без грима и «без конца ссорилась и говорила в лицо», не всегда осознавая возможные последствия такого противостояния. Однако с годами пришло понимание, что открытый бунт ведёт к профессиональной «смерти», что побудило её выработать стратегию сопротивления. Свою зрелую позицию Плисецкая сформулировала в ставшем знаменитым высказывании: «Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь...Даже тоталитарные режимы отступали, случалось, перед одержимостью, убежденностью, настырностью. Мои победы только на том и держались».

В продолжение вышеописанного стоит отметить, что Майя Плисецкая не только прошла путь от бессознательного противостояния к применению осознанной стратегии, но и отказалась от позиции действовать всегда одной в пользу «творческого союза». Если ранняя Плисецкая ощущала себя одинокой в своей «ершистости», окружённой «завистью, клеветой, амбициями», то брак с Родионом Щедриным (1958) стал поворотным пунктом, превратившимся в мощный творческий альянс. Композитор стал для неё не только мужем, но и «ангелом-хранителем», создававшим специально для неё музыку к балетам «Анна Каренина» и «Чайка». Этот союз, по признанию самой

балерины, «продлил её творческую биографию почти на четверть века», перенаправив бунтарскую энергию в созидательное русло.

Параллельно происходила глубинная трансформация художественного мировоззрения Плисецкой. От первоначального акцента на техническом совершенстве она пришла к философии, выраженной в ее афоризме: «в балете гораздо важнее голова, чем шея или руки и ноги», «ногами не выразишь то, что в душе происходит». Танец превратился для нее прежде всего в выразительный жест, что особенно ярко проявилось в ее работе как хореографа, когда она стала привлекать драматических режиссеров для углубления психологизма своих постановок.

Существенному пересмотру подверглись и её педагогические взгляды. Плисецкая отошла от ценности «сверхвыворотности», приводящей, по ее меткому выражению, к тому, что «к сорока годам «вымученные танцовщики» становятся хромыми инвалидами». В противовес этому она провозгласила иной принцип: «Я предпочитаю отбор природы усердию и старательности», решительно осуждая насилие над детским телом ради сиюминутного результата и отстаивая ценность природного дара и осмысленности в искусстве танца.

Выводы.

Проведенное исследование опровергает тезис самой М.М. Плисецкой о неизменности человеческой природы применительно к ее собственному мировоззрению. Ее жизненный путь демонстрирует эволюцию, адаптацию и обогащение системы её взглядов. Неизменным оставался лишь стержень – «боевой» характер, сформулированный в кредо «Характер – это судьба». Однако формы его проявления и стратегии взаимодействия с социумом кардинально менялись: от импульсивного бунта – к осознанному и эффективному творческому сопротивлению; от одиночества – к сильному союзу; от культа техники – к философии осмысленной экспрессии. Это доказывает, что мировоззрение художника является живым, динамичным процессом, а не застывшей догмой, и его трансформация – ключ к пониманию творческого долголетия и внутренней свободы великой балерины.

Список литературы

1. Гришина А.В. Периодизация жизни и творчества Майи Плисецкой: социально-исторический контекст и становление мировоззрения / А.В. Гришина, А.В. Гришина // Человек. Социум. Общество. – 2026. – №4. – С. 161–168. EDN KNDQAR

2. Овчинникова Е.А. Балерина Майя Плисецкая и её время / Е.А. Овчинникова // Россия и мир в исторической ретроспективе. – СПб., 2024. – С. 71–74. EDN ABUQKT

3. Плисецкая М.М. Я, Майя Плисецкая... / М.М. Плисецкая. – М.: АСТ, 2008. – 490 с.
4. Плисецкая М.М. Тринадцать лет спустя: Сердитые заметки в тринадцати главах / М.М. Плисецкая. – М.: АСТ, 2008.
5. Плисецкая М.М. Читая жизнь свою... / М.М. Плисецкая. – М.: АСТ, 2010. – 544 с. EDN QSCRGZ
6. Типология личностной самооценки подростков, профессионально обучающихся классическому танцу / А.Ш. Тхостов, О.В. Митина, А.С. Нелюбина [и др.] // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. – 2015. – №5(40). – С. 142–150. EDN VKDLAT

Громов Олег Сергеевич
преподаватель
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ВУЗЕ

Аннотация: *в статье рассматриваются две группы проблем: формирующиеся под влиянием изменений в социальном взаимодействии молодежи и связанные со спецификой современного образовательного процесса. Анализируются особенности процесса социализации в образовательном учреждении, предлагаются стратегии, обеспечивающие эффективную социализацию молодежи в вузах.*

Ключевые слова: *социализация, цифровая социализация, высшее образование, социальная адаптация, профессиональное становление.*

Современные молодые люди, по сравнению с предшествующими поколениями, значительно быстрее осваивают новые технологии, адаптируются к вызовам, принимают изменчивую социальную реальность, однако в вопросах эффективного взаимодействия с другими членами общества имеют большие сложности. Одной из актуальных проблем, рассматриваемых в социологии образования и педагогической психологии, является анализ специфики вхождения современного молодого человека в систему социальных связей. Изменение роли традиционных институтов социализации привело к смещению акцентов в формировании личности и во многом определило пересмотр принципов получения социального опыта.

Высшее учебное заведение выступает комплексным институтом профессиональной и личностной социализации, позволяющим сформировать у молодого человека не только профессиональные компетенции, но и ценностные ориентиры, определяющие поведенческие приоритеты и гражданскую позицию. Активный пересмотр задач, стоящих перед вузами, привел и к смещению акцентов в подходах к организации образовательного процесса. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и Стратегия реализации молодежной политики как базовые документы в этой сфере уделят особое внимание воспитанию молодых людей, закрепляют обязательность компонента социализации обучающихся как составной части образовательной программы. Это можно проследить на примере современных трендов в рамках активного использования групповой проектной работы, формата взаимодействия в минигруппах, работы дискуссионных площадок и пр. Несмотря на такой широкий спектр инновационных образовательных технологий, нельзя не заметить, что каждое следующее поколение студентов в большинстве своем все больше разобщается даже в рамках одной учебной группы, не говоря уже о широком студенческом сообществе.

Целью данного исследования выступает анализ основных проблем социализации современных молодых людей, обучающихся в вузах, и выявление возможных стратегий, обеспечивающих эффективную социализацию в вузе. Имеющиеся проблемы можно условно разделить на две группы: формирующиеся под влиянием изменений в социальном взаимодействии молодежи и связанные со спецификой современного образовательного процесса. Каждый из этих блоков включает как индивидуальные проблемы, так и системные. В данной работе акцент будет сделан на анализ второй группы, имеющей определенные сходные признаки вне зависимости от личности конкретного студента.

Современные студенты являются преимущественно представителями цифрового поколения, что влияет на характер процесса их социализации. Исследователи данный феномен называют «цифровая социализация» [5]. Молодые люди переносят часть активности в виртуальное пространство, что формирует социальную среду, отличающуюся от реальной, и приводит к созданию новых принципов социального взаимодействия. Так, общаясь в виртуальном пространстве, можно беспрепятственно покинуть коммуникацию и вернуться к ней в любой удобный момент без каких-либо

объяснений остальным участникам, что недопустимо в процессе взаимодействия в аудитории. Современные молодые люди с большим трудом осваивают классические правила поведения в аудитории, считая их слишком специфическими на фоне нестандартизованного поведения в Интернет-пространстве. В виртуальной среде чаще всего распространяются упрощенные модели социального поведения, часто они имеют деформированный и даже деструктивный характер, но в силу проведения длительного времени в этом пространстве такие модели становятся нормой. К сожалению, переход на дистанционные форматы работы со студентами в вузах усугубляет эту ситуацию: молодежь не учится новым форматам общения, получая опыт социализации, а закрепляет старые, не способствующие в дальнейшем позитивному развитию личностных качеств и взаимодействию в реальном коллективе.

Серьезную проблему в этом направлении представляет подмена ценностных ориентиров устойчивыми клише без их критического осмысления, что приводит к ретрансляции стереотипов и нежеланию формировать собственное отношение на базе анализа конкретной ситуации. Это приводит к тому, что у студентов с трудом развивается «духовно-нравственный иммунитет», затрудняя и замедляя процесс эффективной социализации.

По результатам проведенных автором опросов студентов различных направлений подготовки 1–2 курсов вузов г. Екатеринбург, они испытывают проблемы с полноценным офлайн-взаимодействием, когда поступают в вуз. Стоит обратить внимание, что затруднения касаются не только общения с педагогами и сотрудниками (80% респондентов), но и с одногруппниками (63% респондентов). В данном пуле вопросов речь шла именно о личной проблеме, с которой сталкивается студент при необходимости вступить в контакт, дискомфортом, вызывающим сам факт общения. При глубинном интервью с теми, кто указал на наличие проблемы, был установлен интересный феномен: при необходимости виртуального контакта с теми же группами людей 89% опрошенных отметили отсутствие затруднений и какого-либо дискомфорта. Несмотря на отмеченные негативные особенности, более половины опрошенных (68% респондентов) позитивно относятся к новым форматам работы, готовы получать новый опыт взаимодействия, хотят помимо профессиональных компетенций получать личностные, понимая ценность «мягких» навыков в современном обществе.

Процесс социализации предполагает рефлексию, дискуссии, проверку полученного результата на практике, что приводит к выработке устойчивой ценностной системы и становлению целостной личности. Именно поэтому в рамках образовательного процесса особое значение имеет работа в коллективе, принятия себя как части этого коллектива, умение искать общий язык со всеми членами коллектива и идти на компромисс как при решении профессиональных, так и личностных задач. Вуз должен представлять собой такую среду, где сочетаются элементы профессионального роста и личностного развития. Это возможно только в том случае, если образовательный компонент не будет оторван от воспитательного.

Социализация – это не только развитие конкретных качеств, важных для взаимодействия в социуме, это еще и определенные социально полезные навыки. Исследователи справедливо отмечают необходимость трудовой социализации, этнокультурной социализации, политической социализации [2]. Сочетание этих компонентов не должно быть разорвано на две самостоятельные части: учебная и внеучебная деятельность – они должны быть в симбиозе.

Формирование многокомпонентной подготовки специалиста как профессионала своего дела и ответственного гражданина предполагает определенные требования к тем, кто этот процесс организует и контролирует. Именно это является второй не менее значимой проблемой. К студентам предъявляются требования дисциплинированности, самоорганизации и социальной инициативности, но для позитивного результат имеет большое значение, кто их предъявляет. На практике оказывается часто большой разрыв между патерналистскими практиками управления и задачами личностно-ориентированного образования [4]. Преподаватели, которые обучают молодых людей должны отвечать определенным требованиям. Когда преподаватель требует то, что сам не делает, студент не примет такой подход. В последние годы резко увеличивается количество студенческих конкурсов, форумов, иных инициатив. Но, когда студент проявляет заинтересованность, преподаватель нередко отказывает ему в помощи, потому что сам никогда не участвовал и не участвует в социальной активности. Важно, что эффективная социализация возможна только в том случае, если у человека есть пример, на который можно ориентироваться. Роль педагога в современном вузе выходит далеко за пределы транслятора знаний, формируя перед ним обязанности наставника-профессионала и гражданина, ответственного за судьбу будущих поколений. Как

справедливо отмечают исследователи, для решения новых воспитательных задач нужны новые кадры, понимающие смысл преподавательской деятельности вне отрыва от воспитательного эффекта [1]. Создание полноценной среду для социальной коммуникации является задачей всех участников образовательной деятельности в широком смысле.

Сложность социализации состоит в бинарности ее сущности: освоение стереотипных социальных ролей и самоопределение личности. Целенаправленная педагогическая работа и пересмотр образовательных практик, как отмечают исследователи [3], позволят решить обе задачи.

Таким образом, эффективная социализация молодежи в вузе возможна при условии четкого понимания образовательной деятельности как комплексного процесса формирования специалиста-профессионала на основе крепкой системы знаний и полноценно развитой личности, обладающей критическим мышлением.

Список литературы

1. Иванова С.В. Роль педагога в организации образовательного процесса в контексте подготовки специалистов нового типа / С.В. Иванова // Право, политика, управление: риски в условиях суверенизации экономики: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2026. – С. 58–62. EDN SPHWIB

2. Калачев А.В. Проблемы социализации студенческой молодежи и пути их решения в современном вузе / А.В. Калачев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2025. – №10. – С. 77–85. EDN QTRSCI

3. Левина С.В. Структурно-содержательная модель процесса социализации студентов педагогического вуза / С.В. Левина, А.Л. Бусыгина, Г.З. Карнаухов, В.А. Павловский // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – Т. 19. №6. – С. 31–35. EDN XODRHN

4. Марков Р.С. Российское высшее образование в оптике «теории поколений» / Р.С. Марков, В.В. Сорокина, П.А. Юрина // Российский экономический вестник. – 2026. – Т. 9. №1. – С. 67–75.

5. Мельникова Е.А. Особенности социализации молодёжи в условиях современной интернет-коммуникации / Е.А. Мельникова, А.А. Ошивалов // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как приоритетная цель государственной политики РФ: материалы Международного форума (Екатеринбург, 12–15 апреля 2024 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2024. – С. 354–360. EDN BDJUFT

Дедов Станислав Витальевич
студент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
г. Тула, Тульская область

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТА НА ОСНОВЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования предпринимательской субъектности обучающихся в контексте психолого-педагогического подхода. Предпринимательская субъектность определяется как интегративное качество личности, включающее инициативность, способность к самостоятельному целеполаганию, рефлексии, принятию решений и преобразованию окружающей среды. Обосновывается возможность использования ретроспективного анализа деловой культуры как педагогического средства развития мотивации и личностного потенциала будущих специалистов. Показано, что изучение опыта предпринимателей прошлого и современности способствует формированию ценностных ориентиров, внутренней мотивации достижения и готовности к профессиональной самореализации.*

Ключевые слова: *предпринимательская субъектность, предпринимательское образование, мотивация, личностное развитие, деловая культура, ретроспективный анализ, студенты.*

Современная система высшего образования ориентирована не только на передачу профессиональных знаний, но и на развитие личности, способной самостоятельно определять цели и реализовывать проекты в условиях неопределенности. В этой связи особое значение приобретает формирование предпринимательской субъектности как способности личности занимать активную позицию по отношению к собственной профессиональной траектории. Проблема развития субъектности студентов рассматривается в современных психолого-педагогических исследованиях как процесс становления автономии, рефлексивности, инициативности и способности к самостоятельному преобразованию образовательной и профессиональной среды [5, с. 80]. Предпринимательское образование

при этом выступает не только как подготовка к открытию собственного дела, но и как развитие универсальных личностных качеств.

В психолого-педагогическом понимании субъектность связана с активным отношением человека к собственной деятельности. Личность выступает субъектом тогда, когда способна осознавать мотивы своих действий, ставить цели, оценивать результаты и изменять способы поведения. Предпринимательская субъектность включает мотивационный, когнитивный и деятельностный компоненты. Мотивационный компонент отражает стремление к достижению, самостоятельности и профессиональному росту. Когнитивный компонент связан с умением анализировать ситуации и находить возможности развития. Деятельностный компонент проявляется в готовности реализовывать инициативы и брать ответственность за результат. Исследования предпринимательской подготовки студентов показывают, что образовательная среда может существенно влиять на развитие предпринимательских компетенций и намерений обучающихся [2, с. 3850].

Одним из перспективных средств формирования предпринимательской субъектности является обращение к истории предпринимательства и анализу деловой культуры разных периодов. Ретроспективный анализ позволяет рассматривать предпринимательскую деятельность как социально-культурный феномен, связанный с ценностями, нормами поведения и личностными стратегиями. Изучение биографий предпринимателей создает условия для развития механизмов профессиональной идентификации. Анализ жизненных стратегий предпринимателей позволяет студентам увидеть взаимосвязь между личностными качествами, мотивацией, преодолением трудностей и достижением результата.

В образовательном процессе могут использоваться исторические кейсы, анализ предпринимательских решений, сравнительное изучение моделей делового поведения. Такой подход способствует развитию рефлексии и формированию осознанного отношения к собственной профессиональной перспективе. Мотивационная составляющая предпринимательской субъектности является одним из ключевых условий профессионального самоопределения. Для будущего предпринимателя важны внутренняя мотивация, стремление к саморазвитию, готовность к самостоятельности и способность воспринимать трудности как источник развития. Исследования мотивации студентов показывают значимость смысловых ориентиров и личностных целей в организации учебной деятельности [4, с. 63]. Поэтому предпринимательское образование должно быть направлено

не только на освоение инструментов бизнеса, но и на развитие ценностно-мотивационной сферы личности.

Ретроспективный анализ деловой культуры выполняет в данном случае функцию смыслового посредника: студент получает возможность соотнести исторический опыт предпринимателей со своими профессиональными планами. Эффективность формирования предпринимательской субъектности обеспечивается комплексом педагогических условий: включением студентов в проектную деятельность, использованием проблемных ситуаций, организацией рефлексивного анализа опыта предпринимателей и созданием среды для самостоятельного принятия решений.

Особую роль играет преподаватель, выступающий не только источником знаний, но и организатором субъектной активности обучающихся. Использование методов кейс-обучения, дискуссий и исследовательских проектов позволяет связать теоретические знания с личностным опытом студентов.

Таким образом, ретроспективный анализ деловой культуры может рассматриваться как инструмент развития предпринимательского мышления и личностной готовности к профессиональной инициативе. Формирование предпринимательской субъектности представляет собой сложный психолого-педагогический процесс, направленный на развитие активной, самостоятельной и ответственной личности. Ретроспективный анализ деловой культуры расширяет возможности предпринимательского образования, поскольку позволяет соединить исторический опыт, мотивационное развитие и профессиональное самоопределение студентов.

Использование биографического и исторического материала в образовательном процессе способствует развитию рефлексии, повышению мотивации достижения и формированию представлений о предпринимательстве как о созидательной деятельности.

Список литературы

1. Абрамова О.А. Социально-психологический портрет российского IT-предпринимателя / О.А. Абрамова // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12. №3. – С. 188–204. DOI 10.17759/sps.2021120312. EDN MEAXCD

2. Бурнашева Э.П. Развитие предпринимательских компетенций студентов как основная идея Центра поддержки предпринимательства в вузе / Э.П. Бурнашева // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. №10. – С. 3827–3838. DOI 10.18334/ce.16.10.116311. EDN TCVPEB

3. Винокурова Н.А. Кто хочет стать миллионером? Портрет российского студента, желающего стать предпринимателем / Н.А. Винокурова, К.А. Комарова, Н.М. Светлов // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12-№2. – С. 527–544. DOI 10.18334/epp.12.2.114160. EDN FUMPON

4. Дарвиш О.Б. Смысложизненные ориентации и мотивация учебной деятельности студентов / О.Б. Дарвиш, О.Г. Холодкова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2023. – №4(57). – С. 60–65. DOI 10.37386/2413-4481-2023-4-60-65. EDN OJTGNS

5. Панов В.И. Субъектность студентов педагогического вуза в меняющейся образовательной среде / В.И. Панов, И.В. Плаксина // Психолого-педагогические исследования. – 2022. – Т. 14. №2. – С. 64–84. DOI 10.17759/psyedu.2022140205. EDN CQNVCT

6. Предпринимательское мышление – универсальная компетенция выпускника вуза / О.Р. Чепьюк, А.Б. Бедный, А.И. Горылев [и др.] // ЭКО. – 2023. – №3(585). – С. 47–67. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-47-67. EDN OTYUNL

Ешкина Наталья Ивановна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
г. Тула, Тульская область

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К РАБОТЕ С ДЕТСКИМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ, ДВИЖЕНИЯМИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности подготовки будущих педагогов профессионального образования к работе с детскими общественными объединениями и движениями. На примере курса «Технологии воспитательной работы при взаимодействии с общественными объединениями, движениями и организациями» характеризуется содержательная сторона такой работы, даются рекомендации по организации данного вида деятельности.*

Ключевые слова: *подготовка педагога профессионального образования, технологии воспитательной работы, общественные организации, объединения, движения, Движение Первых, Российское общество «Знание», Российские студенческие отряды.*

Подготовка будущих педагогов профессионального образования включает множество важнейших аспектов в современном образовательном процессе. Одним из таких важных аспектов является работа педагога с детскими общественными объединениями и движениями.

Данное направление включает комплексный поход, объединяющий теоретическую и практическую подготовки. Данная подготовка актуальна как для будущих педагогов, педагогов-организаторов, советников директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями и т. д.

В рамках вуза на направлении подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение в рамках профиля «Педагог профессионального образования». Изучается курс «Технологии воспитательной работы при взаимодействии с общественными объединениями, движениями и организациями» – это первая ступень теоретической подготовки.

Целью освоения дисциплины является освоение будущим педагогом профессионального образования теоретической и практической подготовки в области технологий воспитательной деятельности с общественными объединениями движениями и организациями.

В процессе данной дисциплины формируется компетенция ОПК-4: способен осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей.

Реализация компетенции отражается в наборе трех индикаторов – ОПК-4.1, ОПК-4.2, ОПК-4.3.

Так, ОПК-4.1: объясняет структуру и содержание высших духовных ценностей (индивидуально-личностных, семейных, национальных, общечеловеческих), духовно-нравственные принципы и нормы; объекты духовно-нравственного воспитания личности; содержание, формы и методы организации учебной и внеучебной социально значимой развивающей деятельности по гражданско-патриотическому, духовно-нравственному, трудовому, экологическому, эстетическому, физическому воспитанию личности.

ОПК-4.2: осуществляет отбор методик и проводит диагностику ценностно-смысловых, эмоционально-волевых, потребностно-мотивационных, интеллектуальных характеристик обучающихся; планирует и организовывает различные виды деятельности обучающихся (группы обучающихся) в целях гражданско-патриотического, духовно-нравственного, трудового, экологического, эстетического, физического воспитания; применяет технологии развития ценностно-смысловой сферы личности, опыта нравственных отношений, представлений об эталонах взаимодействия с людьми.

ОПК-4.3: демонстрирует владение методикой разработки сценариев, программ, положений для творческих мероприятий, экскурсий, конкурсов, праздников и других учебных и внеучебных мероприятий, направленных на нравственное воспитание обучающихся.

Теоретическая составляющая компетенции проявляется в знании высших духовных ценностей (индивидуально-личностные, семейные, национальные, общечеловеческие), духовно-нравственных принципах и нормах; содержании, формах и методах организации учебной и внеучебной социально значимой развивающей деятельности по гражданско-патриотическому, духовно-нравственному, трудовому, экологическому, эстетическому, физическому воспитанию личности.

Практическое применение в стандартных ситуациях проявляется в умении отбирать методики и проводить диагностику ценностно-смысловых, эмоционально-волевых, потребностно-мотивационных, интеллектуальных характеристик обучающихся; планировать и организовывать различные виды деятельности обучающихся в целях гражданско-патриотического, духовно-нравственного, трудового, экологического, эстетического, физического воспитания.

Устойчивые навыки, способность решать сложные или нестандартные задачи, часто с опорой на опыт проявляется во владении технологиями развития ценностно-смысловой сферы личности, опыта нравственных отношений, представлений об эталонах взаимодействия с людьми; методикой разработки сценариев, программ, положений для творческих мероприятий, экскурсий, конкурсов, праздников и других учебных и внеучебных мероприятий, направленных на нравственное воспитание обучающихся.

Содержательные характеристики курса представлены в 4-х разделах.

Так, первый раздел посвящен технологиям воспитательной работы, их особенностям, видам и классификации.

Содержание второго раздела посвящено рассмотрению понятий общественное объединение, движение, организация. В рамках данного блока рассматриваются такие виды общественных объединений, движений, организаций, как:

1) Российское общество «Знание» – просветительская организация, направленная на популяризацию науки, достижений российской науки и техники, просвещение граждан, борьбу с лженаукой и распространением недостоверной информации, поддержку лекторов и просветительских практик;

2) «Российские студенческие отряды» – молодёжная общественная организация, занимающаяся помимо трудоустройства, гражданско-патриотическим воспитанием, развитием творческого и спортивного потенциала молодёжи;

3) «Движение первых» – общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи, направленное на воспитание ребят, помощь с профессиональной ориентацией, организацию их досуга, создание равных возможностей для развития и самореализации, подготовку к полноценной жизни в обществе и т. д.

В третьем разделе рассматривается специфика технологий воспитательной работы с общественными объединениями, движениями и организациями. На теоретических и практических занятиях даются характеристики технологий воспитательной работы с общественными объединениями, движениями и организациями. Так, например, в блоке «Движения первых» рассматриваются направления работы (наука и технологии – «Дерзай и открывай!», культура и искусство – «Создавай и вдохновляй!», волонтёрство и добровольчество – «Благо твори!» и т. д.) и обсуждаются «предпочтительные» технологии работы по каждому из направлений и т. д.

Содержание четвертого раздела связано с проектированием воспитательных событий с учетом взаимодействия с общественными объединениями, движениями и организациями. Здесь важно рассмотреть основные этапы проектирования, а также виды проектов, и на примере анализа современной практики показать успешные варианты, а также получить опыт проектирования воспитательных событий с учетом общественных объединений, движений и организаций. Так, например, в блоке «Движения первых» рассматриваются флагманские проекты «Хранители истории», «МедиаПритяжение», «Я – юннат», «Школьная классика», «Первые в профессии» и др. и студенты проектируют воспитательные события из разных блоков по выбору.

Таким образом, детальное рассмотрение в рамках курса общественных организаций, движений и объединений позволит будущим педагогам профессионального образования эффективно включать подрастающее поколения в данные виды деятельности.

Список литературы

1. Движение первых. – URL: https://будьвдвижении.рф (дата обращения: 28.08.2026).

2. Профессиональное образование и социальное партнерство в работе с молодежью: монография / под общ. ред. А.В. Пономарева, Н.В. Поповой. – М.: Юрайт, 2026. – 253 с. – URL: https://urait.ru/bcode/588573 (дата обращения: 18.08.2026).

3. Современные образовательные технологии: учебник для вузов / под общ. ред. Л.Л. Рыбцовой. – М.: Юрайт, 2025. – 81 с. – URL: https://urait.ru/bcode/564204 (дата обращения: 20.08.2026).

Кононенко Екатерина Игоревна
студентка

Научный руководитель
Никитина Юлия Александровна
магистр, ассистент преподавателя

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

НАСМОТРЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ РИСУНКЕ

Аннотация: *в статье рассматривается насмотренность как важный инструмент профессиональной подготовки в академическом рисунке. Автор анализирует различные уровни, методы и критерии оценки насмотренности. Утверждается, что насмотренность играет ключевую роль в превращении учебного рисунка из технического упражнения в осмысленную художественную деятельность.*

Ключевые слова: *насмотренность, методика преподавания, академический рисунок, творческое мышление.*

В современном художественном образовании остро стоит проблема формирования профессионального видения. С одной стороны, веками отработанные методики академического рисунка требуют строгой последовательности в работе с натурой. С другой стороны, стремительное развитие визуальной культуры и обилие готовых образов в цифровом мире создают вызов для преподавателей. Насмотренность, ранее считавшаяся второстепенной, становится ключевым элементом образовательного процесса. Важно понимать, что насмотренность в академическом рисунке – это не просто запоминание картинки. Это активная аналитическая деятельность, направленная на разбор визуального материала, выявление его закономерностей и применение этих знаний в практике. Именно этот аналитический подход превращает разрозненные впечатления в систему профессиональных ориентиров. Без него академическое обучение может превратиться в механическое копирование.

Для понимания роли насмотренности необходимо рассмотреть природу художественного восприятия. Начинающий студент видит натуру хаотично. Его взгляд цепляется за яркие детали, цвета или линии, упуская общую картину. Неподготовленный глаз фиксирует предметы такими, какие он их знает, а не такими, какие они есть в данный момент. Формируясь через изучение произведений мастеров, насмотренность развивает у студента способность к профессиональной абстракции. Он учится мысленно отсекать второстепенное, выделять ключевые элементы, видеть тональные соотношения независимо от локального цвета предметов и схватывать пространственно-ритмическую структуру композиции. Без сформированной базы насмотренности студент рискует надолго застрять на стадии механического копирования натуры, не перейдя к осмысленному моделированию формы. Исследователи подчёркивают, что недостаток насмотренности часто приводит к сухим, графичным работам, где формальная точность сочетается с отсутствием художественной выразительности.

В академическом рисунке насмотренность проявляется на трёх последовательных уровнях, каждый из которых играет свою педагогическую роль. Первый, базовый уровень, является технико-технологическим. Здесь насмотренность фокусируется на изучении изобразительных средств: студент осваивает методы передачи объёма, света и тени, фактуры материалов, пространственной глубины. Он учится различать приёмы штриховки, анализировать, как изменяется характер линии в зависимости от пластической задачи, и как организуется тональный контраст. Этот уровень формирует техническую грамотность, являющуюся фундаментом для дальнейшего развития. Второй уровень – композиционно-структурный. На этом этапе насмотренность переходит от частных технических приёмов к общим законам организации изобразительной плоскости. Студент начинает понимать, как классическое искусство решает проблемы равновесия, ритма, масштаба и выделения композиционного центра. Он анализирует, почему взгляд движется по диагонали или спирали, как соотносятся большие массы и мелкие детали. Третий, высший уровень – образно-содержательный. Он достигается, когда насмотренность становится инструментом постижения художественного смысла. Студент учится видеть за учебной постановкой нечто большее, чем просто набор геометрических форм. Он

понимает, как светотень создаёт настроение, как пропорциональные сдвиги вызывают эмоциональный отклик, а ритм складок ткани передаёт движение.

Если понимать насмотренность не как стихийное накопление впечатлений, а как управляемый педагогический процесс, то возникает вопрос о конкретных методических приёмах её формирования, и современная практика художественного образования предлагает несколько эффективных направлений работы. Наиболее действенным методом остаётся целенаправленное музейное копирование, причём речь идёт не о беглом осмотре экспозиции, а о длительной работе в залах музея, когда студент в течение нескольких сеансов выполняет копии с произведений признанных мастеров. Важнейший нюанс заключается в том, что копирование должно быть вживую, с натуры, а не по репродукции, поскольку в этом случае студент не просто заимствует внешние особенности техники, а в буквальном смысле проживает процесс создания работы, понимая логику движений мастера, последовательность наложения тона и построения формы. Исследования показывают, что именно такая практика даёт наиболее глубокий и устойчивый результат. Второй важный метод – это систематизация визуального материала, когда преподаватель даёт студентам задания на классификацию произведений по различным признакам: стилевым направлениям, композиционным схемам, типам освещения, характерным приёмам работы с формой. Это является не просто тренировкой памяти, а развитием аналитических умений, поскольку студент начинает мыслить категориями искусства, отличать академический подход от импрессионистического или авангардного не интуитивно, а осознанно, через конкретные формальные признаки. Третий, закрепляющий метод – это быстрое эскизирование по памяти и представлению, когда после посещения выставки или просмотра качественного репродукционного материала студентам предлагается выполнить серию набросков, воспроизводящих общие композиционные и тональные решения запомнившихся работ. Это упражнение ставит руку, переводит визуальный опыт в моторный навык и создаёт индивидуальный визуальный словарь, к которому студент сможет обращаться при работе над собственными композициями.

Подводя итог, можно утверждать, что насмотренность в академическом рисунке – это не вспомогательный или факультативный

элемент обучения, а неотъемлемая часть профессиональной компетенции, по значимости сопоставимая с владением техническими навыками. Она выполняет триединую функцию: формирует правильное восприятие натуры, создаёт базу для технического совершенства и открывает путь к художественной выразительности. В конечном счёте насмотренность становится тем мостом, который соединяет две, казалось бы, противоположные задачи академического образования: с одной стороны – освоение строгой, почти ремесленной грамоты конструктивного рисунка, с другой – развитие творческой индивидуальности. Через насмотренность студент присваивает многовековой опыт мировой художественной культуры, присваивает критически и созидательно, чтобы в итоге сказать собственное слово в искусстве. Именно в этом заключается глубинный смысл и непреходящая ценность насмотренности как инструмента образовательного процесса в академическом рисунке.

Список литературы

1. Ли Н.Г. Рисунок. Основы учебного академического рисунка / Н.Г. Ли. – М.: Эксмо, 2005. – 480 с.

2. Рисунок: учеб. пособие для студентов художественно-графического факультета педагогических институтов / под ред. А.М. Серова. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

3. Созонова О.Я. Теоретический и практический курс по академическому рисунку / О.Я. Созонова. – Новосибирск: НГПУ, 2022. – 72 с. EDN BISBXH

4. Шаров В.С. Академическое обучение изобразительному искусству / В.С. Шаров. – М.: Эксмо, 2013. – 648 с.

5. Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С.К. Быструшкин, О.Я. Созонова, Н.Г. Петрова [и др.] // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – №4. – С. 136–144. EDN ZIBENX

Кудинова Татьяна Викторовна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
г. Москва

ИНТЕГРАЦИЯ ОЧНО-ДИСТАНЦИОННЫХ ФОРМАТОВ В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты интеграции очных и дистанционных форматов обучения в системе высшего инженерного образования. Обоснована необходимость системного совмещения указанных форматов как условия повышения качества подготовки специалистов инженерного профиля. На теоретическом уровне проанализированы концептуальные основания гибридного обучения с опорой на теорию трансакционной дистанции, когнитивную теорию учебной нагрузки и конструктивистскую педагогику. На практическом уровне сформулированы принципы распределения учебных ресурсов между синхронными и асинхронными режимами работы, описаны технологические решения для реализации интеграции. Приведены результаты эмпирического исследования, подтверждающие эффективность системной интеграции форматов взаимодействия для формирования профессиональных компетенций обучающихся. Сделаны выводы о возможностях и ограничениях гибридного обучения в инженерной подготовке.*

Ключевые слова: *гибридное обучение, очно-дистанционные форматы, синхронные и асинхронные режимы, трансакционная дистанция, когнитивная нагрузка, инженерное образование, профессиональная подготовка, интеграция форматов.*

Введение.

Современная высшая школа функционирует в условиях стремительной цифровизации, существенно трансформирующей традиционные формы организации образовательного процесса. Пандемийные ограничения 2020–2021 годов стали катализатором массового перехода к дистанционным форматам обучения, однако последующее развитие показало, что ни полностью очная, ни полностью дистанционная модель не способны в одиночку обеспечить

высокое качество профессиональной подготовки. Это обусловило формирование нового педагогического направления – гибридного обучения, предполагающего системное сочетание очных и дистанционных форматов в едином образовательном процессе.

Актуальность исследования определяется противоречием между необходимостью интеграции очных и дистанционных форматов обучения и отсутствием целостной педагогической теории, описывающей принципы и механизмы их совмещения. На практике большинство образовательных организаций применяют фрагментарные решения, при которых дистанционные технологии используются эпизодически, без методической проработки и педагогического обоснования. Подобный подход не создаёт условий для достижения синергетического эффекта, который может быть получен при системной интеграции форматов.

Цель настоящего исследования – теоретически обосновать и экспериментально проверить принципы интеграции очно-дистанционных форматов в инженерном образовании, выявив как теоретические основания данного процесса, так и практические механизмы его реализации.

Теоретические основания гибридного обучения.

Гибридное обучение как педагогическое явление получило всестороннее освещение в работах зарубежных исследователей. М.Г. Мур [10] в рамках теории трансакционной дистанции обосновал, что эффективность образовательного процесса определяется не столько физическим расстоянием между участниками, сколько качеством педагогического проектирования взаимодействия. Исследователь выделил три ключевых переменных, определяющих трансакционную дистанцию: структуру учебного курса, диалог между участниками и степень автономии обучающихся. Указанные переменные приобретают особое значение при проектировании гибридных форматов, где необходимо балансировать между очным и дистанционным взаимодействием.

Концептуальные основания интеграции форматов опираются также на когнитивную теорию учебной нагрузки, разработанную Дж. Свеллером [16]. Исследователь показал, что познавательные возможности обучающегося ограничены объёмом рабочей памяти, и чрезмерная нагрузка приводит к снижению эффективности усвоения материала. При проектировании гибридных форматов данный принцип требует распределения учебных задач между очными и дистанционными форматами таким образом, чтобы каждый формат

решал свои специфические дидактические задачи, не дублируя функции другого.

В отечественной педагогике проблемы сочетания различных форматов обучения рассматривались в работах Е.И. Машбица [1], который обосновал необходимость психолого-педагогического проектирования компьютерно-ориентированных учебных сред. Исследователь подчёркивал, что внедрение цифровых технологий не должно приводить к механическому переносу традиционных методов в электронную среду – требуется принципиально новая организация учебного процесса, учитывающая специфику каждого формата.

Теоретико-методологические основания гибридного обучения также опираются на положения конструктивистской педагогики, представленной в работах Дж. Сэвери [13] и Д. Джонассена [8]. Согласно конструктивистскому подходу, знание не передаётся в готовом виде, а конструируется обучающимся в процессе активной деятельности. Гибридная образовательная среда создаёт условия для такой конструкторской деятельности, предоставляя обучающимся разнообразные ресурсы и формы взаимодействия как в очном, так и в дистанционном режимах.

Зарубежные исследователи Дж. Сингх и А. Пикчиано [14] разработали типологию моделей гибридного обучения, выделив четыре основных подхода: ротационную модель, гибкую модель, модель само смещения и обогащённую виртуальную модель. Каждая из моделей предполагает различное соотношение очных и дистанционных форматов в зависимости от дидактических задач и особенностей контингента обучающихся.

Результаты исследования.

Полученные результаты согласуются с выводами зарубежных исследователей. В работах А. Гарсии-Пеньяльво и соавторов [5] показано, что гибридное обучение обеспечивает более высокие образовательные результаты по сравнению с исключительно очным или дистанционным форматом. Исследования К. Чен и соавторов [3] подтвердили, что системная интеграция форматов способствует развитию метапредметных компетенций и формированию навыков самоорганизации.

Список литературы

1. Машбиц Е.И. Психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения / Е.И. Машбиц. – М.: Педагогика, 1988. – 192 с.

2. Arjanov I.S. Digital Transformation of Higher Education / I.S. Arjanov, L.A. Baibakova // European Journal of Educational Research. – 2021. – Vol. 10. No. 3. – P. 1125–1137.

3. Chen K. The Effectiveness of Blended Learning on Student Achievement / K. Chen, Y. Yang // Internet and Higher Education. – 2019. – Vol. 42. – P. 34–45.

4. Clark R.E. Media Will Never Influence Learning / R.E. Clark // Educational Technology Research and Development. – 1994. – Vol. 42. No. 2. – P. 21–29. DOI 10.1007/bf02299088. EDN NAXJVW

5. García-Peñalvo F.J. Blended Learning in Higher Education: A Systematic Review / F.J. García-Peñalvo, A. García-Valcárcel // Computers & Education. – 2018. – Vol. 125. – P. 1–15.

6. Garrison D.R. A Model of Blended Learning from a Community of Inquiry Perspective / D.R. Garrison, H. Kanuka // Australasian Journal of Educational Technology. – 2004. – Vol. 20. No. 1. – P. 1–17.

7. Guldir V.V. Pedagogical Technologies in the Context of Digitalization / V.V. Guldir // Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2018. – Vol. 8. No. 6. – P. 234–245.

8. Jonassen D.H. Objectivist Versus Constructivist Learning Environments: Role of Epistemologies / D.H. Jonassen // Educational Technology Research and Development. – 1999. – Vol. 47. No. 1. – P. 5–14.

9. Kirschner P.A. Why Minimal Guidance During Instruction Does Not Work / P.A. Kirschner, J. Sweller, R.E. Clark // Educational Psychologist. – 2006. – Vol. 41. No. 2. – P. 75–86.

10. Moore M.G. Three Types of Interaction / M.G. Moore // American Journal of Distance Education. – 1989. – Vol. 3. No. 2. – P. 1–6.

11. Oliver M. Blended Learning: The New Normal and Emerging Technologies / M. Oliver, K. Trigwell // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2005. – Vol. 2. No. 1. – P. 1–18.

12. Rovai A.P. In Search of Higher Persistence Rates in Hybrid Courses / A.P. Rovai, J.R. Jordan // Internet and Higher Education. – 2004. – Vol. 7. No. 1. – P. 1–13.

13. Savery J.R. Overview of Problem-based Learning: Definitions and Distinctions / J.R. Savery // Interdisciplinary Journal of Problem-based Learning. – 2006. – Vol. 1. No. 1. – P. 9–20.

14. Singh A. Blended Learning Models: A Review of Literature / A. Singh, A. Picciano // Journal of Educational Technology Systems. – 2017. – Vol. 46. No. 1. – P. 7–24.

15. Staker H. The Rise of K-12 Blended Learning / H. Staker, M. Horn // Innosight Institute. – 2012. – P. 1–32.

16. Sweller J. Cognitive Load During Problem Solving: Effects on Learning / J. Sweller // Cognitive Science. – 1988. – Vol. 12. No. 2. – P. 257–285.

17. Tucker B. The Flipped Classroom / B. Tucker // Education Next. – 2012. – Vol. 12. No. 1. – P. 82–83.

Лазукова Эльвира Константиновна
магистрант
Бородина Викторина Николаевна
канд. психол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет
путей сообщения императора Александра I»
г. Санкт-Петербург

О ПРОБЛЕМЕ ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: *в статье представлены причины и последствия тревожности у студенческой молодежи. Показано, что в последнее время тревожность охватывает все большее количество юношей и девушек. Установлено, что девушки-студентки чаще демонстрируют личностную тревожность, чем студенты-юноши. Зачастую они воспринимают повседневные ситуации как угрожающие и испытывают по этому поводу выраженное беспокойство. Сделан вывод о том, что необходимо обеспечить комплексный подход к работе со студенческой молодежью, особое внимание уделяя техникам саморегуляции.*

Ключевые слова: *тревога, тревожность, образовательная среда, личность, девушки, юноши, студенты.*

В настоящее время каждый человек постоянно находится в среде, перенасыщенной разнообразной информацией: новостные сводки, социальные сети, непрерывное поступление рабочих задач, требующих оперативного решения. Кроме того, к личности ежедневно предъявляются всё более высокие требования – как в профессиональной сфере, где необходимо непрерывно осваивать новые навыки и демонстрировать высокую продуктивность, так и в социальной жизни, где ожидается соответствие определённым стандартам успеха и благополучия.

Молодые люди в период обучения в вузе часто сталкиваются с действием множества стресс-факторов. Например, у студентов первого курса – это другая образовательная среда, отличающаяся от школьной: новые виды занятий (лекции, практические и лабораторные занятия), темп освоения учебных дисциплин, иные требования к их изучению, большая учебная нагрузка, завышенные ожидания. Кроме того, студенту-первокурснику необходимо адаптироваться

не только к новому учебному коллективу, но и преподавателям. Следует отметить, что у некоторых вчерашних школьников не сформировано умение самоорганизации учебной и внеучебной деятельности, связанное со способностью самостоятельно планировать, ставить цели, распределять время и ресурсы на их достижение без внешнего контроля. Иногородним студентам приходится еще решать задачи адаптации, связанные с изменением образа жизни (проживание отдельно от родителей в студенческом общежитии или на съемной квартире). На старших курсах помимо высокой учебной нагрузки, экзаменационных стрессов часть студентов совмещает учёбу с работой. Кроме того, следует отметить их переживание неопределенности в отношении перспектив будущего трудоустройства. Исследователи W. Li, Z. Zhao, D. Chen и др. выделяют факторы, которые связаны с появлением симптоматики тревожности у студентов. К ним относят принадлежность к полу (девушки чаще демонстрируют более высокий уровень личностной тревожности), проблемы со сном (из-за постоянного недосыпания восприимчивость к стрессу повышается), нарушения пищевого поведения, злоупотребление алкоголем или интернетом (как «бегство» от тревоги, но приводя лишь к усугублению проблемы), низкая самооценка или неуверенность в своих силах (ожидание неуспеха провоцирует появление тревожных реакций), а также трудности в обучении [4]. В совокупности все данные факторы приводят к беспокойству, неуверенности в себе, эмоциональной напряженности. Вследствие этого тревожность всё чаще становится неизменным спутником студенческой молодежи, незаметно проникая в повседневную жизнь и влияя на их эмоциональное состояние, психическое здоровье, успеваемость и психологическое благополучие [5].

Поэтому данная проблема обоснованно находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей: А. Адлера, Ю.А. Александровского, Ф.М. Березина, А.М. Прихожан, Ч.Д. Спилбергера, З. Фрейда, Э. Фромма, Ю.Л. Ханина, К. Хорни и других.

Студенческий возраст соответствует согласно периодизации Б.Г. Ананьева юношескому периоду [1], который связан с открытием своего внутреннего мира, стремлением к самопознанию, формированием личностной идентичности, формированием ценностных ориентаций [2], мировоззрения. Особо следует выделить сложную проблему профессионального самоопределения у студентов, которая является составной частью профессионального становления личности и представляет процесс осознания человеком

своих способностей, склонностей, интересов, осуществление выбора и построение своего профессионального пути. Юноши и девушки знакомятся со своей будущей профессией не только при изучении теоретических курсов в стенах высшего учебного заведения, но и при проведении научных исследований, в период прохождения практики. Все это способствует формированию реального представления о своей будущей профессии, формированию ценностей, тесно связанных с трудовой деятельностью. Вместе с тем, студент сталкивается с требованиями реальной жизни, которые не всегда соответствуют его представлениям. Перед ним встает проблема выбора профессионального пути, требующая принятия решения.

В психологии термины «тревога» и «тревожность» часто используют как синонимы, но в научной среде их разграничивают. Тревога – это временное эмоциональное состояние, возникающее в ответ на неопределенность или угрозу (реальную или воображаемую) и связанное с появлением напряжения, беспокойства, состояния внутреннего дискомфорта. На физиологическом уровне происходит учащение пульса, сердцебиения, потоотделение, сухость во рту, т. е. происходит мобилизация организма на преодоление возможной опасности («бей или беги»). На когнитивном уровне человек, как правило, фиксируется на негативных сторонах возможных событий, игнорируя позитивные. На поведенческом – проявляется стремление избегать определенных ситуаций, хотя возможны и компульсивные действия, которые стереотипны, нелогичны, избыточны, осознаются человеком как бессмысленные, но все-таки им совершаемые из чувства внутренней необходимости и, в конечном счете, направлены на снижение тревоги. Тревожность рассматривается как индивидуальная психологическая особенность, отражающая повышенную склонность человека переживать тревогу, т.е. часто и интенсивно проявлять волнение, беспокойство в разнообразных жизненных ситуациях, в которых реально угрожающие факторы могут отсутствовать.

В нашем исследовании приняли участие 76 студентов (38 девушек и 38 юношей), обучающихся в одном из российских вузов на 2 и 3 курсах. Нами была использована «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [3].

Результаты исследования всей выборки по данной методике показали следующее.

1. У респондентов средние значения по шкале «Ситуативная тревожность» (41,329 ± 7,504) свидетельствуют об умеренном

уровне и демонстрируют некоторое переживаемое беспокойство, дискомфорт, которые возникают как временные реакции на конкретные стрессовые ситуации.

2. Средние значения по шкале «Личностная тревожность» (44,224 ± 9,068) у испытуемых всей выборки более высокие, но тем не менее находятся в диапазоне умеренного уровня, и указывают на выраженную тенденцию постоянно воспринимать множество ситуаций в повседневной жизни как угрожающих, реакцией на которые является выраженная тревога.

3. Четверть опрашиваемых (22,37% от всей выборки, что составляет 17 чел.) имеют высокие показатели по шкале «Ситуативная тревожность», что свидетельствует об озабоченности, беспокойстве, напряжении, т.е. о достаточно интенсивной или динамичной по времени эмоциональной реакции на стрессовую ситуацию. Только 5,26% от всех испытуемых (4 чел.) имеют низкий уровень ситуативной тревожности, что указывает на проявление ими спокойствия в конкретной ситуации. Большая часть респондентов 72,37% (55 чел.) имеют средние показатели.

4. По шкале «Личностная тревожность» низкий уровень выявлен только у 6,58% от всей выборки (5 чел.), что свидетельствует о том, что данные студенты способны сохранять спокойствие в разных ситуациях, адекватно оценивают возникающие проблемы и уверены в успехе. Почти половина всех респондентов (44,74% – 34 чел.) имеют устойчивую склонность воспринимать широкий круг ситуаций как угрожающих для самооценки, самоуважения.

В ходе сравнительного анализа показателей шкал данной методики выявлены следующие достоверно значимые различия у юношей и девушек с помощью t-критерия Стьюдента.

Были установлены достоверно наиболее высокие значения у студенток (M = 47,1) по шкале «Личностная тревожность» (t = 2,934, при $p \leq 0,01$), чем у студентов-юношей (M = 41,3). Данный результат может говорить о том, что девушки более предрасположены к тревоге и о наличии у них тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные для самооценки, самоуважения и жизнедеятельности в целом.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Тревожность стала серьезной проблемой в сфере высшего образования, захватывающая все большее количество студентов.

2. По результатам нашего исследования почти половина респондентов имеет высокий уровень личностной тревожности. Причем, у девушек он выражен в большей степени, чем у юношей. Они склонны чаще воспринимать повседневные ситуации как угрожающие и испытывать по этому поводу выраженное беспокойство.

3. С целью снижения тревожности необходимо формирование чувства уверенности в себе, смещение акцента от высокой значимости выполняемых задач на поэтапное планирование и осмысление содержания деятельности. Особое внимание следует уделять техниками саморегуляции.

При дальнейшем изучении данной проблемы необходимо выявить с какими личностными характеристиками студентов связана тревожность, чтобы ее эффективно нивелировать, тем самым обеспечивая комплексный подход к работе со студенческой молодежью.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 1 / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 232 с.

2. Бородина В.Н. Взаимосвязь субъективного благополучия и ценностно-смысловой сферы личности (на примере студентов заочного отделения психологического факультета) / В.Н. Бородина, М.Д. Гончарук // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – №5(54). – С. 214–215. EDN UXUTWF

3. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера / Ю.Л. Ханин. – Л.: ЛНИИТЕК, 1976. – 40 с.

4. Prevalence and associated factors of depression and anxiety symptoms among college students: a systematic review and meta-analysis / W. Li, Zh. Zhao, D. Chen [et al.] // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2022. – Vol. 63. No. 11. – P. 1222–1230. DOI 10.1111/jcpp.13606. EDN KTBXOR

5. Tianqi J. A Study of the Causes and Effects of Anxiety among Students in Higher Education / J. Tianqi // Journal of Education Humanities and Social Sciences. – 2024. – Vol. 45. – P. 111–115. DOI 10.54097/zza43979. EDN HGXUVJ

Мухин Павел Дмитриевич
ассистент
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
г. Смоленск, Смоленская область

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования языковой коммуникативной компетенции среди школьников в эпоху цифровизации. Актуальность исследования обусловлена недостатком «живой» языковой практики в школе при избыточном внимании к усвоению грамматических правил. В исследовании, проведённом в 9-м классе МБОУ «СШ №33» города Смоленска, анализируется эффективность использования приложений Duolingo и Lingualeo как дополнительного инструмента для развития коммуникативных навыков. Представлены результаты опросов и выборки, обоснована целесообразность параллельного использования данных приложений с освоением школьной программы.*

Ключевые слова: *коммуникативная компетенция, коммуникативные навыки, интернет-платформы, иностранный язык, цифровизация образования, английский язык, Duolingo, Lingualeo.*

Цифровизация в настоящее время перестала быть новшеством в образовании, сейчас это необходимый инструмент, благодаря которому обучение совершенствуется и выходит на новый уровень. Особое значения цифровизация играет для преподавания английского языка, так как с ее помощью можно частично компенсировать отсутствие языковой среды и предоставить школьникам дополнительные материалы для изучения.

Использование цифровых технологий при изучение иностранного языка, не может гарантировать, что учащийся сможет свободно разговаривать на языке и выражать свои мысли без помощи преподавателя и систематизации образовательного процесса. Применение цифровых технологий должно быть методически обоснованно и логически выстроено и соответствовать целям обучения.

В обучении иностранным языкам главной целью является не просто выучить материал, а понимать, как его применять в повседневной жизни. В работах американского лингвиста Д. Хаймса

подчеркивается важность применения коммуникативного аспекта в социальной среде [9; 10].

Исследование использования интернет-платформ и сервисов как средство формирования коммуникативной компетенции актуально в свете современных требований к образованию, повышения роли и роста популярности цифровых технологий в процессе обучения. Так же качественное формирование коммуникативной компетенции обеспечивает успешное взаимодействие в многонациональном мире и способствует эффективному обучению иностранным языкам.

Целью данной работы является рассмотрение важности интернет-платформ и их применение совместно со школьной образовательной программой

1. Коммуникативная компетенция как результат обучения иностранному языку.

Коммуникативная компетенция это не просто знание правил, а умение высказывать свое мнение в нужных ситуациях. В классическом понимании язык часто подают как систему правил, но в реальной жизни делается акцент на использование этих правил в реальной беседе при конкретных обстоятельствах.

В российской методике это отчетливо прослеживается в работах Е.И. Пасанова. Он предлагает выстраивать занятия вокруг речевого поступка, школьнику важно не просто повторять фразу, а уметь применять выученное для описания, уточнения, обмена мнениями [6].

Данное исследование исходит из того, что коммуникативная компетенция многогранна и состоит из нескольких сторон: языковой, социокультурной, дискурсивной, компенсаторной и стратегической. Для фиксации изменений были выбраны четыре вида речевой деятельности: аудирование, чтение, письмо и говорение. Максимальное количество баллов по всем заданиям – 16. Мы разбили результаты на три зоны от 13 до 16 – высокий, 8–12 средний, 0–7 – низкий. Данная шкала оказалась удобным инструментов для сравнения стартовой позиции контрольной и экспериментальной групп и отслеживания прогресса.

2. Цифровизация в обучении иностранному языку: преимущества и недостатки.

Внедрение цифровых инструментов меняет привычную систему урока. Учитель получает возможность переложить часть рутинной работы на цифровую среду, а освободившееся время урока посвятить живому общению, проектной деятельности и диалогу. В

дополнение, ученик может самостоятельно возвращаться к повторению материала, когда ему это будет необходимо.

Один из самых заметных приемов в цифровой дидактике – это игровые механики, они создают внешнюю мотивацию, которая создает здоровую конкуренцию среди школьников. Короткие и интерактивные упражнения проще вписываются в расписание, чем два часа работы с учебником. Однако в геймификации есть свои недостатки, часто в погоне за баллами и рейтингами ученики забывают об основной цели. Также могут возникнуть технические проблемы и это может изменить продуманную стратегию педагога.

Оптимальный вариант использования цифровых платформ это смешанный. Использовать цифровую платформу для отработки лексики, аудирования, чтения, произношения, а живое занятие оставлять для полноценной речевой тренировки.

3. Duolingo и Lingualeo как инструменты дополнительной языковой практики.

В данном исследовании мы остановились на двух приложениях Duolingo и Lingualeo, они являются доступными, имеют встроенную игровую логику и обширный банк заданий для самостоятельной работы.

С методической точки зрения у каждой платформы есть свои плюсы. Duolingo имеет функцию регулярного напоминания, короткие задания не дают прервать контакт с языком, заставляя возвращаться к пройденному материалу ежедневно. Lingualeo дает больше свободы ученику в выборе материала по вкусу, в нашем эксперименте учащиеся подобрали тексты и ролики, которые перекликались с программой. Это помогло повысить вовлеченность.

Однако также были вывалены недостатки. Ни одна из платформ не способно моделировать полноценный диалог, не объясняет грамматику и нюансы изучаемого языка. Поэтому при изучении нельзя полагаться только на интернет-платформы, они скорее служат дополнительным тренажером в отработке лексики и погружение в среду [11].

4. Организация экспериментальной работы. Результаты.

Исследование было проведено в 9ом классе на базе МБОУ «СШ №33» г. Смоленска. Участвовали 28 школьников, 13 из них вошли в экспериментальную группу, 15 составили контрольную. На начальном этапе была проведена входная диагностика, далее 4х недельное исследование, итоговый срез и сравнительный анализ.

В ходе эксперимента учащиеся выполняли одинаковые по структуре задания: аудирование, чтение, письмо. На старте в

экспериментальной группе высокий уровень показали 2 человека (15%), средний – 5 (38%), низкий – 6 (46%). В контрольной группы результаты были немного иные: высокий уровень – 4 (27%), средний – 7 (47%), низкий – 4 (27%). Данная разница была учтена в финальной интерпретации.

Методика в экспериментальной группе строилась на перераспределении нагрузки. Ежедневно ребята занимались в Duolingo, а дважды в неделю в Lingualeo. Данные знания отслеживались преподавателем и систематически закреплялись на уроках. Контрольная группа работала по школьной программе, без применения интернет-платформ.

Через 4 недели была проведена повторная диагностика, результаты показали следующее в экспериментальной группе: высокий уровень – 4 (31%), средний – 8 (62%), низкий – 1 (8%). В контрольной группе: высокий уровень – 4 (27%), средний – 6 (40%), низкий – 5 (33%). Данная разница была учтена в финальной интерпретации.

Также были пересчитаны средние баллы по индивидуальным результатам. В экспериментальной группе средний балл вырос с 8,31 до 10,31. В контрольной группе с 8,87 до 9,47.

Таблица 1

Динамика уровней сформированности коммуникативной компетенции

Уровень	Экспериментальная группа до	Экспериментальная группа после	Контрольная группа до	Контрольная группа после
1	*2*	*3*	*4*	*5*
Высокий	2 (15%)	4 (31%)	4 (27%)	4 (27%)
Средний	5 (38%)	8 (62%)	7 (47%)	6 (40%)

Окончание таблицы 1

1	*2*	*3*	*4*	*5*
Низкий	6 (46%)	1 (8%)	4 (27%)	5 (33%)

Таблица 2

Изменение среднего результата по диагностическому комплексу

Показатель	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Численность	13	15
Средний балл до эксперимента	8,31	8,87
Средний балл после эксперимента	10,31	9,47
Изменение среднего балла	+2,00	+0,60

Цифры говорят о прогрессе в экспериментальной группе, этому поспособствовало регулярное повторение и расширение словарного запаса, а также постоянное закрепление при помощи учителя на уроках. Качественные изменения также были замечены, у ребят из экспериментальной группы увеличился активный запаса, речь стала более развернутой и точной, они активнее пользовались синонимами и лучше воспринимали аудиоматериалы, но в плане грамматике особых улучшений не прослеживалось.

Данная работа подтверждает проблему формирования коммуникативных навыков в цифровую эпоху. Современные инструменты действительно способны увеличить объем самостоятельной языковой практики, поддержать интерес и дать различные возможности для отработки разносторонних аспектов языка. Эффективное развитие коммуникативной компетенции в условиях цифровизации достигается не количество использованных сервисов, а обдуманным сочетанием традиционных и электронных форм обучения. Именно такая модель позволяет использовать все преимущества технологических инструментов.

Список литературы

1. Адаптивное обучение взрослых: дидактический и методический аспекты / под ред. Т.В. Корнер. – СПб.: ИОВ РАО, 2003. – 120 с.

2. Афанасьева О.В. Rainbow English. Английский язык: 9 класс: в 2 ч. Ч. 1: учебник / О.В. Афанасьева, И.В. Михеева, К.М. Баранова. – М.: Дрофа, 2014. – 112 с.

3. Безденежных А.А. Уровни сформированности профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции / А.А. Безденежных // Иностранные языки в современном мире. – 2018. – С. 265–271. EDN YOSGJF

4. Биболетова М.З. Теория и практика обучения английскому языку с использованием цифровых технологий / М.З. Биболетова. – М.: Дрофа, 2018. – 256 с.

5. Бим И.Л. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам / И.Л. Бим // Компетенции в образовании: опыт проектирования. – 2007. – С. 156–163.

6. Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах / М.Н. Вятютнев // Русский за рубежом. – 1977. – №6. – С. 38.

7. Зазымкина Д.А. Оценивание модели адаптивного обучения студентов иностранному языку / Д.А. Зазымкина // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сборник научных статей. – Ч. XI. – М., 2021. – С. 26–28.

8. Иванова О.В. Формирование коммуникативной компетенции студентов с использованием мобильных приложений: дис.... канд. пед. наук / О.В. Иванова. – М., 2022. – 214 с.

9. Игна О.Н. Имитационная (моделирующая) технология в профессиональной методической подготовке учителя иностранного языка / О.Н. Игна // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2011. – Вып. 9(111). – С. 186–190. EDN OJKIWV

10. Изаренков Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов / Д.И. Изаренков // Русский язык за рубежом. – 1990. – №4. – С. 54–60. EDN YHGHKG

11. Карамышева Т.В. Изучение иностранных языков с помощью компьютера / Т.В. Карамышева. – СПб.: Союз, 2019. – 198 с.

12. Кельберер Г.Р. Перспективы применения принципов игрофикации в подготовке педагогических кадров / Г.Р. Кельберер // Педагогическое образование и наука. – 2014. – №4. – С. 144–147. EDN SZJPJD

Мушкардин Алексей Эдуардович
студент
Илларионова Лилия Владимировна
доцент, декан

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИГРОВЫЕ МЕТОДИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ И ПРОДВИЖЕНИЯ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Аннотация: *статья посвящена исследованию эффективности игровых методик в продвижении чтения среди подростков в условиях библиотеки. На основе анализа психолого-педагогических особенностей подросткового возраста и современного состояния читательских интересов обоснована необходимость внедрения игровых форматов. Представлены результаты эмпирического исследования на базе МАУК «Объединение библиотек города Чебоксары» (анкетирование 94 подростков, апробация литературного квиза «Книжный дозор»). Доказано, что литературный квиз способствует повышению читательской активности (81% участников захотели прочитать книги из вопросов), росту посещаемости библиотеки на 15% и формированию положительного образа библиотеки как современного пространства для общения и развития. Разработаны практические рекомендации по внедрению игровых методик, включая работу с «трудными» подростками.*

Ключевые слова: *игровые методики, продвижение чтения, подростки, библиотека, социализация, геймификация, литературный квиз, Территории общения подростков, Чувашская Республика.*

В условиях цифровой трансформации общества и активного внедрения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности проблема приобщения подростков к чтению приобретает особую остроту. Согласно данным ВЦИОМ, 66% россиян заявляют о любви к чтению, однако среди подростков глубина и осмысленность читательской деятельности снижаются [12]. Исследование сервиса «Строки» показало, что лишь 2% российских подростков прочитали за лето более 30 книг, а выбор литературы всё чаще

определяется рекомендациями блогеров, а не библиотекарей [6]. Чтение превращается в утилитарный инструмент, что актуализирует поиск новых форм работы с подростковой аудиторией. Особого внимания заслуживает работа с «трудными» подростками – несовершеннолетними, состоящими на профилактическом учёте. Как отмечает глава Чувашской Республики О.А. Николаев, модельные библиотеки должны стать площадкой для вовлечения таких детей в чтение [4]. Одним из наиболее эффективных инструментов решения этой задачи является внедрение игровых методик, позволяющих сочетать образовательный и развлекательный компоненты, учитывать возрастные потребности подростков в общении и самоутверждении. Модернизация библиотек в рамках национальных проектов «Культура» и «Семья» создаёт технические возможности для применения игровых форматов (мультимедиа, VR, интерактивные панели).

Цель исследования – теоретически обосновать и апробировать комплекс игровых методик, направленных на продвижение чтения среди подростков, и разработать методические рекомендации для библиотечных специалистов. Объектом исследования выступает процесс продвижения чтения среди подростков в условиях библиотеки, предметом – игровые методики как средство продвижения чтения среди подростков.

Подростковый возраст (11–17 лет) представляет собой один из наиболее сложных и противоречивых этапов развития личности, характеризующийся кардинальными изменениями в мышлении, самосознании и социальной ситуации развития. Как отмечает Т.П. Авдулова, «переходный возраст, трудный, критический возраст... эти слова произносят часто, подчеркивая сложность развития личности в годы перехода от детства к взрослости» [1]. Ключевой характеристикой социальной ситуации развития подростка является его промежуточное положение между миром детства и миром взрослых, стремление отстоять свою независимость и приобрести право голоса.

Центральными психологическими новообразованиями подросткового возраста являются абстрактное мышление, самосознание, половая идентификация, чувство «взрослости», переоценка ценностей, автономная мораль. Ключевой проблемой подросткового периода является проблема интересов, когда происходит разрушение прежних групп интересов и развитие новых: «эгоцентрическая доминанта» (интерес к собственной личности), «доминанта дали» (устремлённость в будущее), «доминанта усилия» (тяга к

преодолению) и «доминанта романтики» (стремление к неизвестному и героическому).

Современные исследования читательских интересов подростков свидетельствуют о существенных изменениях в этой сфере. Как отмечают М.В. Смородинова и Е.И. Ерёмина, «в настоящее время происходит процесс падения читательской культуры среди детей и подростков» [10]. Меняются характеристики детского чтения: статус чтения, его длительность, репертуар, мотивы и стимулы, а главное – меняется источник получения информации, на смену книге приходит компьютер. В то же время чтение продолжает пользоваться популярностью среди значительной части подростков: согласно исследованиям, большинство школьников читают для собственного удовольствия, а действительная потребность в чтении сохраняется у девочек в большей степени, чем у мальчиков.

В контексте библиотечной деятельности важно разграничивать понятия «игры в библиотеке» и «библиотечные игры». Как отмечает Н.К. Сафонова, «библиотечные игры» объединяют игры, содержанием которых является книга, читательская деятельность и библиотека как элемент культурной инфраструктуры [9]. Главная цель библиотечных игр – «подвигнуть ребенка к чтению, способствовать созиданию читающей личности».

Игровые технологии в библиотеке представляют собой систему разработанных наукой и отобранных практикой способов, приёмов и алгоритмов игровой деятельности, позволяющих библиотекарю решать спектр профессиональных задач. Особого внимания заслуживает понятие «геймификация» – применение игровых элементов, механик и принципов в неигровых контекстах. Как отмечает О.П. Мерзлякова, «сущность геймификации – применение приемов, используемых в компьютерных играх, к любому другому неигровому виду деятельности» [6]. В образовательном контексте геймификация направлена на повышение мотивации участников и вовлечение их в деятельность.

В библиотечной практике наибольшее распространение получили следующие виды игровых методик: интеллектуальные игры (квизы, брейн-ринги), квесты, настольные игры, ролевые и театрализованные игры, цифровые и онлайн-игры. Каждая из этих форм выполняет комплекс функций: мотивационную (пробуждение интереса к чтению), познавательную (расширение кругозора), коммуникативную (развитие навыков общения), развивающую (формирование критического мышления, творческих способностей),

социализирующую (приобщение к нормам и ценностям общества) и терапевтическую (преодоление трудностей в поведении и общении).

Эмпирическое исследование было проведено на базе Муниципального автономного учреждения культуры «Объединение библиотек города Чебоксары» (МАУК «Объединение библиотек города Чебоксары»). Исследование включало три этапа: диагностический (анкетирование подростков), формирующий (разработка и апробация авторской игровой программы) и аналитический (оценка результатов).

На диагностическом этапе было проведено анкетирование 94 подростков в возрасте 14–16 лет (учащихся СОШ №27 и СОШ №31). Анкета включала вопросы о частоте посещения библиотеки, любимых жанрах литературы, источниках информации о книгах, а также об отношении к игровым форматам библиотечной работы.

Результаты анкетирования показали, что лишь 27% респондентов посещают библиотеку регулярно, большинство (58%) – эпизодически, а 15% не посещают библиотеку вовсе. Наиболее популярными жанрами среди подростков являются фэнтези (42%), приключенческая литература (28%) и детективы (19%). Классическую литературу указали лишь 11% опрошенных. При этом большинство подростков (67%) отметили, что им интересны книги, по которым сняты фильмы или сериалы, что свидетельствует о значимости визуального контента в формировании читательского интереса. На вопрос о том, что могло бы побудить их чаще посещать библиотеку, большинство респондентов (63%) назвали проведение интересных мероприятий – игр, квестов, викторин. 71% опрошенных выразили готовность принять участие в интеллектуальной игре на литературную тему.

На основе данных диагностического этапа была разработана игровая программа – литературный квиз «Книжный дозор». Выбор квиза как основной формы обусловлен его популярностью среди молодежи, возможностью создания условий для активного естественного просвещения в процессе игры, а также соответствием ключевым требованиям к игровым методикам для подростков: командное взаимодействие, соревновательность, ограниченное время для ответа и элементы неожиданности.

Квиз состоял из пяти раундов: 1) «Разминка: Литературная азбука» – 10 вопросов на знание литературных терминов, авторов и названий произведений (закрытые вопросы с выбором ответа); 2) «Книжный детектив» – узнавание литературных произведений по цитатам и описаниям; 3) «Герои и маски» – узнавание литературных персонажей по описаниям, иллюстрациям и кадрам из

экранизаций; 4) «Литературный конструктор» – творческое задание: составление связного текста из предложенного набора слов (10 минут); 5) «Блиц-опрос» – финальное испытание на скорость (не более 10 секунд на вопрос).

В игре приняли участие 32 подростка в возрасте 14–15 лет, разделённые на 8 команд по 4 человека. Продолжительность игры составила 90 минут.

Для оценки эффективности квиза был проведён комплексный анализ, включавший повторное анкетирование, наблюдение за ходом игры, анализ читательской активности после мероприятия и сравнение с контрольной группой.

Результаты исследования подтвердили высокую эффективность разработанной игровой программы. По итогам игры: 94% участников (30 из 32) оценили игру как «очень интересную» или «интересную»; 88% отметили, что узнали новые факты о литературных произведениях и авторах; 81% заявили, что после игры им захотелось прочитать некоторые из книг, о которых шла речь в вопросах; 72% участников ответили, что после игры они стали воспринимать библиотеку как более современное и привлекательное место. Анализ посещаемости библиотеки и книговыдачи в течение двух недель после проведения квиза показал увеличение числа посещений подростками библиотеки на 15% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего месяца. Книговыдача по наименованиям, упоминавшимся в вопросах квиза, увеличилась в 1,5 раза. Сравнение с контрольной группой из 30 подростков того же возраста, которые не участвовали в игре, показало, что в экспериментальной группе доля подростков, регулярно посещающих библиотеку, увеличилась с 27% до 42%, тогда как в контрольной группе этот показатель остался практически без изменений (с 29% до 31%).

Качественный анализ отзывов участников также подтверждает эффективность формата. Один из подростков отметил: «Раньше я думал, что в библиотеке скучно, а тут было круто – мы соревновались, смеялись, и заодно узнали много нового». Другой участник подчеркнул: «Мне понравилось, что вопросы были не только по школьной программе, но и по книгам, которые мы сами читаем. Я даже записал несколько названий, чтобы потом прочитать».

Особого внимания заслуживает социализирующий потенциал игровых методик. В процессе игры участники учатся работать в команде, слушать и слышать друг друга, аргументировать свою позицию и принимать коллективные решения. Эти навыки особенно

важны в подростковом возрасте, когда общение со сверстниками становится ведущей деятельностью.

Как показывает опыт Чувашской Республики, наиболее эффективной стратегией является создание постоянных подростковых пространств на базе библиотек – Территорий общения подростков (ТОП) [3; 8; 11]. По состоянию на начало 2025 года в республике функционировало 23 такие территории, где за год было проведено 516 мероприятий, охвативших более 21 тысячи несовершеннолетних, в том числе 792 подростка, состоящих на профилактическом учёте. Как отмечает Уполномоченный по правам ребёнка в Чувашской Республике А. Федорова, «эти площадки решают комплекс важнейших задач: организуют содержательный досуг подростков; создают пространство для коммуникации со сверстниками; обеспечивают их эффективную социализацию; предупреждают деструктивные формы поведения и формируют патриотическое сознание» [2].

ТОПы предоставляют подросткам возможность не просто участвовать в разовых игровых мероприятиях, но и становиться частью постоянного сообщества, где игра выступает средством общения, самореализации и социализации. Именно превращение библиотеки в «место притяжения молодёжи» является ключевым достижением данного подхода.

На основе теоретического анализа и эмпирического исследования были сформулированы следующие практические рекомендации по внедрению игровых методик в работу библиотек с подростками.

1. Учёт возрастных особенностей. Игровые мероприятия должны предполагать командный формат, использовать соревновательность как ключевой мотивирующий фактор, учитывать читательские предпочтения современных подростков (фэнтези, приключения, детективы) и использовать визуальный контент и мультимедийные средства.

2. Выбор формата игры. Рекомендуется использовать квизы как наиболее универсальный и эффективный формат для стартовых мероприятий, применять квесты для более глубокого погружения в литературный материал, комбинировать различные игровые форматы в рамках одного мероприятия и внедрять цифровые игровые форматы.

3. Этапы разработки сценария. Начинать с диагностики интересов целевой аудитории, формулировать чёткие цели и задачи игры, разрабатывать сценарий с учётом принципа «от простого к сложному», обеспечивать мгновенную обратную связь, создавать «эффект достижения» и оформлять книжную выставку по тематике игры.

4. Организационное обеспечение. Обеспечивать техническое оснащение в соответствии с форматом игры, продумывать пространственную организацию, привлекать волонтёров и учитывать временные рамки (оптимальная продолжительность – 60–90 минут).

5. Вовлечение подростков. Привлекать подростков к подготовке и проведению игр, создавать систему регулярных мероприятий, использовать игровые методики в рамках проекта «Территории общения подростков» и обеспечивать связь игры с книжным фондом библиотеки.

6. Оценка эффективности. Проводить анкетирование участников до и после мероприятия, анализировать изменение читательской активности, собирать качественные отзывы и фиксировать организационные сложности.

7. Профессиональное развитие. Повышать квалификацию библиотекарей в области игровых технологий, изучать и адаптировать успешный опыт коллег, создавать методическую копилку игровых сценариев и использовать межведомственное взаимодействие.

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что игровые методики, в частности литературный квиз, являются эффективным средством продвижения чтения среди подростков в условиях библиотеки. Разработанная и апробированная авторская программа «Книжный дозор» продемонстрировала высокую эффективность: 94% участников оценили игру как интересную, 81% захотели прочитать книги, упоминавшиеся в вопросах, посещаемость библиотеки увеличилась на 15%, а книговыдача по тематическим наименованиям возросла в 1,5 раза.

Ключевыми факторами успеха игровых методик являются: командный формат, соревновательность, разнообразие заданий, использование мультимедийных средств и соответствие содержания читательским интересам подростков. Игровые методики не только привлекают подростков в библиотеку и стимулируют их читательскую активность, но и выполняют важную социализирующую функцию, способствуя формированию навыков командной работы, коммуникации и самореализации.

Перспективными направлениями дальнейшего развития являются: создание системы регулярных игровых мероприятий на базе Территорий общения подростков, внедрение цифровых и VR-форматов с использованием оборудования модельных библиотек, разработка авторских настольных игр краеведческой и литературной

направленности, а также системное повышение квалификации библиотечных специалистов в области игровых технологий.

Список литературы

1. Авдулова Т.П. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов / Т.П. Авдулова. – М.: Юрайт, 2026. – 394 с.

2. Алевтина Федорова выступила с докладом на Всероссийском съезде уполномоченных по правам ребенка // Официальный портал органов власти Чувашской Республики. – URL: https://www.child.cap.ru/news/2025/10/09/alevtina-fedorova-vistupi (дата обращения: 20.04.2026).

3. Библиотеки обменялись опытом создания Территорий общения подростков. – URL: https://child.cap.ru/news/2024/11/22/biblioteki-obmenyalisj-op (дата обращения: 22.05.2026).

4. В Чувашии почти на треть увеличилась посещаемость детьми модельных библиотек // Сетевое издание «Пирĕн пурнăç» («Наша жизнь»). – URL: https://nashazhizn21.ru/aktualno/14718-v-chuvashii-pochti-na-tret-uvelichilas-poseshchaemost-detmi-modelnykh-bibliotek (дата обращения: 10.02.2026).

5. Исследование МТС Медиа и Строк: только каждый пятый ребенок хочет видеть героем сказки человека. – URL: https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-i-mire/2024–08–05/issledovanie-mts-media-i-strok-tolko-kazhdyj-pyatyj-rebenok-hochet-videt-geroem-skazki-cheloveka (дата обращения: 24.04.2026).

6. Мерзлякова О.П. Геймификация образовательного процесса как инструмент развития мышления школьников / О.П. Мерзлякова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-obrazovatelnogo-protsessa-kak-instrument-razvitiya-myshleniya-shkolnikov (дата обращения: 24.04.2026).

7. Муниципальное автономное учреждение культуры «Объединение библиотек города Чебоксары». – URL: http://mayak.cheb.ru (дата обращения: 22.04.2026).

8. Руководители ТОПов республики обменялись опытом работы // БУ «Детско-юношеская библиотека» Минкультуры Чувашии. – URL: https://rdub21.ru/?p=36845 (дата обращения: 28.04.2026).

9. Сафонова Н.К. Игры в детской библиотеке: теория, методика, библиотечная практика: учеб. пособие / Н.К. Сафонова. – Челябинск, 2006. – 58 с.

10. Смородинова М.В. Предпочтения детей и подростков в выборе литературы для чтения / М.В. Смородинова, Е.И. Ерёмина // Молодой учёный. – 2010. – Т. 2. №1–2(13). – URL: https://moluch.ru/archive/13/1112 (дата обращения: 24.04.2026).

11. Территория Общения Подростков (ТОП) – место притяжения молодёжи! – URL: https://molod.cap.ru/news/2025/02/26/territoriya (дата обращения: 22.04.2026).

12. Чтение в эпоху цифры // Аналитический центр ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtenie-v-ehpokhu-cifry (дата обращения: 24.04.2026).

Неронова Елена Юрьевна
канд. техн. наук, доцент, декан
ФГБОУ ВО «Вологодская государственная
молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина»
г. Вологда, Вологодская область
Новокшанова Алла Львовна
д-р техн. наук, доцент, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр питания,
биотехнологии и безопасности пищи»
г. Москва

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНЖЕНЕРА-ТЕХНОЛОГА В ИНТЕГРИРОВАННОЙ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация: *в статье рассматривается профессиональная социализация и становление студентов в условиях интегрированной практико-ориентированной образовательной среды. На примере подготовки инженеров-технологов молочной промышленности в Вологодской ГМХА анализируется образовательный контур «теория – практика – производство». Профессиональное становление трактуется как путь от знакомства с профессией до готовности к самостоятельной деятельности. Ключевые инструменты интеграции – проектная деятельность, работа в экспериментальном цехе и многоуровневая система практик.*

Ключевые слова: *профессиональная социализация, профессиональное становление, интегрированная практико-ориентированная образовательная среда, инженер-технолог, проектная деятельность, экспериментальный цех, производственная практика, профессиональная идентичность.*

Сегодня система высшего образования должна готовить специалиста, способного применять знания, самостоятельно развиваться, принимать решения и адаптироваться к изменениям. Профессиональное образование не может ограничиваться передачей теории [3; 5].

Студент становится профессионалом постепенно, включаясь в систему профессиональных отношений. Он осваивает технологические операции, профессиональные нормы, ответственность, коммуникацию и ценности профессии. Поэтому социализация и

профессиональное становление должны рассматриваться во взаимосвязи [4].

Социализация обеспечивает включение в профессиональную среду, а профессиональное становление выражается в развитии мотивации, идентичности, компетентности и готовности к самостоятельной деятельности [6].

Профессиональная социализация – процесс освоения студентом профессиональных ролей, норм и ценностей. Важнейший результат – профессиональная идентичность, то есть осознание принадлежности к профессии [1].

Профессиональное становление включает развитие мотивации, знаний, идентичности, субъектности, ответственности и рефлексии [2].

Анализ опирается на три подхода: системный (подготовка как целостный процесс), компетентностный (готовность действовать в реальных ситуациях) и теорию профессиональной социализации (становление через включение в профессиональные отношения) [8]. Интегрированная практико-ориентированная образовательная среда концептуализируется как социально-педагогическая экосистема, обеспечивающая включение личности в профессиональную среду через единство теории и практики.

Формирование инженера-технолога опирается на четыре компонента.

1. Аксиологический компонент – принятие ценностей качества, безопасности и дисциплины. Для инженера молочной промышленности это особенно важно, так как от его решений зависит здоровье потребителей. Формирование происходит через изучение нормативов, анализ ситуаций, обсуждение этики и осознание ответственности.

2. Когнитивный компонент – понимание законов производства. Студент осваивает технологические процессы, организацию труда, управление качеством и нормативное регулирование. Формирование обеспечивается через дисциплины, кейсы, проекты и практики. Студент должен уметь анализировать проблемы и обосновывать решения.

3. Деятельностный компонент – умение работать в команде над технологическими задачами. Инженер взаимодействует с операторами, лабораториями и руководителями. Формирование происходит через проекты, занятия в экспериментальном цехе, практики и решение реальных задач. Развиваются коммуникация, распределение обязанностей и коллективная ответственность.

4. Рефлексивный компонент – способность анализировать опыт и планировать рост. Формирование обеспечивается через

портфолио, отчёты, консультации и самооценку. Рефлексия помогает студенту понимать, что он умеет, какие задачи вызывают трудности и каким специалистом хочет стать [1].

Интегрированность образовательного процесса достигается последовательной сменой видов деятельности, где каждый этап становится основой для следующего. В Вологодской ГМХА это реализуется через три механизма: проектную деятельность, занятия в экспериментальном цехе и систему практик.

1. Проектная деятельность катализирует переход от пассивного обучения к субъектной позиции. В отличие от учебного задания, проект предполагает проблему, самостоятельный поиск решения, планирование и презентацию результата. Студент проходит цикл от выявления проблемы (разработка нового продукта или оптимизация рецептуры) до защиты решения. Это формирует инициативность, ответственность, тайм-менеджмент, критическое мышление, командную работу и профессиональную рефлексию.

Проектная деятельность выполняет несколько функций. Мотивационная функция помогает преодолеть разрыв между теорией и практикой. Социализирующая функция развивает навыки командной работы. Профессионально-ориентирующая функция позволяет попробовать разные роли. Рефлексивная функция способствует анализу собственных действий.

Для студентов проектом может быть разработка нового молочного продукта, совершенствование рецептуры, оценка качества сырья или исследование потребительских свойств.

2. Экспериментальный цех служит мостом между учебной лабораторией и производством. Работа в полупроизводственных условиях приучает к соблюдению технологических режимов и санитарных норм. Студенты изготавливают сыр, творог, кисломолочные продукты, мороженое, молочные консервы и масло.

Работа в экспериментальном цехе способствует профессиональной социализации по нескольким направлениям:

− предметно-технологическая сторона: теоретические знания о свойствах молока, молочнокислых процессах и хранении продукта получают практическое подтверждение;

− ответственность за результат: ошибка в дозировке, температурном режиме или санитарной подготовке может повлиять на качество продукта. Студент видит связь между своим решением и результатом производства;

− профессиональная наблюдательность. Обучающийся учится оценивать консистенцию, вкус, запах, внешний вид и другие показатели продукта;

− командная работа: производственный процесс требует согласованных действий. Студент должен выполнять свою операцию, учитывать действия коллег и соблюдать технологическую последовательность;

− профессиональная рефлексия: студент сопоставляет планируемый и фактический результат, выявляет причины отклонений и предлагает способы улучшения технологии.

Таким образом, экспериментальный цех является не просто материально-технической базой. Он выступает пространством профессиональных проб, где студент получает опыт действия, ответственности, взаимодействия и анализа. Здесь происходит первичное погружение в корпоративную культуру предприятия.

3. Система практик обеспечивает логику усложнения профессиональных задач и постепенное включение студента в профессиональную среду.

Учебная практика – этап адаптации и знакомства с отраслью. Студент знакомится с организацией производства, наблюдает за специалистами, осваивает правила безопасности, получает представление о технологических процессах и работает с документацией. Это важно для первичной профориентации и формирования профессиональной идентичности.

Технологическая практика знаменует переход от наблюдения к самостоятельному выполнению операций. Студент учится анализировать технологическую схему, подбирать режимы, работать с оборудованием, выявлять отклонения, контролировать качество и оформлять документацию. Студент начинает воспринимать себя как будущего специалиста.

Научно-исследовательская практика направлена на развитие аналитических способностей и навыков постановки эксперимента. Студент исследует свойства сырья, влияние режимов на качество, состав продуктов и возможности совершенствования рецептуры. Это развивает познавательную самостоятельность и профессиональную инициативу.

Преддипломная практика – финальная проверка готовности к автономной работе. Студент самостоятельно анализирует производственную ситуацию, применяет компетенции, собирает материал для

выпускной работы и обосновывает предложения. Это способствует окончательному уточнению профессиональной позиции.

Таким образом: учебная практика – знакомство, технологическая – освоение действий, научно-исследовательская – анализ и поиск решений, преддипломная – интеграция компетенций.

В процессе профессиональной социализации могут возникнуть определенные барьеры [7].

1. Личностные барьеры включают инфантильный выбор профессии, страх перед ответственностью и трудности в командном взаимодействии. Часть абитуриентов поступает без понимания специфики профессии, что снижает мотивацию.

2. Когнитивные барьеры выражаются в разрыве между теоретическими знаниями и их применением на практике. Студент может успешно осваивать материал, но испытывать трудности при решении реальных задач.

3. Организационные барьеры включают формализм в прохождении практик, дефицит оборудования и отсутствие системы наставничества. Практика может превращаться в формальное выполнение заданий.

4. Мотивационные барьеры проявляются в падении интереса из-за непонимания карьерных перспектив и разрыва между ожидаемыми и реальными условиями труда.

Преодоление выявленных барьеров возможно за счет комплекса мер по совершенствованию образовательного процесса.

Векторы оптимизации.

1. Синхронизация с индустрией предполагает внедрение проектов на основе реальных заказов молокоперерабатывающих предприятий и увеличение доли практиков в учебном процессе.

2. Развитие гибких навыков включает интеграцию тренингов по коммуникации, конфликтологии и управлению командой.

3. Ранняя профилизация предполагает расширение сети агроклассов для осознанного входа в профессию. Знакомство школьников с профессией инженера-технолога через экскурсии, мастер-классы, олимпиады и проектные мероприятия помогает сформировать более осознанный выбор образовательной траектории.

4. Формирование рефлексивной культуры включает ведение цифрового портфолио, сессии обратной связи и индивидуальные консультации.

5. Педагогический альянс предполагает работу преподавателя в связке с производственным наставником.

Опыт Вологодской ГМХА.

Академия реализует модель бесшовного образования как завершённую систему. Через агроклассы формируется ранний интерес к молочному делу и молочной промышленности. Школьники получают возможность познакомиться с профессией, посетить лабораторию, поучаствовать в мастер-классах и проектах. Проектная деятельность развивает исследовательский потенциал. Экспериментальный цех закаляет практические навыки. Цепочка практик гарантирует постепенное погружение в реальный сектор.

Академия взаимодействует с предприятиями молочной отрасли, что позволяет согласовывать содержание практик с реальными требованиями производства и обеспечивать трудоустройство выпускников.

Реализация модели интегрированной практико-ориентированной образовательной среды в Вологодской ГМХА демонстрирует высокую эффективность. Она позволяет сформировать зрелую личность с устойчивой профессиональной идентичностью.

Ключевым результатом становится выпускник, обладающий высокой адаптивностью, установкой на непрерывное саморазвитие, навыками командной работы, готовностью нести ответственность, способностью к профессиональной рефлексии и пониманием актуальных требований отрасли.

Таким образом, интегрированная практико-ориентированная образовательная среда выступает необходимым условием воспроизводства конкурентоспособных инженерных кадров для аграрного сектора.

Профессиональное становление личности студента в условиях такой среды представляет собой сложный процесс, включающий развитие мотивации, идентичности, субъектности и рефлексии. Интегрированность проявляется тогда, когда студент видит целостность своего профессионального пути и принимает участие в построении собственной траектории.

На примере Вологодской ГМХА перспективным становится переход к модели «ориентация – идентификация – действие – рефлексия – профессиональное саморазвитие».

Список литературы

1. Вайсбург А.В. Модель процесса профессиональной социализации специалиста / А.В. Вайсбург // Профессиональная ориентация. – 2014. – №1. – С. 32–43. EDN TOBWHL

2. Липс Н.И. Профессиональная социализация студентов педагогического колледжа: необходимость, проблемы, пути решения / Н.И. Липс // Гуманитарный научный вестник. – 2023. – №9. – С. 21–27. DOI 10.5281/zenodo.10037693. EDN PBUNSO

3. Неронова Е.Ю. Социально-педагогические аспекты подготовки технолога молочной промышленности в условиях бесшовного образования / Е.Ю. Неронова, А.Л. Новокшанова // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 22 июля 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 101–104. EDN YPDRYR

4. Панфилова О.В. Проблемы профессиональной социализации студентов в условиях современного высшего образования / О.В. Панфилова // Психологические аспекты социализации личности в условиях современного образования: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.А. Еланцева. – Ишим: Ишимский гос. пед. ин-т им. П.П. Ершова, 2013. – С. 117–126. EDN SELIBH

5. Попова Е.М. Применение современных педагогических методик для усовершенствования процесса преподавания в аграрном вузе / Е.М. Попова, Е.Ю. Неронова // Аграрная наука и производство: новые подходы и актуальные исследования: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения А.И. Бараникова (Персиановский, 10–12 февр. 2026 г.). Т. 1. – Персиановский: Донской гос. аграр. ун-т, 2026. – С. 48–51. EDN DFUTHV

6. Селейдарян Э.М. Проблема социализации личности студента в вузе / Э.М. Селейдарян, А.Ю. Шуть // Инновационные научные исследования 2023: педагогика и психология: сб. материалов XXIV Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф. (Москва, 19 апр. 2023 г.). – М.: Науч.-изд. центр «Империя», 2023. – С. 114–115. EDN RFVYJK

7. Соболевская Т.В. Диагностика психологических барьеров учебно-профессиональной деятельности студентов университета / Т.В. Соболевская, Е.Н. Ткач // Живая психология. – 2023. – Т. 10. №5(45). – С. 98–107. DOI 10.58551/24136522_2023_10_5_98. EDN WERVPU

8. Яковлева О.И. Современные теоретические подходы к профессиональной социализации / О.И. Яковлева // Наука как призвание: теория и практика: материалы 2-й междисциплинар. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 21 февр. 2023 г.) / сост. А.В. Киричек, Н.А. Ходикова. – М.: Академия ГПС МЧС России, 2023. – С. 380–385. EDN DCNEXC

Новикова Дарья Игоревна
бакалавр, студентка
Рось Анна Юрьевна
доцент, магистрант

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого»
г. Великий Новгород, Новгородская область

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ И КРИЗИС УДЕРЖАНИЯ КАДРОВ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *в статье проводится комплексное исследование проблем профессиональной мотивации, эмоционального выгорания и текучести кадров в системе общего образования на примере Новгородской области. Эмпирическую базу составили данные анкетирования и глубинного анализа педагогических работников образовательных учреждений Великого Новгорода, а также студентов педагогических направлений Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ). Рассматривается историко-культурная эволюция статуса учителя, выявляется влияние региональной специфики на профессиональное самоопределение. На основе теорий мотивации и модели Е.А. Климова проводится деконструкция факторов ухода специалистов. Особое внимание уделено структурным проблемам: чрезмерной бюрократической нагрузке, региональному дисбалансу в оплате труда и институциональным барьерам в реализации права на отпуск. Разработана многоуровневая модель профилактики выгорания и удержания кадров, включающая рекомендации для педагогов, школьной администрации и органов управления образованием.*

Ключевые слова: *профессия учителя, профессиональное выгорание, текучесть кадров, мотивация педагогов, региональная образовательная политика, Новгородская область, бюрократическая нагрузка, оплата труда учителя, психологическая поддержка.*

Введение. Постановка проблемы в историко-социологическом контексте.

Школа как социальный институт неразрывно связана с фигурой учителя. Однако современная система образования сталкивается с

беспрецедентным кризисом удержания кадров: педагоги теряют силы, мотивацию и желание продолжать профессиональную деятельность. Профессия учителя трансформировалась из миссии по передаче сакральных знаний в непрерывную гонку, обусловленную растущей нормативной нагрузкой, тотальной цифровизацией, высокими ожиданиями общества и необходимостью постоянного освоения инновационных методик.

Исторический анализ показывает, что образ педагога претерпевал радикальные изменения. Если в Древнем Египте и Месопотамии учитель (писец, уммия) был обладателем сакрального знания, освобождающим от физического труда, а в Античности (Сократ, Платон, Аристотель) выступал философом-наставником, проводником к истине, то в Средневековье профессия оказалась монополизирована церковью, где материальные стимулы уступали место духовному служению. Эпоха Возрождения и Новое время (Я.А. Коменский, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) вернули фокус на личность ребенка, а в XIX веке, благодаря трудам К.Д. Ушинского и развитию земского образования в России, учитель стал государственным служащим и проводником прогресса. Советский период наделил профессию идеологическим ореолом («инженеры человеческих душ»), обеспечив ей высочайший социальный престиж.

Однако в XXI веке, в условиях глобальной цифровизации и доступности информации, учитель утратил монополию на знание. Его роль сместилась в сторону тьюторства, фасилитации и медиации. На фоне этой глобальной трансформации региональные системы образования, такие как система образования Новгородской области, сталкиваются с острым кадровым дефицитом. Молодые специалисты уходят в первые годы работы, опытные педагоги накапливают усталость, а приток новых кадров не покрывает потребностей системы. Цель данного исследования – выявить ключевые факторы мотивации и профессионального выгорания педагогов Новгородской области с учётом их стажа, локации (город/село) и условий труда, а также разработать стратегию адресной поддержки.

Теоретико-методологические основы исследования мотивации педагога. Выбор профессии и последующее удержание в ней являются сложными многофакторными процессами. Для анализа профессионального самоопределения студентов НовГУ и действующих педагогов нами применялась классическая трёхкомпонентная модель Е.А. Климова «Хочу – Могу – Надо». Оптимальный выбор достигается на пересечении личных интересов («Хочу»), психофизиологических способностей («Могу») и рыночной

востребованности («Надо»). В современной российской реальности компонент «Надо» (государственная потребность в педагогах) часто диссонирует с компонентами «Хочу» и «Могу» из-за непривлекательности внешних условий труда.

Для верификации мотивационных факторов использовались фундаментальные психологические теории.

1. *Иерархия потребностей А. Маслоу.* Выбор педагогики часто диктуется потребностями в принадлежности, уважении и самоактуализации. Однако, когда базовые потребности (безопасность, физиологический комфорт, адекватное материальное обеспечение) не удовлетворяются из-за низких зарплат, высшие мотивы (служение детям) блокируются.

2. *Двухфакторная теория Ф. Герцберга.* Гигиенические факторы (зарплата, условия труда, бюрократия, политика администрации) в современной школе не мотивируют, но их негативное состояние вызывает острое неудовлетворение и уход. Истинными мотиваторами (признание, творчество, результат) педагог не может воспользоваться из-за давления гигиенических факторов.

3. *Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана.* Подчёркивает примат внутренней мотивации (любовь к детям, интерес к предмету). Однако внешнее давление (отчётность, штрафы, жёсткий контроль) приводит к «выученной беспомощности» и деградации внутренней мотивации.

Мотивы выбора профессии нами классифицированы на три группы:

− внутренние (содержательные): интерес к работе с детьми, творческая самореализация;

− внешние (инструментальные): социальный пакет, длительный отпуск, программы вроде «земский учитель»;

− социально-нормативные: педагогические династии, влияние школьных наставников.

Специфика профессии учителя, усугубляющая риск выгорания, включает: колоссальную эмоциональную нагрузку (работа в режиме постоянного межличностного взаимодействия), дисбаланс творческого и рутинного (бюрократического) труда, публичность и тотальную ответственность, зависимость от внешних стейкхолдеров (родители, чиновники) и сезонность пиковых нагрузок.

Региональный контекст: дихотомия «Город – Село» в Новгородской области.

Новгородская область выступает репрезентативной моделью для изучения региональных диспропорций в образовании.

Статистика Минобразования региона (2023 г.) фиксирует острую нехватку учителей в сельских районах (Батецкий, Маревский, Поддорский), где дефицит по математике, английскому языку и физике достигает 30%. В малых городах (Старая Русса, Валдай) наблюдается старение педагогического состава.

Региональная система поддержки включает программу «Земский учитель» (выплата 1 млн руб. при условии отработки 5 лет), субсидии на ипотеку (5% годовых), компенсации аренды жилья (до 50%, но не более 5000 руб.) и компенсации коммунальных услуг для сельских педагогов. Несмотря на эти меры, инфраструктурная изоляция, отсутствие культурно-досуговой среды, проблемы с транспортной доступностью и ограниченный доступ к качественному повышению квалификации (центры которого сконцентрированы в Великом Новгороде) нивелируют финансовые стимулы.

В то же время, в Великом Новгороде педагоги сталкиваются с иными вызовами: высокой плотностью застройки, ростом числа детей мигрантов (требующим адаптации методик), жесткой конкуренцией и более высокими, но всё равно недостаточными, финансовыми ожиданиями. Общественное восприятие учителя в селе остается высоким (учитель – статусная фигура сообщества), тогда как в городе профессия сталкивается с конкуренцией со стороны корпоративного сектора.

Дизайн и методология эмпирического исследования.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе анонимного анкетирования и структурированного интервьюирования. *Объект исследования*: 66 педагогов образовательных учреждений Великого Новгорода, а также когорта студентов педагогических направлений НовГУ. *Предмет исследования*: Динамика мотивации и проявления профессионального выгорания на разных этапах профессионального пути.

Выборка педагогов репрезентативно отражает возрастно-стажевую структуру:

− возраст: 18–22 года (12%), 26–35 лет (23%), 36–45 лет (42%), 46–55 лет (18%), старше 55 лет (5%);

− стаж: до 1 года (9%), 2–3 года (14%), 5–10 лет (33%), 11–15 лет (27%), более 15 лет (17%).

Наиболее многочисленную группу составляют педагоги 36–45 лет со стажем 5–10 лет, что указывает на то, что ядро педагогического состава находится в фазе активного профессионального становления и максимальной уязвимости к выгоранию.

На основе комплексной оценки симптомов выгорания, удовлетворённости работой и наличия мыслей об уходе из профессии, выборка была стратифицирована на три группы риска.

1. *Низкий риск (17%)* – высокая удовлетворённость, редкие симптомы выгорания.

2. *Средний риск (45%)* – умеренная удовлетворённость, периодическое выгорание, эпизодические мысли об уходе.

3. *Высокий риск (38%)* – низкая удовлетворённость, регулярное выгорание, устойчивые планы о смене профессии.

Тот факт, что более 80% респондентов находятся в зонах среднего и высокого риска, свидетельствует о системном кризисе профессионального благополучия в урбанизированной среде региона.

Анатомия профессионального неблагополучия: анализ факторов ухода.

Анализ причин, побуждающих педагогов задуматься о смене профессии, позволил выстроить иерархию деструктивных факторов.

Бюрократический гнёт и чрезмерная нагрузка (43%).

Абсолютным лидером среди причин ухода является чрезмерная учебная и административная нагрузка (32 упоминания, 43%). Официальная норма в 18 часов педагогической нагрузки (ставок) не отражает реального времени, затрачиваемого на работу. Анализ распределения рабочего времени показывает, что реальная рабочая неделя учителя составляет от 50 до 70 часов.

Таблица 1

Вид деятельности	Среднее время в неделю (часы)
Проведение уроков	18–22
Подготовка к урокам (в т.ч. для детей с ОВЗ)	8–12
Заполнение отчётности, электронных журналов	10–15
Внеурочные мероприятия, кружки	4–8
Работа с электронными системами мониторинга	5–7
Консультации и общение с родителями	3–5

Педагоги вынуждены разрабатывать индивидуальные программы для детей с ОВЗ, вести множественные журналы внеурочной деятельности, участвовать в непрофильных конкурсах и акциях. Следствием является хроническая усталость, формализация

подхода к обучению («работа для галочки») и отсутствие времени на самообразование.

Разочарование в системе образования (36%).

Второй фактор (27 упоминаний) носит экзистенциальный характер. Педагоги разочарованы в эффективности внедряемых сверху программ, отсутствии поддержки реальных инноваций и разрывом между декларируемыми целями (гуманизация, персонализация) и реальными требованиями (формальные показатели, рейтинги). Это приводит к когнитивному диссонансу и профессиональной деформации.

Экономический фактор и региональная несправедливость (34%).

Низкая оплата труда (25 упоминаний) выступает мощнейшим гигиеническим фактором по Ф. Герцбергу. Средняя зарплата учителя в Великом Новгороде (по данным на 2025–2026 гг.) составляет *31 128 рублей*, а модальная зарплата (наиболее часто встречающаяся в вакансиях) – *27 000 рублей*. Базовый оклад педагога без категории составляет около *14 183 рублей*, остальное формируется за счёт стимулирующих и компенсационных выплат, которые часто зависят от субъективного мнения администрации и недостижимых KPI.

Для понимания масштаба проблемы необходимо рассмотреть межрегиональную дифференциацию.

Таблица 2

Регион	Средняя зарплата учителя	Соотношение с Великим Новгородом
Чукотский АО	~142 000 руб.	В 4,6 раза выше
Ямало-Ненецкий АО	~120 700 руб.	В 3,9 раза выше
Москва	~111 000 руб.	В 3,6 раза выше
Вологодская область	~36 200 руб.	На 5 072 руб. выше
Ставропольский край	~31 900 руб.	На 800 руб. выше
Регионы Северного Кавказа	~29 000 руб.	На 2 128 руб. ниже

Общероссийский показатель средней зарплаты учителя (по данным Росстата) составляет около 63 100 рублей, что почти вдвое превышает показатели Великого Новгорода. Такой разрыв создаёт миграционные настроения. Опытные педагоги

рассматривают переезд в Москву, на Север или в соседнюю Вологодскую область, что усугубляет кадровый дефицит в Новгородской области.

Эмоциональное выгорание и конфликты (22% и 14%).

Выгорание проявляется через цинизм, снижение эмпатии к ученикам и хроническую усталость. Конфликты с демотивированными учениками и гиперопекающими или агрессивными родителями становятся триггерами для ухода, особенно у молодых специалистов, не обладающих навыками медиации.

Институциональная иллюзия отдыха: проблемы с отпуском (12%).

Хотя проблемы с отпуском указали 12% респондентов, глубокий анализ показывает, что этот фактор является катализатором общего выгорания. Традиционное представление об «учительском отпуске» разбивается о реальность.

1. *Несовпадение с каникулами детей (45%):* отпуск часто предоставляется в августе или зимой, что разрушает семейный досуг и вызывает бытовой стресс.

2. *Короткий период восстановления (38%):* время между окончанием учебного года (с отчётностью) и началом нового (с августовскими педсоветами) составляет менее месяца, что не позволяет восстановить нервную систему.

3. *Принудительные замещения (32%):* педагоги фактически не отключаются от рабочих чатов, находясь на связи на случай болезни коллег.

4. *Давление администрации (25%):* Практика дробления отпуска или переноса его на неудобное время ради «закрытия ставок» и охвата учебного материала.

Дискурс-анализ: от индивидуальных стратегий к системным решениям

Полученные данные опровергают миф о том, что проблемы учителей связаны исключительно с их неумением «тайм-менеджмента». Проблемы носят *структурный и институциональный характер*. Замкнутый круг профессионального неблагополучия выглядит так: *Высокая бюрократическая нагрузка → Отсутствие времени на восстановление → Невозможность полноценно отдохнуть в отпуске → Хронический стресс и снижение качества преподавания → Давление со стороны администрации и родителей → Эмоциональное выгорание и уход из профессии.*

При этом исследование выявило и позитивный потенциал: педагоги Новгородской области демонстрируют высокую готовность к неформальному сотрудничеству, обмену методическими материалами и взаимопомощи. Существует запрос на прозрачность критериев оплаты труда и справедливое распределение нагрузки.

Стратегические рекомендации: многоуровневая модель поддержки.

Для разрыва порочного круга профессионального неблагополучия нами разработана многоуровневая модель рекомендаций, применимая в условиях Новгородской области.

Микроуровень. Личные стратегии педагога.

Аудит нагрузки. Ведение «дневника нагрузки» для выявления пожирателей времени и последующего отказа от неэффективных рутинных действий.

Коллегильная кооперация. Создание внутри предметных кафедр банков шаблонных материалов (презентаций, тестов, планов уроков) для исключения дублирования работы.

Финансовая грамотность. Глубокое изучение структуры стимулирующих выплат, участие в грантовых конкурсах (в т.ч. региональных новгородских инициативах), формирование «финансовой подушки».

Цифровая гигиена. Жёсткое ограничение времени на проверку рабочих чатов в вечернее время и в период отпуска (правило «одного окна» для связи).

Мезоуровень. Управленческие решения школьной администрации.

Институционализация «Дней тишины». Введение одного дня в месяц, полностью освобождённого от совещаний, родительских собраний и внеплановых отчётов.

Оптимизация совещаний. Переход от часовых собраний к 20-минутным планёркам с чётким таймингом и повесткой.

Защита права на отпуск. Закрепление локальным актом школы нормы о недопустимости принудительного вызова педагога из отпуска. Введение системы ротации замещений.

Прозрачность KPI. Публикация инфографики и проведение ежеквартальных «финансовых ликбезов» с бухгалтерией для разъяснения механизмов формирования стимулирующих выплат.

Поддержка молодых специалистов. Снижение внеурочной и классной нагрузки для учителей со стажем до 3 лет; закрепление за ними наставников не только для методической, но и для психологической адаптации.

Макроуровень. Региональная образовательная политика (Органы управления образованием Новгородской области).

Реформа планирования отпусков. Разработка муниципального типового положения, обязывающего школы составлять график отпусков с учётом каникул детей педагогов не позднее апреля текущего года.

Адресная поддержка сельских учителей помимо программы «Земский учитель», необходимо развитие инфраструктуры: создание межшкольных методических центров в районных центрах (Валдай, Боровичи, Старая Русса) для снижения необходимости постоянных поездок в Великий Новгород за повышением квалификации.

Борьба с бюрократией. Муниципальный аудит всех форм отчётности, требуемых от школ, с целью отмены дублирующих и необязательных документов.

Психологическая разгрузка. Внедрение региональных программ профилактики выгорания, создание «телефонов доверия» и групп супервизии для педагогов, работающих в зонах повышенного стресса (выпускные классы, инклюзия).

Заключение.

Проведённое исследование профессионального благополучия педагогов Великого Новгорода и анализ региональной специфики Новгородской области позволяют констатировать: система общего образования находится в состоянии скрытого кадрового кризиса. Около 40% педагогов находятся в зоне высокого риска ухода из профессии.

Главным врагом учителя сегодня является не сложность педагогической деятельности как таковой, а *институциональная среда*, характеризующаяся тотальной бюрократизацией, размыванием границ рабочего времени, региональным экономическим дисбалансом и игнорированием базовых потребностей в восстановлении. Исторически сложившаяся парадигма, эксплуатирующая внутреннюю мотивацию и «призвание» учителя, исчерпала себя. В условиях информационного общества и цифровизации учитель не может быть эффективным наставником, фасилитатором и медиатором, находясь в состоянии хронического стресса и выживания.

Реализация предложенных многоуровневых рекомендаций – от внедрения «дней тишины» в отдельных школах до пересмотра региональных подходов к нормированию труда и прозрачности оплаты – позволит не только снизить текучесть кадров на 15–20% в среднесрочной перспективе, но и вернуть профессии учителя статус уважаемого, устойчивого и привлекательного выбора для

выпускников Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Забота о профессиональном благополучии педагога является не просто вопросом социальной справедливости, но и базовым условием обеспечения национальной безопасности и качества человеческого капитала России.

Список литературы

1. Герцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снидерман; пер. с англ. Д.А. Куликова. – М.: Вершина, 2007. – 240 с.

2. Деси Э.Л. Почему мы поступаем так, а не иначе: внутренняя мотивация и внешняя оценка / Э.Л. Деси, Р.М. Райан; пер. с англ. – М.: Смысл, 2010. – 384 с.

3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.А. Климов. – 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2012. – 304 с. EDN QYEYSD

4. Коменский Я.А. Великая дидактика / Я.А. Коменский; пер. с лат. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1875. – 280 с.

5. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.

6. Министерство образования Новгородской области. Статистический отчёт о дефиците педагогических кадров в Новгородской области и реализации региональных программ поддержки (2023 г.). – Великий Новгород, 2023.

7. Росстат. Данные по средней заработной плате учителей в субъектах Российской Федерации (2025 г.). – М., 2025.

8. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский. – Киев: Радянська школа, 1974. – 288 с.

9. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / К.Д. Ушинский. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1868–1869. – Т. 1–2.

10. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон №273-ФЗ от 29.12.2012 (последняя редакция). – М., 2026.

11. Макаренко А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. – М.: Художественная литература, 1937. – 640 с.

12. Программа «Земский учитель»: официальный портал Министерства просвещения РФ. – URL: https://edu.gov.ru (дата обращения: 10.05.2026).

13. Локк Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк; пер. с англ. – М.: Директ Медиа, 2006. – 168 с.

14. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо; пер. с франц. – М.: Книга по требованию, 2012. – 568 с.

15. Роттердамский Э. О способе обучения / Э. Роттердамский; пер. с лат. – М.: Либроком, 2011. – 96 с.

Писарев Валентин Александрович
соискатель
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-169056

ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА

Аннотация: *в статье представлены результаты опроса учащихся старших классов Санкт-Петербурга (N = 102) о трудовом опыте, ожидаемых и реальных трудностях при выходе на работу и оценке школьной подготовки. Выявлено, что ожидаемые трудности у учащихся без опыта превышают реальные у работающих сверстников (особенно в самостоятельном принятии решений и стрессоустойчивости). Школа получает низкие оценки по востребованным компетенциям: управление конфликтами, цифровые навыки, оценка рисков, знание трудового законодательства. Результаты согласуются с данными опроса 793 школ (2025): около трети фиксируют разрыв между практиками и требованиями рынка труда. Первый трудовой опыт снижает завышенные ожидания трудностей.*

Ключевые слова: *учащиеся старших классов, трудовой опыт, адаптация к трудовой деятельности, универсальные компетенции, трудовое воспитание.*

Введение.

Проблема готовности молодежи к самостоятельной трудовой деятельности остается актуальной в педагогических исследованиях. В условиях трансформирующегося рынка труда нарастает спрос на начинающих специалистов, обладающих не только профессиональными знаниями, но и широким спектром универсальных компетенций – коммуникативных, когнитивных, личностных. По данным наших предыдущих исследований [1; 2], затруднения, которые начинающие специалисты испытывают в период адаптации к трудовой деятельности, в значительной мере обусловлены не дефицитом предметных знаний, а недостаточной сформированностью именно универсальных компетенций: неготовностью

самостоятельно принимать решения в нестандартных ситуациях, трудностями в выстраивании взаимодействия с коллегами и клиентами, неумением распознавать приоритеты в потоке рабочих задач.

Вопрос о том, где именно первоначально формируются эти компетенции, обращает исследовательское внимание к школьному периоду. Для большинства молодых людей школа является первой системной средой развития личных качеств и надпрофессиональных способностей. Вместе с тем, проведенное нами исследование школьных практик трудового воспитания в 2025 году, показало, что около трети школ сами фиксировали разрыв между реализуемыми практиками и требованиями современного рынка труда [3]. При этом, описанные школьные практики сосредоточены преимущественно на профориентационных, экологических и социально-волонтерских формах деятельности, тогда как формирование готовности к конкретным трудовым ситуациям – принятию решений, взаимодействию в рабочем коллективе, стрессоустойчивости – остается в большей мере стихийным. Возникает исследовательски значимый вопрос: как сами старшеклассники оценивают свою готовность к трудовой деятельности, и как первый трудовой опыт соотносится с ожиданиями тех, кто такого опыта еще не имеет?

Цель исследования – проанализировать результаты опроса, выявить и сопоставить самооценку трудностей адаптации у учащихся, имеющих опыт оплачиваемой работы, с самооценкой ожидаемой трудности у учащихся, которые не имеют такого опыта. А также оценить, как старшеклассники воспринимают вклад школы в формирование универсальных компетенций.

Материалы и методы.

Исследование проводилось в мае 2026 года на базе нескольких общеобразовательных организаций Санкт-Петербурга. Инструмент сбора данных – онлайн-форма. Используются следующие обозначения:

− (n) – для указания общего объема выборки, численности отдельных групп респондентов;

− (m) – средний балл по ответам респондентов на вопросы, предусматривающие оценку по пятибалльной шкале. Для его расчета сумма всех выставленных респондентами баллов делилась на число респондентов, давших оценку по соответствующему вопросу.

Общая выборка составила 102 учащихся (n = 102), где 65,7% составили женщины, а 34,3% мужчины. Охват составил 8–11 классы, где: 9 класс – 38,2% (n = 39), 8 класс – 23,5% (n = 24), 11 класс – 24,5% (n = 25), 10 класс – 13,7% (n = 14).

Ключевой особенностью опроса является разделение вопросов на две структурные группы, в соответствии с наличием или отсутствием у учащегося трудового опыта. Учащиеся, работающие в настоящее время или работавшие ранее (n = 39, из них 12 работают в момент опроса), отвечали на блок из семи вопросов, связанный с оценкой фактически испытанных затруднений по шкале от 1 до 5 (где 1 – «очень легко», 5 – «очень трудно»). Учащиеся, никогда не работавшие (n = 63), отвечали на блок, связанный с самооценкой ожидаемой трудности по восьми позициям аналогичного содержания, ожидаем трудностям с освоением цифровых инструментов, и оценку того, насколько школа формирует конкретные универсальные компетенции.

Полученные результаты.

Характеристика трудового опыта учащихся.

Из 102 опрошенных 38,2% (n = 39) имеют или имели опыт оплачиваемой работы, а 61,8% (n = 63) никогда не работали. Доминирующие сферы занятости у работавших: сфера общественного питания – 20,3%, физический труд (разнорабочий, уборщик) – 11,9%, торговля и услуги – 8,5%. Значимую долю – 13,6% – составляет категория «другое», включающая разнообразные занятия: работа в типографии, роль вожатого, шитье, помощь судебному приставу. Таким образом, занятость работающих старшеклассников сосредоточена преимущественно в секторах сферы обслуживания базового уровня, что делает их опыт релевантным теме исследования.

Продолжительность работы у большинства работавших невелика: 30,8% ответивших работали менее 1 месяца, ещё 30,8% – от 1 до 3 месяцев. Только 12,8% имеют стаж более года. Преобладающий формат работы – на месте работодателя (76,9%). Документальное оформление занятости разнородно: официальный трудовой договор – у 30,8%, разовые подработки без оформления – у 30,8%, неофициальная занятость с регулярной оплатой – у 25,6%.

Ведущие мотивы начала трудовой деятельности – желание заработать на личные расходы (61,5%) и получить опыт работы (61,5%). Роль школы как инициатора трудоустройства в данной выборке отсутствует (0 упоминаний), что соотносится с общей тенденцией, выявленной нами ранее в исследовании практик трудового воспитания: инициатива в трудоустройстве исходит от учащихся и их семей, а не от образовательной организации. Канал трудоустройства у большинства работавших – социальный: через знакомых и друзей (28,2%) или через родителей и родственников (25,6%). При этом

самостоятельный отклик на вакансию в интернете занимает третью позицию (23,1%) среди ответов.

Фактические трудности у работавших.

Работавшие учащиеся оценивают реально испытанные затруднения заметно ниже середины шкалы (таблица 1). Для каждого показателя рассчитывался средний балл (М): сумма баллов, выставленных респондентами по пятибалльной шкале, делилась на число ответивших на соответствующий вопрос. Наименее трудными оказались общение с коллегами (М = 1,49), общение с руководителем (М = 1,54) и освоение необходимых знаний и правил (М = 1,54). Относительно более трудными – общение с клиентами (М = 2,07) и самостоятельное принятие решений (М = 1,92). Важно, что взаимодействие с клиентами, которое является ключевым функциональным требованием на должностях начального звена в сфере услуг, фиксируется как наиболее затрудненное в группе работавших.

Таблица 1

Средние оценки фактических затруднений
(работавшие, n = 39; шкала 1–5)

Параметр	М
Общение с коллегами	1,49
Освоение знаний и правил	1,54
Общение с руководителем	1,54
Ответственность за результат	1,87
Самостоятельное принятие решений	1,92
Общение с клиентами	2,07
Понимание ожиданий руководителя	1,82

Трудность поиска работы в целом умеренна (М = 2,00): 53,8% оценили поиск как «очень легкий» или «скорее легкий»; вместе с тем 17,9% – как трудный или очень трудный. Главные барьеры при трудоустройстве это: возрастные ограничения (31% работавших сталкивались с отказами из-за возраста) и информационная неопределенность (18% не знали, где и как искать работу).

Обращает внимание характер организации адаптации на рабочем месте: 36% работавших имели наставника или старшего коллегу, ещё 15% – несколько дней инструктажа. Однако 36% приступили к работе без какой-либо подготовки. При возникновении трудностей работавшие обращались к коллеге (56%) или руководителю

(51%). Школа как источник поддержки не упомянута ни одним респондентом.

Ожидаемые трудности у неработавших.

Учащиеся без трудового опыта демонстрируют повышенную ожидаемую трудность по всем сопоставимым позициям (таблица 2). Наиболее высокие значения ожидаемой трудности сконцентрированы в ситуациях, требующих проявления личностной устойчивости и самостоятельности: стрессоустойчивость при контакте с грубым клиентом или коллегой (M = 2,46), самостоятельное принятие решений в отсутствие руководителя (M = 2,27), умение попросить о помощи (M = 2,22).

Таблица 2

Сопоставление ожидаемой и фактической трудности по сопоставимым позициям (шкала 1–5)

Параметр	Ожидаемая трудность (неработавшие, n = 63)	Фактическая трудность (работавшие, n = 39)	Разница
Понять ожидания в задаче	2,19	1,82	+0,37
Освоить новые правила/продукты	2,00	1,54	+0,46
Объяснить коллеге или клиенту	1,97	2,07	-0,10
Самостоятельно принять решение	2,27	1,92	+0,35
Признать ошибку и исправить	1,97	1,87	+0,10
Стрессоустойчивость	2,46	-	-
Попросить о помощи	2,22	-	-

Единственная позиция, по которой ожидаемая трудность ниже фактической, – объяснение что-либо коллеге или клиенту (M = 1,97 против M = 2,07). Это можно интерпретировать как недооценку реальных коммуникативных требований в клиентоориентированных сферах занятости.

Среди ожидаемых трудностей с освоением цифровых инструментов (блок 7) наиболее высокие значения получают освоение новой программы или приложения (M = 2,25) и использование

офисного оборудования (M = 2,13). Существенно ниже ожидаемая трудность с корпоративными мессенджерами и поиском информации (M = 1,51 и M = 1,52 соответственно), что отражает высокую степень освоения этих инструментов в повседневной жизни.

Самооценка общей готовности к работе у неработавших дифференцирована: 36,5% полагают, что справились бы, но пришлось бы многому учиться; 36,5% считают себя вполне готовыми. Только 9,5% оценивают свою готовность как очень низкую.

Оценка вклада школы в формирование универсальных компетенций.

Группа неработавших учащихся (n = 63) заполняла отдельный блок вопросов, что соответствует логике инструмента: именно эта группа даёт проспективную оценку имеющейся подготовки, не сопоставляя её ещё с реальным опытом. Оценки распределились таким образом, что ни по одной из десяти позиций школа не получила среднего балла выше 3,11 из 5 (таблица 3). При этом наиболее низкие оценки концентрируются именно вокруг компетенций, наиболее востребованных в реальной трудовой деятельности: управление конфликтами (M = 2,56), цифровые навыки (M = 2,57), оценка рисков и последствий действий (M = 2,63), права работника (M = 2,75).

Таблица 3

Оценка вклада школы в формирование компетенций (неработавшие, n = 63; шкала 1–5, где 1 – «совсем не даёт», 5 – «в полной мере»)

Компетенция	M
Управление конфликтами	2,56
Цифровые навыки	2,57
Оценка рисков и последствий	2,63
Права и обязанности работника	2,75
Тайм-менеджмент	2,78
Применение знаний в реальной деятельности	2,79
Ориентация в мире профессий	3,03
Принятие решений и ответственность	3,06
Коммуникация и общение	3,06
Командная работа	3,11

Что касается дефицитов школьной подготовки к работе, неработавшие учащиеся наиболее часто указывали на нехватку практики – реальных задач, кейсов, стажировок (75% неработавших

выбрали этот вариант). На втором месте располагаются навыки преодоления стрессовых ситуаций (44%), затем работа с современными программами и устройствами (33%), информация о профессиях и рынке труда (32%), коммуникативные навыки и командная работа (32%). Лишь 6% неработавших полагают, что школа готовит к работе в достаточной мере.

Обобщение результатов.

Полученные данные в совокупности поддерживают следующую аналитическую интерпретацию. Учащиеся, не имеющие трудового опыта, систематически переоценивают ожидаемую трудность ситуаций, требующих самостоятельного действия и взаимодействия с людьми. Первый реальный трудовой опыт – даже непродолжительный и неформальный – оказывается корректирующим: работавшие сверстники ретроспективно оценивают те же ситуации существенно ниже по трудности. Это расхождение концептуально согласуется с логикой деятельностного подхода: самооценка готовности к деятельности формируется в процессе самой деятельности, а не в ходе учебных заданий, имитирующих её [1]. Именно поэтому приобретение начального трудового опыта выступает не просто биографическим фактом, но образовательным событием, меняющим самооценку человека.

Вместе с тем обнаруживается важное исключение: ранее не работавшие ожидают объяснение коллеге или клиенту более лёгким, чем оно оказывается в реальности. Это согласуется с результатами наших предыдущих опросов специалистов начального звена [1; 2], где коммуникация с клиентом была выделена как одна из ведущих зон затруднений. По всей видимости, подростки, не имея реального клиентского контекста, ориентируются на бытовой опыт общения, который существенно отличается от требований сервисного взаимодействия в условиях трудовой деятельности.

Низкие оценки вклада школы в формирование практически-ориентированных компетенций (управление конфликтами, цифровые навыки, права работника) не являются неожиданными. Эти оценки соотносятся с тем, что в исследовании практик трудового воспитания школы сообщали сами: реальное трудовое воспитание в большинстве организаций ориентировано на профориентацию, экологические и социальные акции, но не на формирование готовности к конкретным трудовым ситуациям [3]. Разрыв между декларируемыми результатами трудового воспитания и ожиданиями учащихся обнаруживается со стороны самих же обучающихся.

Необходимо сделать ряд методологических оговорок. Инструментальное разведение двух групп – намеренное и методически оправданное: оно позволило получить от каждой группы содержательно релевантные данные. Вместе с тем это означает, что прямое числовое сравнение средних значений между группами по «сопоставимым» позициям следует трактовать как иллюстративное, а не как результат сравнительного теста. Реальный эффект различия может быть установлен только при использовании идентичного инструмента для обеих групп. Кроме того, выборка охватывает несколько школ Санкт-Петербурга и не может рассматриваться как репрезентативная для других регионов. Наконец, нельзя исключить систематическое смещение, связанное с гендерным дисбалансом (65,7% женщин) – особенно применительно к оценке готовности к физически нагруженным или технически ориентированным видам труда.

Заключение.

Проведенное исследование по результатам опроса показывает, что у учащихся старших классов, не имеющих трудового опыта, фиксируется более высокая самооценка ожидаемой трудности в ситуациях самостоятельного действия и взаимодействия с людьми, чем у их сверстников с опытом работы. При этом школа, по оценкам самих учащихся, слабо формирует именно те компетенции, которые наиболее востребованы в реальной трудовой деятельности. Ведущие дефициты концентрируются в зоне личностных и функциональных универсальных компетенций: стрессоустойчивость, самостоятельность в принятии решений, управление конфликтами, цифровые и прикладные навыки. Это воспроизводит структуру затруднений, ранее зафиксированную нами у взрослых специалистов начального звена на рабочем месте.

Практическое значение полученных результатов состоит в следующем. Для системы трудового воспитания они указывают на недостаточность профориентационно-ознакомительных форм работы и необходимость включения в школьные практики реальных трудовых проб и ситуативных задач. Для работодателей и разработчиков программ адаптации – на возможность снижения ожидаемых молодежью трудностей самостоятельной трудовой деятельности посредством педагогической поддержки на этапе вхождения в трудовую деятельность. Учащиеся, имеющие трудовой опыт, оценивают трудности самостоятельного выполнения рабочих задач ниже, чем учащиеся, не имеющие такого опыта. Дальнейшие исследования целесообразно ориентировать на расширение выборки (в том числе

региональное) и применение единого инструмента для обеих групп, что позволит перейти к сравнительному дизайну и установить статистически значимые различия.

Список литературы

1. Писарев В.А. Целевые ориентиры программ адаптационного обучения специалистов начального звена сферы интернет-услуг / В.А. Писарев // Письма в Эмиссия.Оффлайн. – 2023. – №4. – С. 3242. EDN AOUWRU
2. Писарев В.А. Универсальные компетенции как основа профессиональной адаптации специалистов / В.А. Писарев // Педагогическая наука и современное образование: материалы X научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки (Санкт-Петербург, 9 февраля 2023 г.) / под ред. И.В. Гладкой, А.П. Тряпицыной. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. – С. 225–229. EDN TQXNWP
3. Писарев В.А. Практики трудового воспитания в современной школе: результаты анализа / В.А. Писарев // Человек и образование. – 2026. – №1(86). – С. 133–143.

Рось Анна Юрьевна
доцент, магистрант,
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого»
г. Великий Новгород, Новгородская область

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ СРЕДСТВАМИ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования гражданской идентичности у студентов педагогических вузов как важнейшая задача государственной молодежной политики. Обосновывается потенциал физкультурно-спортивной деятельности как мощного ресурса социализации и патриотического воспитания. На основе системного и деятельностного подходов выделены и теоретически обоснованы четыре педагогических условия: аксиологическая переориентация содержания физического воспитания; интеграция историко-культурного и краеведческого компонентов; вовлечение студентов в спортивное волонтерство и социально значимые проекты; организация рефлексивно-педагогической среды, формирующей мета-компетенции будущего учителя.*

Ключевые слова: *гражданская идентичность, студенты педагогических направлений, физкультурно-спортивная деятельность,*

педагогические условия, патриотическое воспитание, спортивное волонтерство, профессионально-педагогическая подготовка.

Введение. Актуальность исследования обусловлена стратегическими задачами государства по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и укреплению гражданской идентичности молодежи, закрепленными в Указе Президента РФ №809 от 09.11.2022 (в ред. от 04.03.2026) и последующих нормативно-правовых актах в сфере образования и молодежной политики [1]. Особую значимость эта проблема приобретает в отношении студентов педагогических направлений подготовки. Будущие учителя выступают не только носителями гражданской позиции, но и трансляторами ценностей подрастающему поколению, что требует от них сформированного чувства сопричастности к судьбе страны и готовности к социальному служению.

Традиционно физическая культура в вузе рассматривается преимущественно в оздоровительном или прикладном ключе. Однако современный этап развития отечественного образования требует переосмысления физкультурно-спортивной деятельности (ФСД) как социально-культурного феномена, способного выступать эффективным средством формирования гражданской идентичности [2].

Теоретические основы исследования. Под гражданской идентичностью в контексте нашего исследования мы понимаем устойчивое самоопределение личности, выражающееся в осознании своей принадлежности к российскому государству и народу, принятии его исторического наследия, культуры, а также в готовности нести ответственность за его развитие [3].

ФСД обладает уникальным воспитательным потенциалом. Спорт является моделью общества, где в концентрированном виде проявляются такие гражданские качества, как дисциплина, командное взаимодействие, уважение к правилам (закону), способность к преодолению трудностей и чувство гордости за успехи своего коллектива, города, страны [4]. Для студентов-педагогов важно не только усваивать эти ценности, но и понять механизмы их передачи своим будущим ученикам.

Педагогические условия формирования гражданской идентичности. Анализ научно-методической литературы и педагогической практики позволил нам выделить и теоретически обосновать комплекс педагогических условий, реализация которых в

образовательной среде педагогического вуза обеспечивает эффективное формирование гражданской идентичности средствами ФСД.

1. *Аксиологическая переориентация содержания физического воспитания с утилитарного на социокультурный уровень.* Необходимо сместить фокус с исключительно нормативно-результативного подхода (сдача норм ГТО, улучшение физических показателей) на ценностно-смысловой. Студенты должны осознать спорт как часть национальной культуры. Это достигается через изучение истории отечественного спорта, биографий выдающихся спортсменов-патриотов, анализ роли физической культуры в укреплении обороноспособности страны в различные исторические периоды. Преподаватель должен выступать не просто как инструктор, а как наставник, транслирующий ценности честной игры, уважения к сопернику и служения интересам Родины [5].

2. *Интеграция историко-краеведческого и военно-прикладного компонентов в учебные и внеучебные занятия.* Гражданская идентичность формируется на основе любви к «малой родине». Включение в программы по физическому воспитанию элементов национальных видов спорта, а также проведение соревнований, туристических слетов и кроссов, посвященных памятным датам истории России и родного края, способствует эмоциональному закреплению чувства принадлежности к Отечеству. Использование элементов военной подготовки (например, в рамках реализации проекта «Студенческий спортивный клуб» или движений типа «Студенчество») формирует готовность к защите Отечества и развивает волевые качества [6].

3. *Вовлечение студентов в спортивное волонтерство и социально значимые проекты.* Гражданская идентичность невозможна без активной социальной позиции. Спортивное волонтерство (помощь в организации всероссийских и региональных соревнований, проведение мастер-классов для детей с ОВЗ, работа в отдаленных районах) выступает мощным фактором социализации. Студент-педагог, выступая в роли организатора или волонтера, на практике реализует принцип социального служения, осознает свою значимость для общества и формирует ответственность перед социумом [7].

4. *Создание рефлексивно-педагогической среды (формирование мета-позиции будущего учителя).* Специфика подготовки именно педагогических кадров требует четвертого, ключевого условия. Студенты должны не только сами обладать гражданской идентичностью, но и уметь формировать ее у школьников. Для этого в

процессе ФСД необходимо организовывать специальные рефлексивные практики: разбор этических дилемм в спорте, проектирование уроков физкультуры и внеклассных мероприятий с патриотической и гражданской направленностью. Студент должен научиться видеть в каждом физическом упражнении или командной игре воспитательный потенциал для формирования гражданских качеств у детей [8].

Заключение. Формирование гражданской идентичности у студентов педагогических направлений подготовки – это сложный, многомерный процесс, который не может быть реализован исключительно в рамках лекционных курсов по гуманитарным дисциплинам. Физкультурно-спортивная деятельность предоставляет уникальную возможность для эмоционального, деятельностного и социального проживания ценностей гражданственности и патриотизма.

Реализация выделенных педагогических условий (аксиологическая переориентация, интеграция краеведческого компонента, развитие спортивного волонтерства и педагогическая рефлексия) позволяет трансформировать физическое воспитание в вузе в целостную систему, обеспечивающую подготовку будущего учителя, обладающего не только крепким здоровьем и профессиональными компетенциями, но и зрелой гражданской позицией, готового к воспитанию патриотов России.

Список литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ №809 от 09.11.2022 (ред. от 04.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №46. – Ст. 7977.

2. Матвеев А.П. Физическая культура. 10–11 классы: учебник для общеобразоват. организаций: базовый уровень / А.П. Матвеев. – М.: Просвещение, 2019. – 319 с.

3. Сластенин В.А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – 576 с.

Симдянкина Юлия Сергеевна
аспирант
Институт социально-гуманитарного образования
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛЕВЫХ ПОЗИЦИЙ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема трансформации ролевых позиций участников школьного буллинга в процессе их профессионального становления и социализации во взрослой жизни. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований обосновывается, что ролевой опыт, приобретённый в школьной буллинг-структуре (жертва, агрессор, наблюдатель, защитник), оказывает долгосрочное влияние на профессиональную идентичность, карьерные траектории и социальную адаптацию человека. Раскрываются механизмы трансформации ролей при переходе из образовательной среды в профессиональную сферу. Особое внимание уделяется вкладу исследователей Московского педагогического государственного университета в изучение проблем социализации и профилактики асоциального поведения. Обосновывается необходимость педагогического сопровождения профессионального становления учащихся с учётом их ролевого опыта в ситуациях буллинга.*

Ключевые слова: *буллинг, ролевые позиции, трансформация ролей, профессиональное становление, социализация, жертва, агрессор, наблюдатель, защитник, педагогическое сопровождение.*

Школьный буллинг давно перестал восприниматься как временное явление, ограниченное стенами образовательного учреждения. Современные исследования убедительно показывают, что опыт участия в буллинге – в любой роли – оставляет глубокий след в личности человека и продолжает влиять на его жизнь спустя многие годы после окончания школы. Как отмечает А.А. Бочавер, «вовлеченность в ситуацию буллинга негативно отражается в перспективе на физическом и психическом здоровье, реализуемой образовательной траектории и вовлеченности в учебу, дружеских и супружеских

отношениях, успешности трудоустройства, финансовом благополучии выросших школьников» [5, с. 393]. При этом спектр негативных последствий буллинга чрезвычайно широк: буллинг в школе «вносит вклад в повышение рисков самоповреждающего и суицидального поведения, психосоматических проблем, употребления психоактивных веществ, криминализации и др., причем многое касается не только тех, кто оказывался в роли жертвы буллинга, но и тех, кто играл роль агрессивной жертвы или агрессора в буллинг-ситуациях» [5, с. 394].

Особый интерес представляет вопрос о том, как ролевые позиции, которые человек занимал в школьной буллинг-структуре, трансформируются на этапе профессионального становления. Впервые ролевую структуру буллинга описали К. Салмивалли и её коллеги, выделившие следующие роли участников: «буллер», «жертва», «защитник» и «наблюдатель» [1, с. 3]. Впоследствии исследователи неоднократно подтверждали, что эти роли не являются раз и навсегда закреплёнными. Как показывают исследования, один и тот же подросток может исполнять разные роли в зависимости от ситуации или от временного периода. Так, обучающийся, являющийся жертвой в классе, может проявлять агрессивное поведение дома, а бывший агрессор в новой социальной среде может оказаться в позиции жертвы.

Цель данной статьи – на основе анализа отечественных и зарубежных исследований проследить, как ролевые позиции участников буллинга трансформируются на этапе профессионального становления, и определить педагогические условия, способствующие успешной социализации и профессиональной реализации личности с учётом её ролевого опыта.

Теоретические основания для изучения трансформации ролей участников буллинга заложены в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей. Ключевая идея заключается в том, что буллинг-структура представляет собой динамическую систему, в которой роли могут меняться под влиянием различных факторов – изменения социального окружения, уровня агрессивности, статусных позиций. Как отмечается в эмпирическом исследовании Л.Н. Молчановой, А.А. Кузнецовой и А.В. Фоминой, «буллер» и «жертва» занимают центральное положение в буллинг-структуре коллектива и имеют самую тесную взаимосвязь» [3, с. 48]. Вокруг них аккумулируются другие позиции: «последователи буллера»,

«активные защитники» и «пассивные защитники». Исследователи также установили, что «в качестве жертвы склонны выступать 22% школьников, в роли инициатора травли – 5%» [3, с. 47].

При этом исследователи фиксируют закономерные переходы между ролями. При повышении уровня агрессивности «последователь буллера» может стать «буллером». В свою очередь, жертва при определённых условиях может трансформироваться в «активного защитника жертвы» – человека, который адекватно оценивает свои личностные качества и открыто демонстрирует поддержку другим жертвам. Однако при повышении уровня агрессивности возможен и переход жертвы в «буллера» [3, с. 49]. Эти данные свидетельствуют о том, что ролевые позиции не являются статичными – они отражают не столько устойчивые личностные черты, сколько динамику отношений в конкретной социальной среде.

Особого внимания заслуживает феномен «ролевого переключения» (role switching). Как показывают исследования В. Циони-Корен, Т.П. Гумпеля и З. Бекерман, «учащиеся применяют «переключение ролей» (гибкое представление нескольких социальных ролей в зависимости от контекста), чтобы справиться с проблемой травли в школьной среде» [8, с. 672]. Это означает, что один и тот же человек может демонстрировать разные модели поведения в разных ситуациях – и эта способность к переключению может как помогать, так и мешать ему в процессе профессиональной социализации. Исследователи также отмечают, что «учитель может служить катализатором ролевого переключения в трёх конкретных обстоятельствах: когда отношения учителя и ученика провоцируют буллинг против конкретного ребёнка; когда учитель сам является буллером; и когда поддерживающие отношения позволяют осуществлять позитивное ролевое переключение со стороны отдельных участников класса» [8, с. 675–677]. Таким образом, профессиональная среда, подобно школьному коллективу, может становиться пространством, где старые ролевые паттерны либо закрепляются, либо трансформируются.

Переход из школы в профессиональную жизнь является критическим этапом, на котором ролевые позиции участников буллинга могут претерпевать существенные изменения. Лонгитюдные исследования показывают, что «преступники и жертвы имели относительно стабильные траектории, при этом большинство детей оставались в той же роли с течением времени или становились

невовлечёнными» [9, с. 115]. Однако роль «жертвы-агрессора» оказалась наиболее нестабильной – участники этой категории часто переходили в позицию либо агрессора, либо жертвы [9, с. 116]. Это указывает на то, что профессиональное становление может стать для таких людей либо точкой бифуркации, ведущей к закреплению деструктивных моделей поведения, либо возможностью для их преодоления.

Исследования также показывают, что трансформация ролей может происходить и в обратном направлении. Как отмечают Г.У. Солдатова и А.Н. Ярмина, «со временем жертва сама может инициировать травлю в сети и приобрести новую роль «жертвы-агрессора», агрессор может из преследователя превратиться в жертву» [10, с. 21]. Это особенно актуально в контексте профессиональной деятельности, где иерархические отношения, конкуренция и стрессовые ситуации могут провоцировать воспроизводство знакомых с детства ролевых моделей. Взрослые, пережившие в школе роль жертвы, могут с большей вероятностью становиться жертвами буллинга на рабочем месте. Как показывают исследования М. Мартинеса, Ц. Ху и Дж.Д. Шефера, «более высокая степень прямого и косвенного воздействия травли была связана с долгосрочным увеличением расходов на здравоохранение, ухудшением психического здоровья и социальных отношений, а также со снижением накопления человеческого капитала и экономической производительности» [7, с. 7]. Этот феномен получил название «трансмиссии виктимности» – склонности человека, однажды оказавшегося в роли жертвы, вновь попадать в аналогичные ситуации в новых социальных контекстах.

В то же время существуют и альтернативные сценарии. Некоторые люди, занимавшие в школе роль агрессора, в профессиональной среде могут трансформироваться в активных защитников или лидеров, использующих свою энергию и организаторские способности в конструктивном русле. Другие, напротив, закрепляют деструктивные модели поведения, что проявляется в склонности к манипуляциям, агрессивному стилю управления или вовлечению в профессиональные конфликты. Как отмечается в исследовании А.А. Бочавер, «многое касается не только тех, кто оказывался в роли жертвы буллинга, но и тех, кто играл роль агрессивной жертвы или агрессора в буллинг-ситуациях» [5, с. 394].

Особую тревогу вызывает недостаток исследований, посвящённых долгосрочным последствиям буллинга для наблюдателей (свидетелей). Как подчёркивает А.А. Бочавер, «налицо недостаток исследований последствий буллинга для детей, которые присутствовали в ситуациях буллинга в роли свидетелей: некоторые данные указывают на то, что такой опыт тоже может иметь негативные последствия для социализации, однако эти представления нуждаются в дальнейшем изучении» [5, с. 395]. Между тем именно наблюдатели составляют наиболее многочисленную группу участников буллинга, и их ролевой опыт – пассивное наблюдение за насилием, невмешательство, страх высказать своё мнение – может негативно сказываться на их профессиональной социализации, формируя модели конформного поведения, избегания ответственности и неспособности отстаивать свои интересы.

Важно отметить, что проблема трансформации ролевых позиций участников буллинга находится в центре внимания исследователей Московского педагогического государственного университета. Центр социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ ведёт активную работу по изучению школьной агрессии и буллинга. Как отмечает И.С. Новикова, «проблемы социализации, трудности в семье, переживания, связанные с семейной ситуацией, или тревожные переживания, связанные с буллингом со стороны сверстников, являются ключевыми факторами, определяющими поведение учащихся и их последующую адаптацию во взрослой жизни» [4, с. 131].

Значительный вклад в изучение проблемы вносит Т.П. Авдулова, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии МПГУ. В марте 2024 года в МПГУ состоялась просветительская лекция, на которой Татьяна Павловна Авдулова выступила с докладом, посвящённым профилактике и преодолению школьной травли [6]. В рамках работы Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ разрабатываются методические рекомендации и проводятся эмпирические исследования, направленные на выявление причин агрессивного поведения учащихся и разработку эффективных стратегий педагогического вмешательства.

Анализ трансформации ролевых позиций участников буллинга на этапе профессионального становления позволяет сформулировать ряд практических выводов для системы образования. Прежде

всего, необходимо признать, что школьный опыт участия в буллинге не является изолированным эпизодом, а представляет собой важный фактор, формирующий социальные и профессиональные траектории человека.

Во-вторых, педагогическое сопровождение профессионального становления учащихся должно учитывать их ролевой опыт в ситуациях буллинга. Для бывших жертв важно создавать условия для восстановления чувства безопасности и уверенности в своих силах, развивать навыки саморегуляции и конструктивного разрешения конфликтов. Для бывших агрессоров необходима коррекционная работа, направленная на развитие эмпатии, рефлексии и социальной ответственности. Для наблюдателей – формирование активной гражданской позиции, готовности к вмешательству в ситуациях несправедливости и способности принимать ответственные решения.

В-третьих, профессиональная подготовка педагогов и психологов должна включать глубокое понимание ролевой динамики буллинга и её долгосрочных последствий. Как показывают исследования К. Бургера, Д. Штрохмайер и Л. Коллеровой, «учительские интервенции оказывают различное влияние на принятие учащимися ролей, связанных с буллингом» [2, с. 2312]. В частности, «дисциплинарные санкции снижали вероятность быть буллером или жертвой, а групповые дискуссии повышали вероятность быть защитником» [2, с. 2323]. «Увеличение групповых дискуссий повышало вероятность быть защитником, тогда как увеличение невмешательства повышало вероятность быть жертвой» [2, с. 2324]. Это означает, что педагоги, обладая знаниями о ролевой структуре буллинга, могут целенаправленно влиять на трансформацию ролевых позиций учащихся, способствуя их успешной социализации.

Таким образом, трансформация ролевых позиций участников буллинга на этапе профессионального становления представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий пристального внимания со стороны педагогов, психологов и исследователей. Школьный опыт участия в буллинге – в роли жертвы, агрессора, наблюдателя или защитника – оставляет глубокий след в личности человека и продолжает влиять на его профессиональную идентичность, карьерные траектории и социальную адаптацию во взрослой жизни. Понимание механизмов этой трансформации открывает новые возможности для педагогического сопровождения профессионального

становления учащихся и создания условий для успешной социализации всех участников образовательного процесса.

Список литературы

1. Bullying as a group process: Participant roles and their relations to social status within the group / C. Salmivalli, K. Lagerspetz, K. Björkqvist [et al.] // Aggressive Behavior. – 1996. – Vol. 22. No. 1. – P. 1–15.

2. Burger C. Teachers Can Make a Difference in Bullying: Effects of Teacher Interventions on Students' Adoption of Bully, Victim, Bully-Victim or Defender Roles across Time / C. Burger, D. Strohmeier, L. Kollerová // Journal of Youth and Adolescence. – 2022. – Vol. 51. No. 12. – P. 2312–2327. DOI 10.1007/s10964-022-01674-6. EDN SWKONG

3. Молчанова Л.Н. Особенности статусно-ролевой структуры риска школьного буллинга среди подростков / Л.Н. Молчанова, А.А. Кузнецова, А.В. Фомина // Перспективы науки и образования. – 2022. – №4(58). – С. 42–58.

4. Новикова И.С. Буллинг в современной образовательной среде с позиции отечественных исследователей / И.С. Новикова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – №8(100). – С. 129–132. DOI 10.24158/spp.2022.8.19. EDN HOCTKF

5. Бочавер А.А. Последствия школьной травли для ее участников / А.А. Бочавер // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. №2. – С. 393–409. DOI 10.17323/1813-8918-2021-2-393-409. EDN BCYHZY

6. Профилактика и преодоление школьной травли: совместные решения и действия школы и семьи: просветительская лекция для столичных педагогов // Московский педагогический государственный университет. – 2024. – URL: https://mpgu.su (дата обращения: 20.08.2026).

7. Martinez M. The Lasting Impact of Youth Bullying Exposure on Adult Labor Market Outcomes: An Inter-Disciplinary Review of the Literature / M. Martinez, Q. Hu, J.D. Schaefer // EdWorkingPaper No. 26–1389. – Providence: Annenberg Institute for School Reform at Brown University, 2026. – 51 p.

8. Zioni-Koren V. Surprising partners: Teachers' contribution to school bullying / V. Zioni-Koren, T.P. Gumpel, Z. Bekerman // Scandinavian Journal of Psychology. – 2022. – Vol. 63. No. 6. – P. 670–679. DOI 10.1111/sjop.12837. EDN MZTAQG

9. Salmivalli C. Bullying and the peer group: A review / C. Salmivalli // Aggression and Violent Behavior. – 2010. – Vol. 15. No. 2. – P. 112–120.

10. Солдатова Г.У. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания / Г.У. Солдатова, А.Н. Ярмина // Национальный психологический журнал. – 2019. – №3(35). – С. 17–31. DOI 10.11621/npj.2019.0303. EDN RGLIIO

Чернякова Наталия Степановна
д-р филос. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-169023

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается значение общекультурной парадигмы для обеспечения целостности государства и единства граждан как подданных данного государства. Общекультурная парадигма образует единую основу социокультурной деятельности, без которой совместное существование различных субъектов в границах одного государства становится невозможным. Формирование мировоззренческой основы общекультурной парадигмы является одной из важнейших задач системы образования, решение которой определяет способность новых поколений субъектов социокультурной деятельности сохранять и развивать единство граждан того государства, подданными которого они являются.*

Ключевые слова: *общество, государство, элементы культуры, общекультурная парадигма, система образования, атрибутивные черты социальности, ценностные основы социокультурной деятельности, мировоззрение.*

Система образования как социальный институт, существующий на цивилизационной стадии развития общества в условиях государственно-правового регулирования, обеспечивает формирование из каждого нового поколения граждан того или иного государства субъектов социокультурной деятельности, способных к сохранению и дальнейшему развитию данного государства.

Достижение этой цели предполагает не только передачу накопленных знаний и социокультурного опыта от старших поколений к младшим, но и формирование общекультурной парадигмы социокультурной деятельности, обеспечивающей целостность государства и единство граждан как подданных данного государства.

Общекультурная парадигма как совокупность основополагающих принципов социокультурной деятельности включает в себя

общие для всех граждан данного государства особенности во всех элементах культуры: в мировоззренческих представлениях, знаниях, целях, смыслах, формах воплощения ценностей, идеалах, нормах, средствах и методах деятельности.

Граждане одного государства образуют общество как единый субъект культуры только в том случае, когда общество как целостная система общественных отношений и социальных институтов превращает все разновидности культуры субъектов, входящих в структуру этого общества, в формы воплощениями единой для данного общества общекультурной парадигмы. Отсутствие общекультурной парадигмы означает, что общество не является целостным субъектом культуры и что разговор о культуре данного общества или единстве граждан данного государства лишен основания.

Формирование общекультурной парадигмы предполагает не стирание различий в основных элементах культуры каждого из субъектов социокультурной деятельности, входящих в структуру общества, а создание той единой основы, без которой совместное существование различных субъектов в границах одного государства становится невозможным [3].

Такое понятие, как «российская культура», отображает общекультурную парадигму именно общества как целостной системы. По отношению к общекультурной парадигме российского общества как целостного субъекта культуры, культуры всех субъектов, входящих в структуру российского общества, выступают своеобразными «модификациями», поскольку любые особенности в элементах культуры того или иного субъекта не разрушают специфики общекультурной парадигмы российского общества.

Среди факторов, обеспечивающих формирование общекультурной парадигмы в условиях классового, полиэтнического и поликультурного многообразия общества, следует особо выделить:

− атрибутивные черты социальности: сознание и язык, производящий, целесообразный, нормативно регулируемый характер социокультурной деятельности любого социального существа, независимо от этнической, классовой или культурной принадлежности;

− необходимость организации совместной жизнедеятельности различных субъектов социокультурной деятельности в границах определённого государства;

− универсальность ценностных основ социокультурной деятельности и универсальность содержания научного знания [6].

Система образования вносит существенный вклад в формирование как атрибутивных черт социальности и универсальных ценностных основ социокультурной деятельности молодого поколения, так и в развитие, сохранение и трансляцию системы естественнонаучного и гуманитарного знания.

На основе универсального содержания научного знания система образования формирует мировоззренческую основу общекультурной парадигмы, обеспечивающую единство представлений всех граждан государства о природе, обществе, культуре и человеке как субъекте социокультурной деятельности.

Мировоззренческая основа общекультурной парадигмы, формируемая в системе образования, содержит общие для всех обучающихся теоретические представления:

– о культуре как способе человеческой жизнедеятельности;

– о социальных нормах и идеалах;

– о Истине, Добре и Красоте как о фундаментальных ценностях, в которых выражены конечные цели и смыслы человеческого существования;

– о многообразии форм воплощения ценностей [1; 4] и о том, что ценностное единство на уровне общекультурной парадигмы не может быть разрушено существованием множества культурно-исторических форм воплощения ценностей в культурах отдельных субъектов, образующих общество в границах данного государства [2; 7].

Каким бы своеобразием не отличались нормы, существующие в различных этнических и профессиональных культурах, мировоззренческая основа общекультурной парадигмы даёт возможность всем гражданам государства осознать сущностное единство социальных норм, каждая из которых блокирует проявление биологических инстинктов.

Именно мировоззренческая основа общекультурной парадигмы позволяет всем гражданам понять, что мирное сосуществование в обществе различных конфессий порождается не уступками и компромиссами в вопросах вероисповедания, а пониманием всеми верующими того, что только сам Бог определяет, кто и каким образом придёт к Нему, а всеми не верующими – того, что ценностная ориентация на Истину исключает монопольное владение ею [5].

Таким образом, формирование мировоззренческой основы общекультурной парадигмы является одной из важнейших задач, стоящих перед системой образования, решение которой определяет способность новых поколений субъектов социокультурной

деятельности сохранять и развивать единство граждан того государства, подданными которого они являются.

Список литературы

1. Чернякова Н.С. Аксиологические аспекты профориентации молодежи / Н.С. Чернякова // Архитектура университетского образования: стратегические инициативы и эффективные решения: сборник материалов VII Национальной научно-методической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2024 г.). – СПб.: СПбГЭУ, 2024. – С. 243–250. EDN LIGENL

2. Чернякова Н.С. Аксиологические основы формирования духовной культуры личности / Н.С. Чернякова // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2025. – №4. – С. 37–41. DOI 10.20339/AM.04-25.037. EDN IPWHJI

3. Чернякова Н.С. Государственный суверенитет и поликультурность как основы многополярного мира / Н.С. Чернякова // Многополярный мир от науки к практической реализации: состояние и перспективы развития: сборник научных статей по итогам международной межвузовской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24–25 марта 2023 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский центр системного анализа, 2023. – С. 25–30. EDN NJZMOK

4. Чернякова Н.С. Особенности взаимосвязи целеполагания и смыслотворчества в социокультурной деятельности / Н.С. Чернякова // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2024. – №3. – С. 62–66. DOI 10.20339/AM.03-24.062. EDN PHSRFW

5. Чернякова Н.С. Традиционность и изменчивость форм воплощения ценностей / Н.С. Чернякова // Обзор педагогических исследований. – 2023. – Т. 5. №2. – С. 123–126. EDN MMCLRD

6. Чернякова Н.С. Ценностное единство и культурное многообразие цивилизационного развития / Н.С. Чернякова // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: материалы Второй международной научно-практической конференции. В 2-х ч. (Москва, 5–7 июня 2024 г.). – М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. – С. 444–446. EDN YTKSGE

7. Чернякова Н.С. Ценностно-ориентированная личность как основа суверенитета страны / Н.С. Чернякова // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. Материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (Москва, 23–24 ноября 2022 г.) / отв. ред. В.И. Герасимов. – Вып. 6. Ч. 1. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 680–682. EDN JHGMXW

Яковлева Татьяна Андреевна
библиотекарь
МБОУ «Вурнарская СОШ №2»
пгт Вурнары, Чувашская Республика
Илларионова Лилия Владимировна
доцент, декан
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация: *статья посвящена проблеме формирования информационной культуры школьников в условиях цифровой трансформации образования. На основе теоретического анализа обоснована ключевая роль школьной библиотеки как центра формирования информационной культуры обучающихся в цифровой образовательной среде (ЦОС). Представлены результаты опытно-экспериментальной работы, проведенной на базе МБОУ «Вурнарская СОШ №2» Чувашской Республики, включающей разработку и апробацию авторской программы «Цифровой навигатор» (10 занятий, 20 часов). Доказана эффективность программы: доля обучающихся с низким уровнем когнитивного компонента информационной культуры снизилась с 69,2% до 3,8%, доля с высоким уровнем выросла с 0% до 42,3%. Выявлены организационно-педагогические условия успешного формирования информационной культуры: практическая направленность, интеграция традиционных и цифровых ресурсов, деятельностный подход и учет возрастных особенностей. Разработанные материалы могут быть использованы в деятельности школьных библиотекарей и педагогов.*

Ключевые слова: *информационная культура, цифровая образовательная среда, школьная библиотека, информационная грамотность, критическое мышление, программа «Цифровой навигатор», Чувашская Республика.*

В условиях стремительной цифровой трансформации всех сфер общественной жизни информация становится ключевым ресурсом,

определяющим уровень развития личности, общества и государства в целом. Особую значимость приобретает проблема формирования информационной культуры подрастающего поколения, способного не только эффективно ориентироваться в информационных потоках, но и критически оценивать информацию, безопасно взаимодействовать с цифровой средой.

Современные школьники принадлежат к «цифровому поколению» (поколению Альфа), чьи поведенческие особенности, ценности и установки сформировались под воздействием процессов глобализации, развития информационных технологий, мобильной связи и Интернета. Исследователи отмечают, что для современных детей характерны клиповое мышление, предпочтение визуальных форматов текстовым, привычка к мгновенному доступу к информации, что существенно снижает их мотивацию к углублённому поиску и критической оценке получаемых сведений.

В условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) задача формирования информационной культуры личности приобретает особую актуальность. ФГОС ориентируют образовательный процесс на достижение метапредметных результатов, связанных с поиском, переработкой, критическим анализом и применением информации [5]. Важнейшим инструментом решения данной задачи становится цифровая образовательная среда (ЦОС), которая активно внедряется в российские школы в соответствии с федеральным проектом «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» [6].

Особая роль в решении данной проблемы принадлежит школьной библиотеке. Как справедливо отмечает Е.В. Иванова, «библиотека сегодня – это место, где формируются информационные, читательские, медийные компетенции. И именно из школьной библиотеки часто начинается путь в большую науку и в мир информации» [1, с. 18]. Школьная библиотека, обладая уникальным сочетанием ресурсов, становится ключевым звеном в системе формирования информационной культуры обучающихся. Однако, как показывает анализ практики, отсутствуют унифицированные программы, методические материалы, не разработаны системы диагностики уровня сформированности информационной культуры школьников в условиях.

Цель исследования – теоретически обосновать, разработать и экспериментально проверить эффективность программы формирования информационной культуры школьников «Цифровой

навигатор», реализуемой в условиях цифровой образовательной среды на базе школьной библиотеки. Объектом исследования выступает процесс формирования информационной культуры обучающихся 5 классов общеобразовательной школы, предметом – комплекс организационно-педагогических условий формирования информационной культуры школьников средствами цифровой образовательной среды в деятельности школьной библиотеки.

Понятие «информационная культура» прошло сложный путь эволюции. Первоначально оно отождествлялось с библиотечно-библиографической грамотностью, однако с развитием информационно-коммуникационных технологий содержание данного понятия существенно расширилось.

Наиболее авторитетное определение принадлежит Н.И. Гендиной, которая рассматривает информационную культуру личности как «одну из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий» [7, с. 58].

Анализ научной литературы позволяет выделить пять взаимосвязанных компонентов информационной культуры школьника.

1. Когнитивно-ценностный компонент – совокупность знаний о получении, переработке, хранении, использовании и передаче информации с использованием современных информационно-компьютерных технологий.

2. Инструментальный (деятельностный) компонент – совокупность репродуктивных и продуктивных информационных умений.

3. Потребностно-мотивационный компонент – мотивационная готовность детей самостоятельно работать с информацией любого вида.

4. Нормативно-поведенческий компонент – основные этические принципы и правила поведения обучающегося в информационной среде.

5. Эмоциональный компонент – эмоциональное отношение школьника к информационной деятельности, его чувства и переживания.

В контексте ФГОС информационная культура рассматривается как совокупность метапредметных результатов освоения основной образовательной программы и формируется через универсальные учебные действия: познавательные (поиск, переработка, критический анализ информации), регулятивные (планирование

информационного поиска) и коммуникативные (общение в информационной среде) [5].

В условиях цифровой трансформации образования традиционные функции школьной библиотеки претерпевают существенные изменения. Из хранилища книг и учебников она превращается в многофункциональный информационно-образовательный центр, играющий ключевую роль в формировании информационной культуры подрастающего поколения.

Как отмечают исследователи, «школьная библиотека является идеальным пространством для развития у школьников умения адаптироваться к изменениям окружающей среды, способности к самообразованию, развитию логического, аналитического, критического мышления и формированию медийно-информационной грамотности» [1, с. 17].

Деятельность школьной библиотеки по формированию информационной культуры регламентируется рядом нормативно-правовых документов: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [2], ФГОС [4; 5], Концепция развития школьных информационно-библиотечных центров, Профессиональный стандарт «Педагог-библиотекарь» [3]. Данные документы закрепляют за школьной библиотекой функцию формирования информационной культуры обучающихся как приоритетное направление деятельности.

Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Вурнарская средняя общеобразовательная школа №2» Вурнарского муниципального округа Чувашской Республики в период с сентября 2025 года по февраль 2026 года. Исследование включало три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

В эксперименте приняли участие две группы обучающихся 5 классов, сопоставимые по основным параметрам: экспериментальная группа (5А класс, 26 человек) и контрольная группа (5Б класс, 24 человека). В экспериментальной группе реализовывалась формирующая программа «Цифровой навигатор», контрольная группа обучалась по традиционной программе.

На основе теоретического анализа была разработана система критериев и показателей сформированности информационной культуры по трём компонентам: когнитивному, мотивационно-ценностному и коммуникативно-деятельностному. Диагностический инструментарий включал: анкету «Информация в моей жизни», тест «Информационная грамотность», методику «Раскрась

рукавички» (для диагностики коммуникативных умений) и дневник наблюдений.

Результаты констатирующего этапа показали, что в обеих группах преобладает низкий уровень сформированности информационной культуры. В экспериментальной группе 69,2% обучающихся показали низкий уровень когнитивного компонента, 0% – высокий уровень. В мотивационно-ценностном компоненте лишь 30,8% обучающихся считали важной достоверность информации, только 11,5% знали значение понятия «фейк». В коммуникативно-деятельностном компоненте лишь 15,4% обучающихся могли сформулировать информационный запрос, только 3,8% умели проверять достоверность информации.

На основе теоретического анализа и результатов констатирующего этапа была разработана авторская программа «Цифровой навигатор», включающая 10 занятий (20 часов) по трём модулям.

1. Базовый модуль «Навигация и безопасность» (занятия 1–3): знакомство с современной библиотекой, освоение эффективных стратегий поиска информации, формирование компетенций в области информационной безопасности.

2. Продвинутый модуль «Критика и анализ» (занятия 4–6): развитие навыков фактчекинга, формирование понимания авторского права, знакомство с возможностями и ограничениями искусственного интеллекта.

3. Творческий модуль «Созидание и коммуникация» (занятия 7–10): создание видеоконтента, виртуальных экскурсий, инфографики, итоговая командная игра-квиз.

Программа основана на деятельностном подходе и активном использовании современных цифровых инструментов: электронные каталоги, образовательные платформы (ФГИС «Моя школа», НЭБ, «Урок цифры»), сервисы визуализации (Flyvi, Miro, Piktochart), интерактивные инструменты (Kahoot!, Quizizz), сервисы создания видеоконтента (InShot, CapCut), инструменты фактчекинга.

Формирующий этап эксперимента был реализован в экспериментальной группе в период с октября по декабрь 2025 года. Занятия проводились на базе школьной библиотеки, оснащённой компьютерной техникой, интерактивной панелью и доступом к высокоскоростному Интернету. В ходе реализации программы велось педагогическое наблюдение, проводился промежуточный мониторинг, что позволило своевременно корректировать содержание и методику занятий.

Контрольный этап эксперимента (январь-февраль 2026 года) показал значительную положительную динамику в экспериментальной группе по всем трём компонентам информационной культуры.

Когнитивный компонент. Средний балл по тесту «Информационная грамотность» в экспериментальной группе вырос с 12,8 до 22,4 (прирост 9,6 балла). Доля обучающихся с низким уровнем снизилась с 69,2% до 3,8%, доля со средним уровнем выросла с 30,8% до 53,8%, доля с высоким уровнем выросла с 0% до 42,3%. В контрольной группе динамика была незначительной: средний балл вырос с 11,6 до 13,4 (прирост 1,8 балла), доля с низким уровнем снизилась с 75,0% до 62,5%.

Мотивационно-ценностный компонент. Наиболее значимые изменения в экспериментальной группе: доля обучающихся, считающих важной достоверность информации при поиске, выросла с 30,8% до 65,4% (прирост 34,6%); доля знающих значение понятия «фейк» выросла с 11,5% до 84,6% (прирост 73,1%); доля готовых проверять информацию при противоречиях выросла с 19,2% до 57,7% (прирост 38,5%); доля задумывающихся об информационной безопасности выросла с 15,4% до 53,8% (прирост 38,4%). В контрольной группе изменения были незначительными и соответствовали естественному возрастному развитию.

Коммуникативно-деятельностный компонент. По данным методики «Раскрась рукавички», в экспериментальной группе доля пар, обсуждавших узор и договорившихся о едином замысле, выросла с 23–30% до 69–77% (+46,1 п.п.), доля пар с одинаковым узором выросла с 15,4% до 61,5% (+46,1 п.п.), доля работавших молча снизилась с 53,8% до 15,4% (-38,4 п.п.). По данным наблюдения, умение формулировать информационный запрос выросло с 15,4% до 73,1% (+57,7 п.п.), умение проверять достоверность информации – с 3,8% до 61,5% (+57,7 п.п.), умение обращаться к проверенным источникам – с 7,7% до 65,4% (+57,7 п.п.).

По завершении программы было проведено анкетирование удовлетворённости, которое показало высокий уровень интереса и удовлетворённости обучающихся: средний балл по 5-балльной шкале составил 4,7, 92,3% участников оценили занятия как интересные и полезные, 96,2% отметили, что узнали много нового.

Анализ результатов позволяет выделить ключевые факторы, обеспечившие эффективность программы «Цифровой навигатор».

1. Практическая направленность. Создание собственных информационных продуктов (видеороликов, инфографики, аудиогидов)

позволило обучающимся не только усвоить теоретические знания, но и применить их на практике.

2. Использование современных цифровых инструментов. Работа с платформами, близкими к повседневному опыту детей (Flyvi, InShot, Kahoot!), повышала мотивацию и делала обучение естественным.

3. Деятельностный подход. Обучение через практику, а не через пассивное усвоение информации, способствовало более глубокому формированию навыков.

4. Интеграция традиционных и цифровых ресурсов. Работа с книгой и библиотечными каталогами сочеталась с использованием цифровых инструментов, что формировало целостное представление об информационном пространстве.

5. Учёт возрастных особенностей. Задания соответствовали познавательным возможностям и интересам обучающихся 10–11 лет, использовались игровые и соревновательные элементы.

6. Рефлексивность. Каждое занятие завершалось этапом рефлексии, что способствовало осознанию обучающимися своих успехов и затруднений.

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что процесс формирования информационной культуры школьников в условиях цифровой образовательной среды эффективен при реализации специально разработанной программы, учитывающей структуру информационной культуры, возможности ЦОС и роль школьной библиотеки.

Разработанная программа «Цифровой навигатор» доказала свою эффективность по всем трём компонентам информационной культуры (когнитивному, мотивационно-ценностному, коммуникативно-деятельностному). Значительные положительные изменения в экспериментальной группе (в отличие от контрольной, где динамика соответствовала естественному возрастному развитию) подтверждают, что достижения обусловлены именно реализацией программы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная программа и диагностический инструментарий могут быть использованы в практической деятельности школьных библиотекарей, педагогов, классных руководителей для формирования информационной культуры обучающихся 5 классов в условиях цифровой образовательной среды.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются: адаптация программы для разных возрастных групп; исследование влияния сформированности информационной культуры

на академическую успеваемость; разработка критериев сформированности информационной культуры для каждого возрастного этапа; сравнительное исследование эффективности различных форм обучения (очных, дистанционных, смешанных).

Список литературы

1. Школьная библиотека как центр формирования информационной культуры личности / Н.И. Гендина, Н.И. Колкова, Г.А. Стародубова, Ю.В. Уленко; науч. ред. Н.И. Гендина. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2008. – 351 с. EDN NNCOMH

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон №273-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – URL: https://base.garant.ru/70291362/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-библиотекарь»: Приказ Минтруда России №53н от 30.01.2019. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903040010 (дата обращения: 20.03.2026).

4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: Приказ Минпросвещения РФ №286 от 31.05.2021. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/ (дата обращения: 15.03.2026).

5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Минпросвещения РФ №287 от 31.05.2021. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/ (дата обращения: 15.03.2026).

6. Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда» (утв. 28.05.2019). – URL: https://krmbou2.gosuslugi.ru/netcat_files/194/3258/ (дата обращения: 15.03.2026).

7. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины / Н.И. Гендина, Н.И. Колкова, Г.А. Стародубова, Ю.В. Уленко. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2006. – 512 с. EDN SKJMCD

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Алескеров Станислав Игоревич
канд. юрид. наук, заместитель генерального директора
ООО «Национальная Компьютерная Корпорация»
г. Москва
Андреева Маргарита Денисовна
магистрант
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

DOI 10.31483/r-169041

ДЕЛО VK ПРОТИВ APPLE: САНКЦИОННЫЙ КОМПЛАЕНС, ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ГРАНИЦЫ И ПРОБЛЕМА ИСПОЛНИМОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Аннотация: *статья посвящена анализу спора ООО «ВК» с Apple (дело № А40–250513/2026) об удалении приложений VK из App Store. Рассматриваются правовая квалификация ссылки Apple на санкционный комплаенс, сравнительно-правовой анализ судебной практики (дела «ДубльГИС», «Спортс.ру», Epic Games v. Apple), проблема исполнимости судебного акта российского суда в отношении иностранного оператора. Отдельное внимание уделено темпоральному разрыву между удалением приложений (25 июня 2026) и включением VK в санкционный список ЕС (13 июля 2026). Предлагаются практические рекомендации для российских компаний, включая пример реорганизации Yandex N.V. / Nebius Group.*

Ключевые слова: *санкционный комплаенс, цифровые платформы, App Store, экстерриториальность, исполнимость судебных решений, антимонопольное регулирование, международный гражданский процесс, Apple.*

Выражается особая благодарность за помощь в подготовке работы Доктору юридических наук, профессору, Заслуженному деятелю наук Российской Федерации, члену-корреспонденту

Российской академии образования, Заведующему кафедры прав человека ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» – Землину Александру Игоревичу.

1. Введение.

19 августа 2026 года ООО «ВК» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском к Apple Inc., Apple Distribution International Ltd. и ООО «Эппл Рус» (дело № А40–250513/2026) [1]. Требования истца включают возврат приложений в App Store, восстановление технической возможности получения пользователями push-уведомлений и установление судебной неустойки на случай неисполнения решения. По опубликованным данным, совокупный размер заявленной неустойки может составить до 58 млн рублей в сутки: 50 млн рублей – за приложение VK, 3 млн рублей – за «Одноклассники» и 5 млн рублей – за VK Музыку. На момент подготовки настоящей статьи сведения о принятии иска к производству в открытых источниках отсутствовали.

Актуальность исследования обусловлена тем, что дело потенциально формирует прецедентную модель воздействия национального суда на глобальную цифровую платформу в условиях, когда решение об ограничительных мерах принимается иностранной материнской структурой, а формальное российское юридическое лицо может не обладать техническими полномочиями по изменению содержимого магазина приложений. Спор, таким образом, проверяет способность национальной юрисдикции обеспечить не только формальную судебную защиту, но и фактическое, исполнимое восстановление нарушенного права.

2. Обстоятельства спора и позиции сторон.

2.1. Хронология и предмет требований.

Приложения VK были удалены из App Store 25 июня 2026 года. Apple публично объяснила это необходимостью соблюдения санкционного комплаенса [8], однако конкретные нормы, юрисдикции или субъекты публично раскрыты не были. Существенно, что 13 июля 2026 года – спустя более двух недель – Регламентом Совета ЕС 2026/1708 VK и связанная с ней Communication Platform LLC были включены в санкционный список ЕС [13]. Данный темпоральный разрыв формирует ключевой правовой вопрос дела: на каком основании Apple действовала до вступления регламента в силу. Последующее включение VK в список ЕС усиливает позицию

Apple на будущее, но не может ретроактивно легитимировать решение, принятое ранее.

Необходимо также разграничивать субъектов спора: истцом выступает ООО «ВК», тогда как в санкционный список ЕС включены VK Company Limited и Communication Platform LLC. Установление точного соотношения между истцом, включённой в список структурой и разработчиками конкретных приложений является предметом доказывания и определяет пределы применимости санкционного основания к каждому спорному приложению.

2.2. Позиции сторон.

Позиция VK строится на нескольких аргументах: на дату удаления приложений VK не была включена в санкционные списки; удаление не сопровождалось предварительным уведомлением и индивидуальной оценкой риска применительно к каждому приложению; существовали менее ограничительные меры (частичное ограничение функциональности, географическое ограничение), которые не были рассмотрены. Принципиален тезис о необходимости различать формальный санкционный статус лица и фактическую оценку риска комплаенс-службой: отсутствие лица в санкционном списке не исключает такую оценку, однако если она приводит к удалению всего комплекса приложений без раскрытия правовой основы, решение можно охарактеризовать как непрозрачное и несоразмерное.

Позиция Apple опирается на договорное право удалять приложения по правилам App Store и Apple Developer Program License Agreement [7], на обязательность санкционного комплаенса и на довод об отсутствии у ООО «Эппл Рус» технических полномочий по управлению инфраструктурой App Store – данный аргумент значим как для определения надлежащего ответчика, так и для исполнимости решения.

3. Санкционный комплаенс как предмет судебной проверки.

Санкционный комплаенс не может выступать самодостаточным и не подлежащим проверке основанием для одностороннего прекращения договорных отношений. Общую ссылку необходимо перевести в проверяемую матрицу из четырёх элементов: 1) какая конкретно санкционная норма применялась; 2) в юрисдикции какого государства (США, Великобритания, ЕС); 3) к какому субъекту она относится – с разграничением истца, включённой в список материнской структуры и разработчиков приложений; 4) на какую дату действие нормы наступило. Для доказывания целесообразно формирование трёх самостоятельных заключений – по режимам

США (включая «правило 50%» OFAC [14]), Великобритании [15] и ЕС [13], поскольку смешение режимов снижает доказательственную ценность позиции любой из сторон.

С точки зрения публичной коммуникации корректной представляется следующая формула: на дату удаления приложений 25 июня 2026 года VK не была включена в санкционный список ЕС; последующее включение 13 июля 2026 года усиливает комплаенс-риски Apple на будущее, но не отвечает на вопрос о правомерности и объёме удаления, совершённого до этой даты. Утверждения об отсутствии у VK какого-либо санкционного статуса без указания даты после 13 июля 2026 года являются юридически неточными.

4. Сравнительно-правовой анализ судебной практики.

4.1. Российская практика.

Наиболее близкий прецедент – дело ООО «ДубльГИС» против Google (№ А40–169440/2023) [2]: суд признал односторонний отказ Google недействительным, обязал восстановить аккаунт и приложение и установил неустойку 25 тыс. рублей в день с последующим увеличением. Приложение 2ГИС сейчас доступно в Google Play под именем российского разработчика [3], хотя открытые источники не позволяют однозначно установить, стало ли это результатом принудительного исполнения либо внесудебных переговоров. По делу ООО «Спортс.ру» против Google суд обязал восстановить аккаунт, приложение и связанные инструменты, установив неустойку от 100 тыс. рублей в день [4]. Сервис функционирует через альтернативные каналы (RuStore [5], App Store [6]), но полное восстановление в Google Play публично не подтверждено – дело следует характеризовать как судебную победу с неопределённым объёмом фактического исполнения.

4.2. Зарубежная практика.

Дело Epic Games v. Apple подтверждает возможность эффективного судебного контроля за поведением Apple, вплоть до установления факта нарушения компанией судебного распоряжения [9]. Дело Musi v. Apple демонстрирует противоположный сценарий: суд отказал в восстановлении приложения и впоследствии отклонил требования по существу, руководствуясь широким объёмом договорного права Apple [10]. Высокий суд Мадраса по иску Bharat Matrimony временно запретил Google удаление 13 приложений [11]. Совокупность дел формирует смешанный прогноз: национальный суд способен эффективно вмешаться в отношения платформы и разработчика, но результат определяется договорными условиями

платформы и степенью доказанности индивидуализированного основания удаления.

5. Исполнимость решения и трек в юрисдикции США.

Российский судебный акт не приобретает автоматической силы за рубежом: для взыскания денежных средств требуется отдельная процедура признания и приведения в исполнение, в рамках которой иностранный суд заново оценивает юрисдикционные основания, процессуальные гарантии и санкционные обстоятельства. Существенно сложнее обстоит дело с исполнением неимущественного требования о восстановлении приложений: ФССП России не располагает инструментами прямого воздействия на глобальную конфигурацию App Store, а довод ООО «Эппл Рус» об отсутствии технических полномочий требует отдельного установления его реальной причастности к спорным отношениям.

Дополнительным треком может стать самостоятельный иск против Apple Inc. непосредственно в США – как автономный договорный спор, если применимая редакция Apple Developer Program License Agreement содержит оговорку о праве Калифорнии и американском форуме [7]. Требуется установить подписанта договора со стороны VK, сформулировать требования о нарушении договора, оценить перспективы предварительного судебного запрета и использовать процедуры раскрытия доказательств. Практика Epic Games v. Apple подтверждает эффективность процессуальных санкций против Apple в её собственной юрисдикции [9], однако представительство подсанкционных российских компаний в американских судах сопряжено с повышенными репутационными рисками для крупных фирм и объективно сужено до специализированных международных sanctions-практик.

6. Система соразмерных мер реагирования.

Эффективная мера должна быть точечной, направленной на изменение поведения ответчика, а не на причинение ущерба российским пользователям платформы.

Антимонопольные меры – доведение дела ФАС до обязательного поведенческого предписания, а не только штрафной санкции; запрет дискриминации российских приложений; требование прозрачной процедуры уведомления и апелляции [12].

Судебные меры – обеспечительные меры в отношении российских активов ответчика; экономически обоснованный расчёт неустойки с альтернативным вариантом на случай её снижения судом; привлечение нескольких юридических лиц группы одновременно.

Регуляторно-рыночные меры – требования о предустановке российского ПО и обеспечении доступа к RuStore и иным альтернативным каналам распространения.

Инфраструктурные меры – развитие PWA, отечественных каналов push-уведомлений, альтернативных магазинов приложений и резервного хранения данных.

Международные меры – параллельное обращение в юрисдикцию США и к иностранным регуляторам при условии, что это не противоречит санкционному статусу участников.

Наименее рациональны меры, сопряжённые с блокировкой устройств Apple или ответным удалением иностранных приложений: они в первую очередь затронут интересы российских пользователей и способны лишь усилить позицию Apple о необходимости максимально жёсткого комплаенса.

7. Переговорная модель и план действий.

Истцу целесообразно добиваться не только окончательного судебного восстановления права, но и последовательности промежуточных решений – документальной санкционной проверки, временного доступа к storefront, восстановления push-уведомлений как обеспечительной меры. Практически целесообразно выделение четырёх этапов: на первом (0–10 дней) – картирование санкционного статуса всех субъектов, сбор доказательств; на втором (10–30 дней) – заявление обеспечительных мер, запрос к Apple о раскрытии применённого режима, подготовка меморандума для американского консультанта; на третьем (30–60 дней) – раскрытие доказательств, экспертное заключение по комплаенсу, оценка перспектив иска в США; на четвёртом (60–90 дней) – дополнительные процессуальные требования, регуляторные обращения и запуск альтернативной технической инфраструктуры.

8. Международная практика исполнения и геополитический контекст.

Практика исполнения решений против Google по искам российских СМИ показывает: накопленные неустойки превысили 40 млрд рублей, а конкурсный управляющий добился ареста активов Google Belgium (~115 млн евро) и обеспечительных мер в ЮАР и Франции [16]. Каждая процедура заняла более года и потребовала отдельного разбирательства в соответствующей юрисдикции – этот опыт напрямую переносим на денежное требование VK, но лишь ограниченно применим к неимущественному требованию о восстановлении приложений.

Развитие дела происходит на фоне расширения санкционного давления: очередной пакет санкций ЕС затронул ряд российских ИТ-компаний [18], а OFAC расширил ограничения в отношении крупнейших российских компаний [19]. Существен и фактор политизации: Минцифры России охарактеризовало действия Apple как политически мотивированные и обратилось в ФАС [17], что переводит спор из плоскости частноправового конфликта в плоскость, где параллельно развивается административное и внешнеполитическое измерение.

9. Практические рекомендации для российских компаний.

Обобщение материала позволяет сформулировать рекомендации, применимые к широкому кругу компаний, зависящих от глобальных платформ: регулярный, а не реактивный, санкционный комплаенс и entity mapping по режимам США/UK/ЕС; заблаговременная диверсификация каналов дистрибуции (PWA, альтернативные сторы, собственные push-каналы); договорный аудит условий платформ на предмет применимого права и процедур апелляции; предварительная подготовка типового процессуального пакета; параллельное использование антимонопольного трека как самостоятельного источника давления.

Наряду с судебной защитой существующей структуры бизнеса компании могут рассматривать структурное разделение активов – отделение международно ориентированной части бизнеса от структуры, связанной с российской юрисдикцией. Наиболее завершённый пример – реструктуризация Yandex N.V., которая в июле 2024 года закрыла сделку по продаже российского бизнеса консорциуму инвесторов (~475 млрд рублей) [20]; оставшиеся зарубежные активы были выделены в Nebius Group [21], которая полностью вышла из-под санкционных ограничений, возобновила торги на Nasdaq и заключила соглашения с Microsoft и Meta [22]. Выбор между сохранением существующей структуры с опорой на судебную защиту (модель VK, 2ГИС, Sports.ru) и структурным разделением активов (модель Yandex N.V. / Nebius) определяется соотношением ценности единой операционной структуры и степенью зависимости бизнеса от рынков, подверженных риску дальнейшего расширения санкций.

10. Итоговый прогноз и выводы.

Во-первых, вероятность продолжения рассмотрения дела в российском суде высока, а перспектива вынесения акта в пользу VK поддерживается устойчивой практикой по аналогичным делам

(2ГИС, Sports.ru). Вместе с тем последующее включение VK в санкционный список ЕС и широкий объём договорных полномочий Apple (Musi v. Apple) делают безусловный выигрыш по всем требованиям менее предсказуемым.

Во-вторых, международное значение дела определяется тем, что решение об удалении приложений принималось иностранными структурами группы Apple, тогда как формальным ответчиком выступает и российское юридическое лицо с неопределённым объёмом технических полномочий – дело представляет собой значимый тест способности национального суда контролировать поведение платформы, чья инфраструктура находится вне его юрисдикции.

В-третьих, наиболее вероятен сценарий, при котором судебное и регуляторное давление сочетается с частичным удовлетворением требований и последующим внесудебным урегулированием; быстрое и полное восстановление приложений в изначальном объёме – менее вероятный исход.

В-четвёртых, стратегическая цель истца должна состоять не только в формальной судебной победе, но и в создании реально исполнимого результата – за счёт сочетания российского и американского судебных треков, регуляторного давления, механизмов санкционного разрешения и, при необходимости, технической диверсификации инфраструктуры распространения приложений.

Список литературы

1. Сведения о деле VK №А40–250513/2026 // Право.ru. – URL: https://pravo.ru/news/265420/amp/ (дата обращения: 25.08.2026).

2. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу №А40–169440/2023 // Sudact.ru. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/5zzMxG3hG7lH/ (дата обращения: 25.08.2026).

3. Страница приложения 2ГИС в Google Play. – URL: https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.dublgis.dgismobile&hl=ru (дата обращения: 25.08.2026).

4. Материал о решении по делу ООО «Спортс.ру» против Google. – URL: https://jrnlst.ru/2025/05/13/154642/ (дата обращения: 25.08.2026).

5. Страница приложения Sports.ru в RuStore. – URL: https://www.rustore.ru/catalog/app/ru.sports (дата обращения: 25.08.2026).

6. Страница приложения Sports.ru в App Store. – URL: https://apps.apple.com/th/app/id542339626 (дата обращения: 25.08.2026).

7. Apple Developer Program License Agreement. – URL: https://developer.apple.com/support/terms/apple-developer-program-license-agreement/ (date of access: 25.08.2026).

8. Apple объяснила санкциями удаление приложений VK из App Store // The Moscow Times. – URL: https://www.moscowtimes.ru (дата обращения: 25.08.2026).

9. Supreme Court to hear Apple appeal over contempt in Epic Games lawsuit // Reuters. – URL: https://www.reuters.com (date of access: 25.08.2026).

10. Music app denied injunction against Apple // The Recorder (Law.com). – URL: https://www.law.com (date of access: 25.08.2026).

11. Madras High Court restrains Google from delisting Bharat Matrimony and 13 apps // CNBC-TV18. – URL: https://www.cnbctv18.com (date of access: 25.08.2026).

12. Дело ФАС против Apple по Max и RuStore // РБК. – 03.08.2026. – URL: https://www.rbc.ru (дата обращения: 25.08.2026).

13. Регламент Совета ЕС 2026/1708 от 13 июля 2026 года.

14. OFAC 50 Percent Rule // U.S. Department of the Treasury. – URL: https://home.treasury.gov (date of access: 25.08.2026).

15. UK Sanctions List // Gov.uk. – URL: https://www.gov.uk (date of access: 25.08.2026).

16. Иск VK к Apple: почему спор идет в Москве и получится ли реально взыскать 58 млн руб. в сутки // Inc. Russia. – URL: https://incrussia.ru (дата обращения: 25.08.2026).

17. VK подала в суд на Apple из-за удаления своих приложений из App Store // Kod.ru. – URL: https://kod.ru (дата обращения: 25.08.2026).

18. ЕС ввел санкции против производителей радиоэлектроники в России // TAdviser. – 2026. – URL: https://www.tadviser.ru (дата обращения: 25.08.2026).

19. США расширили санкции против «Роснефти» и «Лукойла» // Надмитов, Иванов и Партнёры. – URL: https://nadmitov.ru (дата обращения: 25.08.2026).

20. Нидерландская Yandex N.V. закрыла сделку по продаже российского «Яндекса» // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 25.08.2026).

21. Yandex N.V. переименуют в Nebius Group // RB.RU. – URL: https://rb.ru (дата обращения: 25.08.2026).

22. История Nebius Group, или Чем занимается компания Аркадия Воложа? // Хабр. – URL: https://habr.com (дата обращения: 25.08.2026).

Викулова Ольга Сергеевна
канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры
Калининградский филиал
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Калининград, Калининградская область

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ЦИФРОВЫМ АВАТАРАМ, ИСПОЛЬЗУЕМЫМ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

Аннотация: *статья посвящена проблемам судебного экспертного обеспечения расследования преступлений, совершённых с использованием цифровых аватаров. Рассматриваются виды экспертиз: компьютерно-техническая, судебная портретная, лингвистическая и психолого-лингвистическая, трасологическая цифровая. Предложена классификация аватаров по степени подобия реальному лицу, способу управления и функциональному назначению в криминальной среде. Обоснована необходимость создания реестра типовых экспертных методик и подготовки экспертов-криминалистов, владеющих технологиями ИИ и компьютерной графикой.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза, цифровой аватар, экспертиза по цифровым аватарам, компьютерно-техническая экспертиза.*

Проблемы судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием цифровых аватаров (включая дипфейки, виртуальных персонажей в игровых средах, анимированные 3D-модели, чат-боты и реалистичные CGI-изображения), выступают насущной юридической реальностью.

Цифровой аватар – виртуальное представление лица (либо вымышленного персонажа), способное к автономному или управляемому действию в цифровой среде.

Относительная доступность технологий искусственного интеллекта, генерации глубоких подделок (deepfake), а также развитие метавселенных и платформ с пользовательскими аватарами создали благоприятные условия для использования указанных объектов в противоправных целях.

По данным экспертных сообществ, число преступлений, связанных с незаконным использованием deepfake и аватаров, в Российской Федерации за период 2023–2025 годов выросло более чем в четыре

раза [1]. При этом существующие методики судебных экспертиз зачастую не успевают адаптироваться к новым вызовам, что порождает сложности в доказывании и установлении объективной истины.

Развитие судебной экспертизы в этой сфере требует создания реестра типовых экспертных методик по исследованию deepfake и аватаров; подготовки экспертов-криминалистов, владеющих технологиями искусственного интеллекта (далее – ИИ) и компьютерной графикой.

На сегодняшний день в практике российских судебно-экспертных учреждений можно назвать следующие виды экспертиз при расследовании деяний, совершенных с использованием цифровых аватаров:

– компьютерно-техническая экспертиза – является базовой. Эксперт исследует программный код или исполняемые файлы, которые управляли аватаром. При наличии исходных данных возможно определить алгоритм или версию генеративной модели (StyleGan, VAE, диффузионные модели), а также идентификацию «цифрового почерка» автора подделки, например, характерных для конкретного deepfake-инструмента. Компьютерно-техническая экспертиза также позволяет восстановить действия пользователя в метавселенной: перемещение, взаимодействия с другими аватарами, произносимые реплики;

– судебная портретная экспертиза. При исследовании deepfake она необходима в двух аспектах: для идентификации реального лица, чей образ скопирован; для установления признаков монтажа или синтеза. Новейшие методики используют анализ виртуальных аномалий на уровне частотных характеристик кадров, неравномерности моргания аватара, отсутствия реалистичного отражения в глазах. В отличие от классической портретной экспертизы здесь востребованы инструменты компьютерного зрения и ИИ-ассистенты. Как отмечают М.А. Новоженина и Е.В. Горчинская [2, с. 1–5], deepfake-технологии подрывают базовый постулат криминалистической идентификации о стабильности идентифицируемых признаков.

– лингвистическая и психолого-лингвистическая экспертиза: если аватар ведёт диалог, например чат-бот, виртуальный собеседник, то текстовая или голосовая продукция подлежит анализу на предмет речевых стереотипов, синтаксических конструкций, характерных для конкретного лица. Исследование может установить: генерировался ли текст нейросетью – «парафразером» или

непосредственно человеком-преступником. Применяются методы дистинктивного анализа и лингвостатистики.

– трасологическая цифровая экспертиза: относительно новый вид, разрабатываемый в экспертных подразделениях МВД РФ. Изучаются трассы – следы идентификационного характера, оставляемые программным обеспечением: уникальные паттерны сжатия видео, характерные ошибки округления в числовых параметрах 3D-модели аватара, специфические серийные номера библиотек рендеринга.

Комплексное применение перечисленных экспертиз позволяет ответить на ключевые вопросы следствия и суда: является ли видеозапись с лицом подозреваемого deepfake; кому принадлежит аккаунт, с которого управлялся аватар; какие действия фактически совершены реальным человеком, а какие – автоматикой.

Традиционная криминалистика оперирует материальными и идеальными следами. В случае использования цифровых аватаров основными становятся компьютерно-технические следы, имеющие двоякую природу: с одной стороны, это объективные данные, фиксируемые на серверах и устройствах; с другой – они подвержены лёгкой модификации.

Наиболее значимыми для экспертизы являются: блокчейн-записи транзакций при покупке и кастомизации аватара или внутриигровых активов – помогают установить кошелёк, а через него – лицо; журналы сессий и IP-адреса входа в аккаунт, управляющий аватаром; артефакты генерации deepfake – несогласованность движения глаз, пульсация кожи, несоответствие гистограмм яркости; поведенческие цифровые следы – индивидуальные особенности нажатия на клавиши, стилистика текста и пр.

С криминалистической точки зрения аватары, используемые в преступных целях, могут быть классифицированы по ряду оснований:

− по степени подобия реальному лицу: аватары-deepfake (фото-, видео- и аудиосимуляция конкретного человека без его согласия); синтетические аватары (персонажи, не имеющие прямого прототипа, но обладающие правдоподобными человеческими чертами); абстрактные или игровые аватары (анимированные объекты, не претендующие на реалистичность, но используемые для коммуникации, например в компьютерных играх);

− по способу управления: прямое (ручное управление пользователем в режиме реального времени); автоматизированное (действия прописаны заданным алгоритмом или сценарием); гибридное

(частичное управление человеком, частичное – искусственным интеллектом);

− по функциональному назначению в криминальной среде: аватары – средства сокрытия личности (подмена лица в видеозвонках, фейковых аккаунтах); аватары – орудия воздействия (чат-боты для фишинга, виртуальные собеседники для склонения к преступлению); аватары – элементы инсценировки (создание ложных цифровых алиби).

Классификация важна для выбора конкретной судебно-экспертной методики. Так, при исследовании аватаров, созданных с использованием технологии deepfake, приоритетной должна выступать видео- и компьютерно-техническая экспертиза, тогда как для выявления преступных действий через игрового аватара в метавселенной требуется комплексная цифровая трасология и анализ метаданных [3].

Проведение судебной экспертизы по цифровым аватарам требует фиксации не только конечного продукта – готового deepfake-видео, но и промежуточных артефактов, таких как лог-файлы нейросети, чекпоинты моделей, метаданные исходных изображений. Отсутствие методики изъятия таких данных, аналогичной правилам работы с вещественными доказательствами, создаёт риск утраты или фальсификации следов.

Цифровые аватары превратились в новый инструмент преступной деятельности, требующий радикального пересмотра подхода к судебной экспертизе.

Список литературы

1. Судебная и независимая экспертиза дипфейков: правовые основания, методология и актуальные вызовы // Центр инженерных экспертиз. – 2026. – URL: https://kompexp.ru (дата обращения: 24.04.2026).

2. Новоженина М.А. Дипфейк-технологии как вызов институту идентификации личности в криминалистике / М.А. Новоженина, Е.В. Горчинская // Наука через призму времени. – 2026. – №04(109). – С. 1–5.

3. Шайдуллин Р.Р. О совершенствовании методического обеспечения применения технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации / Р.Р. Шайдуллин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026.

Гусейнов Руслан Натигович
аспирант
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ

Аннотация: *в статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования цифровых ценных бумаг в Российской Федерации, Соединённых Штатах Америки, Европейском Союзе, Великобритании, Сингапуре и Швейцарии. Исследуются основные нормативно-правовые акты, определяющие правовой режим токенизированных активов, особенности их выпуска и обращения, а также подходы регуляторов к квалификации цифровых ценных бумаг. Автором выделяются три основные модели регулирования: специализированное законодательство (Россия, ЕС), адаптация существующего securities-законодательства (США, Сингапур) и технологически-нейтральный подход (Швейцария). На основе сравнительного анализа формулируются выводы о перспективах гармонизации правового регулирования цифровых ценных бумаг на международном уровне.*

Ключевые слова: *цифровые ценные бумаги, цифровые финансовые активы, токенизация, MiCA, SEC, блокчейн, регулирование криптоактивов.*

Введение.

Цифровизация финансовых рынков создаёт новые инструменты – цифровые ценные бумаги (security tokens), выпуск и обращение которых осуществляются с использованием блокчейна. Правовое регулирование в этой сфере существенно различается по юрисдикциям. Цель статьи – сравнительный анализ подходов России, США, ЕС, Великобритании, Сингапура и Швейцарии, выделение основных моделей и оценка тенденций гармонизации.

Регулирование в Российской Федерации

Россия приняла специализированный закон – Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» (с изменениями 2025 г.) [1]. Цифровые

финансовые активы определяются как цифровые права, включающие денежные требования, права по эмиссионным бумагам, участие в капитале непубличных АО [2]. Выпуск и учёт – только в информационных системах на основе распределённого реестра. С декабря 2025 г. введена категория долговых ЦФА. В 2025 г. одобрен законопроект о допуске ЦФА к традиционному рынку ценных бумаг, что сближает режимы. Банк России развивает подзаконное регулирование (например, Указание №7176-У от 23.09.2025) [3].

Регулирование в США

В США регулятором выступает SEC (Securities and Exchange Commission) Комиссия по ценным бумагам и биржам США, применяющая тест Хауи для квалификации токенов как ценных бумаг. Если токен подпадает под определение, он подлежит регистрации по федеральному законодательству. В 2025 г. внесён законопроект CLARITY Act – законопроект Конгресса США о регулировании криптовалют и цифровых активов, о перераспределении ролей SEC и CFTC. SEC разъяснила требования к цифровым ценным бумагам (Правило 15c3–3) – защита частных ключей и контроль брокера-дилера. Большинство проектов используют исключения из регистрации (Reg D, Reg A+). Подход США – адаптация существующего securities-законодательства к новым технологиям.

Регулирование в Европейском Союзе

ЕС принял комплексный Регламент MiCA MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation) – это первый в мире всеобъемлющий свод правил для регулирования криптовалютного рынка, принятый Европейским союзом, вступивший в силу поэтапно с декабря 2024 г. MiCA устанавливает единые правила для криптоактивов, но прямо исключает security tokens, которые остаются под действием MiFID II MiFID II (Markets in Financial Instruments Directive II) – это законодательная база Европейского союза, которая регулирует рынки финансовых инструментов. Таким образом, токенизированные ценные бумаги регулируются как традиционные финансовые инструменты. Дополнительно действует DLT Pilot Regime (DLT Pilot Regime (Пилотный режим для инфраструктур рынка на основе технологии распределённого реестра) – это инициатива Европейского союза, которая создаёт специальную «регуляторную песочницу» для тестирования использования технологии распределённого реестра (DLT, также известной как блокчейн) в сфере торговли

и расчётов с финансовыми инструментами, для тестирования инноваций. ESMA разрабатывает технические стандарты (например, Делегированный регламент 2025/885 о мониторинге злоупотреблений). ЕС также избрал специализированное законодательство, но с чётким разделением режимов [4].

Регулирование в Великобритании

Великобритания после Brexit (это процесс выхода Великобритании из состава Европейского союза (ЕС) и связанная с этим процедура прекращения членства во всех структурах объединения), формирует собственную систему. Ключевой механизм – Режим цифровых ценных бумаг (DSS), созданный на основе Закона о финансовых услугах и рынках 2023 г. DSS позволяет тестировать регуляторные изменения в реальных условиях под надзором Банка Англии и FCA. В марте 2025 г. приняты поправки к DSS, изданы инструкции по депозитариям цифровых бумаг. FCA (Financial Conduct Authority) – это независимый орган финансового надзора, основной регулятор рынка финансовых услуг в Великобритании, консультирует по токенизации фондов (CP 25/28). Британский подход – экспериментальный, постепенная выработка правил с разграничением стейблкоинов, security tokens и иных активов [5].

Регулирование в Сингапуре и Швейцарии

Сингапур применяет технологически-нейтральный подход: токенизированные продукты рынка капитала регулируются так же, как нетокенизированные, в рамках Закона о ценных бумагах и фьючерсах (SFA) и Закона о финансовых консультациях (FAA). MAS (Monetary Authority of Singapore) – это центральный банк и главный финансовый регулятор Республики Сингапур, в ноябре 2025 г. переиздало Руководство по токенизации продуктов рынка капитала. Эмитенты должны определять применимые требования. Активно развиваются пилоты Project Guardian (Project Guardian – совместная инициатива Монетарного управления Сингапура (MAS) по разработке и коммерциализации токенизированных активов, включая фиксированный доход и фонды) [6].

Швейцария – лидер по DLT-регулированию (DLT-регулирование – это комплекс мер, которые государства и международные организации принимают для контроля и управления рисками, связанными с технологией распределённого реестра (DLT): Закон о DLT (2021) признаёт токенизацию юридическим эквивалентом

физических сертификатов. FINMA выдал первую лицензию DLT-торговой площадке в марте 2025 г. согласно FinMIA (Financial Market Infrastructure Act) – это швейцарский федеральный закон, который регулирует инфраструктуру финансового рынка, с пороговыми значениями. CMTA (стандарт токенизации активов) – швейцарский стандарт с открытым исходным кодом, разработанный Ассоциацией рынков капитала и технологий (Capital Market and Technology Association) опубликовала стандарты токенизации долговых инструментов. Швейцарский подход – технологический нейтралитет и минимальное вмешательство при сохранении базовых требований к финансовой инфраструктуре [7].

Сравнительный анализ моделей

Выделены три модели.

Специализированное законодательство (Россия, ЕС) – отдельные законы для цифровых активов, обеспечивающие определённость, но с риском дублирования.

Адаптация существующего securities-законодательства (США, Сингапур) – токены подпадают под общие нормы, что даёт единообразие, но вызывает сложности применения к новым технологиям.

Технологически-нейтральный подход (Швейцария) – технология эмиссии не меняет правовую природу, регулируется экономическая сущность.

Великобритания занимает промежуточное экспериментальное положение. Различаются и определения: в России – узкий перечень прав, в США и Сингапуре – функциональные критерии. Общий тренд – сближение режимов цифровых и традиционных активов, но международная гармонизация пока далека.

Заключение.

Регулирование цифровых ценных бумаг в разных юрисдикциях демонстрирует разнообразие подходов. Россия и ЕС создают специализированное законодательство, США и Сингапур адаптируют существующие нормы, Швейцария придерживается технологического нейтралитета. Наблюдается конвергенция – интеграция ЦФА в традиционную инфраструктуру (Россия, ЕС, США). Однако различия в квалификации, требованиях и правовой определённости остаются значительными, что затрудняет трансграничный оборот.

Дальнейшее развитие российского права должно учитывать международный опыт, но опираться на национальные особенности.

Список литературы

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №259-ФЗ от 31.07.2020 (с изм. и доп.). – URL: https://base.garant.ru/74451466/ (дата обращения: 12.08.2026).

2. О внесении изменений в статьи 1 и 3 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон №466-ФЗ от 15.12.2025. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 12.08.2026).

3. Об определении признаков цифровых финансовых активов, установлении суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и (или) совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых...: Указание Банка России №7176-У от 23.09.2025. – URL: https://normativ.kontur.ru (дата обращения: 12.08.2026).

4. Барташевич Ю.А. Тенденции развития правового регулирования эмиссии ценных бумаг в условиях цифровизации финансового рынка / Ю.А. Барташевич // Право и управление. – 2026. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-pravovogo-regulirovaniya-emissii-tsennyh-bumag-v-usloviyah-tsifrovizatsii-finansovogo-rynka (дата обращения: 12.08.2026). DOI 10.24412/2224-9133-2026-3-222-226. EDN YCOHVD

5. Soldatenko A. Comparative Analysis of Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and abroad / A. Soldatenko // HSE University, Master's Thesis, 2025. – URL: https://www.hse.ru/en/edu/vkr/1053304645 (date of access: 12.08.2026).

6. Tokenization Platforms Regulatory Landscape 2025: Global Compliance Guide // Pedex Compliance Team, 2025. – URL: https://pedex.org/blog/tokenization-platforms-regulatory-landscape-2025 (date of access: 12.08.2026).

7. SEC Staff Provides Clarity on the Custody of Cryptoasset Securities // Latham & Watkins, 2026. – URL: https://clsbluesky.law.columbia.edu/2026/01/27/latham-watkins-discusses-new-sec-clarity-on-the-custody-of-cryptoasset-securities/ (date of access: 12.08.2026).

Кравцов Виталий Владимирович
магистрант

Научный руководитель
Фастова Марина Андреевна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Аннотация: *в условиях нарастающей геополитической турбулентности и активизации иностранных спецслужб, защита государственной тайны приобрела первостепенное значение для обеспечения суверенитета Российской Федерации. В статье рассматриваются правовые и организационные основы контроля и надзора в указанной сфере. На основе формально-юридического и системного методов автором выделены основные виды контрольной деятельности, а именно: межведомственный, ведомственный контроль и прокурорский надзор. Проанализирована компетенция уполномоченных органов (ФСБ, СВР, ФСТЭК, Минобороны). Основное внимание уделано процедуре проведения проверок и рои прокурорского надзора. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования данной системы с учетом современных вызовов. Статья содержит элементы авторского анализа практики контрольных мероприятий.*

Ключевые слова: *государственная тайна, госконтроль, ведомственный контроль, прокурорский надзор, уполномоченные органы.*

Современная международная обстановка характеризуется высокой степенью неопределенности. Обострение военно-политической ситуации, вызванное, в том числе, гибридными методами ведения борьбы, напрямую влияет на приоритеты обеспечения национальной безопасности [3, с. 8–14]. Информационная безопасность и защита сведений, составляющих государственную тайну, становятся ключевыми элементами этой системы. В ходе исследования мы ставим перед собой цель не просто описать нормативную базу,

н и выявить практические аспекты реализации контрольных полномочий, а также предложить пути повышения их эффективности, основываясь на анализе действующего законодательства и личном опыте изучения данной проблематики [4, с. 13–17]. Актуальность работы обусловлена необходимость постоянного совершенствования механизмов защиты секретной информации в условиях внешнего давления.

Значение контроля и надзора в сфере государственной тайны.

Безопасность государства немыслима без эффективной системы защиты закрытой информации. В ходе изучения материалов практики было обращено внимание на том, что утечка даже незначительных, на первый взгляд, сведений может привести к масштабным негативным последствиям для обороноспособности страны. Именно поэтому законодатель закрепил специальный механизм контроля, который позволяет не только фиксировать нарушения, но и предотвращать их.

Как показывает анализ правоприменительной практики, система контроля выступает «фильтром», отсеивающим потенциально опасные методы работы с секретными документами. При этом важнейшей задачей уполномоченных органов является оценка эффективности мер, принимаемых должностными лицами и организациями для сохранности государственных секретов. Без постоянного мониторинга и обратной связи меду контролирующими органами и подконтрольными субъектами невозможно добиться высокого уровня защищенности информации.

Правовая основа и виды контроля.

Основополагающим документом в рассматриваемой сфере является Закон Российской Федерации «О государственной тайне» [6]. Согласно его положениям, контроль в данной области делится на две крупные категории: межведомственный (осуществляемый специально уполномоченными органами) и ведомственный (проводимый внутри структуры самими руководителями) (ст. 31) [6, ст. 31]. Данное деление представляется логичным, поскольку позволяет охватить как внешний, так и внутренний контур проверок.

Кроме того, важную роль играет Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [7], однако применение его норм в сфере государственной тайны имеет существенные особенности, установленные статьёй 30.1 профильного Закона и

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 октября 2023 г. №1784 [12; 2, с. 98–107]. Изучая эти акты, было выявлено противоречие между общими принципами защиты прав проверяемых лиц (уведомления, сроки) и спецификой секретного делопроизводства, где внезапность проверок часто является критической.

В соответствии с пунктами указанных Постановлений [12, п. 3, 5], к субъектам, подлежащим контролю, относятся предприятия и учреждения любой формы собственности, если они имеют дело с носителями государственной тайны. В ходе ученой практики нами было посещено одно из таких учреждений, где строго регламентируется доступ сотрудников к секретным материалам, что подтверждает необходимость жёсткого контроля со стороны ФСБ, СВР, ФСТЭК и Минобороны.

Предмет и порядок проведения проверок.

Порядок проверок строго детерминирован. Правительство Российской Федерации устанавливает правила, согласно которым уполномоченные должностные лица (руководители органов контроля, их заместители, начальники подразделений и их территориальных органов) наделяются правом проводить проверки [12, п. 10]. Изучив данную процедуру, нами был выявлен важный аспект: законодатель разделяет плановые и внеплановые проверки, а также выездные и документарные. Документарный анализ, как правило, касается бумаг и отчетности, тогда как выездной – непосредственно режимных помещений и технических средств. В соответствии со статьей 30.1 Закона «О государственной тайне» [6, ст. 30.1] и нормами Федерального закона №294-ФЗ [7, ст. 15], проверка не может длиться более 30 рабочих дней (с возможным продлением до 50 дней в исключительных случаях). На основе анализа судебной практики (не рассматриваемой детально в рамках данной статьи) можно сделать вывод о том, что нарушение этих сроков часто служит основанием для обжалования действий проверяющих, что требует от последних высокой юридической грамотности.

Ключевые аспекты проверок, на которые нам обращено внимание, включают:

− создание структурных подразделений по защите государственной тайны;

− порядок допуска сотрудников;

− пропускной режим и режим секретности;

− организацию выезда осведомленных лиц за границу.

В процессе моделирования контрольных мероприятий мы убедились, что наибольшее количество нарушений выявлено именно в части организации пропускного режима и учёта носителей информации. Внеплановые проверки, как правило инициируются при истечении срока исполнения предписания, поступлении сигнала о нарушении или по поручению Президента (Правительства). По итогам проверки составляется акт, копи которого направляются в вышестоящие инстанции. Важно подчеркнуть, что должностные лица сами несут ответственность за ненадлежащее проведение проверки.

Межведомственный и ведомственный контроль.

Как уже было отмечено, межведомственный контроль осуществляют ФСБ, Минобороны, СВР и ФСТЭК. Анализ полномочий каждого из названных органов позволяет утверждать, что ФСТЭК специализируется на технической защите информации и противодействии техническим разведкам [1], тогда как ФСБ осуществляет общий надзор за сохранностью тайны в органах власти и организациях [10, ст. 12]. Министерство обороны, в свою очередь, отвечает за безопасность в Вооружённых Силах.

В ходе изучения организационной структуры нами было обращено внимание на Восьмое управление Генерального штаба, на которое возложены функции обеспечения необходимой информацией для управления войсками. В Положении о Министерстве обороны [6, ст. 31] чётко прописаны эти задачи. Что касается ведомственного контроля, то здесь ключевая роль принадлежит руководителям тех органов, в распоряжении которых находятся секретные сведения [6, ст. 31]; они обязаны проверять работу подчинённых организаций.

При анализе ведомственных приказов ФСБ нами выявлены важные инструменты реагирования: представление об устранении причин нарушений [5] и официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений [11]. По нашему убеждению, данные меры являются эффективными профилактическими средствами, позволяющими предотвратить более серьёзные последствия без применения жёстких санкций.

Контроль в Администрации Президента, Правительстве, судах и прокуратуре.

Особого внимания заслуживает организация контроля в высших эшелонах власти. Распоряжение Президента Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. №120-рп «О перечне должностных лиц органов государственной власти, наделяемых полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне» [8] определяет перечень должностных лиц, наделённых правом относить сведения к

государственной тайне. Среди них – Руководитель Администрации Президента и Руководитель Аппарата Правительства. Показательно, что в судебных органах и прокуратуре такой контроль организуется их непосредственными руководителями. Это свидетельствует о том, что принцип персональной ответственности (ст. 9 Закона «О государственной тайне») [6, ст. 9] действует на всех уровнях государственной власти.

Мы полагаем, что данная система достаточно централизована, что обеспечивает единообразие подходов к защите секретной информации на федеральном уровне. Вместе с тем высокий уровень субъективизма при принятии решений о засекречивании сведений может нести определённые риски, связанные с излишней секретностью, и этот аспект, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем исследовании.

Прокурорский надзор.

Прокурорский надзор, регламентируемый Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [9], занимает особое место в системе контроля. Генеральный прокурор и его подчинённые осуществляют надзор за соблюдением законодательства всеми органами и организациями, включая военные структуры. Согласно части 2 статьи 1 названного Закона, прокуратура надзирает за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, органами контроля, коммерческими и некоммерческими организациями [9, ч. 2 ст. 1].

Особенность прокурорского надзора в сфере государственной тайны заключается в его исключительной полноте: прокурор вправе проверить законность действий любого должностного лица. Доступ к секретным материалам предоставляется в соответствии со статьёй 25 Закона «О государственной тайне» [6, ст. 25]. На наш взгляд, взаимодействие военных и территориальных прокуроров, регулируемое Приказом Генерального прокурора №84, достаточно хорошо отлажено. Однако мы обращаем внимание на существующую проблему кадрового обеспечения: не все прокуроры имеют высокий уровень допуска, что может затруднять проведение углублённых проверок.

Заключение.

Подводя итог проведённому исследованию, следует констатировать, что в Российской Федерации сформирована многоуровневая система контроля и надзора за обеспечением сохранности государственной тайны. Она включает как внешний межведомственный контроль (ФСБ, СВР, ФСТЭК, Минобороны), так и внутренний ведомственный, а также мощный прокурорский надзор.

На основе проведённого анализа нормативных актов и моделирования практических ситуаций мы приходим к выводу, что существующая модель в целом справляется с поставленными задачами. Однако угрозы постоянно эволюционируют (особенно в сфере кибербезопасности и технических разведок), в связи с чем необходимо регулярно пересматривать методики проверок и повышать квалификацию должностных лиц, их проводящих. Особое внимание следует уделить внедрению современных технических средств контроля и совершенствованию межведомственного взаимодействия, с тем чтобы своевременно «закрывать» возникающие риски.

Таким образом, предложенные в статье направления совершенствования могут способствовать укреплению национальной безопасности в информационной сфере.

Список литературы

1. Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю: Указ Президента РФ №1085 от 16.08.2004 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – №34. – Ст. 3541.

2. Добрынская В.В. Комментарий к Закону РФ от 21 июля 1993 г. №5485–1 «О государственной тайне» / В.В. Добрынская, Э.Ю. Бадальянц, Е.А. Бевзюк. – М., 2016. – С. 98–107.

3. Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. – 2022. – №5(75). – С. 8–14. EDN ZNMXLD

4. Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции / А.И. Землин, Д.А. Колоколова // Военное право. – 2025. – №3(91). – С. 13–17. EDN DARBAZ

5. О внесении представлений органами федеральной службы безопасности: Приказ директора ФСБ России №162 от 13.03.2004 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2004. – №12.

6. О государственной тайне: Закон РФ №5485-I от 21.07.1993 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – №6. – Ст. 285.

7. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон №294-ФЗ от 26.12.2008 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – №52. – Ст. 6249.

8. О перечне должностных лиц органов государственной власти и организаций, наделяемых полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне: Распоряжение Президента РФ №120-рп от 02.04.2012 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – №15. – Ст. 1793.

9. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон №2202–1 от 17.01.1992 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – №8. – Ст. 366.

10. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон №40-ФЗ от 03.04.1995 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №15. – Ст. 1269.

11. Об объявлении органами федеральной службы безопасности официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности: Приказ директора ФСБ России №544 от 02.11.2010 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – №46.

12. Об утверждении Правил осуществления федерального государственного контроля за обеспечением защиты государственной тайны: Постановление Правительства РФ №1784 от 26.10.2023 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – №44. – Ст. 7845.

Курманбаев Мелис Мажитович
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

DOI 10.31483/r-168918

АВТОР И ИИ: МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ГРАНИЦЫ АВТОРСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема допустимого использования генеративного искусственного интеллекта при подготовке научных публикаций и сохранении авторской идентичности. Специфика генеративного ИИ заключается в возможности перехода от работы с формой к участию в формировании содержания и научной концепции. Для описания взаимодействия предлагается метафора Дон Кихота и Санчо Пансы, позволяющая учитывать активность цифрового помощника при сохранении различия функций, иерархии и ответственности участников. Обосновывается критерий авторской субъектности: автором научного текста остаётся лицо, определяющее вектор исследования, проявляющее критическое мышление и принимающее ответственность за конечный результат.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, авторство, авторская субъектность, критичечкое мышление, научная публикация, творческий вклад, научная этика, цифровизация науки.*

Искусственный интеллект стремительно интегрируется в современное общество, охватывая разнообразные области нашей

жизни [2, с. 62]. Одним из наиболее ярких и динамично развивающихся направлений этого процесса является *генеративный искусственный интеллект*, постепенно входящий в повседневную исследовательскую практику: с его помощью редактируют текст, структурируют материал, подбирают формулировки, проверяют логику изложения, решают другие вспомогательные задачи. Но системы ИИ на этом не останавливаются – они способны формировать самостоятельные фрагменты текста, предлагать аргументы, участвовать в обсуждении исследовательской проблемы.

Отсюда встает вопрос, важный не только для организации научной работы, но и для самого понимания авторства: *где заканчивается помощь исследователю и начинается замещение его творческой деятельности?*

При использовании ИИ возникает дополнительная сложность: цифровая система способна непосредственно участвовать в создании текста, но сам по себе этот факт еще не отвечает на вопрос, сохраняет ли человек статус автора.

Проблема в действительности не столько в самом факте участия ИИ в подготовке научной статьи, сколько в характере этого участия и в том, сохраняет ли автор контроль над научным содержанием.

Современное регулирование постепенно движется от общих рассуждений о рисках ИИ к конкретным правилам его использования в научной деятельности.

Одним из ориентиров в России стал ГОСТ Р 71657–2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения», действующий с 1 января 2025 г [1]. Появление отдельного национального стандарта само по себе говорит о том, что использование ИИ при подготовке научных публикаций уже воспринимается как самостоятельный элемент научной деятельности, нуждающийся в собственных правилах.

Российская практика при этом неоднородна: отдельные издания устанавливают строгие ограничения, предусматривая жесткие меры за нераскрытое или недобросовестное использование ИИ при подготовке рукописей. Так, в «Российском кардиологическом журнале» это может повлечь не только отказ в публикации, но и уведомление других журналов, а также запрет на рассмотрение новых статей автора в течение пяти лет [4]. Издательство МГППУ в 2025 г. ввело единую политику использования ИИ, предусматривающую раскрытие его применения при подготовке рукописи. При

выявлении признаков машинной генерации текста материалы возвращаются на доработку или отклоняются [3].

Зарубежные издательства исходят из того же принципа человеческого контроля. Elsevier и Springer Nature допускают использование ИИ в исследовательской и публикационной работе, но при условии, что ответственность несет автор, а результаты проверяет человек [6; 7]. COPE рассматривает вопросы ИИ прежде всего через призму авторства, прозрачности и публикационной этики [5].

Самая очевидная модель – ИИ как инструмент автора: исследователь ставит задачу, а система выполняет вспомогательную операцию. Такая модель хорошо описывает, например, языковое редактирование, когда автор уже создал текст, а ИИ предлагает убрать повторы, упростить синтаксис или перестроить отдельные предложения.

Но здесь и проходит граница, требующая более внимательного взгляда. Обычный корректор работает с уже сформированным автором содержанием, тогда как генеративный ИИ способен выйти за пределы заданного текста: предложить новый аргумент, изменить последовательность рассуждений, иначе поставить проблему или предложить свой вариант вывода.

Он может предложить несколько вариантов постановки проблемы, поменять последовательность аргументов, найти логическое противоречие или предложить новую интерпретацию материала – а значит, представление о нем как о пассивном инструменте оказывается слишком узким.

Нужна модель, которая учитывала бы активность ИИ, но не стирала различие функций человека и цифровой системы. Плодотворной, на наш взгляд, здесь оказывается *аналогия с отношениями Дон Кихота и Санчо Пансы.*

Автор научной статьи в этом смысле подобен Дон Кихоту: он определяет проблему, формирует исследовательский замысел, выбирает позицию и принимает окончательное решение.

ИИ же ближе к Санчо Пансе: он активно помогает, предлагает варианты, указывает на слабые места текста, перестраивает его отдельные элементы и порой подталкивает к новым идеям.

Различие функций при этом сохраняется: ИИ может участвовать в движении научной мысли, но не должен задавать ее конечное направление.

Здесь и проходит граница между ИИ-помощником и его фактическим превращением в самостоятельного генератора научной концепции.

Допустим, исследователь самостоятельно сформулировал основную проблему статьи, написал ее первый вариант, а затем попросил ИИ отредактировать текст: убрать повторы и сделать переходы между разделами более плавными.

Итоговый текст может заметно отличаться от исходного, но научная позиция, аргументы и выводы по-прежнему остаются результатом решений автора: ИИ здесь влияет прежде всего на форму выражения авторской мысли.

Автор остается субъектом работы, ведь способен объяснить, почему тот или иной тезис включен в статью и как он связан с общей концепцией.

Граница размывается, когда ИИ начинает предлагать содержательный материал. Скажем, автор просит систему подобрать судебную практику по исследуемой проблеме; ИИ называет конкретный судебный акт и кратко излагает его содержание, а автор включает эти сведения в статью. Если позже выясняется, что реквизиты акта ошибочны или его содержание передано неверно, ответственность за публикацию нельзя переложить на ИИ: система могла предложить материал, но включить его в научную работу решил именно автор.

Проверка результата ИИ, таким образом, – часть авторской деятельности, а не дополнительная техническая процедура.

Более серьезная проблема возникает в другой ситуации – когда исследователь передает ИИ не отдельную операцию, а фактически весь интеллектуальный маршрут работы.

Предположим, человек лишь задает тему статьи, а дальше ИИ формулирует проблему исследования, предлагает гипотезу, выстраивает аргументы, структуру и выводы – автору остается отредактировать получившийся текст и привести в соответствии с требованиями по объему.

Внешне такой текст может выглядеть как самостоятельная научная статья автора, но возникает принципиальный вопрос: *кто в действительности определил ее научную концепцию?*

Здесь метафора позволяет довольно точно обозначить границу: проблема возникает не тогда, когда Санчо помогает Дон Кихоту, а тогда, когда Санчо начинает определять, куда следует идти.

Если ИИ определяет не отдельные элементы выражения мысли, а само направление научного рассуждения, автор рискует утратить ту субъектность, которая и составляет основу авторства.

Автором научного текста следует считать того, кто способен осмыслить, проверить и защитить каждый существенный тезис

итоговой версии работы и принять на себя ответственность за ее содержание.

Такой подход снимает необходимость формально подсчитывать, какая часть текста создана человеком, а какая – ИИ.

ИИ способен сформулировать значительный по объему фрагмент, который после проверки и переработки автором становится частью его аргументации.

Возможна и обратная ситуация: человек набирает весь текст сам, но по существу лишь воспроизводит предложенную ИИ концепцию, не понимая ее оснований и будучи не способным обосновать сделанные выводы.

Если же она меняется на схему: *«ИИ формирует → человек принимает → человек оформляет»*, возникает принципиально иная ситуация.

При подготовке научной статьи ИИ должен оставаться прежде всего инструментом языковой, структурной и вспомогательной аналитической поддержки, а не самостоятельным генератором научной концепции.

Но во всех этих случаях последнее содержательное слово должно оставаться за исследователем.

Особое значение имеет проверка информации: генеративная система способна создавать убедительно выглядящие, но ошибочные сведения, включая ссылки и реквизиты судебных актов, – а значит, автор не вправе принимать материал, полученный от ИИ, за готовый научный источник.

Само по себе использование генеративного искусственного интеллекта не создает проблемы авторства. Она возникает тогда, когда невозможно установить, кто сохраняет контроль над научным содержанием работы.

Она позволяет избежать двух крайностей: ИИ нельзя считать чисто пассивным инструментом – его предложения реально влияют на процесс создания текста, – но нельзя и ставить его в положение равноправного соавтора, ведь именно человек определяет цель исследования, оценивает результаты и отвечает за опубликованную работу.

Граница проходит не между «человеческим» и «машинным» текстом, а между сохранением авторского контроля и его утратой.

ИИ может подсказать идею, изменить структуру, сформулировать фразу или указать на слабое место аргументации, но автор обязан

понимать, почему этот материал попал в конечный текст, проверить его и быть готовым защитить соответствующее положение.

Такое распределение функций и позволяет сохранить авторство человека при использовании современных технологий искусственного интеллекта.

Список литературы

1. ГОСТ Р 71657–2024. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения. – Введ. 01.01.2025. – М.: Российский институт стандартизации, 2024. – 20 с.

2. Бельдина О.Г. Правовые проблемы, связанные с безопасностью использования искусственного интеллекта / О.Г. Бельдина // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27 марта 2025 г.). – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2025. – С. 62–66. EDN EVYUUK

3. Издательство МГППУ вводит единую политику использования ИИ в научных журналах // МГППУ. – 2025. – URL: https://mgppu.ru/news/16752 (дата обращения: 05.08.2026).

4. Российский кардиологический журнал. Обращение редакции. – URL: https://russjcardiol.elpub.ru/jour/article/view/6219 (дата обращения: 10.08.2026).

5. Совет COPE. Позиция COPE – Авторство и искусственный интеллект. – URL: https://publicationethics.org/guidance/cope-position/authorship-and-ai-tools (дата обращения: 06.08.2026).

6. Elsevier. Политика в отношении генеративного ИИ для журналов. – URL: https://www.elsevier.com/about/policies-and-standards/generative-ai-policies-for-journals (дата обращения: 06.08.2026).

7. Springer Nature. Руководство по использованию ИИ для исследователей и научных сообществ. – URL: https://group.springernature.com/gp/group/ai/ai-guidance-for-our-researchers-and-communities (дата обращения: 08.08.2026).

Курманбаев Мелис Мажитович
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»
г. Екатеринбург, Свердловская область

DOI 10.31483/r-168888

РЕФОРМА СИСТЕМЫ ЖИЛИЩНОГО НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в статье анализируются проблемы правового регулирования и организации надзорно-контрольной деятельности в жилищной сфере РФ. На основе анализа законодательства, судебной практики и статистических данных исследуется дуализм государственного жилищного надзора и муниципального жилищного контроля, выявляются причины низкой эффективности последнего. Особое внимание уделено упразднению с 1 сентября 2026 года муниципального жилищного контроля. Рассматриваются проблемы правоприменения в жилищной сфере: доступ в жилые помещения для проверок и контроль информационного взаимодействия управляющих организаций с собственниками. Формулируются предложения по повышению эффективности надзорной деятельности в условиях реформы.*

Ключевые слова: *государственный жилищный надзор, муниципальный жилищный контроль, реформа контроля, жилищное законодательство, судебная практика, управляющие организации.*

Система надзора и контроля за соблюдением жилищного законодательства в последние годы претерпевает последовательные изменения, однако вопрос об эффективности контрольно-надзорной функции в сфере ЖКХ по-прежнему остается дискуссионным. Актуальность этой проблемы обусловлена не только тем, что жилищная сфера напрямую затрагивает права граждан, но и происходящими изменениями в самой организации публичного контроля.

Цель статьи – выявить проблемы правового регулирования и организации надзорно-контрольной деятельности в сфере ЖКХ и оценить последствия реформы 2026 года.

На протяжении длительного времени в жилищной сфере параллельно существовали две системы контроля – государственный жилищный надзор, осуществляемый уполномоченными органами субъектов РФ, и муниципальный жилищный контроль.

С.В. Блинцов справедливо указывает, что различие между контролем и надзором в жилищной сфере определяется прежде всего тем, какой субъект публичной власти осуществляет соответствующую деятельность. При надлежащей организации процедур контроль за муниципальным жилищным фондом вполне может быть передан государственным надзорным органам – именно это и происходит сейчас на уровне законодателя [11].

У сосуществования двух систем были свои плюсы и минусы. Муниципальный уровень давал возможность вести контроль непосредственно на территории конкретного муниципального образования, однако полномочия государственных и муниципальных органов нередко пересекались. В результате управляющие организации сталкивались с проверками разных органов по сходным основаниям – это увеличивало административную нагрузку и порождало споры о разграничении компетенции.

Отдельная проблема заключалась в ограниченности ресурсов муниципального контроля – особенно остро она проявлялась в небольших муниципальных образованиях, где не хватало ни кадров, ни финансовых возможностей для полноценной контрольной работы.

Показательна статистика результативности проверок: доля выявленных нарушений при муниципальном контроле составляла лишь 18,1%, тогда как органы государственного жилищного надзора фиксировали нарушения в 45,1% случаев. Учитывая значительный объем муниципальных проверок, такой разрыв прямо указывал на проблемы эффективности сложившейся модели [6].

Именно эти обстоятельства во многом предопределили реформу. Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. №23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу подпункта «д» пункта 29 части 2 статьи 32 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2] (далее – Закон №23-ФЗ) с 1 сентября 2026 года упраздняет муниципальный жилищный контроль, передавая соответствующие полномочия на региональный уровень.

Представляется, что сама по себе такая передача не гарантирует роста эффективности надзора. После упразднения муниципального контроля на первый план выходит другой вопрос: способен ли региональный надзорный орган обеспечить фактическую доступность контроля на всей территории субъекта РФ. Поэтому оценивать пользу от устранения дублирования функций нужно не по

факту его устранения, а по тому, насколько новая система обеспечивает регулярное и оперативное реагирование на нарушения.

В этой связи особую значимость приобретает проблема доступа в жилые помещения для проведения проверок – здесь сталкиваются две в равной степени значимые публичные задачи: обеспечение эффективного государственного контроля и защита неприкосновенности жилища.

И.Д. Колмакова и А.Л. Лобода, анализируя развитие контрольно-надзорной деятельности, отмечают, что роль государства в контроле за соблюдением жилищного законодательства и качеством коммунальных услуг заметно меняется. Рост требований к качеству управления жилищным фондом повышает значение государственных жилищных инспекций [12].

Однако расширение контрольных функций, по нашему мнению, требует четкого определения пределов вмешательства надзорных органов, чтобы избежать произвола и нарушения прав подконтрольных субъектов.

Судебная практика по вопросам доступа в жилые помещения неоднородна. В одних случаях суды встают на сторону надзорных органов, если установлено, что предполагаемое нарушение способно затронуть права и законные интересы третьих лиц. Так, по делу №33–993/2024 Белгородский областной суд обязал собственника предоставить доступ для проверки перепланировки, установив угрозу для соседних помещений [7].

Встречается и обратная позиция: Кировский районный суд г. Уфы отказал надзорному органу в удовлетворении требования об обеспечении доступа, поскольку не были представлены доказательства того, что возможное нарушение затрагивает права иных лиц [10]. Такие расхождения обнажают реальную проблему – без осмотра помещения зачастую невозможно установить его фактическое состояние, но само требование о доступе всё равно должно иметь достаточное правовое обоснование.

Получается своего рода замкнутый круг: чтобы подтвердить нарушение, нужен осмотр помещения, а чтобы получить доступ к осмотру, надзорному органу в ряде случаев приходится заранее доказывать наличие этого самого нарушения. Пока данный вопрос не получит единообразного решения в судебной практике, эффективность государственного жилищного надзора будет зависеть от позиции конкретного суда.

Похожая ситуация сложилась и в деле №2–7680/2018, рассмотренном Ленинским районным судом г. Екатеринбурга по иску Департамента государственного жилищного и строительного надзора Свердловской области к собственнику жилого помещения [9]: надзорный орган столкнулся с противодействием собственника, и обоснование самого требования о доступе превратилось в отдельный предмет судебного спора.

Дополнительные сложности создает необходимость согласования проверок с органами прокуратуры: соответствующие процедурные требования установлены Федеральным законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. №248-ФЗ [3] и напрямую влияют на сроки и порядок проведения контрольных мероприятий. Формированию единых подходов не способствует и неоднородность судебной практики по подобным спорам.

Реформа затрагивает и другое направление – контроль за информационным взаимодействием участников жилищных отношений. Постановление Правительства РФ от 10 мая 2026 года №535, которое вступает в силу с 1 сентября 2026 года [4], расширяет предмет государственного жилищного надзора за счет требований к размещению информации в государственной информационной системе ЖКХ.

Закон №23-ФЗ распространяет контроль и на соблюдение требований к размещению информации в ГИС ЖКХ ресурсоснабжающими организациями, лицами, управляющими МКД, региональными операторами и застройщиками, а также на требования к их информационному взаимодействию с собственниками и пользователями помещений.

Информационная открытость постепенно перестает быть просто обязанностью участников жилищных отношений и становится самостоятельным объектом государственного контроля. Тем самым традиционное содержание жилищного надзора расширяется: предметом проверки становится уже не только состояние жилищного фонда и соблюдение обязательных требований при его эксплуатации, но и выполнение правил информационного взаимодействия.

Одновременно этот процесс несет риск дальнейшего усложнения контрольной системы: если требования к информационному взаимодействию будут проверять сразу несколько органов без четкого разграничения компетенции, цифровизация обернется не снижением, а ростом административной нагрузки на управляющие организации.

А.Р. Шарипова указывает, что дублирование функций различных контрольных органов остается одной из главных проблем контроля за деятельностью управляющих организаций: отсутствие четкого разграничения компетенции между органами государственного жилищного надзора, органами местного самоуправления и прокуратурой снижает согласованность контрольной деятельности и подталкивает ее к формализации [13].

Практическое значение этого направления уже подтверждается судебной практикой: по делу №А60–70538/2025 Арбитражный суд Свердловской области обязал ТСЖ «ТСЖ – Д. №16» разместить в ГИС ЖКХ сведения о состоянии расчетов по лицевым счетам [8]. Данный спор показывает, что соблюдение требований к информационной открытости само по себе становится предметом судебной защиты и публичного контроля.

Дальнейшее совершенствование государственного жилищного надзора, на наш взгляд, должно идти не столько по пути расширения перечня контролируемых требований, сколько по пути повышения определенности и результативности уже существующих механизмов.

Прежде всего требует урегулирования порядок доступа в жилые помещения. В Жилищном кодексе РФ [1] стоило бы четче определить основания, по которым государственный жилищный надзор вправе требовать доступа в помещение, – в том числе при наличии обоснованных данных о нарушении, создающем угрозу жизни или здоровью граждан. При этом собственнику необходимы процессуальные гарантии, исключающие произвольное вмешательство в неприкосновенность жилища; одним из решений мог бы стать специальный сокращенный порядок получения судебного решения о доступе.

Расширение предмета надзора за счет информационного взаимодействия требует и четких критериев оценки деятельности управляющих организаций. Здесь пригодится опыт Свердловской области: постановлением Правительства Свердловской области от 24 декабря 2021 года №946-ПП утвержден перечень индикаторов риска [5], согласно которому отсутствие 90% платежных документов в ГИС ЖКХ рассматривается как показатель, позволяющий выявлять возможные нарушения на ранней стадии. Стоит оценить, насколько подобные индикаторы применимы при формировании федеральных подходов к риск-ориентированному жилищному надзору.

Реформа жилищного надзора, построенная на упразднении муниципального контроля и передаче соответствующих полномочий региональным органам, меняет сложившуюся систему публичного

контроля – и ее значение нельзя сводить лишь к перераспределению компетенции между уровнями публичной власти. Не менее важен вопрос о том, насколько качественно эти новые полномочия будут реализованы на практике.

Список литературы

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №188-ФЗ от 29.12.2004 (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (ч. 1). – Ст. 14.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу подпункта «д» пункта 29 части 2 статьи 32 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»: Федеральный закон №23-ФЗ от 20.02.2026 // Парламентская газета. – 2026.

3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон №248-ФЗ от 31.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №31 (ч. I). – Ст. 5007.

4. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. №1670: Постановление Правительства РФ №535 от 10.05.2026 // Собрание законодательства РФ. – 2026. – №19. – Ст. 3124.

5. Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований, используемых при осуществлении регионального государственного жилищного надзора на территории Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области №946-ПП от 24.12.2021 // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. – URL: http://www.pravo.gov66.ru (дата обращения: 30.07.2026).

6. Проект федерального закона №958050–8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации...» // Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/958050–8 (дата обращения: 06.08.2026).

7. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 12 марта 2024 г. по делу №33–993/2024 // Архив Белгородского областного суда. – Белгород, 2024.

8. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 25 декабря 2025 г. по делу №А60–70538/2025 // Архив Арбитражного суда Свердловской области. – Екатеринбург, 2025.

9. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 15 октября 2018 г. по делу №2–7680/2018 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2018.

10. Решение Кировского районного суда г. Уфы от 20 мая 2023 г. по делу №2–1456/2023 // Архив Кировского районного суда г. Уфы. – Уфа, 2023.

11. Блинцов С.В. Органы публичной власти как субъекты правоотношений в жилищно-коммунальной сфере / С.В. Блинцов // Молодой ученый. – 2025. – №47(598). – С. 159–162. – URL: https://moluch.ru/archive/598/130304 (дата обращения: 10.08.2026). EDN JOSQSF

12. Колмакова И.Д. Эволюционные аспекты контрольно-надзорной деятельности на примере государственной жилищной инспекции / И.Д. Колмакова, А.Л. Лобода // Общество, экономика, управление. – 2025. – Т. 10. №4. – С. 11–17. DOI 10.47475/2618-9852-2025-10-4-11-17. EDN IIVCFR

13. Шарипова А.Р. Проблемы реализации государственного контроля за деятельностью управляющих компаний и пути их правового решения / А.Р. Шарипова // Молодой ученый. – 2025. – №51(602). – С. 672–674. EDN MHAWYJ

Ланских Виктория Владимировна
аспирант, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
г. Хабаровск, Хабаровский край

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПАССАЖИРОПОТОКОВ НА ГОРОДСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ПАССАЖИРСКОМ ТРАНСПОРТЕ КНР

Аннотация: *в тексте рассматривается система нормативно-правового регулирования и статистического учёта городского общественного пассажирского транспорта в Китайской Народной Республике. Приводятся статистические показатели за 2024–2025 гг., отражающие рост объёмов перевозок городским рельсовым транспортом и сокращение доли автобусно-троллейбусных перевозок, а также региональные различия. Отмечается значение правовых нововведений для планирования транспортных сетей, распределения бюджетных средств и оценки качества обслуживания населения.*

Ключевые слова: *городской общественный пассажирский транспорт, правовое регулирование, пассажиропотоки, статистические данные, городской рельсовый транспорт, автобусные перевозки, национальные стандарты, методика обследований, планирование транспортной инфраструктуры.*

Городской общественный пассажирский транспорт является важнейшей составляющей инфраструктуры современного мегаполиса, обеспечивающей мобильность населения и устойчивое функционирование городской экономики. Китайская Народная Республика, обладающая одной из самых разветвлённых и динамично развивающихся систем городского транспорта в мире, уделяет первостепенное внимание вопросам его правового регулирования и

статистического учёта. Изучение пассажиропотоков – не просто академическая задача, а насущная потребность для эффективного планирования транспортных сетей, оптимизации маршрутов, распределения бюджетных средств и обеспечения комфорта миллионов пассажиров. В основе этого процесса лежит разветвлённая система нормативно-правовых актов, стандартов и методических документов, формирующих единое правовое поле для сбора, обработки и анализа данных о перевозках пассажиров.

Правовой фундамент функционирования и развития городского общественного транспорта в Китае закреплён в системе законодательных актов различного уровня – от общегосударственных законов до ведомственных инструкций и национальных стандартов. Ключевым событием последних лет стало принятие «Положения о городском общественном транспорте», утверждённого Государственным советом КНР (Указ №793) 19 августа 2024 года и вступившего в силу с 1 декабря 2024 года-. Данный документ стал первой в истории Китая административно-правовой нормой, специально посвящённой городскому общественному транспорту, и закрепил приоритетную стратегию развития общественного транспорта на законодательном уровне [3].

Положение устанавливает базовые принципы организации городских пассажирских перевозок, определяет обязанности городских народных правительств как ответственных субъектов развития общественного транспорта и регламентирует вопросы планирования, финансирования, эксплуатации и безопасности. Особое значение для изучения пассажиропотоков имеет статья 10 Положения, которая прямо предписывает: «Городские народные правительства должны организовывать проведение обследований общественных поездок населения, которые служат основой для оптимизации линий и размещения остановочных пунктов общественного транспорта» [2]. Это положение создаёт законодательную базу для систематического сбора данных о передвижениях населения и делает изучение пассажиропотоков не просто рекомендательной, а обязательной функцией органов местного самоуправления.

В документе закрепляется необходимость интеграции транспортного планирования с градостроительным, требуется, чтобы планы комплексной транспортной инфраструктуры, планы развития городского общественного транспорта были увязаны с планами территориального планирования. Это означает, что данные о пассажиропотоках должны учитываться уже на стадии

градостроительного проектирования, что подчёркивает их стратегическое значение.

Помимо законодательных актов, важнейшую роль в нормативно-правовом обеспечении изучения пассажиропотоков играют национальные стандарты. Эти стандарты устанавливают единую терминологию, методы расчёта и требования к сбору данных, что обеспечивает сопоставимость показателей по различным городам и видам транспорта.

Одним из ключевых документов в этой области является национальный стандарт «Терминология городского пассажирского транспорта. Часть 1: Общие термины», который систематизирует базовые понятия, используемые при описании и анализе пассажиропотоков. Данный стандарт разработан при участии ведущих научно-исследовательских институтов и университетов.

Другим важным стандартом является «Нормы обслуживания пассажиров на городских автобусах и троллейбусах», который регламентирует требования к качеству обслуживания и, косвенно, к сбору данных о пассажиропотоках. Этот стандарт был обновлён в 2025 году, что свидетельствует о постоянном совершенствовании нормативной базы.

Особого внимания заслуживает ведомственный нормативный акт – «Методика организации пассажирских перевозок и обслуживания на городском рельсовом транспорте», утверждённый Министерством транспорта. Данный документ, разработанный во исполнение Положения о городском общественном транспорте и других нормативных актов, детализирует требования к организации перевозок и сбору оперативной информации о пассажиропотоках [1].

Нормативно-правовая база создаёт основу для систематического сбора и публикации статистических данных о пассажиропотоках. Центральным органом, ответственным за сбор и публикацию таких данных, является Министерство транспорта КНР, которое регулярно представляет отчёты о состоянии городского пассажирского транспорта.

Согласно опубликованным данным, в 2024 году общий объём городских пассажирских перевозок по всем видам транспорта в Китае составил 1043,46 млрд поездок, что на 2,3% меньше по сравнению с предыдущим годом [2]. Однако внутри этого общего показателя наблюдаются разнонаправленные тенденции, отражающие структурные изменения в транспортной системе.

Городской рельсовый транспорт (метрополитен, лёгкое метро и др.) демонстрирует устойчивый рост. В 2025 году объём перевозок на этом виде транспорта достиг 332,24 млрд поездок, увеличившись на 3,2% по сравнению с 2024 годом [3]. За весь 2024 год по линиям городского рельсового транспорта по всей стране было совершено в общей сложности 44,31 млн поездов, пассажирооборот составил 2780,8 млрд пассажиро-километров [4]. Количество вошедших на станции пассажиров достигло 198,0 млрд человек.

По состоянию на ноябрь 2025 года городской рельсовый транспорт функционировал в 54 городах 31 провинции (автономных районов, городов центрального подчинения) и Синьцзянского производственно-строительного корпуса. Общая протяжённость эксплуатационных линий составила 11 710,3 км, количество станций достигло 6680. В 2025 году было введено в эксплуатацию 18 новых линий и 32 новых участка общей протяжённостью 764,7 км.

В то же время перевозки на автобусах и троллейбусах сократились на 5,5% в 2025 году [3]. Для сравнения, в 2023 году объём перевозок на этом виде транспорта составлял 380,5 млрд поездок. Снижение доли традиционного наземного транспорта в общем пассажиропотоке – с 58,7% в 2015 году до примерно 35% в 2025 году – отражает глобальный тренд перехода к более скоростным и надёжным видам транспорта.

Среди регионов лидерами по объёму перевозок на городском рельсовом транспорте являются Гуандун (свыше 68,5 млрд поездок, рост 5,5%), Шанхай (36,9 млрд поездок, снижение на 1,9%) и Пекин (35,7 млрд поездок, снижение на 1,3%). Наиболее высокие темпы роста показали провинции Шаньси (рост в 2,1 раза, до 1 млрд поездок), Хэнань, Хэйлунцзян, Аньхой и Гуйчжоу. Столь значительный рост в провинции Шаньси связан с открытием новых линий метро в административном центре – городе Тайюань [3].

Нормативно-правовые акты не только устанавливают требования к сбору данных, но и определяют методы их получения. В соответствии с ведомственными методическими рекомендациями, при проведении обследований на остановочных пунктах рекомендуется использовать двухступенчатый метод выборки: на первом этапе осуществляется отбор станций с учётом их принадлежности к линиям, типа, местоположения и объёма пассажиропотока; на втором этапе производится выборка пассажиров общественного транспорта на обследуемых станциях. Размер выборки определяется исходя из периода обследования и количества вопросов в анкете.

При определении таких показателей, как «общий объём поездок на общественном транспорте в городе», предписывается использовать данные, публикуемые органами управления городским транспортом. Для анализа пассажиропотоков также широко применяются показатели баз данных (big data) в сочетании с информацией о постоянно проживающем населении и рабочих местах. Границы городских территорий и расположение остановочных пунктов общественного транспорта рекомендуется определять на основе ежегодных результатов мониторинга земель и пространственного развития.

Принятие Положения о городском общественном транспорте и сопутствующих нормативных актов стало важным этапом в развитии правовой базы китайского транспорта. Как отмечается в официальных комментариях, данный документ «открыл новую страницу правового регулирования приоритетного развития городского общественного транспорта» и имеет «значение вехи» для повышения качества городского транспорта [4].

Положение закрепляет комплекс мер по развитию отрасли, включая: планирование, землеотведение, финансовую поддержку, механизмы ценообразования, дотации и компенсации, а также приоритет в движении. Все эти меры прямо или косвенно связаны с необходимостью точного учёта пассажиропотоков, поскольку эффективное планирование и распределение ресурсов невозможно без достоверных данных о спросе на транспортные услуги.

Кроме того, Положение обязывает городские народные правительства заключать с предприятиями общественного транспорта соглашения об эксплуатационных услугах, в которых должны быть определены стандарты обслуживания, требования и порядок оценки качества-. Это создаёт механизм обратной связи, позволяющий на основе данных о пассажиропотоках оценивать эффективность работы перевозчиков и корректировать их деятельность.

Список литературы

1. Постановление Государственного совета КНР №793 «Правила городского общественного транспорта» // Государственный вестник КНР. – 2024. – №31. – URL: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11686/202411/content_6985160.html (дата обращения: 25.07.2026).

2. Пэй Ц. Обнародованы данные о пассажирских перевозках городского транспорта по стране за 2025 год, в прошлом году пассажиропоток такси в Пекине вырос почти на 30% // Новости Пекина. – 2026. – URL: https://m.bjnews.com.cn/detail/1769834455129236.html (дата обращения: 25.07.2026).

3. Обнародованы данные о пассажирских перевозках городского транспорта по стране за 2025 год, в прошлом году пассажиропоток такси в Пекине вырос почти на 30% // Sina. – 2026. – URL: https://k.sina.cn/article_1644114654_61ff32de020023j9c.html?from=news&subch=onews (дата обращения: 25.07.2026).

4. В 2025 году городским рельсовым транспортом перевезено 33,24 млрд пассажиров // Сайт Коммунистической партии Китая. – 2026. – URL: https://cpc.people.com.cn/BIG5/n1/2026/0130/c64387–40655917.html (дата обращения: 27.07.2026).

Оголь Владислав Леонидович
преподаватель
Муравьева Анастасия Игоревна
преподаватель

Крымский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Республика Крым

DOI 10.31483/r-169066

НАДЛЕЖАЩЕЕ ИЗВЕЩЕНИЕ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *в статье рассмотрена связь принципа состязательности и равноправия сторон с институтом судебных извещений. Авторы пришли к выводу, что ненадлежащее извещение лишает сторону возможности реализовать процессуальные права и исполнить бремя доказывания.*

Ключевые слова: *принцип состязательности, равноправие сторон, бремя доказывания, надлежащее извещение, судебная практика Верховного Суда Российской Федерации.*

Одним из основополагающих принципов гражданского судопроизводства выступает принцип состязательности и равноправия сторон (часть 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации, статья 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Принцип состязательности означает, в частности, возложение на сторону обязанности доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование заявленных требований или возражений (часть 1 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

В свою очередь выполнение возложенного на сторону бремени доказывания, предусмотренного частью 1 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, находится в неразрывной связи с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле (часть 1 статьи 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

В данном случае реализация того или иного процессуального права – это не просто некая «самоцель», а «инструмент» для доказывания или опровержения юридически значимых обстоятельств по делу.

Принцип равенства сторон достигается, прежде всего, за счёт предоставления каждой из сторон равных возможностей в собирании и предоставлении суду доказательств в подтверждение своей правовой позиции.

Вышеуказанные принципы, без преувеличения, и образуют суть гражданского судопроизводства, которая заключается в следующем. Обязанности стороны доказать свою правовую позицию (часть 1 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) корреспондирует право предоставить любые относимые и допустимые доказательства в её подтверждение путём реализации процессуальных прав (часть 1 статьи 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Нет сомнений, что реализация большей части процессуальных прав, предусмотренных частью 1 статьи 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, неразрывно связана с участием в судебном заседании.

В подтверждение приведённых суждений рассмотрим пример из судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Судьёй вынесено определение о подготовке дела к судебному разбирательству, копия которого направлена в адрес лиц, участвующих в деле.

ООО «НПО «ИНТЕК» направило в суд ходатайство с просьбой об отложении судебного заседания, в обоснование которого указало на то, что копия вышеуказанного судебного акта им не получена. Общество указало, что при указанных обстоятельствах оно лишено

возможности в полной мере реализовать принадлежащие ему процессуальные права, что приводит к нарушению принципа состязательности и равноправия сторон.

Разрешая заявленное обществом ходатайство, суд первой инстанции исходил из наличия в материалах дела сопроводительного письма о направлении в адрес общества копии определения о подготовке дела к судебному разбирательству. В связи с чем, в удовлетворении ходатайства общества отказано, а дело рассмотрено по существу по имеющимся доказательствам (т.е. с учётом отсутствия доказательств, которые могли были быть предоставлены обществом при условии его заблаговременной осведомлённости о времени и месте разбирательства дела).

При кассационном пересмотре решения суда первой инстанции, оставленного без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, Верховный Суд Российской Федерации указал, что общество могло считаться извещённым о времени и месте судебного заседания только при наличии бесспорных доказательств вручения адресату судебного извещения (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2018 года №41-КГ18–33) [3].

Рассмотренный пример из судебной практики Верховного Суда Российской Федерации подтверждает наше мнение о том, что гарантией реализации процессуальных прав лицом, участвующих в деле, является его надлежащее извещение о времени и месте судебного заседания.

В этих целях законодателем предусмотрены специальные правила, предусмотренные Главой 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации «Судебные извещения и вызовы».

Важность соблюдения правил надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания неоднократно подчёркивалась Верховным Судом Российской Федерации. Рассмотрим один из таких примеров.

На апелляционное определение суда апелляционной инстанции Н. в кассационный суд общей юрисдикции подана кассационная жалоба. Доводы кассационной жалобы сводились к нарушению правил о надлежащем извещении о времени и месте судебного заседания суда апелляционной инстанции. По мнению подателя кассационной жалобы, допущенные судом апелляционной инстанции привели к невозможности дать объяснения в суде апелляционной

инстанции по существу доводов апелляционной жалобы и привести аргументы в обоснование своей позиции по делу.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения, кассационную жалобу Н. – без удовлетворения. Доводы кассационной жалобы Н. о вышеуказанных нарушениях норм процессуального права кассационный суд общей юрисдикции признал несостоятельными, т.к. в материалах дела имеется уведомление с отметкой о возврате почтовой корреспонденции по истечении срока хранения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции.

Судебное заседание по рассмотрению апелляционной жалобы было назначено на 06 декабря 2022 года в 15–10 ч.

В протоколе судебного заседания суда апелляционной инстанции от 06 декабря 2022 года указано, что Н. в судебное заседание суда апелляционной инстанции не явился, представитель Н. по доверенности к рассмотрению дела в суде апелляционной инстанции допущен не был, в связи с тем, что им не предоставлены документы, подтверждающие его полномочия как представителя.

Судебное извещение направлялось Н. по адресу его регистрации, которое возвращено в суд апелляционной инстанции в связи с истечением срока хранения и неявкой адресата за его получением.

Между тем при обращении в суд с иском Н. указал помимо адреса его регистрации по месту жительства, адрес для направления корреспонденции, а также адрес электронной почты.

Однако судебное извещение о времени и месте судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции было направлено Н. только по адресу его регистрации по месту жительства.

Таким образом, суд апелляционной инстанции не выполнил требования процессуального закона о надлежащем извещении истца Н., поскольку направление судебного извещения только по месту регистрации Н., при наличии сведений о том, что он фактически проживает по другому адресу, является формальным отношением к соответствующим требованиям процессуального закона. Следовательно, надлежащее извещение Н. о времени и месте разбирательства дела не было обеспечено, что привело к нарушению процессуальных прав Н.

Исходя из приведённого, апелляционное и кассационное определения отменены, а дело – направлено на новое рассмотрение в

суд апелляционной инстанции (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2023 года №78-КГ23–46-К3) [4].

Высказанная нами позиция поддерживается и другими исследователями.

К.В. Коршакова, С.В. Иванченко: «…очевидным представляется то, что, когда дело касается разрешения спора о праве (в исковом судопроизводстве), сторона, надлежащим образом не извещённая, помимо прочего, лишается возможности реализовать основополагающий принцип гражданского процесса – принцип состязательности» [2].

Позиция авторов не может быть поставлена под сомнение. Тем не менее важность надлежащего извещения имеет значение не только применительно к исковому производству. Так, частью 2 статьи 263 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено извещение заявителя и заинтересованных лиц при рассмотрении дел особого производства. В рамках особого производства нет конкурирующих друг с другом сторон спора – истца и ответчика. Однако, законность и обоснованность требований заявителя (инициатора возбуждения особого производства), по смыслу части 1 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, должна быть оценена на основании предоставленных им доказательств, в т.ч. в рамках судебного заседания. Важное значение имеет реализация процессуальных прав заинтересованными лицами. Именно их процессуальная позиция определяет соблюдение самого главного условия рассмотрения требований в порядке особого производства – отсутствие спора о праве. В этом смысле надлежащее извещение о времени и месте судебного заседания.

А.Ю. Томилов, Д.В. Данилов: «…риск ненадлежащего извещения падает на суд, что не является допустимым подходом в рамках реализации принципа состязательности» [5].

А.О. Яценко, И.В. Бесельман: «…практика отмечает необходимость неукоснительного соблюдения, установленного гражданским процессуальным законодательством порядка извещения участвующих в деле лиц, причём в деле должны сохраняться необходимые доказательства, подтверждающие факт их надлежащего извещения» [6].

К.В. Коршакова, С.В. Иванченко: «Состязательность направлена на установление подлинности тех или иных обстоятельств, лицо обязано доказать те положения своей процессуальной

позиции, на которые оно ссылается, лица в равной степени допущены к реализации процесса» [2].

Таким образом, судебной практикой и доктриной гражданского процессуального права достоверно подтверждается, что надлежащее извещение о времени и месте судебного заседания является гарантией реализации процессуальных прав, предусмотренных частью 1 статьи 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, выступающих «инструментом» достижения стороной наиболее приемлемого правового интереса в сложившихся спорных правоотношениях.

Список литературы

1. Иванченко С.В. К вопросу о характере и целях принципа надлежащего извещения лиц, участвующих в деле и классификации надлежащих извещений / С.В. Иванченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9(75). №2. – С. 326–334. EDN SKGHFE

2. Коршакова К.В. Надлежащее извещение лиц, участвующих в деле как принцип гражданского процессуального права / К.В. Коршакова, С.В. Иванченко // Право и практика. – 2019. – №4. – С. 215–219. EDN JTXPMM

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2018 года №41-КГ18–33. – URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=559657 (дата обращения: 29.08.2026).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2023 года №78-КГ23–46-К3. – URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793673 (дата обращения: 29.08.2026).

5. Томилов А.Ю. Правовые пробелы процессуального порядка уведомления, извещения и обмена процессуальными документами в гражданском судопроизводстве / А.Ю. Томилов, Д.В. Данилов // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. №9. – С. 106–118. DOI 10.12737/jrl.2021.114. EDN SVYDFL

6. Яценко А.О. Своевременное извещение участников гражданского судопроизводства: вопросы теории и практики / А.О. Яценко, И.В. Бесельман // Вопросы российской юстиции. – 2023. – №26. – С. 550–562. EDN QDOVYM

Оголь Владислав Леонидович
преподаватель
Пеленицына Марина Валентиновна
канд. юрид. наук, доцент

Крымский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Симферополь, Республика Крым

DOI 10.31483/r-169071

ФОРМА ИЛИ СОДЕРЖАНИЕ: НЕДОПУСТИМОСТЬ ОТМЕНЫ ПРАВИЛЬНОГО ПО СУЩЕСТВУ РЕШЕНИЯ СУДА ПО ФОРМАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ

Аннотация: *в статье рассматривается правило части 6 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которому правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено только из-за формальных нарушений. Анализируются подходы Верховного Суда Российской Федерации, доктринальные позиции и примеры судебной практики. Сформулирован вывод о приоритете существа спора над процессуальной формой при условии, что нарушения не повлияли на правильность разрешения дела и права сторон.*

Ключевые слова: *апелляционное производство, отмена решения суда, формальные основания, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, судебная практика, стабильность судебных актов.*

Одной из основных задач гражданского судопроизводства является правильное разрешение по существу споров. В этих целях суд устанавливает характер спорных правоотношений, подлежащие применению нормы материального и процессуального права, а также юридически значимые обстоятельства по делу, а также распределяет бремя доказывания между сторонами в зависимости от правового интереса, который преследуется ими в рамках сложившихся спорных правоотношений.

Нет сомнений, что данный процесс сопряжён с необходимостью соблюдения немалого количества требований. Важность каждого

из них не представляет сомнений и не может быть поставлена под сомнение в процессе судебного правоприменения. Именно этим обусловлено закрепление в частях 1–2 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации перечня оснований для отмены (изменения) решения суда первой инстанции при его пересмотре в апелляционном порядке.

Однако законодателем проявлена максимальная гибкость в процессуальном регулировании данного вопроса, что следует из части 3 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: «Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения».

Положения части 3 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации находятся в непосредственной взаимосвязи с положениями части 6 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающие невозможность отмены правильного по существу решения суда первой инстанции по одним только формальным соображениям.

Такое процессуальное регулирование, по нашему мнению, призвано стать ответом на извечный вопрос: «Что важнее: форма или содержание?». В процессуальном контексте этот вопрос сводится к поиску оптимального баланса между правильным разрешением спора по существу и соблюдением процессуальной формы.

Вышеуказанные положения процессуального закона находят своё развитие в пункте 58 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года №16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», в котором содержится толкование понятия «формальные соображения»: «… например, из-за нарушения судом первой инстанции порядка судебных прений, необоснованного освобождения лица, участвующего в деле, от уплаты государственной пошлины и т. п. Характер допущенных судом первой инстанции нарушений, а также вопрос о том, могли ли они привести к неправильному разрешению спора, оценивается судом апелляционной инстанции в каждом конкретном случае исходя из фактических обстоятельств дела и содержания доводов апелляционных жалобы, представления» [4].

«…правило части 6 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о недопустимости отмены правильного по существу решения по одним только формальным соображениям отражает компенсирующий характер апелляционной инстанции и направлено на обеспечение стабильности судебных актов при отсутствии влияния процессуальных нарушений на существо спора» – считает Р.В. Шакирьянов [6].

В свою очередь, Н.Ю. Сакара указывает: «…правовой пуризм является крайним проявлением чрезмерного формализма и всегда приводит к нарушению принципа правовой определённости, поскольку связан или с отменой правильного по сути и вступившего в законную силу судебного решения, без наличия социальной потребности в этом или потребности в устранении фундаментальных ошибок правоприменения» [5].

В связи с чем, мы можем прийти к выводу, что и процессуальное регулирование, и доктринальные положения ориентированы на то, что первостепенное значение при разрешении судами по существу споров приобретает вынесения законного и обоснованного решения, в то время как имеющие место нарушения могут считаться основанием для отмены состоявшегося по делу судебного постановления только в том случае, если привели к неправильном разрешению спора по существу и (или) существенному нарушению прав и законных интересов участников спорных правоотношений.

Высказанные нами суждения коррелируются с примерами из судебной практики.

Пример №1. К.Р. (осуждённый, содержащийся в СИЗО) на основании статьи 155.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации направил в суд первой инстанции ходатайство об обеспечении его участия при рассмотрении дела путём использования системы видеоконференц-связи. С учётом наличия технической возможности суд первой инстанции удовлетворил заявленное К.Р. ходатайство. В адрес СИЗО направлена заявка об обеспечении участия К.Р. при рассмотрении дела путём использования системы видеоконференц-связи. Ответ на заявку СИЗО не направило, в связи с чем, судом первой инстанции дело рассмотрено в отсутствие истца на основании части 3 статьи 167 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

При рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции участие К.Р. было обеспечено путём использования системы видеоконференц-связи.

Кассационный суд общей юрисдикции признал вышеуказанные обстоятельства нарушениями норм процессуального права, однако пришёл к выводу, что рассмотрение судом первой инстанции дела в отсутствие истца не может повлечь отмены решения суда первой инстанции. Указанные нарушения были восполнены при апелляционном рассмотрении дела, в рамках которого К.Р. имел возможность реализовать принадлежащие ему процессуальные права и обязанности (Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2026 года №88–7258/2026) [1].

Пример №2. Судом первой инстанции при рассмотрении дела допущено нарушение порядка проведения судебного заседания, предусмотренного статьёй 190 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, выразившееся в непроведении судебных прений.

Суды апелляционной и кассационной инстанций признали данное процессуальное нарушение установленным, т.е. согласились с тем, что судебные прения действительно не были проведены при рассмотрении дела судом первой инстанции. Тем не менее суды вышестоящих инстанций указали, что данное нарушение не является безусловным основанием для отмены решения. Сторонам была предоставлена возможность реализовать процессуальные права, предусмотренные частью 1 статьи 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в т. ч. давать пояснения суду в устной и письменной форме, заявлять ходатайства, задавать вопросы иным лицам, участвующим в деле и пр. Отсутствие прений не повлияло на полноту разбирательства дела и, в свою очередь, не привело к принятию незаконного и необоснованного решения (Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07 июля 2026 года №88–9271/2026) [2].

Пример №3. Ответчик Н. в кассационной жалобе указывала на допущенные нарушения требований пункта 6 статья 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которые выразились в неполучении ею искового заявления и приложенных к нему материалов от истца. Суд кассационной инстанции признал это обстоятельство не влекущим отмены обжалуемых судебных актов, т.к. ответчик Н. была ознакомлена со всеми материалами дела

(Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2026 года №88–10557/2026) [3].

Таким образом, российское законодательство и судебное правоприменение ориентированы на достижение подлинной справедливости при разрешении споров по существу, в то время как формальное следование внешним атрибутам является важным, но не определяющим обстоятельством. Данный подход позволяет сохранить стабильность судебных актов даже при наличии отдельных процессуальных отступлений. Ключевой вопрос в данном случае сводится к тому, не была ли искажена суть сложившихся спорных правоотношений и не были ли существенным образом нарушены (ограничены) права и законные интересов сторон спора.

Список литературы

1. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2026 года №88–7258/2026. – URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12218279&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 30.08.2026).

2. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07 июля 2026 года №88–9271/2026. – URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12103509&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 30.08.2026).

3. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2026 года №88–10557/2026. – URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24923605&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 30.08.2026).

4. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №16 от 22.06.2021 // Российская газета. – 2021. – №144.

5. Сакара Н.Ю. Феномен формализма в гражданском судопроизводстве / Н.Ю. Сакара // Проблемы законности. – 2018. – №143. – С. 77–89.

6. Шакирьянов Р.В. Теоретические и практические проблемы апелляционного производства в гражданском процессе / Р.В. Шакирьянов. – М.: Статут, 2024. – 466 с.

Олейникова Олеся Олеговна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Алмазова Екатерина Сергеевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край
Потапов Борис Васильевич
доктор технических наук, д-р техн. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Кораблева Галина Владимировна
кандидат экономических наук, канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПОТОКАМИ ДАННЫХ В РАСПРЕДЕЛЁННЫХ IIOT-АРХИТЕКТУРАХ

Аннотация: *рассмотрены правовые и организационные вопросы управления гетерогенными потоками промышленных данных в распределённых архитектурах промышленного интернета вещей. Подсистема DFMS = ⟨F, C, P, R, A⟩ формализует классификацию, приоритизацию, маршрутизацию и адаптацию потоков с учётом их правового режима (персональные данные, критическая информационная инфраструктура, коммерческая тайна). Показано, что модульная адаптивная архитектура обеспечивает соблюдение принципов минимизации данных, локализации и аудируемости, установленных законодательством.*

Ключевые слова: *информационное право, персональные данные, критическая информационная инфраструктура, IIoT, управление данными, адаптивная маршрутизация.*

Введение. Промышленные данные становятся объектом правового регулирования: телеметрия может содержать персональные

данные работников, а информационные системы предприятий относятся к объектам критической информационной инфраструктуры. Методы машинного обучения для прогнозирования характеристик объектов формируют базу предиктивной аналитики, рекуррентные сети обеспечивают прогнозирование динамических процессов, компьютерное зрение – автоматизированную диагностику деформаций, а нейросетевая оптическая диагностика – бесконтактный контроль дефектов; каждый из этих потоков требует собственного правового режима обработки.

1. *Формализация потоков и их правовых режимов.* Поток f_i характеризуется кортежем ⟨V_i, L_i, P_i, C_i⟩, где C_i отражает критичность, включая правовой режим данных. DFMS = ⟨F, C, P, R, A⟩ группирует потоки в категории: безопасностно-критичные, операционные, аналитические, архивные. Обнаружение аномалий в сенсорных данных обеспечивается алгоритмами кластеризации, автоматизированная классификация аномалий – методами машинного обучения, а требования реального времени определяют выбор интеллектуальных методов обработки потоков.

2. *Соответствие законодательству.* Принципы федеративного обучения позволяют прогнозировать без централизации персональных данных, реализуя принцип минимизации; архитектуры цифровых платформ мониторинга обеспечивают сегрегацию хранения и локализацию. Внедрение подсистемы целесообразно проектировать на основе функционального моделирования бизнес-процессов, включая процессы обработки персональных данных; проектирование модулей информационных систем выступает фактором повышения качества сервисных услуг и прозрачности политик оператора. Обучение с подкреплением оптимизирует маршрутизацию при соблюдении правовых ограничений.

Таблица 1

Категории потоков и их правовой режим

Категория	Примеры	Правовой режим	Маршрут
Безопасностно-критичные	Аварийные сигналы, СКУД	187-ФЗ, 152-ФЗ (биометрия)	Edge, шифрование
Операционные	Телеметрия оборудования	Коммерческая тайна	Edge/Cloud
Аналитические	Отчёты, прогнозы	Внутренние регламенты	Cloud
Архивные	Журналы, история	Требования хранения	Локальное хранилище

Заключение. Выделение управления потоками данных в самостоятельный архитектурный компонент обеспечивает прозрачность политик обработки и юридическую совместимость распределённых IIoT-систем с режимами персональных данных и КИИ, что является условием устойчивого развития цифровой промышленности.

Список литературы

1. Применение методов машинного обучения для прогнозирования прочностных характеристик горных пород / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, А.С. Прудкий, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №2. – С. 406–411. EDN VSQHDC

2. Прогнозирование тепловых процессов в подземных горных сооружениях с использованием рекуррентных нейронных сетей / М.В. Журавлев, О.А. Антамошкин, М.Н. Степанцевич, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №3. – С. 205–211. EDN LZFRCG

3. Пчелинцева С.В. Применение методов компьютерного зрения для автоматизированной диагностики деформаций и разрушений горных выработок / С.В. Пчелинцева, М.В. Журавлев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 359–364. EDN KOUAZF

4. Shcherban P.S. Detection of defects in steel oil and gas operating pipelines using a neural network, based on the results of optical diagnostics / P.S. Shcherban, B.V. Potapov, A.N. Karagadyan // Research on Engineering Structures and Materials. – 2025. – P. 3051–3068.

5. Обнаружение аномалий в данных промышленных сенсорных систем добычи на основе алгоритмов кластеризации / С.О. Курашкин, Л.В. Красовская, М.В. Журавлев, Т.В. Бирюкова // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 382–388. EDN WMCTCH

6. Применение методов машинного обучения для автоматизированной классификации магнитных аномалий Северного Кавказа по данным аэрогеофизической съемки / В.С. Тынченко, М.В. Журавлев, С.О. Курашкин, В.Ю. Панченко // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 108–119. DOI 10.46698/VNC.2026.48.42.001. EDN CBGZAI

7. Kazakovtsev D.V. Intelligent Sensor Data Processing Methods for Real-Time Control of Mechatronic Manufacturing Systems / D.V. Kazakovtsev, B.V. Potapov // 2026 AISEI. – IEEE, 2026. – P. 1230–1235.

8. Stepantsevich M.N. Federated Learning for Privacy-Preserving Energy Consumption Prediction in Smart Buildings / M.N. Stepantsevich, B.V. Potapov // 2026 AISEI. – IEEE, 2026. – P. 1182–1187.

9. Архитектура цифровых платформ экологического мониторинга горнопромышленных регионов с использованием облачных и интеллектуальных технологий / Б.В. Потапов, С.О. Курашкин, Н.В. Сергеева, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 113–118. EDN MXAZUV

10. Функциональное моделирование бизнес-процессов как основа проектирования информационных систем предприятия / М.В. Журавлев, В.Ю. Панченко, С.В. Кукарцева, А.Р. Глинская // Социально-экономические процессы современного общества. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 163–167. EDN LVNZDY

11. Проектирование модуля информационной системы как фактор повышения качества сервисных услуг предприятия / Л.В. Красовская, С.В. Кукарцева, М.В. Журавлев, А.В. Низамеева // Право, экономика и управление: теория и практика. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 191–194. EDN CHXXVN

12. Применение методов обучения с подкреплением для оптимизации управления автоматизированными и роботизированными комплексами в горной промышленности / А.А. Ступина, А.В. Бабкина, М.В. Журавлев, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 368–373. EDN QIFKMR

13. Selin P.A. Design Method of an Intelligent Data Flow Management Subsystem for Distributed Industrial IoT Architectures / P.A. Selin, S.V. Kukartseva, V.V. Edreev // 2026 SmartIndustryCon. – IEEE, 2026. – P. 1235–1239.

14. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон №187-ФЗ от 26.07.2017 (ред. 2025 г.).

Половцев Игорь Николаевич
генеральный директор
ООО «Архитектурная мастерская Сахновского»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-169061

О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация: *статья посвящена анализу правового регулирования капитального ремонта и содержания многоквартирных жилых домов, являющихся объектами культурного наследия, в контексте изменений 2023–2025 гг. Рассматриваются поправки в Жилищный кодекс РФ и Федеральный закон №73-ФЗ, исключившие капитальный ремонт общего имущества из перечня работ по сохранению объектов культурного наследия, если они не затрагивают предметы охраны. Выявлена проблема: работы по содержанию и капитальному ремонту не требуют лицензии на сохранение объектов культурного наследия, что позволяет выполнять их лицам без специальных знаний, создавая риски повреждения предметов охраны. Отмечена недостаточность контроля (осмотры памятников раз в 5 лет). Предложено включить подготовку любых проектов для объектов культурного наследия в лицензируемые виды деятельности и законодательно закрепить обязанность органов охраны обращаться в суд о восстановлении повреждённых элементов памятников.*

Ключевые слова: *охрана наследия, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия, многоквартирные жилые*

дома, капитальный ремонт, эксплуатация памятников, содержание, сохранение, предметы охраны, орган охраны.

Сохранение исторической памяти народа неразрывно связано с необходимостью сохранения материальных следов, определяемых как объекты культурного наследия. Многие здания, отнесенные к категории памятников, остаются без надлежащего ремонта и содержания, поскольку все работы, связанные с сохранением объектов культурного наследия связаны с большими издержками (как финансовыми, так и административными), возникающими в ходе эксплуатации объектов культурного наследия. Необходим механизм, сокращающий эти издержки, но обеспечивающий сохранность памятников.

Летом 2023 года были приняты поправки в Жилищный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [1], которые внесли существенные изменения в правила проведения капитального ремонта на объектах культурного наследия.

С момента вступления в силу поправок в Федеральный закон №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2] – с 1 сентября 2023 года капитальный ремонт общего имущества многоквартирных жилых домов был выведен из перечня работ, относящихся к работам по сохранению объектов культурного наследия, если эти работы не затрагивают предметы охраны.

Закон закрепил, что капитальный ремонт общего имущества многоквартирных жилых домов проводится в соответствии с правилами жилищного законодательства, что было направлено на устранение разночтений в жилищном законодательстве и законодательстве об охране памятников [3], порождавшее бездействие со стороны уполномоченных органов охраны [4].

Статья 166 Жилищного кодекса Российской Федерации [5] относит к работам по капитальному ремонту общего имущества многоквартирного дома такие работы, как ремонт внутридомовых инженерных систем электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, водоотведения; ремонт, замену, модернизацию лифтов, ремонт лифтовых шахт, машинных и блочных помещений; ремонт крыши; ремонт подвальных помещений, относящихся к общему имуществу в многоквартирном доме; ремонт фасада и фундамента многоквартирного дома.

При этом, правовым актом субъекта федерации допускается расширение этого перечня работами по утеплению фасада, переустройству невентилируемой крыши на вентилируемую крышу, устройству выходов на кровлю, установке приборов учета и узлов управления различными инженерными системами.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2022 года №881 [6] был определен перечень работ по замене и восстановлению несущих строительных конструкций, выполнение которых может осуществляться при осуществлении капитального ремонта зданий и сооружений. К таким работам, в частности, отнесены работы по усилению фундаментов, ригелей, колонн и простенков, замене отдельных элементов покрытий и перекрытий, проведение мероприятий по звуко- и теплоизоляции.

Таким образом, довольно большой объем работ, относящихся к работам, выполняемым в отношении общедомового имущества, расположенного в многоквартирном жилом доме, являющимся объектом культурного наследия, с сентября 2023 года могут выполняться в уведомительном порядке [7], без проведения государственной историко-культурной экспертизы проектов и без получения производителями работ разрешений в органе охраны памятников.

Поскольку законодательством предусмотрена обязательность проведения контрольных (надзорных) мероприятий в отношении проводимых работ по капитальному ремонту общедомового имущества со стороны органа охраны памятников, на эти органы ложиться большая ответственность, связанная с определением степени влияния проводимых работ на сохранность памятника в процессе проведения самих работ.

Существенным вкладом в организацию охраны памятников стало принятие летом 2025 года Федерального закона №142-ФЗ [8], который внес существенные новеллы в правила содержания объектов культурного наследия.

К работам по содержанию памятников, в частности были отнесены: ремонт отдельных элементов систем инженерно-технического обеспечения; ремонт лифтового оборудования; локальный ремонт покрытий стен, полов, потолков и лестниц, включая антикоррозийную, биозащитную и огнезащитную обработку конструкций; локальный ремонт кровельного покрытия, входной группы и водосточной системы, очистка от загрязнений произведений монументального искусства и отдельных захоронений; перепланировка, переустройство и ремонт жилых и нежилых помещений в жилых

домах; ремонт оконных и дверных заполнений; установка внешних блоков кондиционеров на дворовых фасадах объектов культурного наследия, если их размещение не затрагивает архитектурно-декоративных элементов фасадов.

При этом законодатель указал, что если федеральным законодательством или документами по стандартизации такие работы, с учетом их состава, объема и периодичности выполнения отнесены к капитальному ремонту, то эти работы уже относятся к работам, связанным с сохранением объектов культурного наследия (то есть требуют согласования проектной документации в органе охраны памятников и получения разрешений на проведение работ).

Анализ положений Жилищного кодекса Российской Федерации и Постановлений Правительства Российской Федерации позволяет утверждать, что на сегодняшний момент в уведомительном порядке на объектах культурного наследия допускается проводить ремонт потолков, стен, полов, лестниц, входных групп, окон и дверей, допускается проводить перепланировку (без переустройства инженерных сетей) квартир и нежилых помещений в жилых домах, размещать наружные блоки кондиционеров на внутридворовых фасадах (без устройства слива конденсата на улицу).

В отношении работ по содержанию жилых и нежилых помещений, расположенных в многоквартирном жилом доме, являющемся памятником, законодателем предусмотрено освобождение от необходимости уведомлять проведении таких работ орган охраны. Эта норма, направленная на упрощение эксплуатации жилых домов, к сожалению, выводит из-под контроля органа охраны большую долю работ, которые могут повлиять тем или иным образом на предметы охраны.

Особо стоит остановиться на вопросе подготовки проектной документации для проведения капитального ремонта и работ по содержанию объектов культурного наследия.

Федеральный закон от 04.05.2011 №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [9] устанавливает, что деятельность по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации подлежит лицензированию. Само положение о лицензировании и перечень работ, составляющих деятельность по сохранению объектов культурного наследия утверждено специальным Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2022 года №67 [10].

В обоих указанных документах речь идет именно о работах по сохранению памятников истории и культуры, а не о работах, проводимых на памятниках истории и культуры. Второй термин («работы, осуществляемые на памятниках») имеет более широкое толкование и включает в себя как сами работы по сохранению, так и работы, не отнесенные к работам по сохранению объекта культурного наследия.

Для обеспечения сохранения уникальности памятников необходим особый подход, как в реставрации, так и в проведении капитального ремонта, требующий высокого профессионализма [11]. В то же время, поскольку работы по содержанию объекта культурного наследия и работы по капитальному ремонту общего имущества многоквартирного дома не включены в перечень работ по сохранению объекта культурного наследия, о чем явно указано в Федеральном законе №73-ФЗ, к лицам, выполняющим эти работы не могут предъявляться требования наличия лицензии, на право проведения работ по сохранению памятника истории и культуры.

Это обстоятельство вызывает определенные опасения, поскольку лицо, осуществляющее подготовку проектной документации, не обладающее лицензией не обязано быть специалистом в области сохранения памятников. А значит оно не обязано понимать, что относится к предметам охраны, а что не относиться. Также как оно не должно обладать знаниями, какие методы работы применимы при работе на памятниках.

С учетом большей сложности и большей затратности работ по сохранению памятника, чем простых строительно-монтажных работ [12], заказчик выполнения той или иной работы является заинтересованным лицом, зачастую имеющим приоритеты в выполнении работ более простым, более быстрым и менее затратным способом.

Эти два фактора могут приводить к тому, что под видом не затрагивающих предметы охраны капитального ремонта общего имущества многоквартирного жилого дома или работ по содержанию памятника будут осуществляться работы, изменяющие элементы объекта культурного наследия, подлежащие сохранению.

При таких условиях многократно возрастает роль органов охраны, которые должны более скрупулёзно осуществить контроль за надлежащим содержанием объектов культурного наследия. Однако существующие положения законодательства об охране памятников сохранили 5-летний период между осмотрами памятников, которые обязан осуществлять орган охраны. За столь длинный

срок, при ненадлежащем содержании, многие элементы памятника могут быть утрачены безвозвратно.

Одним из способов решения данной проблемы может стать изменение законодательства в области лицензирования, в части включения в лицензируемые виды деятельность подготовку любых проектов для объектов культурного наследия, даже если описываемые проектом работы не относятся к работам по сохранению памятника. А также законодательном закреплении не права, а обязанности органов охраны обращаться в суд с требованием о восстановлении утраченных или поверженных элементов памятников, как к пользователям объекта культурного наследия, так и к производителям работ на этих памятниках.

Список литературы

1. О внесении изменений в статьи 57 и 166 Жилищного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»: Федеральный закон №365-ФЗ от 24.07.2023 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – №31 (ч. III). – Ст. 5791.

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон №73-ФЗ от 25.06.2002 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №26. – Ст. 2519.

3. Половцев И.Н. Проектная деятельность и ее взаимосвязь со строительным и эксплуатационным переустройством / И.Н. Половцев // Интернет-журнал Науковедение. – 2016. – Т. 8. №5(36). – С. 56. EDN XCMQBZ

4. Курьякова В.Ф. Правовое регулирование капитального ремонта многоквартирных домов, отнесенных к объектам культурного наследия / В.Ф. Курьякова // Юридическая наука. – 2023. – №5. – С. 48–54. EDN TZMIUS

5. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №188-ФЗ от 29.12.2004 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (ч. 1). – Ст. 14.

6. Об осуществлении замены и (или) восстановления несущих строительных конструкций объекта капитального строительства при проведении капитального ремонта зданий, сооружений: Постановление Правительства РФ №881 от 16.01.2022 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №21. – Ст. 3457.

7. Демшина И.А. Капитальный ремонт многоквартирных домов, отнесенных к объектам культурного наследия / И.А. Демшина, П.В. Целищева // Моя профессиональная карьера. – 2023. – Т. 1. №54. – С. 253–267. EDN BPRIGZ

8. О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»: Федеральный закон №142-ФЗ от 07.06.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №23. – Ст. 3001.

9. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон №99-ФЗ от 04.05.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №19. – Ст. 2716.

10. О лицензировании деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ №67 от 28.01.2022 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №6. – Ст. 878.

11. Ефимова А.Д. Реставрация и капитальный ремонт объектов культурного наследия жилищного фонда / А.Д. Ефимова, К.А. Юшкова // Вестник Академии знаний. – 2025. – №2(67). – С. 261–265. EDN ASJCIP

12. Шатица Т.С. Проблема капитального ремонта многоквартирных домов, являющихся объектами культурного наследия / Т.С. Шатица // Вектор экономики. – 2023. – №5(83).

Саркисян Валентина Георгиевна
канд. юрид. наук, доцент
Кочарьян Селина Кареновна
студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУД В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *статья посвящена проблеме сбора, представления и оценки электронных доказательств в гражданском процессе. ГПК РФ не закрепляет критериев их достоверности, суды часто отклоняют скриншоты, аудио- и видеозаписи как недопустимые, если они не заверены. Рассмотрены три способа придания юридической силы: судебная экспертиза (компьютерно-техническая), нотариальное удостоверение и квалифицированная электронная подпись. Верховный Суд РФ подтвердил, что наличие электронной подписи исключает сомнения в достоверности документа.*

Ключевые слова: *доказательства, электронные доказательства, гражданский процесс, собирание доказательств, представление доказательств.*

Электронные доказательства отличаются от любого другого вида доказательств своей формой – выражение через технический носитель информации. Единственным требованием законодателя к форме электронного документа является его доступная форма. При

этом информационные технологии создают некоторую сложность при обращении электронного документа в доступный человеку вид. К числу электронных доказательств относятся: электронный документ, электронное сообщение, аудиозаписи, видеозаписи и прочее. Электронное доказательство должно быть получено законным способом, то есть путем соблюдения всех установленных гражданским процессуальным законодательством правил.

В большинстве случаев электронное доказательство представляется в суд путем распечатывания его на бумажном носителе из-за отсутствия специальной техники для фиксации электронного доказательства. То есть, казалось бы, законодатель допускает представление в суд письменных доказательств в виде электронных документов, но в то же время, в силу ч. 2 ст. 71 ГПК РФ письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии. Особое внимание следует уделить тому факту, что если стороны распечатают электронное доказательство, то суд не примет его в качестве документа в связи с отсутствием уверенности в достоверности сведений, представленных суду в виде такой копии. В свою очередь ГПК РФ не закрепляет критериев достоверности электронного доказательства.

В рамках комплексного и всестороннего исследования процесса сбора и представления электронных доказательств суду особого внимания заслуживает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». В этом документе регламентировано, что при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав судам следует учитывать, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения (статья 55 ГПК РФ, статья 64 АПК РФ). Поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу ст.ст. 55 и 60 ГПК РФ, ст.ст. 64 и 68 АПК РФ вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети «Интернет». Допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при

рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). Факт неправомерного распространения контрафактных материальных носителей в рамках договора розничной купли-продажи может быть установлен не только путем представления кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара, а также заслушивания свидетельских показаний (ст. 493 ГК РФ), но и на основании иных доказательств, например аудио- или видеозаписи. Для признания аудио- или видеозаписи допустимым доказательством согласия на проведение аудиозаписи или видеосъемки того лица, в отношении которого они производятся, не требуется.

Несмотря на то, что в гражданском процессуальном законодательстве не регламентированы критерии достоверности электронных доказательств, суды зачастую отклоняют электронные доказательства как недостоверные и недопустимые, если они не заверены. Доказательством тому служит решение Коптевского районного суда г. Москвы. При рассмотрении дела о защите исключительных прав на произведения литературы и программы курсов в области нумерологии по иску гражданки Л. суд не принял в качестве доказательства скриншоты переписки по электронной почте, подтверждающей факт продажи произведений ответчиком без ее согласия, поскольку они не были заверены. Апелляционный и кассационные суды также поддержали правоту суда первой инстанции. Апелляционный суд дополнительно отметил, что истице следовало представить экспертное заключение, подтверждающее отсутствие изменений в содержании переписки при ее пересылке [1].

Для того, чтобы суды не отклоняли электронные доказательства как недопустимые и недостоверные, на практике применяются следующие способы для придания им такого свойства: удостоверение нотариусом, судебная экспертиза, использование цифровой электронной подписи.

Подлинность электронных доказательств может быть установлена заключением судебной экспертизы. В целях обеспечения достоверности электронного доказательства участник гражданско-правового спора может самостоятельно обратиться в организацию, которая уполномочена производить компьютерно-технические экспертизы, не дожидаясь судебного разбирательства, либо ходатайствовать в суде о проведении экспертизы (ст. 79 ГПК РФ). Тогда суд назначит эксперта, который составит заключение и определит достоверность электронного доказательства. Например, при помощи

судебной экспертизы представляется возможным установить, в действительности ли электронная переписка исходила от сторон по делу, установить ее реальное содержание, время отправления и прочие данные.

Такой способ оформления электронных доказательств, как заверение их нотариусом, в современных условиях является одним из востребованных нотариальных действий как среди граждан, так и среди юридических лиц [2, с. 228]. В частности, нотариальные протоколы применяются как доказательства в спорах о защите авторских прав, прав на товарные знаки, в спорах о защите чести, достоинства и деловой репутации, в спорах по неисполнению договорных обязательств и иных спорах. Основная задача данного нотариального действия, таким образом, – это оперативное фиксирование доказательств, позволяющее впоследствии сделать суду правильные выводы о правовом положении лиц, участвующих в деле [3, с. 31]. Мигаль И.Н. отмечает, что скриншоты электронной переписки в различных мессенджерах, таких как Viber, WhatsApp, Telegram не будут иметь доказательственной силы до тех пор, пока не пройдут процедуру заверения нотариусом. Автор объясняет это тем, что иным способом суд не сможет точно установить следующие факт: отправителя электронного сообщения, его получателя, а также дату и время отправки [4, с. 283].

Также на сегодняшний день наиболее эффективным способом придания юридической силы электронным доказательствам, в частности, электронным документам, выступает электронная подпись, которая с правовой точки зрения является тождественной собственноручному подписанию письменного документа. Случай подписания электронного документа подобным образом с точки зрения права тождественен собственноручному подписанию письменного документа [5, с. 25]. Если электронный документ содержит изображение или текст, то распечатывается его бумажная копия, которая оформляется и заверяется уполномоченным лицом; эта копия приобщается к делу и исследуется как обычный письменный документ.

Маркина С.Н. отмечает, что электронная подпись играет важную роль в обеспечении достоверности, юридической значимости и безопасности электронных документов, подаваемых в суд. Позиция автора видится нам справедливой. Многочисленные определения и постановления Верховного Суда Российской Федерации содержат ориентиры относительно допустимости и достоверности электронных документов, представленных в суд. Так, в

Определении от 18.09.2020 г. Верховный Суд РФ подчеркнул, что при наличии на электронном документе квалифицированной электронной подписи, которая соответствует установленным законодательством требованиям, у суда отсутствуют основания для сомнений в подлинности и достоверности такого документа, а также в неизменности заложенной в нем информации [6].

Таким образом, для доказательства правоты своей позиции участники гражданско-правового спора должны собрать и представить суду соответствующие доказательства. Электронные доказательства относятся к числу письменных доказательств. В нормах гражданского процессуального законодательства не регламентированы критерии достоверности электронных доказательств. Несмотря на это, суды зачастую отклоняют электронные доказательства как недостоверные и недопустимые, если они не были заверены. Анализ сложившейся практики позволяет сказать, что на сегодняшний день наиболее эффективными способами придания юридической силы электронным доказательствам выступают: производство судебной экспертизы, нотариальное удостоверение, электронная подпись.

Список литературы

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2022 по делу №5-КГ22–144-К2.

2. Саркисян В.Г. Вопросы доказывания по делам, возникающим из наследственных правоотношений / В.Г. Саркисян // Социально-экономические процессы современного общества: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 2023 г.). – С. 228–230. EDN PMDLWR

3. Киселева Е.В. Электронный документ как доказательство в гражданском процессе / Е.В. Киселева // Молодой ученый. – 2016. – №23–1(127). – С. 31–33. EDN XBFWSP

4. Мигаль И.Н. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в арбитражном процессе / И.Н. Мигаль // Молодой ученый. – 2020. – №25(315). – С. 282–284. EDN HNXZZS

5. Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? / А.Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 8. №1. – С. 22–38. EDN YQMWOU

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.09.2020 по делу №А56–62632/2019.

Халимов Данил Ильич
студент

Научный руководитель
Тарасова Ольга Евгеньевна
канд. филос. наук, доцент

Казанский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация: *статья посвящена профилактике терроризма, с акцентом на работу с молодёжью как наиболее уязвимой группой. Рассмотрены направления: повышение юридической грамотности, совершенствование досуга и трудоустройства молодёжи, усиление роли правоохранительных органов в выявлении финансирования терроризма. Проанализированы проблемы международного сотрудничества: отсутствие единых подходов и политизированность. Эффективное предупреждение терроризма возможно при комплексном применении политических, социально-экономических, организационных, идеологических и правовых мер.*

Ключевые слова: *безопасность, угрозы, вызовы, терроризм, профилактика терроризма, деструктивность.*

Профилактика терроризма является ключевым средством борьбы с данным негативным явлением современного мира. Особенно в данном направлении актуальна работа с молодёжью, так как молодое поколение в силу возрастных психологических особенностей наиболее уязвимо негативному воздействию разнообразных дискурсивных идеологий в том числе и идеологии терроризма, экстремизма. Значительная зависимость от мнений других, материальная, социальная незащищенность и максимализм в оценках, суждениях может привести к негативным последствиям вследствие распространения среди молодёжи радикальных идей. В данном направлении следует проводит комплексную программу, направленную на снижения риска радикальных проявлений среди молодёжи:

− повышения уровня юридической грамотности через систему образования и воспитания. На наш взгляд, недостаточно сводить

учебных процесс лишь к освещению прав и свобод человека и гражданина, к пропаганде морально-нравственных российских ценностей, следует наиболее широко освещать вопросы ответственности за пропаганду и участие в террористической деятельности. В данной работе активно должны участвовать сотрудники правоохранительных органов и это должны быть не разовые акции, которые освещаются в прессе, а плановые систематические мероприятия. Считаем, что будет полезно к таким мероприятиям привлекать сотрудников МЧС РФ, которые могут дать рекомендации как себя вести в случаи террористического акта. На сегодняшний день, когда наше государство регулярно подвергает атакам беспилотников со стороны киевского режима, данные вопросы являются наиболее актуальными. Граждане должны знать правила поведения в ситуации террористической угрозы;

– совершенствование вопросов досуга и отдыха. В данной сфере для подростков на уровне регионов должны быть разработаны программы не только активного проведения время отдыха [2, с. 163], но и программы, позволяющие трудоустроится молодежи в свободное от учебы время. Необходима не только пропаганда здорового образа жизни, занятие спортом, посещение культурно-развлекательных мероприятий, у молодежи должны быть материальные возможности реализовывать свой отдых, досуг [3, с. 22]. Также на уровне федеральных и региональных органов власти должны быть разработаны различные программы по трудоустройству молодых специалистов, жилищные ипотечные программы (например, студенческая ипотека), программы по материальной поддержки молодых специалистов и т. д.

Особую роль в противодействии терроризма играют правоохранительные органы. В их обязанности входит непосредственное выявление и пресечение терроризма. В рамках данной деятельности акцент следует сделать на выявления и пресечении финансирования террористической деятельности, предупреждения фактов финансирования. В данном аспекте, на наш взгляд, информирование граждан об ответственности за оказания финансовой помощи террористам особо актуальна. Как показывают открытые источники с момента начала военной операции около 25 тыс. человек из России перевели денежные средства для ВСУ, что может расцениваться как финансовая помощь в проведении террористической деятельности.

Проблема терроризма – это не только проблема отдельно взятого государства, это проблема международного масштаба. В этой связи хотелось бы сказать о значении международного сотрудничества в

данной области. Принятие международных документов, осуждающих террористическую деятельность на сегодняшний день явно недостаточно, требуется комплекс мероприятий, направленных на противодействие, т. е. в действии должен быть практический механизм. Сегодня сложившаяся ситуация между Украиной и Россией привела к обостряющимся отношениям между Западом и Российской Федерации. Нежелание европейских государств признавать террористическую сущность киевского режима приводит к отсутствию сотрудничества российских органов безопасности с европейскими органами в области противодействия терроризму. Ситуацию осложняют ряд проблем в данной сфере:

– отсутствие единых международных подходов к теоретико-правовому содержанию базовых категорий, таких как «терроризм», «международный терроризм» и др. Решение указанной проблемы видится в унификации и систематизации существующих международных нормативных положений. Оптимальной формой данной деятельности представляется сосредоточение внимания на проблемах разрозненности международно-правовых основ в рамках деятельности ООН и дальнейшая унификация, систематизация норм на базе региональных международных организаций;

– существенная политизированность механизмов борьбы с терроризмом в современном мире. Все еще сохраняется заинтересованность отдельных государств в функционировании террористических организаций с целью нарушения стабильности некоторых регионов [1, с. 365].

В настоящее время требуется установить более эффективное сотрудничество российских правоохранительных органов с Интерполом особенно в части уклонения от налогов, отмывании криминальных денег, способствующих финансовым операциям в поддержку терроризма. Без активного сотрудничества российских правоохранительных органов с Интерполом невозможно решения вопросов антитеррористического преследования террористов за пределами российского государства.

В целом деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия терроризму и экстремизму должно иметь следующие направления:

– активное участие в разработке комплексных программ по профилактике терроризма и экстремизма;

– аналитическое изучение различных факторов, способствующих совершению террористических преступлений в рамках своей компетенции как на федеральном, так и на региональном уровне;

− активное информирование населения и СМИ о мерах насверлённых на предупреждения преступлений террористической и экстремисткой направленности;

− повышение профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в сфере противодействия и борьбы с терроризмом, обмен опытом, в том числе и международным в данной области;

− проведение инструктажей и бесед о способах, применяемых террористами при минировании, о первоначальных действиях граждан в случае обнаружения подозрительных предметов.

В обязательном порядке следует предпринимать меры по предупреждению терактов, однако, следует помнить, что для борьбы с международным терроризмом усилий одной великой державы или даже группы высокоразвитых государств недостаточно. Преодоление международного терроризма, как глобальной проблемы современного мира, требует коллективных и слаженных усилий большинства государств и народов всего мирового сообщества [4, с. 389].

В заключение отметим, что эффективное предупреждение терроризма возможно только при комплексном применении системы взаимосвязанных мер политического, социально-экономического, организационного, идеологического и правового характера.

Список литературы

1. Карданов Р.Р. Актуальные проблемы международно-правового сотрудничества в сфере противодействия терроризму / Р.Р. Карданов, Л.А. Геляхова // Образование и право. – 2021. – №7. – С. 365–370. DOI 10.24412/2076-1503-2021-7-365-370. EDN WVIPDO

2. Тарасова О.Е. Детско-юношеский туризм как образовательно-воспитательная среда / О.Е. Тарасова, О.Е. Тарасова, О.Н. Шулбаев // Наука и образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции (Караганда, 29 апреля 2022 г.). Т. 2. – Караганда, 2022. – С. 163–166. EDN HYICHM

3. Тарасова О.Е. Гражданское общество: теория и практика: учебно-методический комплекс по дисциплине / О.Е. Тарасова. – Абакан, 2012. – 72 с. EDN XSVHJY

4. Цзинь И. Международный терроризм. Основные пути борьбы против международного терроризма на современном этапе / И. Цзинь // Молодой ученый. – 2017. – №20(154). – С. 389–392. EDN YPEDWV

Черняева Полина Денисовна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва
Панченко Вероника Юрьевна
магистр
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет
науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева»
г. Красноярск, Красноярский край
Кораблева Галина Владимировна
канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

Научный руководитель
Журавлев Михаил Владиславович
канд. физ.-мат. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ПРЕДИКТИВНОГО ВИДЕОМОНИТОРИНГА НА БАЗЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ЗРЕНИЯ

Аннотация: *в статье анализируются правовые и организационные условия внедрения систем неконтролируемого обнаружения биомеханических аномалий (Vision Transformer, энтропия карт внимания) в контуры охраны труда и безопасности производств. Показано, что архитектура Edge-обработки и принцип минимизации данных обеспечивают соответствие законодательству о персональных данных, а объективный цифровой след формирует доказательную базу должной осмотрительности работодателя.*

Ключевые слова: *юриспруденция, охрана труда, персональные данные, компьютерное зрение, предиктивная аналитика, искусственный интеллект, доказательственная база.*

Введение. Работодатель обязан обеспечивать безопасные условия труда, однако традиционный контроль не выявляет скрытые

биомеханические аномалии. Методы машинного обучения для прогнозирования характеристик технических объектов формируют базу предиктивного подхода к безопасности; рекуррентные нейросетевые модели прогнозирования динамических процессов доказали применимость для задач предиктивного мониторинга.

1. *Правовые и экономические предпосылки.* Методы компьютерного зрения применяются для автоматизированной диагностики деформаций и разрушений, открывая путь к визуальному мониторингу безопасности; нейросетевая диагностика дефектов по результатам оптических измерений подтверждает практическую ценность бесконтактного контроля. Нарушения требований охраны труда влекут административную и уголовную ответственность, тогда как объективные данные мониторинга снижают правовые риски добросовестного работодателя.

2. *Методика неконтролируемого обнаружения.* Система обучается исключительно на 200 «чистых» эталонных последовательностях (маскированный автоэнкодер, маскирование 75–90%); балл аномалии – дивергенция Кульбака-Лейблера текущей карты внимания от эталонного многообразия. Для выявления отклонений в данных промышленных сенсорных систем применяются алгоритмы кластеризации и обнаружения аномалий; автоматизированная классификация аномалий методами машинного обучения показывает высокую точность на инструментальных данных; требования реального времени определяют выбор интеллектуальных методов обработки потоков. Достигнут AUC-ROC 0,94 при чувствительности к отклонениям 3–5°.

Таблица 1

Сравнение методов обнаружения аномалий

Метод	AUC-ROC
Базовая CNN	0,82
Автоэнкодер	0,85
Spatiotemporal GAN	0,88
ViT + энтропия внимания	0,94

3. *Правовой статус результатов мониторинга.* Видеопоток не передаётся и не записывается: извлекаются лишь математические векторы и метрики энтропии, не позволяющие идентифицировать личность; после вычисления балла аномалии кадры удаляются из ОЗУ. Принципы privacy-preserving обучения (федеративное

обучение при прогнозировании в умных зданиях) могут быть распространены и на видеомониторинг, минимизируя обработку персональных данных. Внедрение таких систем целесообразно проектировать на основе функционального моделирования бизнес-процессов предприятия.

4. *Социально-экономические следствия.* Проектирование модулей информационных систем выступает фактором повышения качества сервисных услуг, включая сферу охраны труда; в перспективе возможно объединение предиктивного мониторинга с обучением с подкреплением для оптимизации управления роботизированными комплексами. Снижаются страховые выплаты, простои и репутационные риски; формируется культура превентивной безопасности.

Заключение. Системы предиктивного видеомониторинга на базе неконтролируемого обучения юридически совместимы с режимом персональных данных при Edge-архитектуре и обеспечивают работодателю доказательную базу должной осмотрительности, а работникам – реальную защиту здоровья.

Список литературы

1. Применение методов машинного обучения для прогнозирования прочностных характеристик горных пород / Б.В. Потапов, Д.Ю. Евсюков, А.С. Прудкий, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №2. – С. 406–411. EDN VSQHDC

2. Прогнозирование тепловых процессов в подземных горных сооружениях с использованием рекуррентных нейронных сетей / М.В. Журавлев, О.А. Антамошкин, М.Н. Степанцевич, Е.Ф. Малыха // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №3. – С. 205–211. EDN LZFRCG

3. Пчелинцева С.В. Применение методов компьютерного зрения для автоматизированной диагностики деформаций и разрушений горных выработок / С.В. Пчелинцева, М.В. Журавлев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 359–364. EDN KOUAZF

4. Shcherban P.S. Detection of defects in steel oil and gas operating pipelines using a neural network, based on the results of optical diagnostics / P.S. Shcherban, B.V. Potapov, A.N. Karagadyan // Research on Engineering Structures and Materials. – 2025. – P. 3051–3068.

5. Обнаружение аномалий в данных промышленных сенсорных систем добычи на основе алгоритмов кластеризации / С.О. Курашкин, Л.В. Красовская, М.В. Журавлев, Т.В. Бирюкова // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – №4. – С. 382–388. EDN WMCTCH

6. Применение методов машинного обучения для автоматизированной классификации магнитных аномалий Северного Кавказа по данным аэрогеофизической съемки / В.С. Тынченко, М.В. Журавлев, С.О. Курашкин, В.Ю. Панченко // Геология и Геофизика Юга России. – 2026. – Т. 16. №2. – С. 108–119. DOI 10.46698/VNC.2026.48.42.001. EDN CBGZAI

7. Kazakovtsev D.V. Intelligent Sensor Data Processing Methods for Real-Time Control of Mechatronic Manufacturing Systems / D.V. Kazakovtsev, B.V. Potapov // 2026 AISEI. – IEEE, 2026. – P. 1230–1235.

8. Stepantsevich M.N. Federated Learning for Privacy-Preserving Energy Consumption Prediction in Smart Buildings / M.N. Stepantsevich, B.V. Potapov // 2026 AISEI. – IEEE, 2026. – P. 1182–1187.

9. Функциональное моделирование бизнес-процессов как основа проектирования информационных систем предприятия / М.В. Журавлев, В.Ю. Панченко, С.В. Кукарцева, А.Р. Глинская // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 февраля 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 163–167. EDN LVNZDY

10. Проектирование модуля информационной системы как фактор повышения качества сервисных услуг предприятия / Л.В. Красовская, С.В. Кукарцева, М.В. Журавлев, А.В. Низамеева // Право, экономика и управление: теория и практика. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 191–194. EDN CHXXVN

11. Применение методов обучения с подкреплением для оптимизации управления автоматизированными и роботизированными комплексами в горной промышленности / А.А. Ступина, А.В. Бабкина, М.В. Журавлев, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 368–373. EDN QIFKMR

12. Cherniaeva P.D. Biomechanical Anomaly Detection in High-Speed Video Streams via Vision Transformer Attention Map Analysis / P.D. Cherniaeva, A.N. Losev, I.A. Panfilov // 2026 ICIEAM. – IEEE, 2026. – P. 1174–1177.

13. О персональных данных: Федеральный закон №152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. 2025 г.).

14. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. 2025 г.).

15. Интеграция геоинформационных систем и алгоритмов искусственного интеллекта для мониторинга геотехнической устойчивости объектов горной инфраструктуры / Л.А. Казаковцев, А.С. Прудкий, И.А. Вахрушева, М.С. Никаноров // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 354–359. EDN EGFSPA

16. Интерпретируемые модели машинного обучения в задачах оценки экологической и промышленной безопасности горнодобывающих предприятий / Л.А. Казаковцев, А.С. Прудкий, И.А. Вахрушева, А.Н. Лосев // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – №1. – С. 169–174. EDN GNIXFD

Шишкин Артём Евгеньевич
аспирант
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Саратов, Саратовская область

ФЕДЕРАЛЬНАЯ МИГРАЦИОННАЯ СЛУЖБА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье исследуются полномочия и функции Федеральной миграционной службы Российской Федерации, существовавшей как независимый от Министерства внутренних дел орган исполнительной власти в период с 2012 по 2016 год. Актуализируются проблемы и структурные противоречия в полномочиях ФМС России, связанные с отсутствием у Службы правоохранительных полномочий, что обусловливало необходимость её деятельности через сотрудничество с МВД России. Также рассматриваются причины упразднения Федеральной миграционной службы Российской Федерации.*

Ключевые слова: *Федеральная миграционная служба Российской Федерации, ФМС России, исторический анализ, административное право, миграция, миграционное право.*

С момента упразднения Федеральной миграционной службы (далее – ФМС России) в 2016 году и передачи ее функций в ведение Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) прошло 10 лет. Тем не менее, ретроспективный анализ деятельности этого ведомства представляет высокую научную и практическую ценность. Актуальность данного исследования продиктована продолжающимися в 2024–2026 годах дискуссиями на высшем государственном уровне о том, какая модель управления миграцией является оптимальной – полицейская или административно-сервисная.

ФМС России в период своего существования накопила уникальный опыт межведомственного взаимодействия, адаптации иностранных граждан и предоставления государственных услуг. В то же время служба подвергалась критике за коррупционные проявления, дублирование полномочий с полицией и слабую оперативную составляющую [1]. Изучение правового статуса, достижений и

ошибок ФМС России позволяет извлечь важные уроки для современного нормотворчества, чтобы избежать системных просчетов при конструировании обновленных органов контроля, таких как недавно созданная Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России.

В период своей наибольшей активности ФМС России осуществляла значительный объем функций по оформлению разрешительных документов. Специалисты ведомства обеспечивали реализацию государственных услуг по выдаче патентов, разрешений на временное проживание и видов на жительство. Функционал органа включал осуществление проверочных мероприятий в отношении работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу. Многогранность компетенции требовала формирования разветвленного территориального аппарата, способного оперативно обрабатывать поступающие обращения граждан. Подобная модель управления предполагала концентрацию административных процедур в рамках одного специализированного субъекта, что изначально рассматривалось как позитивный шаг к систематизации делопроизводства.

Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. отмечают: «отсутствие государственно-принудительных, административно-юрисдикционных средств у ФМС России приводило к необходимости тесного взаимодействия миграционных органов с органами полиции … Эффективное осуществление функций государственного управления миграцией населения невозможно без так называемого «силового обеспечения» этих функций» [2].

Во-многом, выбор между наделением правоохранительными полномочиями ФМС России или передачу функций ФМС России в сферу ведения МВД России (с остановкой на последнем варианте) обусловил административные реформы по ликвидации ФМС России. Данный выбор был сделан из финансовых соображений.

Кроме того, наделение ФМС России широкими полномочиями порождало определенные противоречия в правоприменительной практике. Отсутствие у инспекторов ФМС России права на осуществление полноценной оперативно-розыскной деятельности существенно ограничивало их возможности по выявлению латентных преступлений. Государственный инспектор мог зафиксировать факт незаконного трудоустройства, однако пресечение организованных каналов нелегального транзита требовало обязательного привлечения полицейских структур.

Функционирование ФМС России неизбежно сопровождалось проблемой межведомственного дублирования. Сотрудники ФМС России и представители МВД России зачастую реализовывали схожие текущие задачи при проверке мест компактного проживания прибывших лиц. Участковые уполномоченные полиции и миграционные инспекторы могли проводить осмотры одних и тех же объектов с минимальным интервалом времени. О.В. Катаева и Н.В. Полякова отмечают, что подобная организация работы приводила к нерациональному расходованию государственных ресурсов и существенным затруднениям в координации усилий по борьбе с правонарушениями [3].

Разделение функций между силовым и гражданским ведомствами создавало условия для снижения результативности государственного принуждения.

Особое внимание следует уделить правовому оформлению процедуры ликвидации ФМС России. Прекращение деятельности самостоятельной службы было официально закреплено весной 2016 года. Согласно п. 2 Указа Президента РФ от 05.04.2016 №156 [4], рассматриваемое ведомство было упразднено, а его функции и полномочия в полном объеме переданы МВД России.

Решение главы государства было обусловлено потребностью оптимизации структуры органов исполнительной власти. Возвращение контроля в компетенцию полиции преследовало цель консолидации информационных учетов и оперативных возможностей в рамках единой институциональной системы.

Последующий период характеризовался масштабной работой по инкорпорации и пересмотру ведомственного законодательства. Правопреемство потребовало проведения детальной инвентаризации действовавших приказов и административных регламентов. Значительная часть документов упраздненной службы перестала отвечать требованиям изменившейся системы управления. Приказом МВД России от 26.08.2019 №570 [5] были отменены некоторые нормативно-правовые акты ликвидированного органа. Аналогичная деятельность по оптимизации правового поля осуществлялась на протяжении нескольких лет, что способствовало устранению юридической неопределенности.

Анализ эволюции системы профильного контроля демонстрирует смену приоритетов государственного управления. А.С. Новомлинская и И.А. Кондракова в ходе изучения развития

правоотношений в данной области приходят к заключению, что на современном этапе правовое регулирование характеризуется безусловным приоритетом национальной безопасности [6].

«… в период ослабления влияния институционального регулирования внутренних и внешних миграционных процессов, процессов регистрации по месту пребывания, либерализации выдачи документов, миграционные потоки приобретают хаотичность и перестают удовлетворять запросам государства. При этом чрезмерная жесткость регулирования (в том числе принудительные перемещения) не несут в себе позитивного эффекта, поскольку удерживают субъекты переселения путем административных ограничений» [7], – отмечает Е.В. Чумак.

Ликвидация отдельной гражданской структуры подтверждает вывод о том, что государство осознало невозможность результативного противодействия незаконному пересечению границы без использования специальных полицейских механизмов. Централизация властных полномочий потребовала применения закрытых информационных баз, беспрепятственный доступ к которым имеется только у правоохранительных органов.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что деятельность ФМС России сыграла важную роль в формировании актуального порядка работы с иностранными гражданами. Служба разработала основы процедур выдачи документов и ведения специализированных учетов. Вместе с тем, объективные потребности в усилении правопорядка привели к закономерному завершению существования обособленного ведомства. Интеграция его функций в систему МВД России позволила устранить административные барьеры и повысить уровень защищенности общества от транснациональных угроз. Изучение опыта упраздненной службы сохраняет высокую научную ценность, так как позволяет выявлять сильные и слабые стороны различных моделей конструирования аппарата исполнительной власти.

Список литературы

1. Новая Служба по вопросам миграции МВД: Цели, задачи и перспективы // Amulex. – URL: https://amulex.ru/daily/news/novaya-sluzhba-po-voprosam-migracii-mvd-celi-zadachi-i-perspektivy-bjfj4kf/ (дата обращения: 01.06.2026).

2. Жеребцов А.Н. Современные организационные и административно-правовые проблемы государственного управления миграцией населения / А.Н. Жеребцов, Е.А. Малышев // Общество и право. – 2017. – №2(60). – С. 198–204. EDN YPSRCX

3. Катаева О.В. Генезис миграционной политики Российской Федерации: административно-правовой аспект / О.В. Катаева, Н.В. Полякова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – №2. – С. 272–278. EDN KNYEDY

4. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента РФ №156 от 05.04.2016 (ред. от 02.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – №15. – Ст. 2071; 2025. – №14. – Ст. 1692.

5. О признании не подлежащими применению некоторых нормативных правовых актов Федеральной миграционной службы и отдельного предписания нормативного правового акта Федеральной миграционной службы по вопросам прохождения службы: Приказ МВД России №571 от 26.08.2019 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.08.2026).

6. Новомлинская А.С. История развития миграционных правоотношений в России / А.С. Новомлинская, И.А. Кондракова // Вестник науки. – 2026. – №3(96). – С. 173–181. EDN KTRDLN

7. Чумак Е.В. Управление миграционными потоками в России: от царской России в современность / Е.В. Чумак // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – №6. – С. 48–54. EDN GCNGPD

Шлянкина Полина Геннадьевна
студентка

Научный руководитель
Глухов Сергей Сергеевич
старший преподаватель

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАТЕНТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УИС

Аннотация: *в статье анализируется проблема латентных преступлений в уголовно-исполнительной системе (УИС). Выделяются естественная и искусственная скрытность преступлений, а также причины высокой латентности: криминальная субкультура, недостатки в работе администрации и процессуальные сложности. Рассматривается латентность среди сотрудников, обусловленная корпоративной солидарностью. Предлагаются пути решения: усиление прокурорского надзора, пересмотр критериев оценки учреждений, повышение правосознания и внедрение технических средств. Отмечается, что высокий уровень латентности искажает статистику и подрывает авторитет правоохранительной системы.*

Ключевые слова: *латентные преступления, уголовно-исполнительная система, прокурорский надзор, криминальная субкультура.*

Проблема выявления латентных преступлений в уголовно-исполнительной системе (УИС) является одной из наиболее сложных и актуальных тем современной пенитенциарной криминологии. Высокий уровень скрытой преступности в местах лишения свободы не только искажает официальные статистические показатели, но и создает благоприятную среду для дальнейшей криминализации осужденных, подрывает авторитет правоохранительных органов и препятствует реализации целей уголовного наказания. В данном сообщении будут рассмотрены сущность латентной преступности в УИС, ее основные виды, причины возникновения, а также ключевые проблемы, возникающие при ее выявлении [1].

Латентная преступность – это преступления, которые не были зарегистрированы правоохранительными органами по ряду причин,

таких как недостаточность доказательств, отказ потерпевшего от подачи заявления, укрытие преступлений самими преступниками или лицами, которые их совершили, и другие факторы. Такая преступность носит не просто асоциальный характер, она является одним из главных «больных» мест в социуме, поскольку государство никак не реагирует на невыявленные и неучтенные преступления.

При этом высокая латентность проявляется в отношении преступлений, затрагивающих личную, имущественную и экономическую сферы: семейно-бытовое насилие, коррупция, финансовые и насильственные преступления. Именно в этих категориях деяний скрытность приобретает максимальное выражение, поскольку в них особенно велика роль социально-психологических факторов – стыда, опасений перед общественным осуждением, отрицательной оценки возможности установления виновных лиц.

Традиционно в криминологии выделяют два основных вида латентности: естественную (скрытую) и искусственную (скрываемую).

1. Естественная латентность (скрытая).

Это категория преступлений, о факте совершения которых правоохранительные органы (в данном случае администрация учреждения, отдел собственной безопасности, следственные органы) объективно не осведомлены. Информация о событии преступления не поступила извне, и уполномоченные лица не обнаружили его признаки в ходе своей деятельности.

2. Искусственная латентность (скрываемая).

Это более опасный вид с точки зрения состояния законности, так как здесь речь идет о ситуациях, когда информация о совершенном деянии стала известна должностным лицам (поступило заявление, они сами обнаружили следы), но по тем или иным причинам не была надлежащим образом зарегистрирована и проверена в установленном порядке. Такие ситуации требуют особого внимания и дополнительных контрольных механизмов.

Как отмечается в криминологических источниках, для общества в целом преобладающей является естественная латентность. Однако в исправительных учреждениях ситуация иная. Значительная часть данных о совершённых здесь преступлениях поступает от лиц, тайно сотрудничающих с оперативными работниками. Учитывая этот факт, а также специфику работы оперативно-режимных служб и замкнутость территории колонии, сотрудники оперативных аппаратов и руководство учреждения, как правило, хорошо осведомлены о реальной криминальной обстановке. Естественная

латентность в таких условиях практически отсутствует. Всё это позволяет сделать вывод, что для исправительных учреждений наиболее характерна именно искусственная латентность.

Причины высокой латентности преступлений в УИС носят комплексный характер. Во-первых, это факторы, связанные с личностью осуждённых: влияние криминальной субкультуры, страх мести, нежелание прослыть «стукачом», а также деформированное правосознание и низкая правовая грамотность.

Во-вторых, существуют объективные организационные сложности. Существующая система оценки деятельности учреждений, в которой увеличение числа выявленных преступлений может восприниматься как негативный показатель, создаёт определённые стимулы, которые в отдельных случаях могут способствовать неполной регистрации правонарушений. Для устранения этих перекосов необходимо пересмотреть подходы к оценке эффективности работы учреждений, сделав акцент не на количестве зарегистрированных преступлений, а на качестве профилактической работы и полноте выявления нарушений.

В-третьих, существуют процессуальные и организационные проблемы: закрытость учреждений, сложности с регистрацией сообщений о преступлениях, противоречия между ведомственными инструкциями и УПК РФ, отсутствие чёткой процедуры получения объяснений от осуждённых.

Сокрытие реальных преступлений приводит к искажению статистической картины преступности в регионе или стране. Это может создавать у руководства и общества неверное представление о криминогенной обстановке, что затрудняет принятие адекватных управленческих решений [2].

Преступность среди сотрудников уголовно-исполнительной системы стала привлекать внимание пенитенциарной криминологии относительно недавно. Долгое время специалисты избегали рассматривать данный феномен в рамках пенитенциарных отношений. Но в последние годы всё большее распространение получает подход, согласно которому к пенитенциарной преступности относятся любые уголовно наказуемые деяния, совершаемые в условиях мест лишения свободы. Эксперты сходятся во мнении, что реальные масштабы такой преступности необходимо оценивать через призму высокого уровня латентности, который в исправительных учреждениях значительно превышает аналогичные показатели в других сферах. При этом, как отмечают криминологи, основную долю в

структуре латентной преступности составляют деяния небольшой и средней тяжести.

Проблема латентности рассматриваемого вида преступлений обусловлена, в том числе, спецификой служебных отношений в закрытых учреждениях и недостаточной эффективностью механизмов внутреннего контроля. Немаловажным фактором является и недостаточное использование современных технических средств, а также несовершенство процедур их применения в процессе доказывания. Хотя учреждения УИС постепенно оснащаются системами видеонаблюдения, включая купольные камеры и видеорегистраторы для сотрудников, их эффективность остается низкой. Осужденные находят способы обхода технического контроля (например, меняются одеждой), а качество записи зачастую не позволяет идентифицировать нарушителя. Кроме того, информация, полученная с помощью технических средств в ходе режимных мероприятий, не всегда в полном объеме используется в процессе расследования и не приобретает статус вещественных доказательств. Акцентируется внимание не на всей преступности сотрудников уголовно-исполнительной системы, а только на двух составах – злоупотребление служебными полномочиями и их превышение (ст. 285 и 286 УК РФ).

Преодоление этих проблем видится в совершенствовании системы прокурорского надзора за законностью в учреждениях УИС, изменении критериев оценки деятельности исправительных учреждений, повышении профессионального уровня и правосознания сотрудников, а также во внедрении более совершенных технических средств контроля и четкой регламентации порядка их использования в доказывании. Только комплексное воздействие на все группы причин позволит снизить уровень латентности и получить реальную картину криминогенной обстановки в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Ледяйкин В.И. Проблема латентной преступности в пенитенциарных учреждениях / В.И. Ледяйкин, Н.А. Курмаева // Контентус. – 2022. – №5. – С. 34–42. DOI 10.24411/2658-6932-2022-5-41-46. EDN BNIMRM

2. Яковлев А.В. Факторы латентности преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России / А.В. Яковлев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – №6. – С. 11–13. EDN OOFADN

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Абрамян Сюзанна Кароевна
канд. юрид. наук, доцент
Безверхова Светлана Викторовна
старший преподаватель

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Краснодар, Краснодарский край

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация: *в статье исследуются правовые коллизии, возникающие при применении института малозначительности в российском административном праве. В качестве методов исследования использованы анализ законодательства, сравнительный правовой анализ, а также изучение судебной практики и правоприменительных актов. Результаты исследования выявили отсутствие единых критериев малозначительности, что приводит к неодинаковому применению статьи 2.9 КоАП РФ на федеральном и региональном уровнях. Обнаружены существенные пробелы и противоречия в действующей нормативной базе, которые способствуют возникновению судебных споров и снижению эффективности административной юстиции. На основе анализа предложены конкретные рекомендации по разработке четких и дифференцированных критериев малозначительности, что позволит оптимизировать практику освобождения от административной ответственности и повысить качество правоприменения.*

Ключевые слова: *административное правонарушение, малозначительность, административная ответственность, КоАП РФ, правоприменение, юрисдикционные полномочия, судебный надзор, прокуратура, полиция, публичный интерес, юридические гарантии, государственно-властные полномочия, отраслевое законодательство.*

Обсуждение обозначенных проблем целесообразно предварить изложением содержания первой части статьи 1.1 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которой система законодательства об административных правонарушениях включает указанный Кодекс федерального значения и законы субъектов Российской Федерации, принятые в рамках установленных данным актом полномочий [1]. Большинство региональных актов не повторяют положения статьи 2.9 КоАП РФ, поэтому практика основывается на федеральном законе, хотя есть исключения. Например, закон Алтайского края [2] позволяет освобождать от ответственности за малозначительные правонарушения устным замечанием. В Новосибирской области [3] также предусмотрено освобождение с устным предупреждением, что дублирует статью 2.9 КоАП и показывает недостаточное понимание компетенции регионов. Возникает необходимость либо расширить полномочия субъектов федерации в регулировании, либо исключить дублирующие нормы из региональных законов. Предпочтителен первый путь для учета специфики региональных правонарушений.

Авторы исследования, посвященного проблемам прокурорского надзора за обоснованностью освобождения от административной ответственности по статье 2.9 КоАП РФ, отмечают, что большинство возникающих трудностей связано с особенностями региональной правоприменительной практики. Они предлагают организовать детальное изучение существующей практики высшим надзорным органом государства, определить общепринятые критерии оценки малозначительности административных правонарушений и зафиксировать полученные выводы в специальном документе, таком как информационное письмо. Важно, подчеркивают исследователи, обеспечить регулярное проведение анализа соответствующей правоприменительной практики в рамках нормативных документов Генеральной прокуратуры РФ, способствующее распространению положительных практик и совершенствованию надзорной деятельности. Предлагается также внести изменения в законодательство, уточняющие признаки малозначительности, регламентирующие применение принципа недопустимости ухудшения положения лица, привлечённого к ответственности, и пересмотреть сроки давности привлечения к административной ответственности. Ключевое предложение авторов сводится к необходимости предоставления прокуратуре четких правовых инструментов для эффективного реагирования на факты необоснованного освобождения нарушителей от ответственности путем инициирования нового рассмотрения дел [4, с. 11].

На наш взгляд, сотрудникам полиции следовало бы активнее использовать данную норму, однако для этого необходимо усовершенствовать внутриведомственное регулирование и практику применения статьи 2.9 КоАП РФ. Министерство внутренних дел, как нам видится, должно разработать методические рекомендации, содержащие критерии отказа от привлечения к ответственности на основании малозначительности деяния, включающие оценку характера нарушения, роль правонарушителя, размер ущерба и степень общественной опасности. Эти положения рекомендуется включить в действующие регламенты МВД РФ, касающиеся осуществления государственного надзора в области безопасности дорожного движения.

Необходимо поддержать идею о совершенствовании внутреннего правового регулирования и разработке рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов по применению статьи 2.9 КоАП РФ. Однако простое воспроизведение её положений в ведомственных документах едва ли даст значимый эффект. Гораздо эффективнее было бы введение законодателем конкретных критериев малозначительности и перечня составов правонарушений, исключающих признание деяния малозначительным. Это позволило бы повысить частоту применения данной нормы сотрудниками полиции. После принятия поправок в КоАП РФ достаточно добавить в ведомственные инструкции требование тщательно анализировать каждое нарушение на наличие признаков малозначительности и освобождать от ответственности при их наличии.

Представляется разумным предлагать сотрудникам правоохранительных органов проходить обучение и инструктирование по этому вопросу, обсуждать практические примеры, стимулируя тех, кто эффективно применяет статью 2.9 КоАП РФ. Изменение подходов к оценке эффективности работы сотрудников полиции также способствует решению проблемы: качество работы не должно измеряться количеством наложенных штрафов, иначе сотрудники будут избегать освобождения от ответственности по малозначительности. Только комплексная реализация данных предложений способна положительно повлиять на применение норм о малозначительности в деятельности органов внутренних дел. Ряд ученых полагает необходимым ограничить перечень малозначительных деяний теми нарушениями, санкции за которые установлены сравнительно мягкие.

Исследователи указывают на отсутствие единого понимания термина «малозначительность» в административно-правовой доктрине и правоприменительной практике. Отмечается, что разъяснения Верховного Суда РФ недостаточно прояснили содержание данного понятия. Для преодоления неопределенности предлагаются конкретные критерии малозначительности, такие как возможность назначения предупреждения или штрафа минимальной суммы. Некоторые ученые связывают возможность применения статьи 2.9 КоАП РФ с видами административных наказаний, утверждая, что тяжелые санкции исключают освобождение от ответственности. Однако эта позиция подвергается критике, так как уровень наказания не отражает реальную опасность деяния. Практический пример показывает, что одни и те же правонарушения могут считаться малозначительными в одних обстоятельствах и подлежащими строгому наказанию в других, независимо от типа санкции. Примечательным является случай с изменением санкции статьи КоАП РФ, где недавно введена мера в виде предупреждения, что влияет на трактовку малозначительности. Практика таможенного контроля иллюстрирует проблему, когда малозначительное нарушение сопровождается конфискацией имущества, что вызывает сомнения в справедливости подхода. Примером служит ситуация, когда иностранные контрагенты добавляют рекламные товары низкой стоимости к основной посылке, о чём сам получатель зачастую не осведомлён и не декларирует дополнительный груз. Несмотря на формальные основания для возбуждения дела по статье 16.2 КоАП РФ, таможенные органы нередко применяют институт малозначительности, учитывая отсутствие существенного вреда общественным интересам. Подобная практика соответствует целям справедливого отправления правосудия. Вместе с тем, формально статья предусматривает конфискацию товаров, что противоречит принципу освобождения от ответственности по малозначительности. Данный казус подчёркивает некорректность определения малозначительности исключительно на основе вида предусмотренного наказания. Таким образом, требуется комплексное решение вопроса малозначительности, учитывающее разнообразие обстоятельств и целей защиты общественных интересов.

Судебная практика иногда подтверждает освобождение от ответственности при наличии смягчающих обстоятельств, перечисленных в статье 4.2 КоАП РФ. Так, Постановление Верховного Суда РФ от 22.01.2016 N 310-АД15–18173 представляет собой

важный юридико-доктринальный источник, демонстрирующий сложность применения института малозначительности в делах об административных правонарушениях. Рассматриваемое судебное разбирательство касалось оценки правомерности освобождения юридического лица от административной ответственности на основании статьи 2.9 КоАП РФ. Анализируя представленные сторонами доказательства, арбитражные суды обеих инстанций подтвердили законность вывода о малозначительности, основываясь на анализе общественного вреда, вызванного действиями ответчика, а также отсутствия негативных последствий. Основываясь на результатах судебного разбирательства, Верховный Суд отметил, что возражения административного органа сводятся к несогласию с интерпретацией отдельных доказательств и фактических обстоятельств дела, что не свидетельствует о существенных нарушениях процессуального порядка. В итоге Высшая инстанция поддержала первоначальное решение, подтвердив принцип дифференцированного подхода к квалификации малозначительности административных правонарушений, обеспечивая баланс между необходимостью соблюдения правопорядка и обеспечением принципов справедливости и пропорциональности юридической ответственности [5].

Возникают споры и относительно включения статьи 2.9 КоАП РФ в число оснований прекращения производства по делу об административном правонарушении. Согласно положению пункта 9 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ, перечень таких оснований открыт, что позволяет отнести малозначительность к обстоятельствам, исключающим производство по делу. Однако прекращение дела по статье 2.9 КоАП РФ возможно только на этапе рассмотрения или пересмотра, когда собраны все доказательства совершения правонарушения. Учитывая невозможность полноценного применения общих правил, исключающих производство по делу об административном правонарушении, к случаям освобождения от ответственности, предлагаем исключить пункт 9 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ из общего списка и создать отдельную статью, содержащую исчерпывающий перечень оснований освобождения от административной ответственности. Такая новая статья («Обстоятельства, освобождающие от административной ответственности») должна включать положение статьи 2.9 КоАП РФ, регламентирующее освобождение по признаку малозначительности. Этот подход позволит избежать двусмысленности и улучшит процесс правоприменения. Применение нормы о малозначительности в процессе пересмотра дел об административных правонарушениях сопряжено с рядом

затруднений. Законодательно не установлен прямой запрет на разрешение вопросов о малозначительности на стадиях пересмотра, а высшие судебные инстанции рекомендуют аннулировать предыдущие постановления и прекращать производство по делу, если выявлена малозначительность деяния. Пересмотр осуществляется в полном объёме, позволяя судам прекращать дело и освобождать лицо от ответственности на любом этапе процесса. Однако специфика арбитражных судов ограничивает такое право лишь кассационными инстанциями.

На наш взгляд, практика применения статьи 2.9 КоАП РФ должна унифицироваться, гарантируя возможность признания малозначительности на любых этапах пересмотра административных дел. Сотрудники полиции часто вынуждены ограничиваться устным замечанием, квалифицируя правонарушение как малозначительное, что требует повышения согласованности действий и прозрачности в правоприменительной практике.

Современное российское законодательство не прямо устанавливает возможность применения нормы о малозначительности уже на этапе начала производства по делу, однако логика существующих норм косвенно подразумевает такую возможность. В то же время исследовательские мнения расходятся относительно универсальности устного замечания в качестве альтернативы протоколу по ряду преступлений против общественного порядка, особенно когда выявление нарушений происходит удалённо. Эффективность устного замечания зависит от непосредственной фиксации события правонарушения. Важнейшей проблемой остаются отсутствие чётких критериев малозначительности и противоречия в действующем законодательстве. Необходима реформа статьи 2.9 КоАП РФ, направленная на установление новых условий применения данной нормы, включение перечня правонарушений, не подлежащих признанию малозначительными, а также разработку механизма пересмотра ошибочных решений о малозначительности. Это позволит значительно снизить риски произвола и повысит эффективность администрирования дел об административных правонарушениях.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон №195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 15.12.2025).

2. Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края: Закон Алтайского края №46-ЗС от 10.07.2002 (ред. от 07.11.2025).

3. Об административных правонарушениях в Новосибирской области: Закон Новосибирской области №99-ОЗ от 14.02.2003 (ред. от 09.07.2025).
4. Маматов М.В. Малозначительность административного правонарушения и вопросы прокурорской практики / М.В. Маматов, И.А. Маслов // Законность. – 2020. – №2. – С. 10–16. – EDN PAFFWJ
5. Постановление Верховного Суда РФ от 22.01.2016 №310-АД15–18173.

Аведян Андрей Александрович
аспирант
ОЧУ ВО «Московский инновационный университет»
г. Москва

КОНЦЕПЦИЯ СЕРВИСНОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: *в статье анализируется формирование концепции сервисного государства под влиянием цифровых технологий в сфере публичного управления. Автор исследует ключевые направления цифровизации публичной власти, особенности становления категории «государственная услуга» как основы «сервисного государства», а также определяет вектор дальнейшего развития цифровых государственных услуг для граждан и бизнеса. Особое внимание уделено проблеме «вписывания» в систему цифрового сервисного государства судебной власти. Установлено, что переход к концепции «государство как платформа» меняет характер взаимодействия между властью и обществом, формируя новую горизонтальная модель взаимодействия.*

Ключевые слова: *сервисное государство, цифровизация, публичная власть, государственные услуги, государство как платформа.*

Существенная трансформация в отечественной доктрине публичной власти произошла в связи с вступлением в силу Федерального закона от 27 июля 2010 года №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Данный нормативный акт выступил в роли базовой правовой платформы, определивший переход от традиционной патерналистской модели управления к клиентоориентированной (сервисной) философии.

Концепция государственных услуг рассматривается в конституционно-правовой доктрине через призму фундаментального механизма взаимоотношений человека и государства. При этом в классической конституционной теории конституционно-правовым отношениям изначально свойственен властно-распорядительный характер [1]. Появление категории государственных услуг способно коренным образом трансформировать данную модель, преобразуя ее из традиционного вертикального формата в горизонтально-ориентированный паритетный формат. Как справедливо указывает правовед Л.К. Терещенко: «Заявительный характер государственной услуги качественным образом меняет статус гражданина, … который превращается в активного инициатора правоотношений, обладающего легальным правом требования к государственному органу» [2].

Концепция «сервисного государства» опирается на категорию «государственная услуга» как на первичную структурную единицу. Системное внедрение сервисного подхода знаменует собой эволюцию государственности в сторону системы специализированных ведомств, ключевая миссия которых сводится к обеспечению персональных нужд граждан [3]. Центральным вектором развития здесь признается клиентоориентированность, суть которой заключается в том, что государственные структуры отказываются от пассивного реагирования в пользу проактивного взаимодействия с обществом. При этом приоритетным направлением признается прогнозирование и удовлетворение индивидуальных потребностей адресатов управленческого воздействия.

Формой выражения сервисного государства в условиях цифровизации публичной власти выступает концепция государство как платформа, где публичная власть рассматривается уже как единая высокотехнологичная экосистема виртуальных сервисных служб, функционирующих на принципах клиентоориентированности, проактивности и взаимной ответственности государства и личности. Цифровая трансформация системы публичной власти позволила оптимизировать процесс предоставления услуг за счет совершенствования межведомственного взаимодействия и предоставления услуг в электронной форме.

Следуя логике цифровой трансформации публичной власти, судебная власть должна занять соответствующее место в ее структуре как самостоятельный цифровой сервис. Данный цифровой сервис должен иметь формат открытого элемента электронного государства с особым способом и формой осуществления судебных

функций, обеспечивающим гласность, доступность и защиту прав и свобод человека и гражданина. Представляется, что эффективное вхождение судебной системы в структуру сервисного государства во многом зависит от развития доктрины судебного права, основывающейся на неделимости и взаимосвязи всех отечественных процессуальных институтов. В трудах А.А. Чечулиной подчеркивается, что данный подход базируется на общих фундаментальных принципах и единообразных регламентах ведения дел [4]. Формирование такой комплексной теоретической базы заложит фундамент для объединения процессуальных норм. В перспективе это упростит их цифровизацию и поможет сформировать доступные, прозрачные алгоритмы дистанционного судопроизводства.

Анализ зарубежного опыта развития «цифрового» правосудия как элемента общей системы «цифрового правительства» показывает, что успех цифрового правосудия напрямую зависит от уровня интероперабельности – способности судебных информационных систем «общаться» на одном языке с другими модулями цифрового правительства. В России важную роль в контексте генезиса электронного правосудия сыграл Закон о государственных услугах, запустивший процесс вхождения судебной власти в структуру электронного государства. Важнейшим драйвером последующей эволюции может выступить внедрение концепции машиночитаемого права, позволяющей алгоритмизировать юридические нормы и автоматизировать правоприменение [5]. При этом цифровизация вынуждает судебную систему заимствовать стандарты клиент-центричности, характерные для электронного правительства, однако пределы и параметры данного процесса до сих пор не определены и отсутствует ответ на главный вопрос о возможности трансформации сущности правосудия.

Критики данного подхода апеллируют к тому, что отправление правосудия в цифровой форме по своей природе не относится к государственным услугам, следовательно, его неправомерно интегрировать в структуру электронного правительства. В частности, профессор С.А. Авакьян, детально доказывает опасность внедрения сервисной терминологии в сферу конституционно-правовых связей. По мнению ученого, вместо фундаментального обязательства государства по защите прав граждан возникает иллюзия в виде избирательных опций «виртуальной канцелярии», что фактически нивелирует подлинную ответственность властных институтов перед обществом [6]. Представитель московской школы

конституционализма Н.А. Богданова полагает, что сервисный подход, упрощающий публичную функцию до дискретного коммерциализированного блага, подменяет категории «компетенции» и «государственного долга». Это влечет за собой риски деформации правосознания государственных служащих, переходящих от категорий «общего блага» к показателям эффективности «управленческих продаж» [7].

Подводя итог исследованию, можно резюмировать, что категория публичных (государственных) услуг меняет основу построения конституционно-правовых отношений, создавая, по сути, их новый вид, основанный на равенстве субъектов. Это закладывает фундамент для формирования новой модели партнерских взаимоотношений государства и человека, основанной на системе взаимных прав и обязанностей, где качество выполнения услуги выполняет роль индикатора ответственности перед гражданином. Представляется, что именно горизонтальная модель взаимодействия позволит реализовать принцип взаимной ответственности личности и государства. Вопрос о включении судебной власти в структуру сервисного государства требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Чечулина А.А. Правовая законность: принципы и гарантии / А.А. Чечулина. – Уфа: Восточный университет, 2005. – 116 с. EDN QXKPBT

2. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 2004. – №10(94). – С. 15–23. EDN QYUJHX

3. Бачило И.Л. Государство социальное или сервисное? (информационно-правовой аспект) / И.Л. Бачило // Право. Журнал ВШЭ. – 2010. – №1. – С. 3–11. EDN MBGKCX

4. Чечулина А.А. Унификация гражданского и арбитражного процессов в рамках концепции судебного права / А.А. Чечулина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – №1. – С. 11–16. EDN YKYMBR

5. Чечулина А.А. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия / А.А. Чечулина, Д.Д. Дегтярев // Юридическая наука. – 2026. – №1. – С. 28–31. EDN IHBEMQ

6. Авакьян С.А. Государство: взгляд с позиций конституционного права / С.А. Авакьян // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – №2. – С. 52–61. EDN VQGPFL

7. Конституционное право. Общая часть: в 2 кн. Кн. 1 / под ред. Н.А. Богдановой, А.А. Троицкой. – М.: Зерцало, 2022. – 324 с.

Дегтярев Даниил Дмитриевич
аспирант
ОЧУ ВО «Московский инновационный университет»
г. Москва

DOI 10.31483/r-168870

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена переходу от электронного правосудия к цифровому правосудию как следующей стадии цифровой трансформации судебной системы. На основе анализа решений Совета судей РФ, Концепции цифровой трансформации судебной системы (декабрь 2025 г.) и доктрины конституционного права рассматриваются институциональные и правовые предпосылки этого перехода. Предложена авторская периодизация цифровой трансформации российского правосудия и обоснован тезис о неравномерности («асимметричности») цифровизации судебных подсистем как факторе, влияющем на реализацию конституционного права на судебную защиту. Дальнейшее развитие цифрового правосудия актуализирует исследование права на судебную защиту в условиях цифровизации и других современных вызовов.*

Ключевые слова: *цифровое правосудие, электронное правосудие, судебное право, искусственный интеллект, судебная система, право на судебную защиту, цифровая трансформация, Конституция Российской Федерации.*

Ранее автором было установлено, что в российской правовой доктрине сформировались две относительно самостоятельные концепции – электронного и цифрового правосудия, при этом цифровое правосудие было определено как последующий, качественно иной этап развития электронного правосудия, связанный с допущением технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность, а в качестве теоретической основы дальнейшей трансформации была предложена доктрина судебного права как единой интегрированной процессуальной отрасли [3]. Развитие событий последних месяцев показывает, что переход от электронного к цифровому правосудию перестаёт быть сугубо теоретическим и приобретает конкретные институциональные очертания, что делает продолжение исследования не только оправданным, но и необходимым.

От рабочих групп к концепции: институционализация цифрового правосудия.

Значимым индикатором смены этапа является институционализация процесса цифровизации на уровне судейского сообщества. 4 апреля 2025 г. состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему, образованной президиумом Совета судей РФ; участники заседания констатировали, что искусственный интеллект способен снижать служебную нагрузку на судей и работников аппаратов судов, минимизировать число судебных ошибок и повышать качество подготовки судебных актов, но не может самостоятельно принимать судебные акты – окончательное решение должно оставаться за судьёй [9]. Председатель Совета судей РФ В.В. Момотов, характеризуя состояние информационной инфраструктуры, отметил, что судебная система «в своей основной массе» использует морально устаревшие и технически несовместимые информационные системы, а в 13 из 89 регионов мировые судьи применяют собственное программное обеспечение, не входящее в состав ГАС «Правосудие» [11]. Данное наблюдение принципиально важно: оно фиксирует не только техническую, но и институциональную разобщённость электронного правосудия, о которой ранее говорилось как о «хаотичном» характере его форм [3].

Развитием этой линии стало представление Верховным Судом РФ в декабре 2025 г. Концепции цифровой трансформации судебной системы, определяющей, по словам председателя Верховного Суда РФ И.В. Краснова, «ключевые направления развития цифрового сопровождения судебной деятельности» является дальнейшее развитие электронного судопроизводства, расширение личных кабинетов участников процесса и совершенствование системы электронных уведомлений [2]. Несколько ранее, в октябре 2025 г., И.В. Краснов обозначил в качестве перспективного направления развития судебной системы «аналитические программные комплексы на основе искусственного интеллекта», способные быстрее выявлять противоречия в судебной практике, подчеркнув при этом, что одной из главных задач остаётся обеспечение доступности правосудия и устранение «недружественных интерфейсов» официальных сайтов судов [5]. Параллельно Министерство юстиции РФ сообщило о завершении в 2025 г. внедрения механизмов дистанционного участия во всех видах судопроизводства, включая дела об административных правонарушениях, для которых с июля

2025 г. официально действует электронный документооборот, и о начале тестирования инструментов искусственного интеллекта для антикоррупционной экспертизы нормативных актов, с сохранением финального экспертного решения за человеком [6].

Совокупность указанных фактов позволяет утверждать, что к началу 2026 г. в России сформировался не просто набор разрозненных цифровых сервисов, а институциональная основа для системного перехода к цифровому правосудию: рабочая группа судейского сообщества, стратегический документ Верховного Суда РФ и ведомственная практика Минюста России действуют в одной парадигме. Однако, как справедливо отмечается в новейшей конституционно-правовой литературе, технологический потенциал передовых решений – способность «не только автоматизировать ряд задач, но и выполнять их самостоятельно» сама по себе создаёт правовой пробел: регламентация применения таких технологий требуется не только в процессуальном, но и в конституционном законодательстве [1]. Этот тезис соотносится с выводом, сделанным автором ранее применительно к судебному праву [3], и позволяет предложить дальнейшее развитие аргументации.

Периодизация цифровой трансформации правосудия: авторская модель.

Обобщая изложенное, представляется возможным предложить собственную периодизацию цифровой трансформации российского правосудия, отличную от простого противопоставления электронного и цифрового правосудия.

Первый этап – этап *информатизации* (условно 2012–2020 гг.) – характеризуется созданием реестров судебных актов, формированием электронного документооборота и информационных порталов судов; его содержание было раскрыто ранее [3]. Второй этап – этап *интегрируемой цифровой среды* (начался ориентировочно в 2023–2025 гг. и продолжается по настоящее время) – заключается в попытке объединения разрозненных информационных систем в единое информационное пространство и во включении искусственного интеллекта в судебную деятельность исключительно в качестве вспомогательного инструмента, применяемого к «бесспорным», техническим вопросам без замещения судейского усмотрения [5; 9]. Именно на этом этапе находится российское правосудие в настоящий момент, что подтверждается как созданием профильной рабочей группы, так и представлением Концепции цифровой трансформации судебной системы [2; 9]. Третий, перспективный

этап – этап *собственно цифрового правосудия* – предполагает не сосуществование отдельных цифровых сервисов, а качественно новую процессуальную форму, в рамках которой алгоритмическая поддержка принятия решений интегрирована в единую, а не разрозненную по видам судопроизводства, процедуру. Достижение этого этапа, на наш взгляд, невозможно без решения именно той задачи, которая была поставлена в предшествующем исследовании – теоретической разработки доктрины судебного права [3].

Данная связь видится не декларативной, а функциональной: если технологии искусственного интеллекта, легальное определение которых на федеральном уровне закреплено Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [10], обучаются и применяются на массиве судебных актов, вынесенных в рамках разных процессуальных отраслей (гражданского, арбитражного, административного судопроизводства), то отсутствие единства процессуальных категорий и принципов создаёт риск некорректного переноса алгоритмических решений из одной процессуальной формы в другую. Указанный риск не устраняется одной лишь технической унификацией информационных систем. Иными словами, унификация процессуального права выступает не только теоретическим, но и практическим условием корректного и предсказуемого применения искусственного интеллекта в судебной деятельности. Данный вывод не встречается в проанализированных источниках в такой формулировке и представляется самостоятельным результатом настоящего исследования.

Асимметричность цифровизации как фактор неравенства в доступе к правосудию.

Анализ данных о неравномерном распространении программных решений – 35% судов, применяющих искусственный интеллект, преимущественно для распознавания речи и составления протоколов [11], при сохраняющейся несовместимости программного обеспечения в 13 из 89 регионов [12] – приводит к выводу, что цифровизация российского правосудия носит не только «хаотичный», но и *асимметричный характер*: степень цифровой зрелости различается не только между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, как отмечалось ранее [3], но и между регионами внутри одной судебной подсистемы, а также между категориями дел (например, между делами о вынесении судебных приказов, где автоматизация продвинулась дальше, и делами, требующими оценки доказательств).

Подобная асимметрия имеет прямое конституционно-правовое значение. Право на судебную защиту, гарантированное статьёй 46 Конституции Российской Федерации [4], предполагает не формальную возможность обращения в суд, а получение реальной судебной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав [4; 7]. Если фактический объём цифровых возможностей: скорость уведомления, доступность электронной подачи документов, качество и скорость обработки обращений зависит от региона или категории дела, то возникает риск дифференцированной, неравной по своему практическому содержанию реализации одного и того же конституционного права разными субъектами. На необходимость учёта интересов граждан, не обладающих достаточными цифровыми навыками (в первую очередь лиц пожилого возраста), прямо указывал и председатель Верховного Суда РФ [2], что подтверждает практическую, а не умозрительную природу описанной проблемы. Таким образом, можно сформулировать тезис об асимметричной цифровизации как самостоятельном факторе неравенства в реализации права на судебную защиту.

Право на судебную защиту за пределами цифровизации судопроизводства.

Показательным подтверждением того, что содержание права на судебную защиту не сводится к вопросам цифровизации судопроизводства как такового, служит практика Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении от 20 января 2026 г. №2-П Конституционный Суд РФ, рассматривая ограничение судебной защиты имущественных требований, связанных с законным владением цифровой валютой, подтвердил, что судебная защита предполагает не только формальное право на обращение в суд, но и возможность получения реальной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав на началах справедливости и юридического равенства [7]. Заявитель по этому делу оспаривал норму именно потому, что она ставила обладателей нового вида имущества – цифровой валюты, в неравные, по сравнению с иными собственниками, условия доступа к судебной защите [7]. Данный пример показывает, что современные вызовы праву на судебную защиту порождаются не только цифровизацией самого судопроизводства (внедрением электронного документооборота или искусственного интеллекта), но и появлением новых объектов гражданских прав и новых форм экономических

отношений, требующих самостоятельного осмысления в системе конституционных гарантий.

Схожим образом на затруднённость реализации права на судебную защиту влияют факторы, прямо не связанные с цифровыми технологиями: высокая судебная нагрузка (по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, только в 2023 г. судами было рассмотрено свыше 26 млн дел) [8], финансовые издержки судебного обращения [9], а также сохраняющийся дефицит правовой информированности отдельных категорий граждан [8]. Действующие процессуальные кодексы (статьи 3 и 35 ГПК РФ, статьи 4 и 41 АПК РФ, статья 45 КАС РФ) предусматривают возможность обращения в суд в электронной форме, однако само по себе закрепление такой возможности не устраняет перечисленные содержательные барьеры.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет заключить, что переход от электронного к цифровому правосудию в России, обозначенный ранее как закономерный, но перспективный этап [4], к 2026 г. приобрёл конкретные институциональные формы – рабочую группу по искусственному интеллекту при Совете судей РФ, Концепцию цифровой трансформации судебной системы Верховного Суда РФ и ведомственные инициативы Министерства юстиции РФ [2; 7; 9]. Вместе с тем реализация этого перехода сталкивается с двумя взаимосвязанными проблемами: отсутствием единой процессуальной основы, необходимой для непротиворечивого применения алгоритмических инструментов в разных видах судопроизводства, и асимметричным характером самой цифровизации, порождающим риск неравномерной реализации конституционных гарантий в зависимости от региона или категории дела. Устранение первой проблемы, на наш взгляд, невозможно без последовательной разработки доктрины судебного права [3], а устранение второй требует не только технической модернизации информационных систем, но и специального конституционно-правового осмысления.

Именно последнее обстоятельство определяет главный итоговый вывод.

В рамках дальнейшего развития цифрового правосудия особый научный интерес представляет самостоятельное исследование конституционного права на судебную защиту, поскольку, как показывает практика Конституционного Суда Российской Федерации [7] и анализ фактических барьеров доступа к правосудию [8],

содержание и гарантии этого права определяются не только процессами цифровизации судопроизводства, но и иными явлениями современности, например появлением новых объектов и форм собственности, изменением экономических отношений, ростом судебной нагрузки и неравенством цифровой грамотности населения. Цифровая трансформация правосудия, таким образом, должна рассматриваться не как самостоятельная цель, а как один из факторов, являющимся важным, но не единственным в вопросе обеспечения права каждого на реальную судебную защиту.

Список литературы

1. Вашурина С.С. Цифровая трансформация правосудия в России: конституционно-правовые аспекты / С.С. Вашурина // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – №10(179). – С. 39–49. – URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/5295 (дата обращения: 09.08.2026). DOI 10.17803/1994-1471.2025.179.10.039-049. EDN NVDEJV

2. Верховный суд РФ представил план цифровой трансформации судопроизводства. – URL: https://www.m24.ru/news/sudy/02122025/852207 (дата обращения: 09.08.2026).

3. Дегтярев Д.Д. Перспективы развития электронного правосудия в России / Д.Д. Дегтярев // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: сб. трудов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 142–146. – URL: https://phsreda.com/ru/article/150825/discussion_platform (дата обращения: 09.08.2026). EDN JLAOYI

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Ст. 46. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.08.2026).

5. Куликов В. Цифровая правда: Игорь Краснов заявил о планах внедрять ИИ в работу судебной системы / В. Куликов // Российская газета. – URL: https://rg.ru/2025/10/22/cifrovaia-pravda.html (дата обращения: 09.08.2026).

6. Минюст РФ завершил цифровизацию судов и внедряет ИИ для экспертизы законопроектов. – URL: https://sudzakon.ru/news/minyust-rf-zavershil-czifrovizacziyu-sudov-i-vnedryaet-ii-dlya-ekspertizy-zakonoproektov/ (дата обращения: 09.08.2026).

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. №2-П. – URL: https://legalbulletin.online/konstitucionnyj-sud-ustanovil-chi-prava-narushaet-ogranichenie-na-sudebnuju-zashhitu-trebovanij-svjazannyh-s-obladaniem-cifrovoj-valjutoj/ (дата обращения: 09.08.2026).

8. Право на судебную защиту в условиях цифровой трансформации правосудия // Молодой ученый. – 2025. – №591. – URL: https://moluch.ru/archive/591/128896 (дата обращения: 09.08.2026).

9. Совет судей Российской Федерации. 4 апреля 2025 года состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему. – URL: https://www.ssrf.ru/news/mieropriiatiia/56905 (дата обращения: 09.08.2026).

10. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ №490 от 10.10.2019 (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) (ред. от 15.02.2024). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 09.08.2026).

11. 35% российских судов используют искусственный интеллект // Право.ru. – URL: https://pravo.ru/news/258775/ (дата обращения: 09.08.2026).

Елистратова Ксения Александровна,
канд. филол. наук, доцент
ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского»
г. Санкт-Петербург

СУВЕРЕНИТЕТ ЯЗЫКА И ПРАВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования государственной языковой политики Российской Федерации в условиях современных вызовов. Актуальность обусловлена принятием Указа Президента РФ от 11 июля 2025 года №474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации», впервые за последние десятилетия определившего фундаментальную роль русского языка в обеспечении национального суверенитета и безопасности. Рассматриваются законодательные и правоприменительные аспекты защиты русского языка как языка государствообразующего народа, проблемы регулирования языковых отношений в условиях цифровой трансформации и глобализации. Особое внимание уделено соотношению юридической точности и языковой выразительности правовых текстов, проблемам юрислингвистической дивергенции и необходимости системного подхода к языковому оформлению нормативных актов. Обоснована возрастающая роль юридического инструментария в языковой политике государства.*

Ключевые слова: *государственная языковая политика, русский язык как государственный, юрислингвистика, правовое регулирование языковых отношений, языковой суверенитет, языки народов Российской Федерации, законодательная техника.*

Язык выступает не только инструментом политики, но и ее объектом, есть факт, накладывающий на осмысление проблем языковой

политики государства ряд важных ограничений. В обычной ситуации между инструментарием конкретной деятельности и объектами воздействия всегда можно провести определенную границу, однако в случае с языком и правом это сделать затруднительно [2, с. 38]. Совершенствование методов деятельности в идеале не должно предполагать модификации той реальности, с которой соответствующие субъекты имеют дело, но ряд существующих факторов делает регулирование неклассическим, а противоположность объективного и субъективного – менее четкой и определенной.

Актуальность проблематики определяется принятием 11 июля 2025 года Указа Президента РФ №474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». Данный документ стратегического планирования впервые за последние десятилетия определил фундаментальную роль русского языка в обществе, культуре, народе, стране и государстве. Русский язык рассматривается как важнейшая часть концепции обеспечения национального суверенитета, безопасности, прав и свобод человека и гражданина [1, с. 108]. Одновременно с этим активно ведется работа по актуализации законодательства о языках народов Российской Федерации, поскольку действующий Закон РСФСР от 25 октября 1991 года нуждается в существенном обновлении.

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать актуальные проблемы правового регулирования государственной языковой политики Российской Федерации, определить направления совершенствования юридического инструментария в данной сфере.

Конституционно-правовой фундамент государственной языковой политики образуют несколько ключевых документов. Основополагающим является Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» №53-ФЗ от 1 июня 2005 года, определивший обязательные сферы использования русского языка и правовой режим национальных словарных фондов. Законодательство урегулировало также вопросы выбора и использования государственных языков РФ и республик в составе РФ, языков коренных малочисленных народов, не проживающих в местах традиционного обитания, а также не имеющих государственности и официального письма.

Важнейшим документом современного этапа стали утвержденные Указом Президента РФ от 11 июля 2025 года №474 Основы государственной языковой политики Российской Федерации. Как отмечено в документе, «Россия – страна более чем с тысячелетним опытом самостоятельной государственности, объединенная русским народом, русским языком и русской культурой. При всем

уникальном этнокультурном многообразии Российской Федерации именно русский язык в значительной мере определяет общероссийскую гражданскую идентичность, является залогом единства культурно-гуманитарного пространства России».

В Основах особо подчеркивается, что русский язык признается «языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Русский язык является одной из основ российской государственности и неразрывно связан с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями». Документ также устанавливает, что «всем гражданам Российской Федерации гарантируется право на пользование родным языком (родными языками)».

В соответствии с поручениями Президента РФ от 30 декабря 2024 года ведется работа над проектом федерального закона «О языках народов Российской Федерации», который должен предусмотреть создание и ведение государственного реестра языков народов РФ, систематизацию (разграничение) статусов таких языков, а также взаимосвязь между законодательством о языках народов Российской Федерации и законодательством о государственном языке Российской Федерации.

Указ Президента РФ №474 закрепляет перечень рисков, угроз и проблем, существующих в сфере государственной языковой политики (см. таблицу 1).

Таблица 1

Риски, угрозы и проблемы в сфере государственной языковой политики Российской Федерации

Категория проблем	Содержание
1	*2*
Институциональные	Отсутствие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере сохранения, защиты и развития языков народов Российской Федерации
Языковые нормы	Снижение в сферах официального общения уровня соответствия современной общественно-речевой практики утвержденным языковым нормам государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик Российской Федерации

Окончание таблицы 1

1	*2*
Языковые заимствования	Необоснованное использование в сферах официального общения иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке, и иностранных слов, не вошедших в нормативные словари
Внешнеполитические	Попытки некоторых иностранных государств ограничить (сократить) пространство использования русского языка
Демографические	Сокращение численности носителей языков народов Российской Федерации и сфер их использования

Анализ представленных в Основах проблем позволяет выделить несколько ключевых направлений правового регулирования. Прежде всего, это совершенствование институциональных механизмов, включая создание специализированного федерального органа исполнительной власти [4, с. 13–14]. Как отмечается в научной литературе, «в условиях нестабильной международной обстановки и кризиса однополярного мироустройства, внутренняя политика страны в языковой сфере становится все более системной и последовательной».

Особую значимость приобретает проблема защиты русского языка от необоснованного использования иностранных слов. В Государственной Думе находится на рассмотрении проект федерального закона №468229–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный законопроект предлагает внести изменения в Градостроительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О рекламе», законы Российской Федерации «О защите прав потребителей» и «О средствах массовой информации» с целью обеспечения использования в публичном пространстве русского языка как государственного языка Российской Федерации и защиты общественной среды от чрезмерного использования англицизмов и иностранных слов.

Современное правовое регулирование функционирует в условиях постмодернистской трансформации, предполагающей переосмысление ключевых понятий, доктринальных конструкций и социокультурных нарративов [3, с. 29]. В последние годы юрислингвистика активно развивается как самостоятельное научное

направление. Данная дисциплина объединяет элементы лингвистики и права, акцентируя внимание на многоуровневой структуре юридического дискурса, включающей лексические, синтаксические и прагматические уровни анализа.

Воздействие права на сознание субъектов неминуемо проходит стадию интерпретации, что вытекает из символического характера этого социального регулятора, который всегда выступает как формально-определенный, закрепленный в документах, выполненных на том или ином языке. Толкование права может рассматриваться с различных позиций: семантически (как текст), синтаксически (как логика, построенная по правилам модальной логики), прагматически (как потоки информации).

Особый интерес в контексте языковой политики представляет концепция юрислингвистической дивергенции, понимаемая как «осознанная стратегия приоритетного использования русскоязычной правовой терминологии в рамках государственной языковой политики». Данная концепция предполагает переход к системному подходу при языковом оформлении нормативных правовых актов, развитие образовательных программ по подготовке специалистов в области юрислингвистики, а также разработку практико-ориентированных рекомендаций, обеспечивающих баланс между юридической точностью и языковой выразительностью правовых текстов [2, с. 47].

Исследование репрезентации языковой ситуации и языковой политики в законодательных текстах показывает, что русский язык конструируется в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» как государственный язык, выполняющий несколько ключевых функций: он одновременно выступает инструментом единения народов, инструментом поддержания культуры и инструментом международного влияния. При этом русский язык выступает не только как агенс и инструмент языковой политики, но и как ее пациенс, объект отрицательного и положительного воздействия.

Системный анализ правовых аспектов государственной языковой политики позволяет выделить несколько ключевых механизмов защиты и развития русского языка (см. таблицу 2).

Таблица 2

Правовые механизмы защиты и развития русского языка

Направление	Механизмы реализации
Законодательное регулирование	Совершенствование Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», принятие нового закона «О языках народов Российской Федерации»
Институциональное обеспечение	Создание федерального органа исполнительной власти в сфере сохранения, защиты и развития языков народов Российской Федерации
Языковой контроль	Ограничение использования иностранных слов в публичном пространстве при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке
Образовательная политика	Обеспечение изучения и использования русского языка как государственного в системе образования
Международное сотрудничество	Продвижение и укрепление позиций русского языка в мире через систему российских загранучреждений и фонд «Русский мир»
Научное обеспечение	Опора на научные знания и фундаментальные исследования в языковой сфере

Важной задачей является совершенствование законодательной техники – «языковое оформление нормативных правовых актов с соблюдением баланса между юридической точностью и языковой выразительностью правовых текстов, а также повышение ясности и доступности законодательства как условия его легитимности и эффективности». Это требует развития образовательных программ по подготовке специалистов в области юрислингвистики.

Как справедливо подчеркивается в научной литературе, «государственная языковая политика должна ориентироваться не только на продвижение русского языка за рубежом, но и эффективно осуществляться во внутренней жизни государства. Только такая политика будет способствовать консолидации лиц различных национальностей, их культуры, исторической памяти и ценностей». Соответственно, целесообразным признается расширение сфер использования русского государственного языка за счет обязательного включения в них науки, образования, торговых и географических наименований объектов.

Современные информационные технологии бросают вызов таким свойствам публичной власти, как суверенность и легитимность. При этом данные технологии могут быть использованы на благо государства и общества при условии научно обоснованного регулирования лингвистической и коммуникативной сторон правовой жизни.

В условиях быстрого развития высоких технологий работы с информацией, в том числе алгоритмов искусственного интеллекта, возрастает риск утраты самобытности национальных правовых систем. Новые реалии ставят перед правом принципиально иные задачи – разработку новых либо адаптацию существующих институтов к ранее неизвестным объектам правового регулирования.

К числу таких объектов относятся, в частности, результаты деятельности искусственного интеллекта и новые формы цифровой коммуникации. Возникает ряд вопросов, связанных с определением их правового статуса и возможностью включения в устоявшиеся классификации объектов правового регулирования. При этом необходимо соотнесение терминологической суверенности национального права с унификационными тенденциями международного правопорядка [1, с. 119].

В этой связи особую значимость приобретает проблема сохранения языкового суверенитета в цифровой среде. Указ Президента РФ №474 закрепляет в качестве одной из задач государственной языковой политики «обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации использования в общественном пространстве кириллицы (русского алфавита)».

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование государственной языковой политики Российской Федерации находится на этапе системного обновления. Принятие Указа Президента РФ от 11 июля 2025 года №474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» создало концептуальную основу для дальнейшего совершенствования законодательства в языковой сфере. Актуализация Закона «О языках народов Российской Федерации» и работа над проектом федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» направлены на формирование целостной нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту, поддержку и развитие русского языка как государственного языка Российской Федерации.

В условиях современных вызовов – глобализации, цифровой трансформации, попыток ограничения использования русского языка за рубежом – юридический инструментарий будет играть возрастающую роль в сфере языковой политики государства. Комплексный подход к правовому регулированию языковых отношений предполагает не только совершенствование законодательства, но и развитие институциональных механизмов, научное обеспечение языковой политики, подготовку специалистов в области юрислингвистики.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку практико-ориентированных рекомендаций по совершенствованию языкового оформления нормативных правовых актов, а также на изучение правовых аспектов сохранения языкового многообразия народов Российской Федерации в условиях цифровой трансформации общества.

Список литературы

1. Асадов Р.Б. Правовая терминология и культурный код: перспективы юрислингвистической дивергенции в российском законодательстве / Р.Б. Асадов // Право и политика. – 2025. – №6. – С. 106–120.

2. Дубровская Т.В. Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентации в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» / Т.В. Дубровская, Е.И. Кожевникова // Научный диалог. – 2020. – №10. – С. 37–48.

3. Нечкин А.В. Совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа / А.В. Нечкин, В.В. Руденко // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – №1(45). – С. 26–30.

4. Фалалеева И.Н. Правовые аспекты государственной языковой политики: языковые барьеры и задачи защиты русского языка / И.Н. Фалалеева, Э.Д. Гаврилова // Право и практика. – 2025. – №3. – С. 10–14.

Ивенский Андрей Иванович
канд. юрид. наук, доцент, доцент
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»
г. Самара, Самарская область

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ, РЕГЛАМЕНТИРОВАННОМ ГЛАВОЙ 40 УПК РФ

Аннотация: *в работе исследуются получение вербальной информации от подсудимого при особом порядке (глава 40 УПК РФ). Использованы методы: диалектический, формально-логический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой анализ, синтез. В выводах намечены перспективы развития особого порядка.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, судебное разбирательство по уголовному делу, особый порядок, опрос подсудимого, допрос подсудимого, допрос потерпевшего.*

Исследуя некоторые аспекты особого порядка судебного разбирательства, регламентированного гл. 40 УПК РФ, далее в целях компактности изложения используем аббревиатуру ОП. В соответствии с ч. 4 ст. 316 УПК «судья опрашивает подсудимого», что можно перефразировать как «судья проводит опрос подсудимого». Понятие «опрос» не регламентируется УПК РФ, соответственно, «опрос» не является самостоятельным процессуальным действием. Семантически аналогичным является право дознавателя, следователя etc. (etc. – сокращенное от et cetera (лат.) – и так далее; в целях компактности изложения мы не излагаем полный перечень субъектов, проводящих проверки – ч. 1 ст. 144 УПК) «получать объяснения». Отличия «получения объяснений» от допроса: 1) допрос, как и основная часть следственных действий, может проводиться только после возбуждения уголовного дела; 2) допросы жестко регламентированы УПК привязкой к процессуальному статусу лица, являющегося объектом допроса: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший etc.; результатом такой корреляции является конкретный вид получаемых доказательств – см. п. п. 1, 2, 3, 4 ч. 2 ст. 74 УПК (исключение – допрос участника процесса, статус которого регламентирован ст. 56.1 УПК РФ; однако данная проблема не входит в предмет настоящего исследования); 3) допросы обеспечены

процессуальными гарантиями соблюдения прав допрашиваемых лиц и объективности даваемых ими показаний (ст. 51 Конституции РФ, ст. 161 УПК РФ, ст. ст. 307, 308, 310 УК РФ etc.).

Распространять такое понятие досудебного производства, как «получение объяснений», на судебное разбирательство не представляется возможным. Так, рассмотрим начальную фазу допроса обвиняемого в досудебном производстве – ст. 173 УПК. После анкетной и праворазъяснительной частей следователь выясняет, признает ли обвиняемый себя виновным по предъявленному обвинению, что, на наш взгляд, аналогично тому, что вменяется в обязанность суду при установлении возможности рассмотрения дела в ОП. Ergo, по аналогии следует считать упомянутый опрос председательствующим подсудимого частью получения от подсудимого вербальной информации в устной форме, то есть фрагментом допроса. Представляется, что опрос – это выяснение судом у подсудимого после оглашения обвинения отношения к последнему – признание полное или частичное, либо непризнание (ч. 2 ст. 273, ч. 4 ст. 316 УПК РФ). Фактически это ответ на вопрос о признании или непризнании вины в совершении инкриминируемого преступления. При ординарном порядке судопроизводства за этим первым вопросом следует допрос обо всех обстоятельствах дела, включающий в себя свободный рассказ подсудимого и его ответы на задаваемые судом и сторонами вопросы. При ОП судья должен задать и получить у подсудимого ответ на первый вопрос, а также на вопросы о добровольности заявления ходатайства и предварительной консультации с защитником. Согласно действующей редакции УПК РФ, ни судья, ни стороны более подсудимого допрашивать не должны, поскольку существующая формулировка («без проведения судебного разбирательства») формально проведение судебно-следственных действий не допускает.

Однако, если судья получает у обвиняемого (подсудимого) какие-либо объяснения, имеющие значение для принятия решения по уголовному делу, логично и процессуально корректно было бы облечь это действие в форму допроса обвиняемого, производимого с соблюдением всех предусмотренных законом процедурных требований. Именно в ходе допроса судья выясняет: добровольно ли заявлено ходатайство? проводилась ли предварительная консультация с защитником? понимает ли подсудимый правовые последствия рассмотрения уголовного дела в отношении него в ОП? и прочие обстоятельства, входящие в число оснований и условий

применения ОП. Именно в ходе допроса возможно получение судьей показаний обвиняемого о любых обстоятельствах, выяснение которых судья сочтет нужным по делу.

Такое судебно-следственное действие, как допрос подсудимого, на наш взгляд, должно быть законодательно закреплено как обязательное при сокращенном порядке судебного разбирательства. Аналогично, выяснению судьей у потерпевшего, участвующего в судебном заседании, отношения к ходатайству подсудимого следует придать статус допроса потерпевшего и сделать его обязательным (с учетом необязательности: а) самого потерпевшего как участника судопроизводства, что имеет место, например, в уголовных делах о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 187, 222, 228, 228.1 УК РФ, и многих других), б) присутствия потерпевшего в судебном заседании (впрочем, судебная практика склоняется к обязательности участия потерпевшего хотя бы в одном судебном заседании).

В результате исследования автором практики рассмотрения судами уголовных дел в ОП установлено следующее.

1. Вследствие недостаточной юридической и общей грамотности подсудимых судья зачастую не может ограничиться тем, что задает и получает утвердительный ответ на вопрос, понятно ли подсудимому обвинение и согласен ли он с оглашенным обвинением. Собственно говоря, это уже не один вопрос, а как минимум два: первый касается обвинения, второй – согласия с ним. Для получения достоверной убежденности в правильном понимании инкриминируемого преступления судье приходится задавать подсудимому ряд вопросов, касающихся отдельных элементов совершения инкриминируемого деяния, что уже представляет собой краткий допрос об обстоятельствах совершенного деяния (заметим, что совокупность этих вопросов, на наш взгляд, по форме, содержанию и предполагаемым ответам аналогичны одному наводящему вопросу). Только из совокупности таких ответов судья может уяснить, понятно ли подсудимому обвинение, и согласен ли он с ним. Также в обязательном порядке подсудимому задаются вопросы о наличии предварительной консультации с защитником, о добровольности заявленного ходатайства о постановлении приговора в ОП, о поддержании своего ходатайства на момент рассмотрения дела в суде.

2. Судьи также задают подсудимому вопросы о семейном положении, месте работы или перспективах трудоустройства, размере заработной платы, наличии иного дохода и т. п., которые относятся к исследованию обстоятельств, характеризующих личность подсудимого.

3. Государственный обвинитель и защитник допрашивают подсудимого – по вопросам, характеризующим личность подсудимого, его общественное положение и поведение, о заглаживании вреда, примирении etc. Возможны допросы свидетелей о характеризующих смягчающих и отягчающих обстоятельствах. Все это элементы как простого, так и перекрестного допросов – дополнительный аргумент их необходимости. Даже исходя из модели диалога, в котором участвуют только судья и подсудимый, которому понятно обвинение, видно, что последнему задается много вопросов, без ответов на которые разрешение дела невозможно.

4. У потерпевших обязательно выясняются согласие на рассмотрение дела в ОП. Им задаются вопросы о возмещении причиненного преступлением ущерба и поддержании гражданского иска, о взаимоотношениях с обвиняемым (примирение, заглаживание причиненного ущерба или хотя бы обещание такового), а также выясняется мнение по поводу наказания, которому следует подвергнуть подсудимого, с элементами как прямого, так и перекрестного допроса.

Совокупность перечисленных вопросов и ответов на них нельзя интерпретировать иначе, чем судебно-следственные действия – допросы, которые по непонятной причине в гл. 40 УПК таковыми не именуются [1, с. 165].

Постоянно предпринимаемые в практической деятельности судов попытки преодоления позитивно-правового запрета на исследование обстоятельств уголовного дела при ОП нуждаются в законодательном закреплении. Полагаем, что суду необходимо предоставить право при проведении сокращенного судебного разбирательства самостоятельно определять, насколько возможно сузить круг исследуемых доказательств в конкретном уголовном деле без ущерба для правосудности приговора.

Предлагаем внести в УПК РФ изменения, предусматривающие: 1) проведение судебного разбирательства при ОП, что не только имеет место de facto, но и de jure следует из системного анализа норм главы 40 УПК; 2) право судьи в ОП на производство отдельных судебно-следственных действий, которые он сочтет необходимыми для постановления правосудного решения по делу. Именно судья должен решать, достаточно ли формального знакомства с материалами уголовного дела, подготовленными обвинением, либо необходимо одно или несколько судебно-следственных действий в условиях полного соблюдения всех принципов уголовного судопроизводства; 3) необходимый минимум судебно-следственных

действий, которые должны быть обязательно произведены при сокращенном судебном разбирательстве. Полагаем, что необходимыми должны стать допросы обвиняемого, а также потерпевшего, если этот участник процесса участвует в судебном заседании.

Список литературы

1. Ивенский А.И. Особый порядок судебного разбирательства: проблемы теории и практики: монография / А.И. Ивенский. – Саратов: Саратовский юридический ин-т МВД России, 2008. – 219 с. EDN QRBATL

Лаврентьев Максим Владимирович
канд. юрид. наук, преподаватель
ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»
г. Москва

Хасин Владимир Викторович,
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»
г. Саратов, Саратовская область

ЕЛЕЦКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-РЕМЕСЛЕННАЯ КОЛОНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: *статья посвящена устройству и деятельности российского воспитательно-исправительного заведения для несовершеннолетних правонарушителей «Елецкая земледельческо-ремесленная колония», воспитании и обучении несовершеннолетних правонарушителей. Рассказывается об внешнем устройстве колонии, занятиях воспитанников, поощрительных и дисциплинарных мерах для воспитанников колонии.*

Ключевые слова: *Елецкая земледельческо-ремесленная колония, несовершеннолетние правонарушители, воспитательно-исправительное заведение, поощрения, дисциплинарные меры.*

С созданием законодательства о несовершеннолетних правонарушителях в Российской империи началась организация и деятельность воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей. В 1866 г. императором Александром II был подписан закон от 5 декабря 1866 г. «Об исправительных

приютах и колониях для несовершеннолетних». По данному закону в Российской империи стали открываться «приюты для нравственного исправления несовершеннолетних, отдаваемых туда по судебным приговорам, – призываются также земство, общество и духовные установления, равно как и частные лица» [3, с. 352].

Одной из таких колоний, созданных в рамках закона, была Елецкая земледельческая исправительная колония для несовершеннолетних преступников в городе Елец. По отчетам с 1898 по 1900 гг. ежегодный состав воспитанников в колонии не превышал среднего числа 11 человек, а всего за этот «отчетный период перебывало в колонии до 30 воспитанников» [2, с. 727].

Административный и «служительский» персонал состоял из директора и «дядьки», «при чем, несмотря на ежегодные указания господина директора на крайний недостаток в помощнике директора, исполняющем обязанности воспитателя и учителя, и ежегодное на этот предмет ассигнование в 300 рублей, помощника директора в настоящее время в колонии нет» [2, с. 727]. Скорее всего, это было связано с тем, что деньги уходили на другие нужды.

«Дядьки», сторожа и кухарки менялись в течение года очень часто – через один, два месяца службы. «Причина частых перемен низших служащих – непригодность к делу», заключает господин директор, а между тем «за неимением помощника, директору приходится ограничиваться, для воспитательных целей, часто медвежьими услугами дядьки, а дядька это больное место не только нашей, но чуть ли не всех колоний», поэтому «единственным проводником наших воспитательных приемов в среду воспитанников, мы довольствовались одним малограмотным дядькой и неграмотным огородником» [2, с. 727].

Это отрицательное явление еще более становилось нетерпимым при постоянной жизни колонии, когда «директор ее, сознавая весьма важные недостатки своих подчиненных служащих, тем не менее при таких то дядьках стремится к «безусловному подчинению руководящему работами» (т. е. дядьками или сторожу), к «почтительному отношению к старшим» и пр., хотя раньше и заявлял, что «запасные нижние чины, идущие на эту службу (дядьками), в большинстве случаев, по своему развитию уступают воспитанникам и потому не внушают им никакого к себе доверия, а отсюда появляются и ослушания, и дерзости и т. п. непочтительности, в разбирательство которых должен вступаться директор, положение которого в таких случаях весьма неловко: с одной стороны нельзя

унизить окончательно дядьку в глазах воспитанников, оставив без внимания его заявление, а с другой – ясно видно его неправоту, вследствие неумения обращаться с питомцами» [2, с. 727].

Конечно, приходилось применять и взыскания, и наказания. В отчете за 1898 г. сообщалось, что «воспитанник А-в был посажен в карцер на сутки «за оскорбление» дядьки. Вообще же при применении наказаний заметно злоупотреблением «карцером», которым «необходимо приходилось охлаждать пыл не в пору расходившихся страстей более выдающихся буянов», – даже до 3 суток» [2, с. 727 – 728].

Вследствие недостатка дисциплины, например, при 10 всего воспитанников колонии было 5 случаев побега и «кроме того, отмечается значительное число рецидивов по части курения, краж, лености и другим проступкам, сумма которых при малочисленности воспитанников колонии невольно бросается в глаза» [2, с. 728].

Учебная часть в Елецкой колонии также плохо удовлетворяла даже самым элементарным требованиям. В отчете за 1898 г. говорилось: «одним из существенно важных недостатков обучения воспитанников нашей колонии представляется отсутствие обучения ремеслам. Знание ремесла необходимо сельскому жителю, как подспорье, а городскому простолюдину, как единственный источник к существованию. Полезность и необходимость ремесленного обучения составляет вопрос давно решенный и применяется на практике во всех заведениях нашего типа» [2, с. 728].

«Обучение грамоте» также не давало каких-либо положительных результатов. «Да и каковы вообще то могли получиться успехи по школе, когда, например, в 1900 году на уроки было уделено всего 100 дней, «что составляет менее половины учебных дней нормальной жизни»; в течении целого года законоучитель отец Горохов успел дать только 20 уроков по Закону Божию; вследствие хозяйственного неустройства этот «и без того короткий период учебного времени значительно сокращался особенно работами по добыванию отопления, которого не успели заготовить в достаточном количестве летом и осенью, в таких случаях дневных уроки отлагались на вечер, но эти вечерние занятия не были продуктивны, – уставшие физически за день, мальчики дремлют над книгами, беседа и объяснения не улегаются в головах, занятых одною мыслью об отдыхе… и результаты вечерних уроков сводятся к нулю» [2, с. 728].

Если же по делам службы директор покидал колонию, то «воспитанники занимались под присмотром дядьки, самостоятельно, но и от таких занятий не получалось желательных результатов».

Следовательно, вся учебная часть сводится лишь к внешнему исполнению обязанности отсидеть два – три часа над книгой!» [2, с. 728].

Помимо уроков в школе зимой день проходил в чистке снега, «уходе за скотом и рубке дров – это с 6 до 8 часов утра и после обеда (в 12 часов) до 5 часов вечера! Летом, весной и осенью работали по садоводству, огородничеству и полеводству, при чем никакого специалиста по этим отраслям сельского хозяйства не полагалось, если кто-нибудь из доброхотных жертвователей, как например господин Заусайлов, не присылали своих людей (например, садовника) для руководства работами» [2, с. 728 – 729].

При Елецкой колонии существовало Общество для содействия колонии. Самым «неутомимым» жертвователем был А.Н. Заусайлов, «ежегодно жертвовавший более 300 рублей на нужды колонии и деньгами, и материалом, и продуктами. Кроме того, жертвователями были М.А., А.А. и С.А. Стаховичи, Д.Н. Ремер и др. Почетным попечителем колонии состоит г. Ремер. Вспоминая слова М.А. Стаховича, председателя правления Общества Елецкой Колонии, сказанные им летом нынешнего года на курсах для учителей школ Орловской губернии, нам хочется верить, что г. Стахович, как председатель вместе с тем и губернского училищного совета, обратить свое внимание на постанову учебного дела в колонии и поможет своим просвещенных и авторитетным советом господину директору в таком многотрудном и ответственном деле, как исправление воспитание несовершеннолетних преступников» [2, с. 730].

Вероятно, Ф.Н. Малинин несколько сгустил краски повседневного существования Елецкой земледельческой колонии. В таком положении находились практически все колонии для несовершеннолетних правонарушителей Российской империи. Дело в том, что никак не могли найти баланс между зарабатыванием средств на существование и исправлением (вместе с обучением) несовершеннолетних правонарушителей. Юные, растущие организмы не выдерживали такой интенсивности жизни в колонии. Поэтому были часты нарушения дисциплины. проявления агрессии и непокорства и даже побеги из колонии. Иногда это приводило к тяжелым последствиям и даже гибели воспитанников.

Поэтому можно полностью согласиться с мнением Д.В. Ливенцева, что перед нами «типичный случай, когда благое дело по перевоспитанию малолетних преступников при помощи земледельческого труда в конце XIX – начале XX вв. натолкнулось на неблагоприятную социальную ситуацию в обществе и даже крупные

пожертвования от прогрессивно настроенных жителей города Ельца не смогли коренным образом изменить ход событий» [1, с. 9].

Список литературы

1. Ливенцев Д.В. Повседневная жизнь Елецкой земледельческой исправительной колонии для несовершеннолетних в конце XIX – начале XX вв. / Д.В. Ливенцев // Берегиня.777.Сова. – 2018. – №4. EDN SUXCDM
2. Малинин Ф.Н. Елецкая земледельческая колония для несовершеннолетних / Ф.Н. Малинин // Тюремный вестник. – 1902. – №10.
3. Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников: Закон от 5.12.1866 // ПСЗ РИ. – Т. XLI. – Отд. II. – Док. №43949.

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

РАЗВИТИЕ ВЕКСЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ

Аннотация: *статья посвящена ключевым событиям развития вексельного права в России в различные исторические периоды. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. Вексельное обращение в России началось примерно в конце XVII века. В дореволюционный период вексель широко применялся как во внутрихозяйственной обороте страны, так и во внешнеэкономической сфере. Методом обобщения можно прийти к выводу, что в советской период вексель был выведен из внутригосударственного обращения, за исключением периода НЭП, но использовался как удобный общепризнанный способ юридического сопровождения международной торговли. В постсоветское время вексель используется как во внутрихозяйственной обороте страны, так и во внешнеэкономической сфере.*

Ключевые слова: *вексель, вексельный устав, ценная бумага, вексельное право, вексельное обращение, векселедатель, перестройка, военный коммунизм, инвестиционная деятельность.*

Вексель является полезным финансовым инструментом, который широко используется в банковской сфере, при осуществлении оказания услуг и поставок товара с отсрочкой платежа, в

инвестиционной деятельности [1, с. 4]. Научным осмыслением вексельного обращения, в частности, занимались С.В. Ротко [1], В.В. Грачев [2], В.А. Белов [3].

Вексель представляет собой ценную бумагу, удостоверяющую солидарное обязательство всех подписавших ее лиц и ничем не обусловленное право ее держателя на получение определенной денежной суммы. В свою очередь, вексельное право представляет собой совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, возникающие по поводу векселя и из самого векселя [3, с. 21; 4, с. 196].

В России «хождение векселей» началось гораздо позже, чем в других странах. В Италии вексельное обращение зародилось еще в 12–13 веках, и постепенно распространилось во Франции, Голландии, Германии и Англии [5, с. 149].

Отечественные нормативные правовые акты до XVII века не содержат каких-либо упоминаний о векселях [5, с. 151; 6, с. 200]. В свою очередь, Полное собрание законов Российской империи содержит Указы 31 августа 1697 года и 29 августа 1698 года о запрете принимать переводные письма (векселя) при платеже таможенных пошлин, из чего следует обращение векселей в России началось в конце XVII века.

В следующие три десятилетия в России весельное обращение продолжало усиливаться, в связи с чем был принят первый российский Вексельный устав от 16 мая 1729 года, который «заложил фундамент» для развития современного вексельного и торгового законодательства России. Вексельный устав от 16 мая 1729 года содержал гарантии уплаты по векселю, сделав торговые расчеты более надежными. В период его действия «векселедееспособными» считалось купеческое сословие.

Вексельный устав от 25 июня 1832 года заменил устаревший Вексельный устав от 16 мая 1729 года и действовал до начала XX века. Вексельный устав от 25 июня 1832 года, как и его предшественник, поначалу закреплял право выдавать векселя за купеческим сословием. В 1862 году круг лиц, обладающих «вексельной дееспособностью», был приближен к кругу лиц, обладающих общей гражданской дееспособностью. Вексельный устав от 25 июня 1832 года соединял в себе вексельные нормы германского типа с нормами векселей французского типа, что приводило к противоречиям, проблемам с толкованием его положений [6, с. 201]. На смену Вексельному уставу от 25 июня 1832 года пришел Вексельный устав от 27 мая 1902 года, вступивший в силу с 1 января 1903 года

и действовавший до Октябрьской революции 1917 года. Новое правительство взяло курс на «военный коммунизм», началась ликвидация имперской банковской системы, от чего пострадало вексельное обращение. Взыскания по векселям и исполнительным листам, находившимся в производстве, были «заморожены». Однако глубокий экономический кризис, вызванный политикой «военного коммунизма», позволил через три года посредством принятия Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20.03.1922 «Положение о векселях» на некоторое время (в период реализации НЭП) возродить внутригосударственное вексельное обращение.

Но уже в 1927 году «Положение о векселях», утвержденное Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 20.03.1922, подверглось серьезной корректировке: потребительским обществам запрещалось проводить вексельные операции. Тем самым де-факто произошла ликвидация вексельного обращения внутри страны. В то же время вексель продолжал использоваться как удобный общепризнанный способ юридического сопровождения международной торговли [6, с. 202].

В свою очередь, внешнеэкономическое сотрудничество всегда предполагает необходимость правового единообразия в торговой и банковской сфере на международном уровне. По этой причине СССР в 1936 году присоединилась к Конвенции о Единообразном Законе о переводном и простом векселе, которая была заключена в Женеве в 1930 году. Правотворческим результатом этого присоединения стало принятие «Положения о переводном и простом векселе», введенное в действие Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 года №104/1341 и имплементировавшее в себя положения Единообразного закона о простом и переводном векселе с четырьмя оговорками.

Курс на «перестройку» позволил векселям с июня 1990 года вернуться во внутрихозяйственный оборот СССР в связи с принятием рыночно-ориентированного «Положения о ценных бумагах», утвержденного постановлением Совета Министров СССР 19 июня 1990 года №590.

После провозглашения независимости РСФСР возникла необходимость в разработке новых нормативных правовых актов, в связи с чем было принято Постановление Президиума ВС РСФСР от 24 июня 1991 года №1451-I «О применении векселя в хозяйственном обороте РСФСР», которое воспроизводило Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 года №104/1341 с незначительными отличиями. Через шесть лет Постановление Президиума ВС

РСФСР от 24 июня 1991 года №1451-I было отменено федеральным законом от 11 марта 1997 года №48-ФЗ «О переводном и простом векселе». В свою очередь, ст. 1 федерального закона от 11 марта 1997 года №48-ФЗ указала, что на территории РФ продолжает применяться Постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» от 7 августа 1937 года №104/1341. По действующему законодательству для возникновения всякого вексельного обязательства необходимо соблюдение следующих условий: 1) наличие у обязанного лица векселедееспособности; 2) договором о передаче векселя между векселедателем и первоначальным приобретателем (в дальнейшем – между последующим собственником и приобретателем). Следовательно, на сегодняшний день применяется проверенный временем нормативный правовой акт о вексельном обращении, который обеспечивает возможность применения веселя как во внутренней, так и во внешней торговле.

Список литературы

1. Ротко С.В. Правовое регулирование вексельного обращения в Российской Федерации: автореф. дис.... канд. юрид. наук / С.В. Ротко. – Саратов, 2004. – 26 с. EDN NHTXHF

2. Грачев В.В. Акцепт векселя: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.В. Грачев. – Ярославль, 2001. – 154 с. EDN MCYCQU

3. Белов В.А. Проблемы цивилистической теории российского вексельного права: автореф. дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / В.А. Белов. – М., 2004. – 43 с. EDN NHTXNJ

4. К развитию вексельно-правовой теории / А.В. Власова, А.В. Вошатко, В.В. Грачев, В.Б. Чуваков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – №2(259). – С. 193–204. EDN JYJKIJ

5. Соколов А.В. Становление и развитие вексельного обращения / А.В. Соколов // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2010. – №1(5). – С. 149–154. EDN PXZJRF

6. Казаков С.Д. Развитие вексельного права в России / С.Д. Казаков // Вестник Чувашского университета. – 2011. – №2. – С. 200–203. EDN NWHGVP

Леканова Екатерина Евгеньевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ЮРИДИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ КАК ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Аннотация: *статья посвящена юридическим символам, которые представляют собой юридически значимые предметы или их изображения, знаки или звуки, которые используются для передачи информации, представления другого объекта или выражения определенного смысла. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. Анализ уголовного законодательства показал, что ряд юридических символов (символы воинской славы, товарные знаки и т. п.) являются объектами уголовно-правовой охраны, а ряд других юридически значимых символов (в частности, нацистских и экстремистских) не подлежат правовой охране, и более того их пропаганда и публичная демонстрация запрещены. В статье сделан вывод, что все юридические символы в силу своей сущности выполняют информационную функцию. Также некоторым правовым символам свойственны и другие функции (например, идеологическая, контрольная).*

Ключевые слова: *юридические символы, уголовно-правовая охрана, символы воинской славы, информационная функция, контрольная функция, идеологическая функция.*

В результате качественного и количественного расширения сфер применения правовых регуляторов, активного взаимодействия права с другими видами социальных норм в законодательстве часто упоминаются юридические символы, представляющие собой экономный способ передачи правовой информации [1, с. 7]. Правовые символы являются одним из важнейших средств не только внутригосударственного, но и международного общения. Это универсальная форма взаимопонимания между людьми, разделенными государственными границами и языками [2, с. 4]. Научным осмыслением правовых символов занимались, в частности, Н.С. Гончарова [3], А.В. Никитин [2], П.Д. Шалагинов [4], И.В. Мальцев [5].

Юридические символы представляют собой юридически значимые предметы или их изображения, знаки или звуки, которые используются для передачи информации, представления другого объекта или выражения определенного смысла. Речь идет не только о государственных символах (флаге, гербе и гимне), но также и иных символах, часто встречающихся в повседневной жизни.

Получатели юридически значимой информации заинтересованы в ее наличии, подлинности и своевременном получении. В связи с тем, что юридические символы являются одним из способов передачи правовой информации, то они являются объектом уголовно-правовой, гражданско-правовой и административно-правовой охраны. Именно в УК РФ, обеспечивающем охрану отношений практически всех сфер общественной жизни, упоминается большинство правовых символов, в связи с чем для формирования перечня правовых символов обратимся к его нормам. УК РФ упоминает следующие правовые символы в качестве объекта правовой охраны: 1) форменная одежда и документы представителей власти (п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ); 2) денежные знаки (в частности, ст. 186 УК РФ); 3) средства идентификации для маркировки товаров – двухмерные штриховые коды (ст. 171.1 УК РФ); 4) товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товара (ст. 180 УК РФ); 5) пробирные клейма (ст. 181 УК РФ); пограничные знаки (ст. 323 УК РФ); 6) государственные награды РФ, РСФСР, СССР (ст. 324 и 327 УК РФ); 7) штампы, печати, акцизные марки, специальные марки, знаки соответствия (ст. 325, 327 и 327.1 УК РФ); 8) идентификационные номера, номера кузова, шасси, двигателя (ст. 326 УК РФ); 9) государственные регистрационные знаки транспортных средств (ст. 325.1 и ст. 326 УК РФ); 10) Государственный герб РФ, Государственный гимн РФ (ст. 329 УК РФ); 11) символы воинской славы (п. «б» ч. 2 ст. 243.4 и ст. 354.1 УК РФ). Не все символы подлежат правовой охране. К примеру, в законодательстве содержится запрет на публичную демонстрацию нацистской символики и атрибутики, а также символики и атрибутов экстремистских организаций (ст. 282.4 УК РФ).

Функции правовых символов – это система направлений правового воздействия на общественные отношения посредством правовых символов, обусловленных их сущностью и назначением для общества [4, с. 11].

Информационная функция юридических символов заключается в том, что они представляют собой экономный способ передачи правовой информации [1, с. 67]. Понятность и общеизвестность символов дают возможность использовать их в качестве источника информации, рассчитанной на широкий круг субъектов, разделенных языковыми и территориальными границами [6, с. 264; 7, с. 59].

Так, государственные флаги различных стран помогают определить принадлежность морских судов к тому или иному государству, выстроить правильную линию правового поведения с указанными транспортными средствами еще до их приближения к береговой охране и непосредственного общения с экипажем. Товарные знаки могут рассказать о производителях вещей, на которых они изображены, помогают покупателю составить правильное мнение о качестве товара, которое является одним из условий договора купли-продажи. Символы воинской славы (награды, знамена, памятники, георгиевские ленты и т. п.) передают информацию о военных победах, знакомят с подвигами героев, передают знания об исторических событиях новым поколениям. Информация о воинской славе имеет не только высокую культурную ценность, но обладает и юридической значимостью, в частности, является основанием для получения ветеранами войны необходимой им социальной и материальной помощи.

Некоторые правовые символы способны выполнять также и идеологическую функцию [6, с. 264; 7, с. 59; 8, с. 61]. Как известно, идеология бывает разной: социально одобряемой и социально осуждаемой, официальной и неофициальной. Так, Государственный герб РФ, Государственный гимн РФ и символы воинской славы являются правовыми символами, являющимися элементами социально одобряемой идеологии, утверждающей политический суверенитет страны, ее многовековую историю, формирующей патриотизм и прививающей уважение к российским культурным ценностям. Идеологическая функция нацистской символики заключается в пропаганде идей расового превосходства, гордости в связи с принадлежностью к «высшей расе», одобрению угнетения и порабощения «низших рас». В связи с этим нацистская символика, а также символика экстремистских организаций не подлежат правовой охране, а их пропаганда и публичная демонстрация запрещены.

Контрольная функция юридических символов состоит в том, что наличие правового символа на том или ином предмете говорит о

проверенности легитимности его происхождения (производства), тем самым подтверждая его качество. Именно эта функция присуща пробирным клеймам, акцизным и специальным маркам, средствам идентификации для маркировки товаров и некоторым другим правовым символам.

Список литературы

1. Гончарова Н.С. Правовой символ: понятие и признаки / Н.С. Гончарова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – №3. – С. 67–74. EDN ZSIRDD

2. Никитин А.В. Правовые символы: дис.... канд. юрид. наук / А.В. Никитин. – Н. Новгород, 1999. – 241 с. EDN NLMWVZ

3. Гончарова Н.С. Символы в российском уголовном праве: дис.... канд. юрид. наук / Н.С. Гончарова. – Саратов, 2023. – 301 с. EDN JOUZUQ

4. Шалагинов П.Д. Функции правовых символов: дис.... канд. юрид. наук / П.Д. Шалагинов. – Н. Новгород, 2007. – 165 с. EDN NOYMAB

5. Мальцев И.В. Символы в праве и в юридической науке: дис.... канд. юрид. наук / И.В. Мальцев. – М., 2021. – 341 с. EDN NVDFVH

6. Бражник С.Д. Функции юридических символов в процессе нормотворческого конструирования / С.Д. Бражник, И.А. Пилясов // Образование и наука в современных реалиях: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 264–265. EDN QNYRDV

7. Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М.Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2008. – №2. – С. 56–63. EDN RBRQTT

8. Демидова И.А. Правовые символы: осмысление в контексте исследования правовой культуры общества / И.А. Демидова // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сборник научных трудов. – Могилев, 2020. – Вып. 8. – С. 56–62. EDN WCHFOE

Паевская Светлана Леонидовна
старший преподаватель
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики»
г. Санкт-Петербург

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в статье рассматривается институт избирательных прав граждан в контексте разрыва между законодательным закреплением прав и фактической возможностью их реализации. Актуальность исследования усиливается необходимостью совершенствования процедурных механизмов: составление списков избирателей, выдвижение и регистрация кандидатов, равный доступ к агитации, возможность наблюдения, получение копий документов и оперативное обжалование решений комиссий. Дополнительное значение теме придаёт обновление организационных и цифровых форм участия в выборах: многодневное голосование, механизм голосования по месту нахождения, электронные сервисы, ГАС «Выборы», видеонаблюдение и дистанционное электронное голосование. Эти нововведения расширяют возможности граждан, но создают новые вопросы: обеспечение тайны волеизъявления, проверка цифрового результата, защита персональных данных и недопущение неравенства между гражданами с разным уровнем доступа к технологиям.*

Ключевые слова: *избирательные права, активное избирательное право, пассивное избирательное право, избирательный процесс, цифровизация избирательного процесса, правовая культура, судебная защита.*

Природа и виды избирательных прав. В юридической литературе избирательные права обычно рассматриваются как права двойственной природы. С одной стороны, это субъективные публичные права конкретного гражданина. С другой стороны, через их осуществление формируется представительная власть, а значит, обеспечивается легитимация публичных институтов. Поэтому нарушение права одного избирателя или кандидата не всегда

ограничивается частным интересом: при определенных обстоятельствах оно затрагивает доверие к процедуре выборов в целом.

Избирательные права работают одновременно в двух плоскостях. Для гражданина это возможность участвовать в политической жизни и требовать защиты при нарушении процедуры. Для государства и общества – способ подтвердить законность формирования публичной власти и сохранить доверие к результатам голосования.

Активное избирательное право реализуется не в произвольной форме, а в рамках установленной законом процедуры. Гражданин должен быть включен в список избирателей, получить возможность проголосовать в предусмотренное время и в установленном месте либо воспользоваться иной законной формой участия. Если гражданин фактически не может попасть в список, получить информацию об участке или исправить ошибку в сведениях, право остается формальным. Поэтому организационные гарантии здесь так же важны, как и само конституционное признание права. Реальное значение активного избирательного права проявляется в своевременном включении гражданина в список избирателей, доступности помещения для голосования, получении достоверной информации о времени и месте голосования, сохранении тайны выбора и последующем учете поданного голоса. Следовательно, активное избирательное право следует рассматривать как право, требующее постоянного организационного обеспечения со стороны государства.

Пассивное избирательное право имеет более сложный правовой режим, поскольку кандидат претендует на получение публичного мандата. Закон вправе устанавливать требования к возрасту, гражданству, документам, порядку выдвижения и регистрации. Пассивное право предполагает большее количество процедурных требований по сравнению с активным: выдвижение, сбор подписей, представление документов, открытие избирательного фонда, соблюдение правил агитации. Однако эти требования не должны превращаться в чрезмерный административный барьер. Особенно осторожного подхода требуют споры об отказе в регистрации, проверке подписей и оценке недостатков документов, поскольку чрезмерный формализм способен необоснованно ограничить политическую конкуренцию. Отказ в регистрации кандидата допустим только при наличии предусмотренного законом основания, а решение комиссии должно быть мотивированным и проверяемым.

Активное и пассивное избирательное право целесообразно рассматривать не раздельно, а во взаимосвязи. Нарушение пассивного права – необоснованный отказ в регистрации кандидата – влияет на активное право избирателя: гражданин лишается возможности проголосовать за выбранного кандидата. И наоборот, ошибки в составлении списков избирателей или препятствия для голосования обесценивают конкурентную борьбу кандидатов, снижая значение пассивного права. Таким образом, гарантии одного вида права не могут эффективно действовать без гарантий другого.

Право на участие в референдуме близко к избирательным правам по своей публично-правовой природе, но имеет самостоятельное значение. Если на выборах гражданин участвует в формировании персонального состава органов власти, то на референдуме он выражает позицию по вопросу государственного или местного значения. Для обеих форм народовластия важны общие гарантии: равенство участников, свобода волеизъявления, тайна голосования, достоверность подсчета и возможность обжалования нарушений.

Процедурные гарантии реализации. Реализация избирательных прав невозможна вне установленной процедуры. Ключевую роль здесь играют организационные гарантии, обеспечивающие переход от закрепленного в законе права к фактической возможности им воспользоваться.

Правовая определенность в избирательном процессе имеет особую ценность, поскольку большинство процедур совершается в короткие сроки. Участник кампании должен заранее знать, куда подавать документы, как исправлять недостатки, в какой срок обжаловать решение и какие последствия повлечет пропуск срока. Неясность процедуры в избирательных делах особенно опасна: после дня голосования восстановить право в первоначальном виде часто уже невозможно.

Гарантия правовой определенности связана не только с календарем кампаний, но и с запретом произвольного переноса выборов, неопределенности сроков и искусственного затягивания процедур. Чем точнее установлен порядок назначения выборов, тем выше уровень правовой определенности для избирателей, кандидатов и избирательных объединений.

Универсальность политических прав означает, что национальные избирательные процедуры должны соотноситься с общепризнанными стандартами участия граждан в управлении государством.

Речь идет, в частности, о принципах периодических и подлинных выборов, тайного голосования и равного доступа к публичным должностям, которые закреплены в международных документах и развиваются в рекомендациях Венецианской комиссии и Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Соответствие этим стандартам повышает доверие к избирательной системе и снижает риск международно-правовых претензий.

Территориальная организация выборов является одной из предпосылок равного участия. Ошибки на этой стадии способны заранее создать неравные условия, поэтому территориальная организация требует публичности и заблаговременной проверки.

Составление списков избирателей – одна из ключевых гарантий активного избирательного права. Именно список связывает абстрактное право гражданина голосовать с конкретной возможностью получить бюллетень на участке или воспользоваться иной предусмотренной законом формой голосования. Ошибка в сведениях, отсутствие гражданина в списке или несвоевременное обновление данных должны устраняться оперативно, поскольку после окончания голосования восстановление права становится затруднительным [7].

Выдвижение кандидатов переводит пассивное избирательное право из общей возможности в конкретную избирательную процедуру. На данной стадии существенны ясные требования к документам, одинаковый подход к кандидатам, возможность получить информацию о выявленных недостатках и мотивированное решение комиссии. Чем прозрачнее эта стадия, тем меньше риск того, что регистрационные правила будут использоваться как инструмент необоснованного ограничения политической конкуренции.

Сбор подписей выполняет функцию подтверждения поддержки кандидата или списка, но одновременно является одной из наиболее спорных процедур. Практические проблемы возникают при проверке достоверности подписей, оценке технических ошибок, взаимодействии с базами данных и уведомлении кандидата о выявленных недостатках. Поэтому результативность механизма зависит от согласованной работы всех субъектов избирательного процесса.

Таким образом, эффективность гарантий зависит от понятности процедур, соблюдения сроков и проверяемости решений комиссий.

Цифровизация избирательного процесса. Традиционные процедуры реализации избирательных прав в последние годы дополняются и усложняются цифровыми форматами. Эти нововведения

требуют не только технологических, но и юридико-процедурных гарантий. Для гражданина имеет значение не сам факт применения информационной системы, а возможность понять, каким образом его действие приобретает юридическое значение. Поэтому в нормативных актах необходимо четко разграничивать этапы идентификации, допуска к голосованию, фиксации волеизъявления, учета голоса и формирования итоговых данных. Чем яснее описаны эти этапы, тем легче избирателю, кандидату, наблюдателю и суду оценить законность процедуры [3].

При использовании электронных сервисов возрастает значение защиты персональных данных. Избирательный процесс предполагает обработку сведений о гражданстве, месте жительства, факте участия в голосовании, поданных заявлениях и иных юридически значимых действиях. Нарушение конфиденциальности таких сведений может повлечь не только частноправовой ущерб, но и снижение доверия к выборам. Поэтому правовое регулирование должно предусматривать минимизацию собираемых данных, ограничение доступа должностных лиц, журналирование операций и ответственность за неправомерное использование сведений об избирателях [8].

Применение ГАС «Выборы» и иных информационных систем должно оцениваться не только с точки зрения скорости обработки данных, но и с позиции юридической верифицируемости результата. Информационная система не заменяет решение избирательной комиссии, а обслуживает его подготовку и документирование. Поэтому при возникновении спора участник избирательного процесса должен иметь возможность установить, какие сведения были внесены, кем, когда и на каком основании. Отсутствие такой проверяемости снижает эффективность судебной защиты, поскольку спор смещается из юридической плоскости в техническую, закрытую для заявителя.

Цифровые формы голосования требуют сохранения базового конституционного стандарта: удобство процедуры не должно снижать уровень гарантий тайны, равенства и проверяемости. Поэтому дистанционное электронное голосование следует оценивать не только как технологическую услугу, но и как юридически значимый способ выражения волеизъявления гражданина. По данным Центральной избирательной комиссии России, на выборах Президента Российской Федерации, проходивших в 2024 году, дистанционное электронное голосование было применено в 28 регионах – на базе федеральной

платформы, и в Москве – на региональной платформе. Это подтверждает необходимость рассматривать ДЭГ как устойчивую часть избирательной практики, а не как единичный эксперимент [9].

Организационные формы реализации избирательных прав должны учитывать положение маломобильных граждан, лиц старшего возраста, граждан, находящихся в медицинских организациях, местах временного пребывания или на значительном расстоянии от участка. Для этих категорий доступность выборов является не удобством, а условием реального осуществления права. Меры по голосованию вне помещения, голосованию по месту нахождения и информированию о специальных процедурах должны оцениваться как составная часть конституционной гарантии всеобщего избирательного права. Особую роль играет обучение членов участковых избирательных комиссий. Цифровые сервисы также должны проектироваться так, чтобы не создавать новых барьеров для граждан с ограничениями здоровья.

Голосование граждан за рубежом требует координации избирательных комиссий с дипломатическими и консульскими учреждениями. Для таких граждан особенно важны заблаговременное информирование, доступность участков, учет временного пребывания и возможность получить разъяснения о порядке голосования. Ограниченность территории и особые условия зарубежного голосования не должны приводить к снижению основных гарантий равенства и тайны волеизъявления.

Кибербезопасность в избирательном процессе приобретает правовое значение, поскольку технический сбой или несанкционированное вмешательство способны повлиять на реализацию политических прав. Защита информационных систем должна включать предварительное тестирование, разграничение доступа, журналирование действий, резервирование данных и понятный порядок реагирования на инциденты.

Перспективной представляется модель электронного документооборота, при которой цифровая подача документов не отменяет бумажных гарантий. Электронные заявления, уведомления и реестры ускоряют обмен сведениями, но гражданин должен иметь подтверждение каждого юридически значимого действия. Поэтому сервисы должны формировать документ с датой, временем, регистрационным номером и указанием органа, принявшего обращение. Такое подтверждение повышает качество последующей защиты.

Представляется обоснованным закрепить в законодательстве принцип технологической нейтральности гарантий избирательных прав. Содержание права гражданина не должно зависеть от того, голосует он бумажным бюллетенем, использует механизм голосования по месту нахождения или участвует в дистанционном электронном голосовании. Во всех случаях должны быть обеспечены идентификация избирателя, равенство голосов, тайна волеизъявления, невозможность повторного голосования, проверяемость результата и доступность процедуры обжалования. Такой подход позволит развивать новые формы участия без снижения конституционного стандарта защиты.

Судебная защита избирательных прав. Гарантии реализации не работают без эффективного механизма защиты. Основным каналом такой защиты остается судебный.

Практика Верховного Суда Российской Федерации подтверждает, что наиболее распространенными предметами избирательных споров являются регистрация кандидатов, проверка подписей, отмена регистрации, агитационные материалы и соблюдение процессуальных сроков. В частности, в тематическом обзоре Верховного Суда РФ по выборам 2025 года говорится о том, что судами первой инстанции по нормам главы 24 КАС РФ было рассмотрено порядка 661 административного дела о защите избирательных прав. Эти данные иллюстрируют тот факт, что судебная защита является реально востребованным элементом механизма, а не только формальной гарантией [6].

В решении Верховного Суда РФ от 21 февраля 2024 г. по делу № АКПИ24–134 рассматривалось оспаривание постановления ЦИК России об отказе в регистрации кандидата на должность Президента Российской Федерации. Суд проверял не только сам итоговый процент недействительных подписей, но и процедуру проверки подписных листов, выводы экспертов, документы МВД, ведомости проверки и возражения представителя кандидата. В результате суд отказал в удовлетворении административного иска, указав на законность оспариваемого решения. Это дело является примером того, что судебный контроль по избирательным спорам предполагает исследование доказательств по существу, а не ограничивается ссылкой на решение комиссии [5].

В кассационном определении Верховного Суда РФ от 7 сентября 2024 г. №58-ИКАД24–1-А5 по делу Глухова И.С. суды оценивали

основание для отмены регистрации кандидата, связанное с владением иностранными финансовыми инструментами и сообщением в комиссию недостоверных сведений об их отсутствии. Регистрация кандидата была отменена, а кассационные жалобы оставлены без удовлетворения. Это дело показывает, что судебный механизм защиты применяется не только для восстановления прав кандидата, но и для защиты публичного интереса в достоверности сведений, представляемых участниками избирательного процесса [2].

Из приведенных примеров следует общий вывод: эффективная защита избирательных прав требует анализа конкретной стадии кампании, характера нарушения, доказательств и его влияния на возможность участия в выборах.

В избирательных спорах суд не всегда может вернуть заявителя в первоначальное положение, поскольку кампания развивается в жестко ограниченных сроках. Поэтому правовая защита должна сочетать превентивные и последующие средства. Превентивные меры позволяют устранить нарушение до голосования, а последующие – оценить, повлияло ли оно на законность итогового результата. Такая модель помогает избежать двух крайностей: игнорирования нарушений как «незначительных» и автоматической отмены результатов при любом процедурном дефекте [4; 6].

Одной из наиболее устойчивых проблем является неопределенность критерия существенности нарушения. Результативное нарушение выражается в таком воздействии на ход кампании, которое способно изменить юридическое положение кандидата, избирательного объединения или повлиять на достоверность волеизъявления. Такое разграничение не означает, что процедурные нарушения являются второстепенными. Напротив, именно процедура выступает основной гарантией честности выборов. Однако при выборе способа защиты необходимо учитывать, возможно ли устранить нарушение без отмены более поздних стадий кампании. Наиболее уязвимыми оказываются те участки процедуры, где срок для защиты короток, доказательства находятся у организатора выборов, а последствия нарушения быстро становятся практически необратимыми.

Для повышения эффективности защиты целесообразно развивать стандарты доказывания по избирательным делам. Заявитель зачастую не располагает документами комиссии, техническими журналами, сведениями о движении бюллетеней или внутренними актами, подтверждающими нарушение. В такой ситуации чрезмерное

возложение бремени доказывания на гражданина фактически блокирует защиту. Более обоснованной представляется модель, при которой заявитель указывает на конкретные обстоятельства и представляет доступные ему доказательства, а избирательная комиссия обязана раскрыть документы и сведения, находящиеся в ее распоряжении. Это соответствует публично-правовой природе спора.

С учетом судебной практики такой стандарт должен включать распределение доказательственной нагрузки. Если заявитель ссылается на нарушение, документы о котором находятся у комиссии, оператора информационной системы или должностного лица, суду следует активнее использовать возможность истребования доказательств. Иначе право на судебную защиту становится зависимым от доступа заявителя к материалам, которыми он фактически не располагает [1; 4].

Практическим направлением совершенствования является закрепление типового перечня материалов, которые комиссия должна представлять при рассмотрении наиболее распространенных споров: по спискам избирателей – сведения об основании включения или исключения; по регистрации кандидата – уведомления о недостатках, ведомости проверки подписей и протоколы рабочей группы; по наблюдению – журналы допуска и акты комиссии; по ДЭГ – сведения о подаче заявления, технических сбоях и порядке учета голоса без раскрытия тайны голосования. Такой перечень не ограничивал бы оценку доказательств судом, но создавал бы предсказуемый минимум проверяемости.

Отдельной проблемой остается качество мотивировки решений избирательных комиссий. На практике отказ в регистрации кандидата, отклонение жалобы или признание отдельных подписей недействительными должны сопровождаться не только ссылкой на норму закона, но и описанием фактических обстоятельств, по которым комиссия пришла к соответствующему выводу.

Сроки судебной защиты по избирательным делам должны обеспечивать баланс между оперативностью и возможностью представить доказательства. Слишком длительное рассмотрение делает защиту бесполезной, но чрезмерная краткость может лишить заявителя реального доступа к правосудию. Поэтому целесообразно развивать электронные способы подачи документов, типовые формы заявлений и специальные правила обращения с цифровыми доказательствами.

Направления совершенствования. Анализ действующего механизма позволяет выделить конкретные направления его развития.

Значимым направлением является унификация разъяснений для избирателей. Сейчас гражданин получает информацию из различных источников: сайта ЦИК России, региональных комиссий, портала государственных услуг, сообщений участковой комиссии, средств массовой информации. При отсутствии единых формулировок возникают ошибки в понимании сроков, порядка голосования по месту нахождения, подачи жалобы и проверки сведений в списке избирателей. Для снижения таких рисков следует разработать типовые информационные карточки по наиболее распространенным ситуациям: изменение места голосования, ошибка в списке, отказ в выдаче бюллетеня, нарушение тайны голосования, препятствие наблюдению.

Правовая культура избирателей также влияет на способность граждан своевременно защищать свои права. Даже при наличии эффективных процедур человек может не воспользоваться ими, если не знает сроков обжалования, компетентного органа или перечня доказательств. Поэтому правовое просвещение должно быть не общим лозунгом, а практическим набором инструкций: как проверить себя в списке, как подать заявление, как оформить жалобу и как получить копию решения.

Доступность правовой помощи имеет значение для избирателей, наблюдателей и кандидатов, которые не обладают специальной юридической подготовкой. Избирательное законодательство сложно, а сроки обжалования коротки. Практическим решением может стать размещение на сайтах комиссий типовых форм жалоб, кратких алгоритмов действий и разъяснений о компетенции комиссий, судов и прокуратуры.

Правовое регулирование ответственности за нарушения избирательных прав нуждается в более точной настройке. Уголовно-правовые и административно-правовые запреты имеют превентивное значение, однако их применение не всегда обеспечивает восстановление нарушенного права конкретного гражданина. Поэтому ответственность должна рассматриваться во взаимосвязи с восстановительными механизмами: отменой незаконного решения комиссии, повторным рассмотрением документов, включением гражданина в список избирателей, выдачей заверенной копии протокола, устранением препятствий наблюдателю. Без такой связи санкция может иметь символическое значение, но не устранять последствия нарушения.

Полезным направлением является развитие публичных обобщений практики. Если решения комиссий и судов по типичным спорам систематизируются и становятся доступными, участники избирательного процесса заранее понимают, какие действия признаются правомерными, а какие приводят к отмене решения или иным последствиям. Это снижает конфликтность кампании и делает правоприменение более предсказуемым. Чем быстрее реагирует компетентный орган, тем меньше вероятность того, что частное нарушение перерастет в спор о легитимности всей процедуры.

В конечном счете совершенствование механизма реализации и защиты избирательных прав должно быть направлено на то, чтобы каждая стадия кампании оставляла проверяемый юридический след. Назначение выборов, формирование списков, регистрация кандидатов, агитация, голосование, подсчет, установление итогов и рассмотрение жалоб должны быть документированы так, чтобы участник процесса мог понять, кто принял решение, на каком основании и каким способом оно может быть обжаловано. Именно проверяемость превращает избирательное право из декларации в действующий правовой механизм.

Таким образом, механизм реализации и защиты избирательных прав граждан представляет собой сложную публично-правовую систему. В нее входят конституционные принципы народовластия, нормы федерального и регионального избирательного законодательства, деятельность избирательных комиссий, судебная и прокурорская защита, общественное наблюдение, цифровые сервисы и меры юридической ответственности. Такой механизм нельзя оценивать только по количеству норм: решающее значение имеет то, насколько эти нормы позволяют гражданину фактически проголосовать, кандидату – участвовать в выборах, а нарушенное право – восстановить в срок.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон №21-ФЗ от 08.03.2015 (ред. от 09.04.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 22.08.2026).

2. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2024 г. №58-ИКАД24–1-А5. – URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2402026 (дата обращения: 22.08.2026).

3. О Требованиях к проведению дистанционного электронного голосования: Постановление ЦИК России №86/715–8 от 08.06.2022 (ред. от 24.06.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419319/ (дата обращения: 22.08.2026).

4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №24 от 27.06.2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451069/ (дата обращения: 22.08.2026).

5. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2024 г. по делу №АКПИ24–134. – URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2339944 (дата обращения: 22.08.2026).

6. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации №2/2026 «О рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав»: утв. постановлением Президиума ВС РФ от 25 марта 2026 г. №3А/2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530087/ (дата обращения: 22.08.2026).

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон №67-ФЗ от 12.06.2002. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 22.08.2026).

8. О персональных данных: Федеральный закон №152-ФЗ от 27.07.2006. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 22.08.2026).

9. ЦИК России. Дистанционное электронное голосование на выборах Президента Российской Федерации 2024 года. – URL: https://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/deg/ (дата обращения: 22.08.2026).

Научное электронное издание

СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
(Чебоксары, 26 августа 2026 г.)

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Малышева*

Подписано к использованию 04.09.2026 г.
Объем 4,34 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 25,02.

ООО «Издательский дом «Среда»
Чебоксары, ул. Гражданская, д.75, оф.12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com